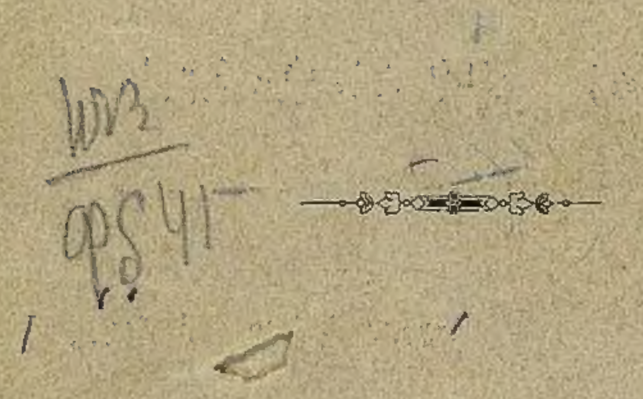
ВЛАСТЬ

МОСКОВСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ.

ЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ИДЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ДО КОНЦА XVI ВѢКА.

М. Дьяконова.



С.-ПЕТЕРБУ ГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, д. 39).
1889

Памяти отца

авторъ посвящаетъ свой трудъ.

Предлагаемые очерки посвящены вопросу о возникновеніи и развитіи идеи самодержавной власти московскихъ царей. Этотъ основной вопросъ исторіи русскаго государственнаго права едва-ли можетъ считаться окончательно выясненнымъ. Но въ настоящее время не можетъ подлежать спору то положеніе, что самая идея самодержавной власти позаимствована изъ Византіи. Детальное выясненіе этого положенія еще ждетъ своего изслѣдователя. Предстоитъ выяснить, когда, чрезъ посредство какихъ литературныхъ и юридическихъ памятниковъ русская публицистическая литература успѣла познакомиться съ византійскими государственными идеями и что изъ нихъ позаимствовала. Тогда только во всей ясности можно будетъ выяснить ходъ развитія національнаго русскаго политическаго самосознанія.

Такой работы не могъ принять на себя авторъ настоящихъ очерковъ: онъ не обладаетъ для этого спеціальной подготовкой византиниста. Но въ ожиданіи, пока такая тема найдетъ своего изслѣдователя, — а этого, вѣроятно, не долго придется ждать,—будетъ не лишнимъ, кажется, дать читателю возможность хотя нѣсколько оріентироваться въ вопросѣ такой существенной важности.

Подъемъ политическаго самосознанія, наблюдаемый съ половины XV вѣка послѣ Флорентійской уніи и паденія византійской имперіи, долженъ найти свое объясненіе въ исторіи церковныхъ и политическихъ отношеній древней Руси къ Византіи. Въ первой главѣ авторъ дѣлаетъ попытку представить компилятивный очеркъ этой исторіи на основаніи результатовъ, добытыхъ ученой критикой, заимствуя изъ нихъ лишь то, что казалось ему необходимымъ для дальнѣйшей исторіи во-

проса. Параллельно этому во второмъ очеркѣ представленъ сводъ главнѣйшихъ политическихъ ученій, какія проводились въ древнерусской письменности до половины XV вѣка. Авторъ полагалъ, что, до появленія обстоятельныхъ трудовъ въ этой сферѣ, такой очеркъ можетъ хотя отчасти уяснить, съ какимъ запасомъ политическихъ идей успѣла ознакомиться русская мысль въ указанное время. Первые два очерка, такимъ образомъ, имѣютъ цѣлью указать съ одной стороны, почему до паденія византійской имперіи въ исторіи русской мысли не замѣтно попытокъ къ проведенію какихъ-либо самостоятельныхъ политическихъ задачъ или къ выясненію національныхъ политическихъ цѣлей, а съ другой—объяснить быстроту въ развитіи политическаго самосознанія съ половины XV вѣка.

Возникновеніе и развитіе этого самосознанія уже отмѣчены русской ученой литературой. Роль автора поэтому и здѣсь ограничивалась преимущественно сводомъ добытыхъ результатовъ о московскихъ политическихъ фикціяхъ XVI вѣка и о теоріяхъ власти московскихъ государей. То немногое, что удалось автору прибавить къ выводамъ ученой критики, не измѣняетъ ихъ существеннаго содержанія.

Наконецъ, въ послѣднихъ двухъ главахъ указаны нѣкоторыя изъ примѣненій, сдѣланныхъ въ XV и XVI вѣкахъ изъ новыхъ политическихъ ученій московскимъ правительствомъ.

Не смотря на неполноту и отрывочность предлагаемыхъ очерковъ, авторъ надѣется, однако, что они будутъ не безполезны для занимающагося русской исторіей и, быть можетъ, вызовутъ дальнѣйшую разработку такого важнаго вопроса, какъ власть московскихъ государей.

Авторъ считаетъ своимъ долгомъ выразить сердечную признательность профессорамъ В. И. Сергѣевичу, К. Н. Бестужеву-Рюмину и В. Г. Васильевскому за многіе данные ими совѣты, указанія и поправки. Онъ также глубоко благодаренъ В. Г. Дружинину, С. Ѳ. Платонову и А. С. Лаппо-Данилевскому за товарищескую помощь и вниманіе, какія онъ постоянно встрѣчалъ съ ихъ стороны въ теченіе своихъ работъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Церковныя и политическія отношенія Византіи къ древней Руси.

Принятіе христіанства по обрядамъ греко-православной церкви поставило древнюю Русь въ тѣсныя культурныя отношенія къ Византіи и надолго подчинило первую вліянію византійской цивилизаціи.

Носителемъ и провозвѣстникомъ истинъ евангельскаго ученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новыхъ взглядовъ на общественныя отношенія, явилось духовенство. Пользуясь привилегированнымъ положеніемъ и благодаря широтѣ предоставленной ему компетенціи, духовенство не только содѣйствовало преобразованію частно-правового быта молодой націи согласно началамъ византійскаго права, но высшіе представители его—митрополиты и епископы—стали въ очень близкія отношенія къ княжеской власти, и ихъ руководительная роль нерѣдко переходила за предѣлы ввѣренныхъ ихъ попеченію сферъ жизни. Голосъ ихъ сталъ раздаваться на княжескихъ совѣтахъ или думахъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ государственной жизни, ихъ инициатива проникла и въ эту область.

Чтобъ оцѣнить значеніе политическаго вліянія духовенства съ этой стороны, необходимо имѣть въ виду, что вновь учрежденная русская митрополія поставлена была въ подчиненіе константинопольскому патріарху. По воззрѣніямъ грековъ, основаніемъ для такого подчиненія съ одной стороны служила практика, сложившаяся еще въ первые вѣка христіанства, въ силу которой церковь, получающая свое бытіе отъ другой, становилась подъ ея власть; русская же іерархія вела свое начало изъ Константинополя. Съ другой стороны византійскіе канонисты Зонара и Вальсамонъ толковали

28 правило Халкидонскаго собора [1]) въ томъ смыслѣ, что подчиненные константинопольскому патріарху діоцезы Понтійскій, Азійскій и Ѳракійскій включаютъ въ себѣ всѣ страны принявшихъ христіанство варварскихъ народовъ: иноплеменные россы отнесены были ими къ Ѳракійскому діоцезу [2]). Наконецъ, на укорененіе такихъ взглядовъ оказывало свое вліяніе и особенное почетное положеніе константинопольскаго патріарха, носившаго титулъ «вселенскаго» и занимавшаго каѳедру міровой столицы вблизи престола главы «христіанской міродержавной римской имперіи».

Византійскіе императоры, считая себя единственными представителями міровой имперіи и не признавая ни за кѣмъ, даже за римскими императорами, права на одинаковое съ ними положеніе, смотрѣли на всѣхъ христіанскихъ государей, какъ на стоящихъ ниже ихъ. Соотвѣтственно этимъ воззрѣніямъ представители христіанскихъ народовъ, принявшихъ христіанство изъ Византіи, оказались не только стоящими въ болѣе низкомъ, но даже зависимомъ положеніи отъ имперіи.

Интересы государства и церкви въ Византіи по отношенію къ этимъ народамъ заключались въ томъ, чтобы поддержать въ ихъ глазахъ авторитетъ міровой монархіи и вселенской церкви. Этотъ взглядъ отчасти находилъ свое оправданіе въ существовавшихъ у этихъ народовъ воззрѣніяхъ на положеніе и значеніе византійской имперіи, какъ представительницы истиннаго правовѣрія. Въ VII вѣкѣ епископы и князья Арменіи слѣдующимъ образомъ выражаютъ свою почтительность византійскому императору: «Всѣмъ хорошо извѣстно, что на васъ почиваетъ благодать божественныхъ даровъ, что доказывается обширностью и могуществомъ, которыми ваше государство, увѣнчанное божественною десницею, превосходитъ всѣ прочія государства. Его можетъ замѣнить развѣ только царствіе Христово. Первосвященство ваше свято, правдиво и исполнено божіей благодати» и проч. [3]). Подобныя воззрѣнія могли легко возникнуть вслѣдствіе того почтительнаго удивленія, какое возбуж-

---

[1]) Въ немъ, между прочимъ, сказано: «въ діоцезахъ Понтійскомъ, Азійскомъ и Ѳракійскомъ должны быть поставляемы святѣйшимъ престоломъ святѣйшей церкви константинопольской только митрополиты, а также отъ него же должны быть поставляемы и епископы варварскихъ областей въ указанныхъ выше діоцезахъ». По переводу *проф. Голубинскаго*, Ист. русск. церкви, т. I, ч. 1, стр. 226, прим. 2.

[2]) *Проф. Голубинскій*, тамъ же; *Т. Барсовъ*, Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковью, стр. 364—365, 443—445; *проф. Павловъ*, Теорія восточнаго папизма, Прав. Обозр. 1879 г., декабрь, стр. 754. x)

[3]) *Проф. Ламанскій*, Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV—XVII вв., Слав. Сборн., т. I, ч. 1, стр. 464, прим.

x) См. еще В. И. Григоровича. Какъ выражались отношенія Константинопольской церкви къ окрестнымъ народамъ и преимущественно къ Болгарамъ въ началѣ X столѣтія. Одесса. 1868.

дала у полуварварскихъ народовъ пышная и сильная своимъ культурнымъ превосходствомъ византійская имперія. Ея правительство съумѣло воспользоваться этими данными и открыто считало всѣ земли, куда проникло христіанство изъ Греціи, находящимися отъ него въ зависимости не только церковной, но и политической [1].

Такъ какъ русская церковь съ момента своего возникновенія стала въ подчиненное положеніе къ церкви константинопольской [2], то только на почвѣ этого подчиненія и могла возникнуть идея о политической зависимости древней Руси отъ византійской имперіи. Значеніе этой идеи прежде всего должно выясниться при разсмотрѣніи церковнаго подчиненія древней Руси. Для этой же цѣли не столько важна каноническая сторона вопроса, сколько существовавшая въ этомъ отношеніи практика и воззрѣнія константинопольскихъ церковныхъ властей [3].

Соотвѣтственно этимъ воззрѣніямъ идея о подчиненности русской церкви константинопольскому патріарху основывалась на представленіи, что константинопольскій патріархъ есть «общій отецъ, свыше отъ Бога поставленный для всѣхъ повсюду находящихся христіанъ» и «имѣющій на землѣ права Бога» [4]. Въ половинѣ XIV в. патріархъ Филоѳей писалъ русскимъ князьямъ, что они, какъ истинные сыны церкви, должны внимать митрополиту всея Руси и его внушеніямъ такъ, какъ обязаны внимать самому Богу. «Ибо, пишетъ патріархъ, такъ какъ Богъ поставилъ нашу мѣрность предстоятелемъ всѣхъ по всей вселенной находящихся христіанъ, попечителемъ и блюстителемъ ихъ душъ, то всѣ зависятъ отъ меня,

---

[1]) Тамъ же, стр. 457 и слѣд.; *проф. Голубинскій*, тамъ же, стр 138. Эти взгляды византійскихъ правительственныхъ сферъ занесены были и на Русь. Такъ въ подложной грамотѣ о Константиновомъ вѣнѣ папѣ Сильвестру завѣщается не нарушать привилегій церкви «всѣмъ иже по всей вселенной будущимъ православнымъ царемъ и княземъ и властелемъ... всѣмъ иже по всей вселеннѣй людямъ, нынѣ сущимъ въ сихъ лѣтахъ и потомъ во вся лѣта предыдущая, нашему царству подлежащимъ».. *Ѳ. Терновскій*, Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси, стр. 143. По редакціи этой грамоты въ Стоглавѣ соотвѣтственное мѣсто читается такъ: «по всей вселеннѣй, идѣже православніи князи и властели подъ нами обладаютъ нашего свобоженія». Стоглавъ, изд. Каз. Дух. Ак., стр. 271.

[2]) По мнѣнію проф. Голубинскаго, существуютъ данныя, хотя и не совсѣмъ ясныя и не совершенно твердыя, что русская церковь сначала получила автокефальность. Ист. русск. церкви. т. 1, ч. I, стр. 229—233.

[3]) Къ сожалѣнію, полная и цѣльная формулировка этихъ воззрѣній сохранилась отъ болѣе поздняго времени, именно отъ половины XIV в. Вопросъ о подчиненіи русской митрополіи константинопольскому патріарху разбирается въ книгѣ *Т. Барсова*, Констант. патріархъ и его власть надъ русскою церковью, главы VIII и XI.

[4]) Р. И. Б., VI, прил., стр. 100 и 108.

*

какъ общаго отца и учителя. И если бы мнѣ можно было самому лично обходить всѣ находящіеся на землѣ города и веси и проповѣдывать въ нихъ слово Божіе, то я неупустительно дѣлалъ бы это. Но поелику одному немощному и слабому человѣку невозможно обходить всю вселенную, то мѣрность наша избираетъ лучшихъ и отличающихся добродѣтелью лицъ, поставляетъ и руководитъ ихъ пастырями, учителями и архіереями и посылаетъ въ разныя части вселенной: одного туда, въ вашу великую и многолюдную страну; другого въ другую часть земли; повсюду особаго, такъ что каждый въ той странѣ и мѣстности, которая дана ему въ жребій, представляетъ лицо, каѳедру и всѣ права нашей мѣрности. Итакъ, заключаетъ патріархъ, поелику и вы имѣете тамъ вмѣсто меня преосвященнаго митрополита кіевскаго и всея Руси, ...то вы обязаны оказывать ему великую честь и благопокорность, каковую должны были бы воздавать мнѣ самому..., ибо онъ находится тамъ вмѣсто меня, имѣя наши права, такъ что оказываемое ему почтеніе, послушаніе и благопокореніе относится къ нашей мѣрности, а черезъ насъ переходитъ къ самому Богу» [1]). Эта теорія находила свое практическое выраженіе главнымъ образомъ въ избраніи и поставленіи константинопольскимъ патріархатомъ высшихъ представителей русской іерархіи, которые должны были или сами приходить въ резиденцію вселенскаго патріарха, или присылать отъ себя грамоты и людей, «донося и спрашивая, о чемъ нужно» [2]). Примѣнительно къ русской церкви эти порядки соблюдались до половины XV вѣка.

Для упроченія упомянутой зависимости константинопольскому патріарху было выгоднѣе имѣть своими представителями на ка-

---

[1]) Р. И. Б., VI, прил., стр. 110 и 112; ср. тамъ же, стр. 48. Вполнѣ соотвѣтственно этому воззрѣнію митр. Фотій въ окружномъ посланіи 1415—1416 г. писалъ, что какъ водный источникъ разливается по многимъ странамъ и все произрастаемое роститъ и плодитъ, «сице же и зборная апостольская церкви Костянтина-града, яко же отъ источника паче духовнаго и безсмертнаго повсюду текущи, такоже и кіевской и всея Руси митропольи, по изначальному чину и пошлинѣ, строитъ попеченіе и бреженіе и посылаетъ единаго митрополита... И тако должномъ сущимъ всѣмъ епископомъ, княземъ вельможамъ... послушати его». И далѣе: «Се убо зборная и апостольская церкви, отъ востокъ солнца даже до западъ, и отъ конецъ до конецъ вселенныя учитъ божественными и священными правилми, каковое покореніе должни суть имѣти епископи къ зборнѣй Христовой и апостольстѣй церкви». Тамъ же, № 39, стр. 326—327.

[2]) Въ настольной грамотѣ митр. Алексѣя сказано, что «онъ необходимо долженъ, какъ повелѣваютъ божественные и священные каноны, приходить сюда въ силу своей зависимости отъ святой Божіей вселенской и апостольской церкви». Тамъ же, прилож., стр. 50.

ѳедрѣ митрополіи всея Руси лицъ греческой національности, такъ какъ таковыя должны были гораздо больше тяготѣть къ Византіи и сильнѣе ощущать свою исключительную зависимость отъ Константинополя, а потому были болѣе склонны поддерживать интересы константинопольской церкви и имперіи, хотя бы въ ущербъ интересамъ той страны, попеченіе о духовномъ просвѣщеніи которой имъ было ввѣрено.

Поставленіе грековъ на русскую митрополію было явленіемъ совершенно естественнымъ въ первое время послѣ крещенія Руси. Весьма вѣроятно, что въ то время и большинство епископовъ были также греки, такъ какъ среди русскихъ едва-ли могло найтись необходимое число лицъ, достойныхъ занять епископскія каѳедры. И только послѣ учрежденія монастырей могли явиться достаточно образованные монахи для замѣщенія епископскихъ должностей. Но и долго спустя, въ числѣ русскихъ епископовъ встрѣчаются греки изъ числа выѣхавшихъ при митрополитѣ чиновниковъ [1]). Митрополиты же греки были преобладающимъ явленіемъ въ теченіе всего времени, пока поставленіе на митрополію всея Руси происходило въ Константинополѣ. До монгольскаго ига изъ 21 митрополита только двое были несомнѣнно русскіе [2]), и тѣ были поставлены соборомъ русскихъ епископовъ. Послѣ монгольскаго ига митрополитами всея Руси были четверо русскихъ, поставленные въ Константинополѣ. Но съ какой неохотой соглашались тамъ на подобныя отклоненія отъ установившагося обычая, можно видѣть изъ настольной грамоты митр. Алексѣя, гдѣ прямо сказано, что онъ поставляется въ митрополиты только потому, что былъ рекомендованъ бывшимъ митрополитомъ грекомъ Ѳеогностомъ, какъ мужъ достойный и способный; что на годичномъ испытаніи въ Константинополѣ удостовѣрились въ доброй и похвальной славѣ его имени; что, наконецъ, объ немъ вел. князь московскій писалъ высочайшему и святому самодержцу. Въ виду всего этого «мы, говорится въ грамотѣ, хотя это совершенно необычно и не вполнѣ безопасно для церкви, согласились на это только относительно одного киръ Алексѣя, но отнюдь не допускаемъ и не дозволяемъ на будущее время никому изъ русскихъ уроженцевъ сдѣлаться тамошнимъ архіереемъ: это предоставляется кому-либо изъ клириковъ сего богопрославленнаго, Богомъ возвеличеннаго и благоденствующаго Константинополя, отличному по до-

---

[1]) *Проф. Голубинскій*, Ист. русск. церкви, т. I, ч. 1, стр. 299—301.

[2]) Національность четырехъ не констатирована. *Проф. Голубинскій*, назв. соч., стр. 246—253.

бродѣтели и добрымъ качествамъ». Въ грамотѣ предлагается исполнять это и будущимъ патріархамъ, какъ дѣло весьма прекрасное и весьма благопріятное для домостроительства церкви Божіей. Почему добродѣтельный константинопольскій клирикъ былъ пригоднѣе для этой цѣли, чѣмъ добродѣтельный русскій, на это въ грамотѣ находится только косвенное указаніе. Первый можетъ, сказано тамъ, разрѣшать каноническіе вопросы и водить народъ на спасительныя пажити, «довольствуясь самъ собой и не нуждаясь ни въ чьей посторонней помощи»[1]). Сами константинопольскіе патріархи по политическимъ соображеніямъ иногда отступали отъ только что указанной программы. Патріархъ Нифонтъ, отвѣчая великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому по поводу жалобъ на митр. Петра, пишетъ: «егда придеть митрополитъ, или исправиться тотъ или другого поставимъ, к о г о в ъ с х о ч е т ъ б о г о л ю б с т в о твое, мужа послушествована добрыми дѣлы отъ всѣхъ людей»[2]). Патріархъ Нилъ, посвящая въ митрополиты Пимена, далъ обѣщаніе, что «послѣ него во всѣ времена архіереи всея Руси будутъ поставляемы не иначе, какъ только по просьбѣ изъ Великой Россіи»[3]). Но это были лишь исключительные случаи уклоненія отъ намѣченной политики. Поставленіе же русскихъ и литовскихъ кандидатовъ въ митрополиты имѣло мѣсто или въ виду опасенія утратить власть надъ какой-либо частью русской митрополіи, или въ виду богатыхъ денежныхъ подарковъ[4]). Византійскій писатель XIV в. Никифоръ Григора въ 37-й книгѣ своей римской исторіи разсказываетъ, что когда Русь присоединилась къ христіанству и была крещена по христіанскому обряду, то разъ навсегда было установлено, что она будетъ подчиняться власти одного духовнаго главы, который по соотвѣтственно распредѣленнымъ округамъ раздѣлитъ на отдѣльныя епископства, большія и малыя, свою церковную область, обнимающую весь народъ; что этотъ верховный глава будетъ подчиненъ константинопольскому архіепископскому престолу и будетъ получать оттуда правила, которымъ обязанъ подчинять свою духовную власть; что п о о ч е р е д и б у д у т ъ и з б и р а т ь э т о г о п р е д с т а в и т е л я д у х о в н о й в л а с т и и з ъ с р е д ы р у с с к о й н а ц і о н а л ь н о с т и

[1]) Р. И. Б., VI, прил., стр. 46.
[2]) Р. И. Б., VI, № 16, I.
[3]) Тамъ же, прилож., стр. 184. Впрочемъ, здѣсь имѣлось главнымъ образомъ въ виду избѣжать коллизіи между Литвой и Москвой для поддержанія церковнаго единства. Соотвѣтственно этому вел. князь Василій Васильевичъ писалъ польскому королю Казиміру, что «взысканіе митропольское нашихъ прародителей великихъ князей русскихъ и наше и до сихъ мѣстъ, а не великихъ князей литовскихъ». Тамъ же, № 100.
[4]) См. ниже, глава VI.

и соотечественниковъ автора—ромеевъ по рожденію и воспитанію, которые будутъ наблюдать за тѣмъ, чтобы изъ двухъ случаевъ въ одномъ къ нимъ переходила власть послѣ смерти представителя духовной власти, такъ что утвержденный и санкціонированный этимъ распоряженіемъ союзъ двухъ народовъ, будучи основанъ на почвѣ чистосердечія, ненарушимаго доброжелательства и единства вѣры, упрочивался и проч. [1]). Если такое распоряженіе не является только однимъ изъ позднѣйшихъ проектовъ установить modus vivendi между двумя церквами, а было издано въ дѣйствительности, то значитъ оно на первыхъ же порахъ было нарушено со стороны ромеевъ. Съ митр. Кирилла II дѣйствительно наблюдается поочередная смѣна національностей на каѳедрѣ русской митрополіи. Но со смертью митр. Алексѣя эта очередь исчезаетъ. Послѣдніе поставленные въ Константинополѣ митрополиты всея Руси—Кипріанъ, Фотій и Исидоръ—не принадлежали къ русской національности и не были кандидатами московскаго правительства; послѣдній же былъ поставленъ даже вопреки желанію великаго князя, который отправилъ тогда для поставленія въ митрополиты архіепископа Іону.

Проведеніе идеи зависимости русской церкви отъ константинопольской чрезъ посредство избранныхъ въ Константинополѣ ставленниковъ было удобнѣе при сохраненіи единства русской митрополіи. Поэтому, надо думать, отклонено было ходатайство Андрея Боголюбскаго объ учрежденіи особой митрополіи во Владимірѣ. Поэтому-же въ XIV в., когда явилась опасность раздѣленія митрополіи, въ Константинополѣ вспомнили выгоды единства. Въ соборномъ опредѣленіи 1389 г. выражена мысль, что изначальный порядокъ управленія русской церкви однимъ митрополитомъ возникъ «не просто и не случайно»; «но такъ какъ великая русская земля раздѣлена на многія и различныя мірскія княжества и на столько гражданскихъ областей, что имѣетъ многихъ князей, которые не менѣе раздѣлены по своимъ стремленіямъ, какъ по дѣламъ и мѣстамъ, такъ что многіе возстаютъ и нападаютъ другъ на друга и поощряются къ раздорамъ, войнамъ и къ избіенію своихъ единоплеменниковъ, то божественные оные отцы, принимая во вниманіе, что не на добро и не на пользу имъ будетъ, если и церковная область распадется на многія части; что, напротивъ, единый для всѣхъ митрополитъ будетъ какъ бы связью, соединяющею ихъ съ нимъ

---

[1]) Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque nationale. T. XVII, 2 partie, Paris 1851, p. 68 et 280—281, notice 261.

и между собою, установили тамъ одну власть духовную, за невозможностью привести къ единству власть мірскую. Прекрасно разсудили они, что подчиненные одному (духовному) предстоятелю и вождю, находились-бы въ мирѣ между собою: ибо всѣ почитали-бы одну главу, поставленную по обряду истинно и перво-единой главы Христа»[1]). Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы въ Константинополѣ были заинтересованы приведеніемъ къ единству власти мірской: политическое объединеніе Руси не входило въ планы константинопольскаго правительства. Но по нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что тамъ были озабочены вопросомъ о зависимости мірскихъ князей отъ представителя духовной власти или по крайней мѣрѣ о наибольшемъ вліяніи послѣдняго на первыхъ.

Въ 1160 г. патріархъ Лука Хрисовергъ, по поводу оправданія епископа Нестора, преподаетъ Андрею Боголюбскому правила о подчиненіи представителю церкви. Патріархъ убѣждаетъ князя не противиться суду всѣхъ святителей, если онъ хочетъ имѣть часть со Христомъ Богомъ; предупреждаетъ князя, что если онъ не будетъ относиться къ епископу, «яко же подобаетъ», не будетъ повиноваться его поученіямъ и даже учинитъ гоненіе на «сего Богомъ даннаго святителя и учителя, повинуяся инѣмъ чресъ законъ поученіемъ», то, говорится въ посланіи, «вѣдомо ти буди, аще всего міра исполниши церкви,... гониши же епископа, главу церковную и людскую, то не церкви, то хлѣви, ни единыя же ти будетъ мзды и спасенія». Посланіе заключается слѣдующей общей мыслью объ отношеніи князя къ епископу: «вопрошай главу свою, еже есть епископа твоего, да еще что глаголетъ сице твори. Никто-же бо отъ всѣхъ человѣкъ: ли святитель, ли презвитеръ, или мнихъ, или аггелъ, ниже бо аггелъ съ небеси имѣетъ такову власть вязати и рѣшати, развѣ единъ боголюбивый епископъ твой, его-же положилъ Господь Богъ главу всей земли твоей и тебѣ, да иже чествуеши епископа, чествуеши Христа, образъ бо Христовъ иматъ и на Христовѣ сѣдалищи сѣдитъ»[2]). Въ настольныхъ грамотахъ и соборныхъ опредѣленіяхъ о поставленныхъ въ Русь митрополитахъ преподаются правила о благопокореніи и послушаніи митрополиту.

---

[1]) Р. И. Б., VI, прилож., стр. 194 и 196. Въ 1347 г. императоръ Іоаннъ Кантакузинъ писалъ Волынскому князю Дмитрію Любарту: «съ того времени, какъ русскій народъ получилъ богопознаніе и просвѣщенъ святымъ крещеніемъ, установлено тамъ обычаемъ и закономъ, чтобы во всей Руси—Великой и Малой—находился одинъ митрополитъ Кіевскій»... Тамъ же, стр. 30.

[2]) П. С. Л. т. IX, 222—229; *Макарій*, Ист. церкви, III, прил. 2-ое; Р. И. Б., VI, № 3.

Такъ въ грамотѣ 1354 г. о поставленіи митр. Алексѣя сказано, что благороднѣйшій великій князь и прочіе благородные князья, весь клиръ и весь христоименитый народъ обязаны оказывать ему «всяческое благопокореніе и честь во всемъ, что онъ будетъ говорить и внушать имъ на пользу ихъ душамъ и къ утвержденію благочестивыхъ и православныхъ догматовъ церкви Божіей; ибо оказываемое ему уваженіе, почтеніе и послушаніе относится къ самому Богу» [1]. Почти буквально то-же сказано въ соборномъ опредѣленіи 1380 г, о поставленіи Пимена: «всѣ-же обязаны—епископы, князья, бояре, священствующіе, монахи и вся полнота христоименитаго народа—оказывать ему подобающее уваженіе, повиновеніе и послушаніе, какъ своему отцу и наставнику духовному. Пусть всѣ знаютъ, что оказываемыя ему честь, повиновеніе и послушаніе относятся къ нашей мѣрности, а чрезъ насъ къ Богу. А кто станетъ противиться ему, тотъ подвергнется отъ нашей мѣрности заслуженному каноническому наказанію» [2]. Можно было-бы думать, что всѣ эти предписанія о повиновеніи и послушаніи митрополиту слѣдуетъ относить исключительно къ сферѣ церковнаго управленія. Но даже и въ этомъ смыслѣ, въ виду тѣсной связи интересовъ церкви и государства въ древней Руси, эти правила должны были имѣть очень важное фактическое значеніе и въ исторіи государства. Въ дѣйствительности же они понимались гораздо шире. Извѣстно, что митрополитъ Алексѣй требовалъ повиновенія отъ русскихъ князей въ дѣлахъ, имѣющихъ весьма отдаленное отношеніе къ сферѣ церковнаго управленія, и за ослушаніе предавалъ ихъ отлученію и жаловался на нихъ Константинопольскому патріарху. Патріархъ подтвердилъ князьямъ правила о послушаніи митрополиту, санкціонировалъ наложенное на нихъ наказаніе и обязывалъ ихъ испросить у митрополита прощеніе. Извѣстно также, что онъ выразилъ великому князю полное одобреніе за то, что онъ оказываетъ митрополиту всякое послушаніе и благопокореніе [3]. Съ другой стороны, по канонической догмѣ митрополитъ стоялъ внѣ всякой зависимости отъ великаго князя. Митр. Кипріанъ, жалуясь на великаго князя за причиненные ему позоры и обиды, указываетъ, что все это учинено надъ нимъ безъ всякой съ его стороны вины, но къ

[1]) Р. И. Б., VI, прил., стр. 48.

[2]) Тамъ-же, прилож., стр. 182 и слѣд. Еще подробнѣе преподается это правило въ настольной грамотѣ митр. Фотію 1393 г. (хотя эта дата возбуждаетъ сомнѣнія въ подлинности грамоты; см. *Макарія*, IV, прил. XIV), А. И. т. I, № 254. Эта-же мысли повторялъ и митр. Фотій. См. выше стр. 4, примѣч. 1.

[3]) Р. И. Б., VI, прилож. №№ 16, 18 и 20. См. ниже, гл. VI.

этому добавляетъ: «И аще-ли бы вина моя дошла которая, ни годится князем казнити святителевъ: есть у мене патріархъ, бо́лшій надъ нами, есть великій сборъ; и онъ бы тамо послалъ вины моя, и они бы съ исправою мене казнили» [1]). Итакъ, съ одной стороны князья обязываются быть послушными митрополитамъ, а съ другой—митрополиты подчиняются только патріарху и собору. Такая тенденція придать духовному авторитету преобладающее значеніе послужила, быть можетъ, отчасти поводомъ, отчасти подкрѣпленіемъ аналогичной постановки вопроса объ отношеніи авторитетовъ духовнаго и свѣтскаго въ древней русской письменности.

Но кромѣ того эта тенденція имѣла еще другое очень важное практическое значеніе: она служила главнѣйшимъ основаніемъ для проведенія идеи о зависимости русскихъ княженій отъ византійскихъ императоровъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, а именно въ церковномъ управленіи, эта зависимость представляется совершенно конкретной. Не смотря на стремленіе представителей византійской церковной іерархіи обособить дѣла церковнаго управленія и на теоретическія попытки нѣкоторыхъ императоровъ провести грань между компетенціями свѣтскаго и духовнаго авторитетовъ, императоръ въ качествѣ помазанника Божія и верховнаго покровителя вселенской церкви, явился главой и въ сферѣ церковнаго управленія, чему немало содѣйствовало зависимое положеніе «вселенскаго» патріарха отъ императора [2]). По праву такого главы онъ оказываетъ вліяніе на дѣла русской церкви, какъ одной изъ митрополій константинопольскаго патріарха. Патріархи же всѣми способами стремятся поддержать церковный авторитетъ императора въ глазахъ русскихъ [3]).

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить участіе императора въ дѣлахъ о поставленіи митрополитовъ всея Руси. Послѣднее происходило не иначе, какъ съ его согласія и соизволенія. Патріархъ свидѣтельствуетъ, что митр. Алексѣй поставленъ въ митрополиты его мѣрностью и освященнымъ соборомъ «по соизволенію и согласію высочайшаго и святаго моего самодержца» [4]). Тоже свидѣтельствуютъ патріархи Нилъ и Антоній о поставленіи митрополитовъ

---

[1]) Р. И. Б., VI, стр. 184.
[2]) Le Quien, Oriens christ., стр. 137.
[3]) *Проф. Павловъ*, Теорія восточнаго папизма, Прав.-Обозр., дек., стр. 756—757; *Т. Барсовъ*, тамъ же, стр., 447—448.
[4]) Р. И. Б., VI, прил., стр. 48; то же повторено имъ и въ другихъ грамотахъ, ib, стр. 54 и 68.

Пимена и Фотія [1]). Такое право византійскихъ императоровъ признавалось и русскими князьями, вслѣдствіе чего они обращаются съ просьбами о поставленіи въ митрополиты къ императору и патріарху. Въ 1352 г. великій князь Семенъ Ивановичъ ходатайствуетъ передъ патріархомъ и императоромъ о поставленіи Алексѣя; о томъ же писалъ императору и вел. князь Иванъ Ивановичъ [2]). Въ началѣ XV в. Витовтъ просилъ царя и патріарха о поставленіи особаго митрополита для Литвы; но императоръ Мануилъ, по свидѣтельству Витовта, не послушалъ его праведнаго прошенія [3]). По свидѣтельству митр. Фотія, великій князь Василій Дмитріевичъ послѣ смерти Кипріяна писалъ въ Константинополь, «яко да его-же по Божію хотѣнію изберутъ и пришлютъ, той есть намъ и святой святитель кіевскій и всея Руси» [4]). По смерти Фотія великій князь Василій Васильевичъ отправилъ посольство къ святому царю и святѣйшему патріарху съ прошеніемъ и грамотами о поставленіи на митрополію епископа Іоны; впослѣдствіи онъ жаловался, что по неизвѣстнымъ причинамъ прошеніе его не было принято [5]).

Но этимъ не ограничивалась компетенція императора въ дѣлахъ русской церкви: его вѣдомству подлежалъ также вопросъ о предѣлахъ митрополіи и о ея единствѣ [6]).

Великій князь Семенъ вмѣстѣ съ другими русскими князьями проситъ императора Іоанна Кантакузина о присоединеніи къ русской митрополіи отдѣлившейся отъ нея митрополіи Галицкой, и императоръ издаетъ хрисовулъ, въ которомъ сказано: «наше царское величество изволяетъ, постановляетъ и опредѣляетъ, чтобы святѣйшія епископіи, находящіяся въ Малой Россіи... снова были подчинены святѣйшей митрополіи Кіевской [7]). Императоръ-же, предсѣдательствовавшій на соборѣ, созванномъ для разрѣшенія пререканій между митрополитами Алексѣемъ и Романомъ, «по снисхо-

---

[1]) Первый пишетъ, что Пименъ поставленъ по суду священнаго собора «и по благоизволенію и согласію высочайшаго и святаго моего самодержца» ib, стр. 182; второй—что «наше смиреніе съ Божіею волею и благоволеніемъ и поспѣшеніемъ святаго боговѣнчаннаго царя» избрали и поставили Фотія. А. И., т. I, № 254. Самъ митр. Фотій въ своей душевной грамотѣ пишетъ, что онъ былъ поставленъ «хотѣніемъ и потщаніемъ святого царя по дѣйству святого священнаго вселенскаго собора, отъ соборныя великія церкви и отъ святѣйшаго великаго патріарха». П. С. Л., VI, 145.

[2]) П. С. Л., X., 226 и слѣд.; Р. И. Б., VI, прил., стр. 44 и 46.

[3]) А. З. Р., I, № 24; Р. И. Б., VI, № 38.

[4]) Р. И. Б., VI, стр. 329—330.

[5]) А. И., т. I, № 39; Р. И. Б., VI, № 62; П. С. Л., IX, 162—167.

[6]) По этому поводу см. Новеллу Алексѣя Комнина, Le Quien, Oriens christ., стр. 141.

[7]) Р. И. Б., VI, прил., № 3; ср. тамъ-же, стр. 28 и 32.

жденію и ради спокойствія и мира тамошней земли опредѣлилъ (о Романѣ), чтобы онъ, вмѣстѣ съ двумя литовскими епископіями съ присоединеніемъ Новогродка, митрополичьей каѳедры, имѣли еще епископіи Малой Руси». Патріархъ Каллистъ по этому поводу пишетъ, что все указанное «по рѣшенію и приговору нашей мѣрности, а равно... священнаго собора, должно имѣть силу и твердость, согласно съ распоряженіемъ и опредѣленіемъ высочайшаго и святаго моего самодержца». [1]) Когда въ 1389 г. соборнымъ опредѣленіемъ было признано единство русской митрополіи и постановлено, чтобы такой порядокъ соблюдался и впредь во всѣ вѣки, то императоръ подтвердилъ это особымъ хрисовуломъ [2]). Императору принадлежитъ и право участія въ судѣ надъ іерархами русской церкви. Такъ въ 1347 г. по приказу царскаго величества и соборному рѣшенію вызывался на судъ галицкій митрополитъ. [3]) Для разслѣдованія дѣйствій митр. Романа императоръ назначаетъ апокрисіаріевъ, которые о результатахъ слѣдствія должны были сообщить императору, патріарху и собору для постановленія приговора. [4]) Во время церковной смуты по смерти митр. Алексѣя, вслѣдствіе предъявленныхъ противъ Пимена обвиненій, соборъ съ согласія патріарха и съ с о и з в о л е н і я и м п е р а т о р а постановилъ для разслѣдованія дѣла послать двухъ архіереевъ и сановниковъ: одного изъ церковныхъ, другого ц а р с к а г о [5]).

Въ соборномъ опредѣленіи 1389 г. компетенція императора по дѣламъ русской церкви опредѣлена слѣдующимъ общимъ образомъ: «высочайшій и святой самодержецъ, поборникъ и предстатель церкви, отмститель и защитникъ ея правъ, приложилъ все стараніе къ тому, чтобы исправить русскую церковь, возстановить въ ней древній порядокъ и устройство и уничтожить недавно возникшіе соблазны, дѣйствуя въ этомъ отношеніи достойно своему сану, великому разуму и царской мудрости, выражая заботу о томъ на-

---

[1]) Р. И. Б., VI, прил., стр. 74 и 76.

[2]) Тамъ-же, прил., стр. 226. Когда митр. Кипріанъ ходатайствовалъ о присоединеніи городовъ Н. Новгорода и Городца къ собственной епархіи, то посланные отъ императора и патріарха уполномоченные должны были разслѣдовать дѣло и отдать города или митрополиту, или суздальскому епископу, какъ будетъ надлежать по имѣющимся грамотамъ императора. Если-же митрополитъ пожелаетъ присоединить эти города къ митрополіи, то долженъ обратиться къ императору о хрисовулѣ и къ патріарху о сигилліи. *Т. Барсовъ*, тамъ-же, стр. 528—533.

[3]) Въ грамотѣ митрополиту Ѳеогносту императоръ пишетъ: «а относительно галицкаго (митрополита) мое царское величество опредѣлило, чтобы онъ прибылъ сюда на судъ по взводимымъ на него обвиненіямъ». Р. И. Б. VI, прилож., стр. 24; ср. еще стр. 32.

[4]) Тамъ же, прилож., стр. 82 и 84.

[5]) Тамъ-же, прилож., стр. 212; ср. еще стр. 254.

родѣ словами, дѣлами и всѣми возможными способами, и ставя на второй планъ всѣ свои дѣла, лишь-бы въ той церкви все благоустроилось». [1])

Предписанія императоровъ и постановленія соборовъ, касающіяся русской церкви, приводятся въ исполненіе большею частью распоряженіями патріарха. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами императоры сносятся съ князьями. Въ этихъ случаяхъ тонъ ихъ грамотъ носитъ скорѣе характеръ убѣжденія, чѣмъ приказа. Такъ въ 1347 г. императоръ Іоаннъ Кантакузинъ сообщаетъ владиміро-волынскому князю Дмитрію Любарту о присоединеніи вновь къ митрополіи кіевской епископій уничтоженной галицкой митрополіи. Онъ убѣждаетъ князя подчиниться этому постановленію въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «И если вы по своему христіанству и благочестію предъ Богомъ являетесь благопослушными и благопокорными церкви Божіей и, вслѣдствіе того, приняли прежнія церковныя грамоты, которыми галицкій епископъ возведенъ въ митрополиты, то и теперь, когда та-же святая Божія церковь и мое царское величество опредѣляетъ, чтобы дѣло опять пришло въ прежнее состояніе, примите это (опредѣленіе) съ удовольствіемъ, какъ благопотребное и клонящееся къ вашей душевной пользѣ. Сего ради да будетъ такъ, какъ объявляетъ вамъ мое царское величество» [2]). Около 1416 г., когда по жалобѣ митр. Фотія избранный въ митрополиты на Литву Григорій Цамвлакъ приговоромъ собора былъ низверженъ, отлученъ и проклятъ, императоръ и патріархъ писали къ великому князю Витовту «о исправленіи вещи сіа». [3])

Указанная форма убѣжденія въ сношеніяхъ съ русскими князьями по дѣламъ церкви заставляетъ усомниться въ возможности существованія какой-либо политической зависимости древней Руси отъ византійской имперіи. Въ дѣйствительности подобной зависимости и не существовало или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не установлено ни одного безспорнаго факта въ подтвержденіе такого предположенія; но идея объ ней возникла у грековъ довольно рано, продержалась довольно долго и получила нѣкоторое отраженіе даже въ оффиціальныхъ сферахъ древней Руси.

Выше было указано, что въ Византіи считали всѣ земли, куда проникло христіанство изъ Греціи, находящимися отъ нея въ за-

---

[1]) Тамъ же, прилож., стр. 222.
[2]) Тамъ-же, стр. 34.
[3]) Грамота императора неизвѣстна; но о ней сообщаетъ въ своемъ посланіи патріархъ. Р. И. Б., VI, № 40.

висимости не только церковной, но и политической. Древняя Русь не избѣгла общей участи. Едва только таврическіе руссы успѣли въ началѣ IX вѣка принять крещеніе, какъ патріархъ Фотій въ окружномъ посланіи оповѣщаетъ, что «такъ называемые Руссы, которые, поработивъ находящихся кругомъ себя и отсюда помысливъ о себѣ высокое, подняли руки и противъ римской державы, — въ настоящее время промѣняли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую, съ любовію поставивъ себя въ чинѣ подданныхъ (ἐν ὑπηκόων τάξει) и друзей (нашихъ), вмѣсто грабленія насъ и великой противъ насъ дерзости, которую имѣли незадолго. И до такой степени разгорѣлись въ нихъ желаніе и ревность вѣры, что приняли епископа и пастыря» [1]. Отъ половины XII вѣка существуетъ свидѣтельство византійскаго историка Киннама, что императоръ Мануилъ смотрѣлъ на галицкаго князя Владимірка, какъ на своего подчиненнаго союзника или вассала [2]. Неизвѣстно, когда получилъ русскій князь соотвѣтственный титулъ при дворѣ византійскаго императора. Писатель XIV вѣка Никифоръ Григора, разсказывая о величіи римской имперіи, передаетъ слѣдующее старинное преданіе: «когда всѣ царства въ мірѣ соединились подъ властью римлянъ, ...тогда стекались въ державный Римъ отовсюду многое множество людей; сюда являлись предводители войскъ, сатрапы властители народовъ, правители областей и городовъ, одни чтобъ сдѣлаться извѣстными кесарямъ и августамъ, другіе чтобъ получить себѣ отъ кесарскаго сената какой-нибудь чинъ или мѣсто... Такъ при Великомъ Константинѣ правитель россійскій (ὁ δὲ ῥωσικὸς) получилъ титулъ и санъ стольника» и проч. [3]. Это сообщеніе подтверждается указаніемъ другаго писателя того-же

---

[1] По переводу *проф. Голубинскаго*, Ист. церкви, I, 32. Греческій подлинникъ у *Розенкампфа*, Обозрѣніе кормчей, изд. 2, 234; тамъ-же это мѣсто по переводу Степенной книги и Языкова. Любопытно, что авторъ Степенной книги, отнеся это посланіе Фотія ко времени крещенія Руси при Владимірѣ, неосторожно «русскихъ самодержателей» ставитъ въ чинъ «послушникъ и пріятелей» Степ. кн., I, 81—82.

[2] Этотъ подчиненный союзникъ боролся противъ Изяслава кіевскаго, который хотѣлъ высвободиться даже изъ-подъ церковнаго подчиненія константинопольскому патріарху, какъ это обнаружилось въ дѣлѣ поставленія митрополитомъ Климента. За враждебныя дѣйствія Венгріи противъ галицкаго князя императоръ объявилъ ей войну, выставивъ въ числѣ мотивовъ обиды, причиненныя византійскому вассалу. *Проф. Васильевскій*, Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ, Слав. Сб., т. II, стр. 235 и прим. 42, и еще стр. 248—249, прим. 82.

[3] *Никиф. Григоры*, Римская Исторія, русск. пер. 1862 г., стр. 230—231.

вѣка, Максима Планудиса, который говоритъ, что «изъ порабощенныхъ римлянами народовъ и ихъ правителей Августъ отличалъ различными почестями нѣкоторыхъ изъ нихъ, показывая этимъ самымъ, что они вполнѣ подчинены ему, а онъ оказываетъ имъ приличествующія почести; такъ правителя Руссовъ онъ почтилъ должностью стольника. Такъ что когда къ царю Андронику Палеогу пришелъ какой-то посолъ отъ Руссовъ, то онъ принесъ привѣтствіе въ такихъ выраженіяхъ, что, молъ, повелитель мой, царь Руссовъ, а твоего священнаго величества стольникъ, униженно преклоняется предъ твоимъ священнымъ величествомъ» [1]. Судя по этому указанію, великій князь всея Руси носилъ еще въ XIV вѣкѣ званіе стольника византійскаго императора. Изъ другаго источника узнаемъ, что императоры продолжали включать въ свой титулъ, въ половинѣ XIV вѣка, званіе царей русскихъ. По крайней мѣрѣ египетскій султанъ въ своемъ письмѣ около этого времени такъ титулуетъ императора: «rex Graecorum, rex Bulgarorum, Asaniorum, Blachorum, *Rhossorum* et Alanorum.» Вѣроятно, онъ употребилъ титулъ, какимъ именовалъ себя самъ императоръ [2]. Всѣ эти данныя согласно подтверждаютъ, что идея о политической подчиненности древней Руси византійскому императору получила среди грековъ широкое распространеніе и удерживалась еще въ XIV вѣкѣ.

Такое воззрѣніе нашло себѣ отраженіе и на католическомъ западѣ. Въ половинѣ XII вѣка германскій король Конрадъ III жаловался своему союзнику императору Іоанну Комнину на русскихъ за серьезную обиду, нанесенную германскимъ подданнымъ. Конрадъ III требовалъ, «чтобы его византійскій союзникъ, какъ подобаетъ другу и свойственнику и какъ уже обѣщалъ сдѣлать въ своей грамотѣ, наказалъ русскихъ, которые оказали неуваженіе къ власти германскаго государя и убили его людей, отнявши у нихъ деньги». Императоръ отвѣчалъ на это, что, «относительно дѣла, совершившагося въ Россіи, онъ поступилъ такъ, какъ отъ него ожидали и какъ это соотвѣтствовало его достоинству». Что сдѣлалъ и сдѣлалъ-ли что-нибудь по этому дѣлу Іоаннъ Комнинъ—неизвѣстно. Его преемнику Конрадъ III еще разъ писалъ о русскихъ, о которыхъ онъ писалъ и блаженной памяти отцу Мануила, извѣщая, что онъ поручилъ своимъ посламъ передать императору свою волю объ этомъ дѣлѣ. Если нѣмецкій госу-

---

[1] Р. И. Б., VI, прилож., прим. на стр. 274.

[2] *Stritter*, Memor. pop., II, 1027; цитовано по *Голубинскому*, Ист. Церкви, I, 139, прим.

дарь жалуется византійскому императору на русскихъ, надѣясь получить удовлетвореніе, то отсюда явствуетъ, что онъ признавалъ за императоромъ верховныя права надъ Русью [1]).

Но условія, при которыхъ могла бы найти отраженіе эта идея на русской почвѣ, были не вполнѣ благопріятны для грековъ. Съ начала возникновенія международныхъ общеній Руси съ Византіей грекамъ не одинъ разъ пришлось убѣдиться въ томъ, какой серьезной опасности они могутъ ждать отъ этихъ предпріимчивыхъ варваровъ. Византійское правительство не разъ пыталось привлечь на свою сторону военныя силы Руси и включало въ мирные договоры условіе объ оказаніи русскими помощи противъ враговъ имперіи [2]). Необходимость повторять эти условія указываетъ, въ какой мѣрѣ они исполнялись. При Владимірѣ Слятославичѣ Русь опять воюетъ съ имперіей. По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству арабскихъ писателей, незадолго до принятія русскими христіанства, бѣдственное положеніе государства при императорѣ Василіи вынудило его просить помощи «у царя русовъ—а они его враги» [3]). Кіевскій князь согласился исполнить просьбу императора, но подъ условіемъ, чтобы императоръ выдалъ за него свою сестру. «И заключили они между собою договоръ о свойствѣ и женился (женитьбѣ) царь русовъ на сестрѣ царя Василія послѣ того, какъ онъ поставилъ ему условіе, чтобы онъ крестился и весь народъ его странъ, а они народъ великій ... И послалъ къ нему царь Василій впослѣдствіи митрополитовъ и епископовъ и они крестили царя и всѣхъ кого обнимали его земли, и отправилъ къ нему сестру свою и она построила многія церкви въ странѣ русовъ. И когда было рѣшено между ними дѣло о бракѣ, прибыли войска русовъ также и соединились съ войсками грековъ» и т. д [4]). Изъ другихъ источниковъ извѣстно,

---

[1]) *Проф. Васильевскій*, Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ, Ж. М. Н. Пр. 1888 г., іюль, стр. 238—240.

[2]) Въ договорѣ 945 г. сказано; «Аще-ли хотѣти начнеть наше царство отъ васъ вои на противящаяся намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послеть къ намъ елико же хощемъ.» Лѣт. по Лавр. сп., 51. По договору 971 г. Святославъ обязался: «аще инъ кто помыслить на страну вашю, да и азъ буду противенъ ему и борюся съ нимъ.» Тамъ-же, 71.

[3]) Извѣстія Ахъи Антіохійскаго и Ал-Мекина. Есть указанія, что въ 985 и 986 гг. Русь въ союзѣ съ Болгаріей воевала противъ Византіи, которой было нанесено пораженіе при Сардикѣ-Срѣдцѣ. Объ этомъ въ статьѣ *проф. Успенскаго*, Ж. М. Н. Пр. 1884 г., апр., стр. 293—294. Съ этимъ временемъ совпадаетъ извѣстіе лѣтописи о прибытіи греческаго посольства въ Кіевъ. Ср. *проф. Васильевскаго*, Русско-византійскіе отрывки, Ж. М. Н. Пр. 1876 г., апр., стр. 145.

[4]) *Баронъ Розенъ*, Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченіе изъ лѣтоп. Ахъи Антіохійскаго, стр. 23—25. Соотвѣтственное мѣсто Ал-Мекина.

что посланный въ 988 г. кіевскимъ княземъ союзный корпусъ достигалъ до 6,000 человѣкъ и оказалъ большія услуги имперіи. Съ этого времени по конецъ XI вѣка союзный русскій корпусъ въ Византіи является постоянно дѣйствующимъ въ войнахъ имперіи на востокѣ и западѣ [1]). Онъ безразлично именуется союзной или наемной силой, союзниками или наемниками; на содержаніе его установлены въ имперіи особые денежные сборы и отбывалась населеніемъ натуральная повинность, какъ и для прочихъ регулярныхъ войскъ имперіи [2]).

Существованіе въ византійской имперіи значительнаго союзнаго русскаго войска въ теченіе почти столѣтія со времени принятія христіанства могло-бы навести на предположеніе, что подобная постоянная служба была результатомъ особаго обязательства, принятаго на себя русскими князьями. Характеръ этого обязательства предстоитъ еще уяснить. Извѣстно, напр., что вассальныя отношенія Сербіи къ Византіи выражались въ томъ, что первая должна

въ указ. статьѣ проф. Васильевскаго, стр. 140. Разборъ этихъ извѣстій въ статьяхъ, указанныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи, и въ ст. *Н. Левицкаго*, Къ вопросу о времени крещенія Владиміра и Руси, Христ. Чт. 1888 г., № 7—8, стр. 100—161, гдѣ представленъ сводъ византійскихъ и арабскихъ извѣстій объ этомъ событіи.

[1]) Этотъ фактъ установленъ *проф. Васильевскимъ* въ изслѣдованіи: Варяго-русская дружина въ Константинополѣ, Ж. М. Н. Пр. 1874 г., ноябрь, стр. 121—144, и 1875 г., часть CLXXVIII, стр. 76—133. Авторъ констатируетъ, что въ половинѣ XI вѣка союзный корпусъ равняется первоначальному контингенту, достигая до 6 тыс. Съ половины и до конца XI в., не смотря на затруднительность сношеній Руси съ Византіей, въ византійской арміи все-же находятся русскіе полки. Результаты своихъ изслѣдованій авторъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: «Нѣтъ никакой возможности думать, что эти русскіе союзные полки, равно какъ и русскій союзный корпусъ, не суть постоянное учрежденіе въ византійской арміи, а являлись всякій разъ снова по вызову потребности, ощущаемой въ Константинополѣ и признаваемой въ Кіевѣ, т. е., никакъ нельзя предполагать, что всякій разъ, какъ встрѣчается въ византійскихъ хроникахъ упоминаніе о русскихъ союзныхъ силахъ, мы должны подразумѣвать новые переговоры византійскаго монарха съ русскими князьями и новую посылку послѣдними военной помощи. Это было почти невозможно по самой природѣ вещей. Объ этомъ нигдѣ не говорится ни въ русскихъ, ни въ византійскихъ лѣтописяхъ, а пройти молчаніемъ такіе факты они не могли, или если могли, то одинъ—два раза, а не всякій разъ какъ-бы систематически. Наконецъ, это противорѣчило бы прямымъ словамъ извѣстнаго намъ армянскаго историка, который утверждаетъ, что очень хорошо ему извѣстный русскій корпусъ 1000 года прибылъ къ Василію II за 12 лѣтъ передъ тѣмъ; противорѣчило бы буквальному и прямому смыслу тѣхъ мѣстъ въ византійскихъ хроникахъ, въ которыхъ русскіе полки появляются на театръ военныхъ дѣйствій въ Азіи или Европѣ не изъ Руси, а изъ Халдіи или изъ другихъ Малоазіатскихъ округовъ. Однимъ словомъ, мы должны признать непрерывное существованіе русскаго союзнаго корпуса въ Византіи въ видѣ постояннаго учрежденія» Ж. М. Н. Пр. 1875 г., ч. CLXXVIII, стр. 99 и 100.

[2]) Тамъ же, стр. 95 и 107, 127—128.

была выставлять при походахъ императоровъ на западъ или востокъ опредѣленную военную силу [1]). Однако, если какое-либо обязательство и можно предполагать со стороны русскихъ князей, то необходимо имѣть въ виду, что оно сопровождалось особымъ договоромъ кровнаго родства съ византійскимъ императорскимъ домомъ. Выдать свою сестру за князя варварскаго народа было неслыханною вещью для византійскаго императора и, конечно, великой честью для русскаго князя [2]). Какъ смотрѣло византійское правительство на отношенія брачущихся сторонъ при столь неравныхъ бракахъ, показываютъ письма византійскаго императора Михаила VII Дуки къ кіевскому князю Всеволоду Ярославичу [3]). Императоръ титулуетъ русскаго князя игемономъ, указываетъ на его знатность рода и въ одномъ письмѣ выдѣляетъ его изъ ряда другихъ владѣтелей въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Что касается другихъ властителей народовъ, то я полагаю будетъ достаточно, если я засвидѣтельствую имъ любовь письменно; они должны почитать за великое счастіе, что я захотѣлъ быть съ ними въ согласіи... Но относительно твоего благородства и разумности я разсудилъ нѣчто большее: устроить с о г л а с і е д р у ж б ы..; и не удивляйся, что я в о з в ы ш а ю т е б я и з ъ с р е д ы д р у г и х ъ в л а с т и т е л е й и удостоиваю большей чести, ибо тождество исповѣданія и вѣры божественной уже содѣлало наиточнѣйшую гармонію въ нашемъ взаимномъ настроеніи». Въ другомъ письмѣ импера-

---

[1]) *Проф. Васильевскій*, Изъ исторіи Византіи въ XII в., Слав. Сб., т. II, стр. 236 и 248. Сербія считалась по праву въ числѣ земель, подвластныхъ имперіи; до половины XII в. сербскіе жупаны Рассіи, обязанные сопровождать императора въ походахъ, отбывали эту вассальную повинность на основаніи точныхъ условій; напр., при походѣ въ Азію выставляли 300 человѣкъ войска. Въ половинѣ XII у Сербіи возникли непріязненныя отношенія къ имперіи. Послѣ пораженія въ 1150 г. сербскій жупанъ, Урошъ, «повергнувшись въ прахъ передъ своимъ господиномъ, простершись въ ногахъ царя и только немного приподнимая голову, произнесъ клятву и обѣтъ вѣчной покорности. Онъ обязался навѣки быть рабомъ императора восточнаго и, какъ вѣрный вассалъ, сопровождать его на войнѣ съ опредѣленнымъ количествомъ войска: при походахъ на западъ—съ двухтысячнымъ числомъ, при походахъ въ Азію—съ пятью-стами; слѣдовательно, въ послѣднемъ случаѣ двумя стами болѣе, чѣмъ это полагалось прежде».

[2]) Даже когда императоръ нѣмецкій Оттонъ I въ 968 искалъ руки старшей сестры царевны Анны для своего сына, то ему отвѣчали: Inaudita res est, ut porphyrogeniti porphyrogenita, hoc est in purpura nati filia in purpura nata, gentibus misceatur. Объ этомъ у *проф. Голубинскаго*, Ист. русск. церкви, т. I, ч. 1, стр. 139 и прим. 2.

[3]) Эти письма сохранились безъ имени адресата. *Проф. Васильевскій* считаетъ возможнымъ по содержанію и выраженіямъ писемъ отнести ихъ только къ русскому князю, Ж. М. Н. Пр. 1875 г., декабрь, стр. 270—315. Такъ какъ эта догадка столь авторитетнаго византиниста не встрѣтила до сихъ поръ возраженій, поскольку это извѣстно автору настоящихъ очерковъ, то онъ считаетъ себя въ правѣ опереться на этотъ фактъ.

торъ даже указываетъ, что «священныя книги и достовѣрныя исторіи научаютъ, что наши государства оба имѣютъ одинъ нѣкій источникъ и корень, и что одно и то-же спасительное слово было распространено въ обоихъ, что одни и тѣ-же самовидцы божественнаго таинства и вѣщатели провозгласили въ нихъ слово Евангелія». Императоръ предлагаетъ русскому князю вступить съ нимъ въ общеніе «чрезъ посредство родственной крови, чтобы чрезъ посредство членовъ отъ обѣихъ (фамилій) скрѣпилось между нами самое прочное согласіе и связался союзъ любви». Михаилъ VII Дука находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ при вступленіи своемъ на престолъ и, чтобы пріобрѣсть сильнаго союзника, прибѣгъ къ обычному средству византійской политики—брачному союзу [1]), предлагая русскому князю выдать его дочь за своего брата. Для достиженія этой цѣли русскій князь и возводился въ санъ кровнаго союзника, что должно было льстить его самолюбію. Но, не смотря на такое почетное отличіе, авторъ письма говоритъ, какъ высшій съ низшимъ: «я тебя возвышаю; я тебя удостоиваю; тебѣ, конечно, не безъизвѣстно, что такое есть императорская власть у нашихъ римлянъ, что даже тѣ, которые вступаютъ въ дальнее родство съ нами, почитаютъ такой союзъ величайшимъ благополучіемъ..: вотъ мое благопожеланіе, а твое благополучіе... ибо твоя власть сдѣлается отсюда болѣе почтенною, и всѣ будутъ удивляться и завидовать тебѣ, получившему такое отличіе» [2]). Изъ этихъ словъ очевидно, что и сопричисленные въ духовное родство христіанскіе государи по своему авторитету стояли значительно ниже императоровъ. И значительно позже русскіе князья считались родственными союзниками византійскихъ императоровъ. Въ половинѣ XIV в. императоръ Іоаннъ Кантакузинъ слѣдующимъ образомъ титулуетъ московскаго князя Семена Ивановича: «благороднѣйшій великій князь всея Руси, любезный сродникъ моего царскаго величества, куръ Семеонъ». Такъ-же именуетъ его и патріархъ: «благороднѣйшій князь всея Руси и любезный сродникъ высочайшаго и святаго самодержца моего» [3]). Сродникомъ царскаго величества императоръ называетъ и владиміро-волынскаго князя Дмитрія Лю-

---

[1]) *Krause*, Die Bysantiner des Mittelalters, стр. 100, 102.

[2]) Переводъ текста писемъ въ указанной статьѣ проф. *Васильевскаго*, стр. 274—279.

[3]) Р. И. Б., т. VI, прилож., стр. 16, 26 и 36.

барта [1]). Согласно русскимъ извѣстіямъ, Василія Васильевича Темнаго византійскій императоръ титуловалъ уже братомъ. Русское сказаніе о Флорентійскомъ соборѣ, правда, въ позднѣйшей передѣлкѣ, влагаетъ въ уста императора Іоанна Палеолога слѣдующія слова о русскомъ великомъ князѣ: «яко восточніи земли суть большее православіе, высшее хрестьянство Бѣлая Русь, въ нихъже есть государь братъ мой, ему-же восточніе цари прислухаютъ и велицыи князи съ землями служатъ ему» [2]). Званіе императорскаго брата для русскаго князя вовсе не было только плодомъ тщеславной фантазіи автора сказанія. Такъ титуловалъ себя самъ великій князь; въ одномъ посланіи къ греческому царю 1443 г. онъ именуетъ себя «братомъ святаго ти царства» [3]), а въ другомъ отъ 1451-52—«сватомъ святаго ти царства» [4]).

Тотъ фактъ, что византійское правительство, считая русскаго великаго князя стольникомъ византійскаго императора, тѣмъ не менѣе титулуетъ его своимъ кровнымъ родственникомъ, вовсе не указываетъ на противорѣчія въ византійскихъ государственныхъ теоріяхъ. Особенно вѣжливая форма дипломатическихъ сношеній была скорѣе результатомъ тѣхъ уступокъ, какія приходилось дѣлать императорскому правительству по соображеніямъ политическихъ выгодъ. Къ тому-же это и не имѣетъ особеннаго значенія, такъ какъ во всякомъ случаѣ, по воззрѣніямъ грековъ, положеніе русскаго князя носитъ оттѣнокъ приниженности по отношенію къ императору. Гораздо любопытнѣе и важнѣе оказываются данныя, на основаніи которыхъ только-что указанный фактъ подтверждается съ другой стороны: византійскія государственныя теоріи все-же нашли себѣ извѣстное отраженіе и въ воззрѣніяхъ русскихъ князей. Къ сожалѣнію, отрывочность упомянутыхъ данныхъ не позволяетъ воспроизвести съ желаемой подробностью характеристику этихъ воззрѣній. Тѣмъ не менѣе сохранившіяся указанія достаточно обрисовываютъ ихъ главнѣйшія черты.

Изъ отвѣтной грамоты императора Іоанна Кантакузина великому князю Семену Ивановичу узнаемъ, что русскій князь изла-

---

[1]) Тамъ же, прилож., стр. 30.
[2]) П. С. Л., VI, 152—153; VIII, 101; Вивліоѳ., VI, 51—52.
[3]) П. С. Л., VI, 162; ср. Р. И. Б., VI, стр. 529, прим.
[4]) Р. И. Б., VI, № 71; А. И., т. I, № 41 и 262. Іоаннъ Палеологъ былъ женатъ на дочери великаго князя Василія Дмитріевича Аннѣ. П. С. Л., VIII, 86: въ 1411 вел. князь «отдасть дщерь свою Анну въ Царьградъ за Царевича Іоанна Мануиловича». Но императоръ Іоаннъ, вступивъ на престолъ, развелся съ женой и женился на трапезундской принцессѣ.

галъ ему свои мнѣнія о значеніи византійской имперіи. Императоръ подтверждаетъ его взгляды: «Да, царство Ромеевъ и святѣйшая великая церковь божія, какъ и ты писалъ, есть источникъ всякаго благочестія и училище законодательства и освященія» [1]). И здѣсь въ основу положена идея церковно-религіозная: царство Ромеевъ, какъ центръ вселенской церкви, есть источникъ благочестія. Но кромѣ того русскій князь преклоняется передъ этимъ царствомъ, какъ училищемъ законодательства [2]). Отмѣтить съ этой стороны значеніе Византіи было совершенно естественно для русскаго князя: нетолько обиліе правовыхъ нормъ, позаимствованныхъ у нея древнею Русью, служитъ тому достаточнымъ оправданіемъ, но также и сравнительная оцѣнка этихъ нормъ. Какимъ значеніемъ пользовались въ древней Руси градскіе законы, видно изъ того, что по распространенному тогда взгляду они считались столь-же боговдохновенными, какъ каноническія постановленія вселенской церкви [3]). Изъ посланій великаго князя Василія Васильевича къ императорамъ и патріарху, писанныхъ послѣ Флорентійскаго собора и наканунѣ паденія византійской имперіи, въ которыхъ онъ именуетъ себя такими почетными отличіями (братомъ и сватомъ императора), можно видѣть,

---

[1]) Р. И. Б., VI, прил., стр. 26.

[2]) Также смотрѣли на Византію не только въ славянскихъ земляхъ, полагая, что изъ Византіи «на всѣ страны распространился добрый законъ», но и на католическомъ западѣ, гдѣ нѣкоторые считали Византію государствомъ, «въ которомъ господствуетъ служеніе божественной религіи, законный порядокъ и начало гражданскаго права (ordo legum et juris civilis ratio)». *Проф. Васильевскій*, Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ, Слав. сборн., т. II, стр. 245.

[3]) Въ предисловіи къ «Мѣрилу Праведному» сказано: «заповѣданная отъ святыхъ... апостолъ и всея вселенныя шести сборъ и помѣстныхъ св... отецъ... поданная въ нихъ повелѣнія и благочестивыхъ нашихъ царь и благовѣрныхъ князій...градскія законы уставиша, отъ единаго Св. Духа вси озарившеся»... *Розенкампфъ*, Обозрѣніе Кормчей, изд. 2, стр. 199; ср. *Калачова*, О кормчей, прим. 56 и 65; *его же*, Мѣрило Праведное въ Арх. Ист.-юр. свѣд., I, отд. III, стр. 30 и 31. Въ Степ. Кн., ч. I, стр. 165: епископы поучали Владиміра Св. казнити злыхъ, «яко же повелѣно есть вамъ въ божественныхъ правилахъ по градскому закону». Митр. Геронтій писалъ арх. Геннадію, что еретики, на которыхъ есть свидѣтельства, «по царскимъ правиламъ отъ Божественнаго писанія достойны градскія казни» Р. И. Б. VI, стр. 762. Іосифъ Волоцкій о градскихъ законахъ говорилъ, что «они подобны суть пророческимъ и апостольскимъ и св. отецъ писаніямъ» и ссылался на «священное писаніе... еже отъ градскихъ законъ». Если-бы кто сказалъ, предусматриваетъ Іосифъ, что градскіе законы не апостольскія ниже отческія преданія, тому онъ рекомендуетъ ознакомиться съ Никономъ Черногорцемъ, который пишетъ, что номоканонъ есть книга, въ которой святыми отцами размѣшаны божественныя заповѣди съ градскими завѣщаніями, «и кто убо дерзнетъ сихъ отложити или похулити?» Просвѣтитель, стр. 536—538 и 588. Митр. Даніилъ утверждалъ о градскихъ законахъ, что они «послѣдуютъ священнымъ правиламъ». Пренія Данила съ старцемъ Васьяномъ, стр. 2.

какъ высокъ былъ авторитетъ императора въ глазахъ русскаго князя даже въ то время. Онъ называетъ великаго князя Константина «благочестивымъ и святымъ самодержцемъ всея вселенныя» [1]), признавая тѣмъ самымъ міровое значеніе имперіи. Хотя императоръ Константинъ Палеологъ названъ только «самодержцемъ греческаго скипетра», но, по мнѣнію великаго князя, скипетры греческаго царствія не утратили еще міроваго значенія: «воспріялъ еси, пишетъ онъ императору, свой царскій скипетръ, свое отечество, въ утверженіе всему православному христіанству вашихъ державъ и нашимъ владѣтельствамъ русскія земли, всему нашему благочестью, въ великую помощь». Согласно съ этимъ составленъ и титулъ императора: «державнѣйшій и боговѣнчанный, и благочестья ревнитель, и непорочныя православныя христіанскія вѣры теплый и непреклонный истинный поборникъ и правитель, и высочайшій царь и самодержецъ греческаго скипетра» [2]). Старыя традиціи и послѣ Флорентійскаго собора поддержали церковный авторитетъ византійскаго императора въ глазахъ русскаго князя. Онъ оправдывается передъ императоромъ за поставленіе митрополита Іоны помимо Византіи: «и просимъ святое ти царство да не помолвиши о томъ на насъ, яко дерзостнѣ сіе сътворихомъ, еже сътворихомъ, ни обославъ великаго вашего господства; но сіе за великую нужу сътворихомъ, а не киченіемъ, ни дерзостью». Великій князь обѣщаетъ, что русская митрополія и въ своемъ новомъ положеніи сохранитъ прежнія отношенія къ вселенской церкви, попрежнему оттуда «благословеніе требуетъ и ищетъ, во всемъ по древнему благочестію повинуется ей... развіе нынѣшнихъ новоявльшихся разгласій».

Но сохранить прежнія отношенія стало невозможно, такъ какъ разгласья получили очень серьезный характеръ. У русскихъ князей съ царьградскими царями и прежде бывали столкновенія, «негладости», какъ выразился митр. Іона, во время которыхъ русскіе митрополиты ставились помимо Византіи; но это были столкновенія чисто политическія. Въ XIV в. возникли болѣе серьезныя столкновенія по дѣламъ церкви. Поводомъ къ неудовольствіямъ послужили сначала попытки къ отторженію отъ русской митрополіи юго-западныхъ епископій: возникаетъ особая митрополія галицкая, поставляется отдѣльный митрополитъ для Литвы. Эти событія очень

---

[1]) Р. И. Б., VI, № 62; П. С. Л., VI, 162 и слѣд.; А. И., т. I, № 39.
[2]) Р. И. Б., VI, № 71; А. И., т. I, №№ 41 и 262.

обезпокоивали московское правительство, и по поводу ихъ произошли первыя непріятныя объясненія у митр. Алексѣя съ патріархомъ. Послѣдній оправдывался и винилъ во всемъ митр. Алексѣя [1]). Наконецъ, когда при жизни митр. Алексѣя явился въ Москву вновь поставленный митр. Кипріянъ, то это событіе вызвало справедливое негодованіе великаго князя и митрополита. Кипріянъ долженъ былъ удалиться. А когда онъ явился во второй разъ по смерти митр. Алексѣя, то съ нимъ поступили въ Москвѣ очень круто: съ великимъ безчестьемъ онъ былъ изгнанъ изъ московскихъ предѣловъ. Самъ митр. Кипріянъ, описывая это, между прочимъ замѣчаетъ: «слыши небо и земля и вси христіане, что сотвориша надо мною христіане, что-же ли сотвориша патріаршимъ посламъ, хуляще на патріарха, и на царя, и на соборъ великій: патріарха литвиномъ назвали, царя также, и всечестный соборъ вселенскій» [2]). Исторія съ митр. Романомъ, непріятныя объясненія изъ-за столкновеній съ Литвой и русскими князьями, союзниками Ольгерда, наконецъ, инцидентъ съ митр. Кипріяномъ—поселили въ московскомъ правительствѣ сильное подозрѣніе въ искренности дружбы и благорасположенія византійской имперіи и церкви къ Москвѣ: ихъ заподозрили въ симпатіяхъ къ Литвѣ. Наступившая церковная смута, когда въ Константинополѣ поставили сразу трехъ митрополитовъ на Русь, должна была подтвердить эти подозрѣнія и во всякомъ случаѣ подрывала авторитетъ вселенской церкви и императора. Въ Москвѣ говорили, что они виновны въ смутѣ. Въ соборномъ опредѣленіи 1389 г. сказано, что когда по обвиненіямъ, предъявленнымъ противъ митрополита Пимена, въ Константинополѣ рѣшили изслѣдовать дѣло и въ случаѣ подтвержденія обвиненій извергнуть его изъ церкви и поставить митрополитомъ Діонисія, то будто бы «это не только взволновало русскихъ, но разъярило ихъ всѣхъ противъ каѳолической церкви, такъ что они излили на всѣхъ насъ потокъ многихъ ругательствъ съ прибавленіемъ насмѣшекъ, обвиненій и ропота». Частный случай послужилъ лишь поводомъ къ открытому заявленію неудовольствія въ такой рѣзкой формѣ; причины коренились глубже. Въ Византіи не могли простить такого неуваженія къ ея авторитету. На рѣзкія отношенія соборное опредѣленіе 1389 г. отвѣтило рѣзкими обвиненіями противъ митр. Алексѣя, котораго главнымъ образомъ считали причиной всѣхъ смутъ и обвинили въ неуваженіи къ главѣ церкви—патріарху; про него сказано, что онъ не только не воспользовался

[1]) Р. И. Б., VI, прил. № 25.
[2]) Р. И. Б., VI, стр. 185.

патріаршими увѣщаніями, ни во-что поставивъ патріаршія грамоты, но даже не удостоилъ писавшаго отвѣтомъ и показалъ полное неуваженіе къ своей главѣ. Но этого мало. Соборное опредѣленіе обвинило въ безпорядкахъ всѣхъ русскихъ: «Все что они заслужили сами, сплетая ложь, составляя ковы, услаждаясь лукавствомъ и совершая безчисленныя злыя дѣянія чрезъ отправленныхъ ими пословъ,—все это они складываютъ на насъ!.. А церковь и не знала, на чьей сторонѣ правда. Передъ кѣмъ-бы имъ слѣдовало прятаться и молчать, противъ тѣхъ они подняли ругательства, не пощадивъ самой церкви! Ко всѣмъ своимъ прочимъ беззаконіямъ прибавили они и это одно, или лучше сказать первое и самое тяжкое ругательство и хулу на Бога черезъ церковь» [1]). Между Москвой и Константинополемъ подготовлялся серьезный разрывъ. Великій князь Василій Дмитріевичъ хотя и принялъ митрополита Кипріана, который соборнымъ опредѣленіемъ 1389 г. назначенъ однимъ митрополитомъ всея Руси, но отнесся съ неуваженіемъ къ патріарху и его людямъ, не оказалъ имъ прежней чести и не позволилъ митрополиту поминать имя царя въ диптихахъ [2]), говоря: «мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и знать

[1]) Тамъ же, прил., стр. 214, 200 и 202.

[2]) Судя по описаніямъ нѣкоторыхъ сохранившихся служебниковъ, поминовеніе царей при богослуженіяхъ не было обычаемъ общераспространеннымъ въ древней Руси. Въ служебникѣ XII вѣка Антонія Римлянина и служебникахъ XIII вѣка Варлаама Хутынскаго и Новгородскаго Софійскаго собора стоитъ поминовеніе лишь «благовѣрнаго князя нашего». Оп. ркп. Синод. Библ., отд. III, стр. 2; *Буслаевъ*, Историч. христоматія, стр. 69 и 95; Извѣст. Импер Ак. Н., т. X, вып. VI, стр. 604. Въ служебникѣ же XIV в. митр. Кипріана, который преписалъ этотъ служебникъ «отъ грецкыхъ книгъ на рускый языкъ рукою своею», стоитъ поминовеніе «благочестивыхъ и вѣрнѣйшихъ нашихъ царей». Оп. ркп. Синод. Библ., отд. III, стр. 13—14; *Буслаевъ*, тамъ же, стр. 137. При этомъ любопытно, что соотвѣтственныя мѣста служебниковъ Варлаама и Кипріана дословно сходны, лишь въ первомъ вмѣсто «царей» стоитъ «князя» и вмѣсто «царство»—«владычество». Въ одномъ служебникѣ XV в. поминаются цари, а не князья; въ новгород. служебникѣ XV вѣка арх. Евфимія въ ектеніи упоминается о князьяхъ, княгиняхъ и ихъ чадахъ, а въ молитвенникѣ, писанномъ въ Новгородѣ въ 1462, на ектиніи упомянуты благочестивые цари, христолюбивый великій князь и всѣ благочестивые князья «иже русскою землею пекущіеся». Оп. ркп. Син. Библ., отд. III, стр. 37 и 46; *Срезневскій*, Свѣд. и замѣтки, № LXXIX, стр. 558. Даже въ служебникѣ конца XV или начала XVI в. въ молитвахъ и ектеніяхъ упоминается о царяхъ и только одинъ разъ послѣ царей упомянуто и о князѣ. Также въ сборн. XVI в. поученій Исаака Сирина содержится правило для келейнаго поминовенія живыхъ и умершихъ, гдѣ, между прочимъ, сказано: «спаси Господи и помилуй православныхъ царей и царицъ. Спаси Господи и помилуй благовѣрнаго и великаго князя имркъ». Оп. ркп. Син. Библ., отд. III, стр. 48; отд. II, ч. 2, стр. 182. Между тѣмъ въ чинѣ избранія и поставленія въ епископы начала XV в. въ многолѣтіи и ектеніяхъ говорится только о великомъ князѣ и князьяхъ, а не о царѣ; тогда какъ въ этомъ торжественномъ богослуженіи скорѣе всего долженъ бы проявиться оффиціально-политическій характеръ. Р. И. Б., VI, стр. 441, 445, 459. Можетъ быть эта форма была послѣдствіемъ описываемаго столкновенія.

не хотимъ». По этому поводу патріархъ Антоній отправилъ великому князю увѣщательное посланіе, въ которомъ высказалъ съ полною ясностью идею о всемірной монархіи и вселенской церкви. Касательно неоказанія чести ему и его посламъ, онъ писалъ: «ужели ты не знаешь, что патріархъ занимаетъ мѣсто Христа, отъ котораго и посаждается на престолѣ? Не человѣка ты уничижаешь, но самого Христа! И, наоборотъ, кто чтитъ патріарха, чтитъ самого Христа. Если мы, за общіе грѣхи, потеряли города и земли, то отсюда не слѣдуетъ, что мы должны терпѣть презрѣніе отъ христіанъ: пусть мы уничтожены въ мірской власти, но христіанство проповѣдуется повсюду, и мы имѣемъ ту же честь, какую имѣли апостолы и ихъ преемники... Поэтому, сынъ мой, пишу, внушаю и совѣтую твоему благородію, чтобы ты также чтилъ патріарха, какъ самого Христа, и оказывалъ уваженіе его словамъ, грамотамъ, извѣщеніямъ и людямъ, которыхъ онъ посылаетъ». Затѣмъ, по поводу распоряженія великаго князя—не упоминать имя царя въ диптихахъ—патріархъ представилъ цѣлый трактатъ о значеніи и величіи императорской власти: «святой царь занимаетъ высокое мѣсто въ церкви; онъ не то, что другіе, помѣстные князья и государи. Цари вначалѣ упрочили и утвердили благочестіе во всей вселенной; цари собирали вселенскіе соборы; они же подтвердили своими законами соблюденіе того, что говорятъ божественные и священные каноны о правыхъ догматахъ и о благоустройствѣ христіанской жизни, и много подвизались противъ ересей; наконецъ, цари, вмѣстѣ съ соборами, своими постановленіями опредѣляли порядокъ архіерейскихъ каѳедръ и установили границы митрополичьихъ округовъ и епископскихъ епархій. За все это они имѣютъ великую честь и занимаютъ высокое мѣсто въ церкви. И если, по божію попущенію, язычники окружили владѣнія и земли царя, все-же до настоящаго дня царь получаетъ то-же самое поставленіе отъ церкви, по тому же чину и съ тѣми же молитвами помазуется великимъ мvромъ и поставляется царемъ и самодержцемъ ромеевъ, т. е. всѣхъ христіанъ. На всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуются христіане, имя царя поминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имѣетъ никто изъ прочихъ князей или мѣстныхъ властителей. Власть его, въ сравненіи со всѣми прочими, такова, что и самые латиняне, неимѣющіе никакого общенія съ нашею церковью,—и тѣ оказываютъ ему такую же покорность, какую (оказывали) въ прежнія времена, когда находились въ единеніи

съ нами. Тѣмъ болѣе обязаны къ этому православные христіане. И если язычники окружили землю царя, то христіанамъ не слѣдуетъ презирать его за это; напротивъ, это самое да послужитъ для нихъ урокомъ смиренія и заставитъ ихъ подумать, что если великій царь, господинъ и начальникъ вселенной, облеченный такою силою, поставленъ въ столь стѣснительное положеніе, то что могутъ потерпѣть разные другіе мѣстные властители и мелкіе князья?» Наконецъ, на замѣчаніе великаго князя, что «мы имѣемъ церковь, а не царя», патріархъ представилъ, слѣдующее возраженіе: «Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собою, и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Тѣхъ только царей отвергаютъ христіане, которые были еретиками, неистовствовали противъ церкви и вводили развращенные догматы... Послушай верховнаго апостола Петра, говорящаго въ 1-мъ соборномъ посланіи: «Бога бойтесь, царя чтите,» не сказалъ «царей», чтобы кто не сталъ подразумѣвать именующихся царями у разныхъ народовъ, но—«царя», указывая на то, что одинъ только царь во вселенной. И какого это (царя повелѣваетъ чтить апостолъ)? Тогда еще нечестиваго и гонителя христіанъ! Но какъ святой и апостолъ, провидя въ будущемъ, что и христіане будутъ имѣть одного царя, поучаетъ чтить царя нечестиваго, дабы отсюда поняли, какъ должно чтить благочестиваго и православнаго. Ибо если и нѣкоторые другіе изъ христіанъ присвоивали себѣ имя царя, то всѣ эти примѣры суть нѣчто противуестественное, противузаконное, болѣе дѣло тираніи и насилія (нежели права). Въ самомъ дѣлѣ какіе отцы, какіе соборы, какіе каноны говорятъ о тѣхъ (паряхъ)? Но все и сверху и снизу гласитъ о царѣ природномъ, котораго законоположенія, постановленія и приказы исполняются во всей вселенной и его только имя повсюду поминаютъ христіане, а нечье-либо другого» [1]). Въ этомъ увѣщательномъ посланіи патріархъ исчерпалъ, можно думать, всѣ доказательства византійскихъ государственныхъ теорій о міровомъ значеніи императора. Какъ видно, всѣ онѣ строились па почвѣ церковно-религіозной и обставлялись доказательствами не безъ серьезныхъ натяжекъ, какъ это видно на примѣрѣ толкованія словъ апостола Павла. Второстепенное значеніе и низшее положеніе мѣстныхъ князей и государей отмѣчены въ посланіи совершенно категорично.

[1]) Р. И. Б., VI, прил. № 40.

Повліяло-ли на великаго князя посланіе патріарха или что другое, но только вскорѣ послѣ полученія этого посланія онъ смягчилъ свои отношенія къ Византіи. Въ 1398 г., когда въ Москвѣ получено было извѣстіе о напастяхъ Царюгороду отъ турокъ, великій князь, по совѣту съ митрополитомъ, съ братьями и прочими русскими князьями, послалъ туда въ милостыню много серебра [1]). По смерти митр. Кипріана онъ просилъ въ Константинополѣ прислать оттуда митрополита, какъ говоритъ митр. Фотій. Наконецъ, въ 1411 г. великій князь выдалъ свою дочь замужъ за царевича Іоанна Мануиловича [2]). Все это указываетъ на дружескія отношенія между московскимъ и константинопольскимъ дворами и заставляетъ предположить перемѣну или, по крайней мѣрѣ, смягченіе воззрѣній великаго князя на свои отношенія къ императору.

Эти дружественныя отношенія продолжались недолго. Но даже и за этотъ короткій промежутокъ нападки на императора не прекратились. На этотъ разъ они исходили изъ Литвы, гдѣ Витовтъ, недовольный отказомъ изъ Константинополя поставить на митрополію его кандидата Ѳеодосія, первый рѣшился поставить митрополита соборомъ епископовъ. Въ оправданіе этой мѣры литовскіе епископы въ окружномъ посланіи объявили, что они отвращаются отъ Константинополя, но не отъ церкви, «не могуще трьпѣти еже на церковь божію насилованіе царево», такъ какъ патріархъ и соборъ «по правиламъ поставити митрополита не могутъ, но кого царь повелитъ.» А царь дѣйствуетъ тутъ «своихъ дѣля прибытковъ неправедныхъ», отчего покупается и продается даръ Св. Духа. Поэтому епископы признали неправеднымъ принимать митрополитовъ, которые «куплею поставлени бываютъ отъ царя, мірянина будуща человѣка», а не по волѣ патріарха и не по преданіямъ апостоловъ [3]). Московское правительство по причинѣ вражды съ Литвой не только политической, но и церковной, не примкнуло на этотъ разъ къ высказаннымъ взглядамъ на императора, хотя имѣло на то въ близкомъ прошломъ немало подтверждающихъ данныхъ.

Очень скоро въ Москвѣ представился другой гораздо болѣе серьезный поводъ къ разрыву съ Константинополемъ. Въ 1437 г. явился въ Москву митрополитомъ всея Руси Исидоръ, хотя незадолго передъ тѣмъ посланъ былъ въ Константинополь для поставленія на митрополію рязанскій епископъ Іона. Императоръ Іоаннъ

---

1) П. С. Л., VIII, 71; Прав. Собес. 1867 г., ч. I, стр. 217.
2) П. С. Л., VIII, 86.
3) А. З. Р., I, № 24; Р. И. Б., VI, № 38.

Палеологъ и престарѣлый патріархъ Іосифъ обязали Исидора явиться на соборъ въ Феррару для рѣшенія вопроса о соединеніи церквей. Но въ Москвѣ были очень недовольны какъ назначеніемъ Исидора, такъ особенно намѣреніемъ послѣдняго отправиться на соборъ. Великій князь, какъ самъ писалъ впослѣдствіи, не хотѣлъ его принимать, и если принялъ, то только изъ нежеланія рушить изначальную старину. Онъ убѣждалъ и приказывалъ Исидору не ходить на соборъ. Но когда тотъ остался непреклоненъ, то великій князь съ соборомъ духовенства заклиналъ его принести «древнее наше благочестіе и православную вѣру, еже пріяхомъ отъ прародителя нашего... и еже держитъ великая соборная и апостольская церковь греческая», въ чемъ митрополитъ и поклялся [1]). Но когда, по возвращеніи Исидора, оказалось, что онъ не сдержалъ своей клятвы, принесъ «странна и чужа» въ православное христіанство и поработилъ русскую церковь подъ римскую, то былъ заключенъ въ монастырь, откуда бѣжалъ. Великій князь рѣшилъ предупредить обо всемъ случившемся царя и патріарха и просить разрѣшенія ставить митрополита соборомъ русскихъ епископовъ. Изготовленное два раза въ 1441 и 1442 гг. посланіе не было, однако, отправлено, такъ какъ въ Москвѣ узнали, что царь и патріархъ также придерживаются Флорентійской уніи. Въ рукахъ у московскаго правительства оказалось теперь очень серьезное основаніе къ разрыву съ Византіей. Самъ патріархъ въ 1393 г. признавалъ, какъ было указано, законнымъ поводомъ не признавать императора—отступленіе его отъ правилъ церкви. Внутренняя смута 1446 г. помѣшала московскому правительству опредѣлить свои отношенія къ имперіи и патріархату. Въ 1448 г. умеръ императоръ Іоаннъ Палеологъ, отказавшійся передъ смертью отъ Флорентійской уніи. Въ концѣ этого года былъ поставленъ митрополитомъ Іона, и только въ 1451—52 году великій князь шлетъ императору Константину Палеологу оправдательное посланіе, въ которомъ, какъ указано выше, старыя традиціи византійской имперіи оживаютъ въ широкихъ размѣрахъ. Но старыхъ отношеній возстановить было невозможно: Флорентійская унія не могла пройти безслѣдно; къ тому же и императоръ Константинъ Палеологъ въ 1453 г. подписалъ актъ объ уніи. Въ Москвѣ начало все сильнѣе и сильнѣе распространяться убѣжденіе, что съ Флорентійской уніи цареградская церковь «поколебася, отъ православія отступила», что царь и патріархъ «иномудрствуютъ, приближаются къ латыномъ.» Паденіе Константинополя только ускорило подготовлявшійся разрывъ и по-

---

[1]) Р. И. Б., VI, стр. 531 и 580; Ник. Лѣт., V, 124—125.

служило для русскихъ публицистовъ лишнимъ подтвержденіемъ для обоснованія новой теоріи о московскомъ царствѣ.

Но прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этой теоріи, будетъ небезъинтересно хотя въ краткихъ чертахъ ознакомиться съ развитіемъ политическихъ идей за предшествующее время. Представленный очеркъ политическихъ и церковныхъ отношеній древней Руси и Византіи до извѣстной степени долженъ объяснить предѣлы и характеръ политической проповѣди въ указанное время. При зависимости русской церкви отъ константинопольской, при взглядахъ на Византію, какъ на нѣчто недосягаемое, и на древнюю Русь, какъ на нѣчто занимающее подчиненное или низменное положеніе, высшіе представители русской іерархіи—греки по преимуществу—должны были поддерживать эти взгляды. Если русскіе по византійскимъ понятіямъ «не имѣли полной собственной независимости, истиннаго національнаго самодержавія и самоопредѣленія, своей самобытной высшей политики», [1]) то, при сложившихся отношеніяхъ, развитіе идеи объ истинномъ національномъ самодержавіи среди русскихъ не могло входить въ планы греческаго духовенства; не могла въ нихъ входить и идея о политическомъ объединеніи древней Руси по крайней мѣрѣ, отъ этого въ Константинополѣ заранѣе отказались «за невозможностью привести къ единству власть мірскую.»

На чемъ-же сосредоточивалась политическая роль духовенства со времени принятія христіанства и до той поры, когда начали вырабатываться понятія о самостоятельныхъ національныхъ задачахъ московской Руси? Указаніе политическихъ темъ древнерусской письменности до половины XV вѣка, когда царство ромеевъ сошло со сцены, до нѣкоторой степени можетъ уяснить этотъ вопросъ.

---

[1]) См. статью проф. В. И. Ламанскаго въ Сб. Слав. Общ., т. I, 466.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Политическія темы древнерусской письменности [1]).

Въ нашей исторической литературѣ политическую роль духовенства и книжниковъ изъ его среды въ періодъ времени до возвышенія Москвы обыкновенно ограничиваютъ дѣятельностью представителей церкви въ качествѣ миротворцевъ и посредниковъ. «Ихъ нравственный авторитетъ служилъ имъ на то, чтобы водворять между князьями согласіе, прекращать междоусобія и разобщать ихъ съ иновѣрными сосѣдями. Эти двѣ цѣли ясно выдаются въ характерѣ нашей лѣтописи и всей нашей духовной литературы [2]).» Дѣйствительно, открывшіяся со смертью Владиміра св. междоусобія составляли серьезное зло политической жизни древней Руси, и духовенство считало своей главнѣйшей миссіей противодѣйствовать ему, что и выразилъ одинъ изъ представителей русской іерархіи слѣдующими характерными словами: «княже! мы есмы приставлены въ русской землѣ отъ Бога востягивати, васъ отъ кровопролитья» [3]).

---

[1]) Настоящій очеркъ представляетъ попытку систематическаго обзора затронутыхъ русскою письменностью до половины XV вѣка политическихъ темъ. Это было необходимо для уясненія дальнѣйшаго развитія политическихъ идей. Полное разъясненіе означенныхъ темъ дастъ, конечно, историческій и историко-литературный обзоръ ихъ въ связи съ изслѣдованіемъ о литературныхъ заимствованіяхъ ихъ Византіи. Такой задачи авторъ не могъ принять на себя за отсутствіемъ необходимой къ тому подготовки.

[2]) *Самаринъ*, сочиненія, т. V, 183.

[3]) Лѣт. по Ипат. сп., 460. Вотъ еще типичная рѣчь митрополита Николая Владиміру Мономаху: «молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити русьскыѣ земли; аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудомъ великимъ и храбрьствомъ, побороающе по русьскѣй земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю русьскую». Лѣт. по Лавр. сп., 254; П. С. Л., IX, 132. Въ 1270 г. вел. князь Ярославъ Ярославичъ просилъ митр. Кирилла ввести его въ миръ съ Новгородомъ, говоря: «твое убо есть въ миръ всѣхъ приводити, колми паче насъ твоихъ присныхъ дѣтей». П. С. Л., X, 149.

Результаты этой дѣятельности были немаловажны [1]); но въ какой мѣрѣ они зависѣли отъ того, что представителями духовенства въ то время были греки, а не природные русскіе, — сказать очень трудно, и едва-ли можно рѣшить въ ту или другую сторону поднятый учеными писателями по исторіи церкви споръ о томъ, было-ли бы лучше или хуже въ данномъ случаѣ, если бы во главѣ іерархіи стояли русскіе, а не греки.

Съ возвышеніемъ Москвы, когда представители духовенства принимаютъ близкое участіе въ междукняжеской борьбѣ за преобладаніе, задача миротворенія и посредничества начинаетъ отступать на второй планъ, хотя и не забывается. Патріархъ Филоѳей напоминалъ митрополиту Алексѣю, что ему, какъ общему отцу и учителю, нужно примирять враждующихъ князей другъ съ другомъ, имѣть отеческую любовь и расположеніе ко всѣмъ князьямъ—любить ихъ равно [2]). А великій князь Василій Дмитріевичъ напоминалъ митрополиту Кипріяну: «вы поставлены къ миру и любве учити» [3]). Исчерпывалась-ли этою дѣятельностю политическая роль духовенства и было-ли, какъ принято думать, «посильное миротвореніе единственною политическою программою древле-русскихъ архіереевъ» [4])? Существуютъ основанія, заставляющія признать, что программа эта была шире. Слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что помимо непосредственнаго вмѣшательства въ княжескія междоусобія духовенство и книжники изъ его среды поставили своей задачей указать возможный практическій выходъ изъ того бѣдственнаго положенія, въ какое приводили страну княжескія междоусобія. Опасность положенія сознавалась хорошо современниками и даже самими князьями, которые и пытались на княжескихъ съѣздахъ урегулировать политическую жизнь и предотвратить насильственные захваты волостей. Но безуспѣшность этихъ мѣръ вынудила одного изъ видныхъ представителей князей Рюриковичей искать болѣе спокойной жизни на сѣверовостокѣ Руси.

---

[1]) Считаемъ лишнимъ входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, такъ какъ весьма обстоятельный разборъ дѣятельности духовенства въ этомъ направленіи и оцѣнка ея уже даны въ русской исторической литературѣ. См. прекрасную статью «Объ отношеніяхъ духовенства русскаго къ князьямъ съ XI до половины XV в.», въ Приб. къ Твор. св. Отцовъ 1858 г., стр. 327—403, и статью *Ф. Терновскаго*, Участіе древле-русскихъ архіереевъ въ дѣлахъ общественныхъ, въ Трудахъ Кіев. Дух. Ак 1870 г., т. I, стр. 474—511. Сжатое и объективное изложеніе вопроса можно найти въ статьяхъ *прот. Н. Думитрашко:* Духовенство въ Россіи, въ Дух. Бесѣдѣ 1862 г. №№ 2—5 (т. XV) Ср. также *проф. Голубинскаго*, Ист. русск. церкви, т. I, ч. 1, стр. 451.

[2]) Р. И. Б., VI, прил. 144 и 160.

[3]) Татищ., IV, 404.

[4]) См. указанную статью *Ф. Терновскаго*, стр. 485.

Съ практическими совѣтами для устраненія зла выступило и духовенство, хотя нельзя сказать чтобы совѣты эти отличались оригинальностью и опредѣленностью: они всецѣло были заимствованы изъ практической жизни. Но они именно и любопытны тѣмъ, что указываютъ на существующее правовое міросозерцаніе въ извѣстныхъ классахъ общества. Порядокъ старѣйшинства, соблюденіе братнихъ предѣловъ, и какъ слѣдствіе, довольство собственною волостью — вотъ тѣ начала, которыя оно рекомендовало для упорядоченія современнаго политическаго строя.

Начало старѣйшинства, наслѣдіе родоваго быта, было вполнѣ естественнымъ регуляторомъ отношеній и между князьями. Князья и пытаются построить на немъ порядокъ взаимныхъ отношеній. Такъ, умирающій Ярославъ передаетъ Кіевскій столъ «в собе мѣсто» старѣйшему сыну Изяславу и велитъ прочимъ сыновьямъ слушать его, «якоже послушаете мене, да той вы будеть в мене мѣсто» [1]. Но въ эпоху уже сильнаго упадка родовыхъ понятій это правило и раньше и послѣ постоянно нарушалось, сталкиваясь съ иными началами, которыя были выдвинуты практикой жизни. Въ защиту его, однако, выступили наши книжники изъ среды духовенства. Весьма благодарной темой въ этомъ смыслѣ послужила для нихъ трагическая судьба Бориса и Глѣба.

Слагатель сказанія о св. страстотерпцахъ, Іаковъ Мнихъ, и авторъ чтенія о житіи и погубленіи блаженныхъ страстотерпцевъ, преподобный Несторъ, оба отмѣчаютъ въ братьяхъ черту смиренной покорности передъ старшимъ братомъ [2]. По сказанію, дружина предлагаетъ Борису сѣсть на отчемъ столѣ, говоря, что «се бо вси вои въ руку твоею суть». Но Борисъ отказывается отъ такого предложенія: «не буди ми взяти рукы, говоритъ онъ, на брата своего, еще же и на старѣйша мене, его же быхъ имѣлъ аки отца». Въ житіи это мѣсто нѣсколько разукрашено. Восемь тысячъ воевъ, ходившихъ съ Борисомъ на ратныхъ, предлагаютъ ему изгнать изъ Кіева Святополка и посадить на столѣ его—Бориса [3]. Но Борисъ отклоняетъ это предложеніе, предпочитая умереть, чѣмъ погубить столько душъ, и заключаетъ: «ни пакы смѣю противитися старѣйшему брату, еда како суда Божія не убѣжу» [4]. По сказа-

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., 157; П. С. Л., Х, 49.

[2]) Мотивы этой темы, съ различными варіантами, позаимствованы почти всѣми лѣтописными сводами.

[3]) «Мы, о владыко, предани есмь благимъ отцемъ твоимъ въ руцѣ твои, нъ да идемъ или съ тобою или едини, и тако того нужею ижденемъ изъ града, тебе же въведемъ».

[4]) Сказан. о св. Борисѣ и Глѣбѣ, изд. Срезневскимъ, стр. 47 и 14—15.

нію, духовникъ Бориса (попинъ его) и отрокъ его хвалятъ своего господина, отмѣчая, что онъ сподобился великой благости, такъ какъ «не всхотѣ противитися брату своему любве ради Христовы, яко великы вои держа въ свою руку» [1]); самъ авторъ въ заключительной похвалѣ, обращаясь къ князьямъ-братьямъ, говоритъ: «по истинѣ вы цесаря цесаремъ и князя княземъ, ибо ваю пособіемъ и защищеніемъ князи наши противу встающая державно побѣждаютъ» [2]). А Несторъ заключаетъ свое «чтеніе» слѣдующимъ назидательнымъ поученіемъ, обращеннымъ къ современникамъ: «Видите-ли, братіе, коль высоко покореніе, еже стяжаста святая къ старѣйшему брату. Си аще бо быста сопротивилася ему, едва быста такому дару чюдесному сподоблени отъ Бога. Многи бо суть нынѣ дѣтьскы князи, не покоряющеся старѣйшимъ и супротивящеся имъ, и убиваемы суть; ти не суть такой благодѣти сподоблени, яко-же святая сія. Яко что бо святую сею чуднѣе, еже въ такой чти и въ такой славѣ, ти тако покореніе имуща, яко-же и на смерть предастася. Мы же ни мало имамъ покореніе къ старѣйшиимъ, но овогда прекы глаголемъ имъ, овогда же укоряемъ я, многожды же супротивимся имъ». Ссылкой на примѣръ св. братьевъ авторъ старается вызвать у современниковъ желаніе подражать ихъ примѣру [3]).

Эта послѣдняя цѣль еще сильнѣе руководила неизвѣстнымъ авторомъ «слова о князьяхъ», который гораздо детальнѣе обставилъ свое поученіе, можетъ быть, сказанное въ церкви въ день поминовенія убіенныхъ братьевъ Бориса и Глѣба. Авторъ прямо обращается съ своимъ словомъ къ князьямъ, противящимся старѣйшей братьи, и рать вздвижущимъ, и поганыя на свою братью возводящимъ. «Слышите, говоритъ авторъ, како святый Борисъ и Глѣбъ претерпѣста брату своему не токмо отъятіе власти, но отъятіе живота. Вы-же до слова брату стерпѣти не можете и за малую обиду вражду смертоносную въздвижете; помощь пріемлете отъ поганыхъ на свою братію». Сославшись на примѣръ израильтянъ, которые призвали на помощь египетскаго фараона и въ наказаніе были плѣнены египтянами, авторъ приглашаетъ князей познать свое достоинство и честь, ссылается на примѣръ дѣда— св. Володимера и братьевъ — великихъ чудотворцевъ Бориса

---

[1]) Тамъ-же, стр. 50.
[2]) Тамъ-же, 66.
[3]) Житіе и сказаніе о чудесахъ св. мучениковъ Бориса и Глѣба. *Востоковъ*, Оп. Рум. муз., № CLII, стр. 201 и слѣд.; *Хрущовъ*, Древнерусскія повѣсти и сказанія, стр. 64.

и Глѣба: «сима поревнуйте, сею образъ имѣйте, сима накажетеся. Аще-ли сатана коли вражду ввержеть между братьею, да помянеть сею святаю, како смерть улюбита паче пріяти, нежели вражду удержати, и то кто претерпитъ и миръ преже начнетъ, то сима отъ Бога равну мзду пріиметъ». Авторъ подкрѣпляетъ свой совѣтъ еще другимъ примѣромъ, указывая на Давида Святославича, который ни съ кѣмъ не имѣлъ вражды. Если кто шелъ на него войной, то онъ «покореніемъ своимъ рать уставляше», и при всемъ томъ княжилъ въ Черниговѣ «въ большемъ княженіи, понеже бо старій братьи своей». Если кто изъ братіи къ нему кривду творилъ, то онъ все переносилъ; а если кому крестъ цѣловалъ, то не ступалъ во всю жизнь, хотя бы кто и не исправлялъ цѣлованія относительно его. «Братья-же его видяще тако суща, вси слушахуть его яко отца и покоряются ему яко господину: въ велицѣ тишинѣ бысть княженіе его» [1]). Начавъ съ темы о покореніи старѣйшей братіи, авторъ сбивается подъ конецъ на тему о смиреніи и братолюбіи вообще. Послѣднее доказываетъ, что духовенство обращало гораздо больше вниманія на тѣ благія послѣдствія, которыя должны были проистечь отъ примѣненія начала старѣйшинства, чѣмъ на самое это начало и на тѣ формы, въ которыхъ оно должно было воплотиться. А послѣдствія представлялись уму современника, смущенному неправдами дѣйствительной жизни, въ весьма радужныхъ краскахъ: нужно было какими бы то ни было мѣрами добиться того, чтобы царствовало братолюбіе и тишина въ княженіяхъ, чтобы земля русская расплодилася и размогла въ братолюбьи князей. Живая фантазія современника переносила его въ этотъ радужный міръ, и онъ, принимая его какъ-бы за дѣйствительность, въ умиленіи повторялъ слова царя Давида: «се коль добро и коль красно, еже жити братома вкупѣ» [2]).

Но жизнь шла своимъ путемъ, среди все болѣе возрастающихъ княжескихъ которъ, и назидательному современнику, уже послѣ того, какъ Андрей Боголюбскій ушелъ отъ шума междоусобныхъ войнъ въ болѣе спокойные предѣлы русской земли, все еще приходилось возвращаться къ старой темѣ: вѣрный своей методѣ объяснять всякую удачу или неудачу своими нравоученіями, онъ такъ

[1]) Это слово цитируется по сборнику Древлехранилища Погодина № 1024, писанному уставомъ XV в. въ два столбца; сборникъ носитъ слѣдующее заглавіе: «Сиія книга именуется женчюгъ и матица златая, сказаніе о книжнѣй вещи». Слово о князьяхъ помѣщается на л. 263 об.—265.

[2]) Лѣт. по Лавр. сп., 133; П. С. Л., IX, 73; Никон. лѣт., IV, 214.

толкуетъ побѣду Михалка и Всеволода надъ Ростиславичами: «Богу наказавшю князий креста честнаго не преступати и старѣйшаго брата чтити, а злыхъ человѣкъ не слушати, иже не хотять межи братьею добра» [1]). Наряду и наравнѣ съ началомъ старѣйшинства было указано еще другое начало, по которому должна быть перестроена политическая жизнь для достиженія ясно поставленной цѣли; оно находилось въ весьма близкомъ соотвѣтствіи съ признаннымъ на Любечскомъ съѣздѣ порядкомъ распредѣленія волостей [2]). Соблюденіе «чюжаго предѣла»—вотъ то новое средство, которое должно было повести къ водворенію тишины и братолюбія. Оно явилось какъ бы коррективомъ къ началу старѣйшинства и указано было въ виду того, что мирное теченіе жизни нарушалось больше всего захватами чужихъ волостей. Одинъ изъ такихъ случаевъ произошелъ вскорѣ послѣ смерти Ярослава, распредѣлившаго волости между сыновьями. Святославъ Черниговскій, по уговору со Всеволодомъ, изгналъ Изяслава съ Кіевскаго стола. Возмущенный такимъ насиліемъ лѣтописецъ взвелъ даже на Святослава напраслину, будто онъ «бѣ начало выгнанью братню, желая болшее власти... преступивъ заповѣдь отню, паче же Божью. Велий бо есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего...»; и въ заключеніе говоритъ: «не добро бо есть преступати предѣла чюжего» [3]). Изъ житія Ѳеодосія Печерскаго извѣстно, что этотъ эпизодъ вызвалъ негодованіе и со стороны преподобнаго. Онъ началъ обличать Святослава за несправедливый поступокъ, «яко не по закону сѣдша на столѣ томъ, яко отца си, брата старѣйшаго прогнавша». Объ этомъ Ѳеодосій посылалъ къ великому князю епистоліи, а иногда обличалъ его въ присутствіи княжескихъ вельможъ [4]). На одно изъ такихъ посланій князь сильно разгнѣвался и хотѣлъ сослать блаженнаго въ заточеніе, но послѣдній не испугался княжескаго гнѣва и «оттолѣ болшими начатъ того укоряти о братоненавидѣніи». Не достигнувъ результата этимъ способомъ, Ѳеодосій хотѣлъ мольбою умолити князя и при встрѣчѣ съ нимъ замѣтилъ: «се намъ подобаетъ обличити и глаголати вамъ, еже на спасеніе души, вамъ же лѣпо по-

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., 357; по Ипат., 408; Лѣт. Переясл., 80.

[2]) Князья условились: «да нынѣ отселѣ имемся по едино сердце и блюдемъ рускыѣ земли; кождо да держить отчину свою». Лѣт. по Лавр. сп., 247; по Ипат., 167.

[3]) Лѣт. по Лавр. сп., 177 и слѣд.; по Ипат., 128; П. С. Л. V, 147; IX, 100.

[4]) «Се же и послѣже вписа къ нему епистолію велику зѣло, обличая тою, глаголя: гласъ крови брата твоего вопіетъ на тя Богу, яко Авелева на Каина, и инѣхъ многихъ древнихъ гонитель и убойникъ и братоненавидникъ приводя, и притчами тому вся, яже о немъ, указавъ, и тако вписавъ, посла».

слушати того». Въ этихъ мирныхъ бесѣдахъ св. игуменъ много указывалъ князю «о любви брата» и «вспоминаше тому страхъ Божій и любовь, еже къ брату». Однажды за княжескимъ столомъ блаженный замѣтилъ: «аще боишися мене, тогда створи волю мою, възврати брата твоего на столъ, иже ему благовѣрный отець предасть». Но князь отмолчался. Ѳеодосій велѣлъ и въ ектеніяхъ поминать Изяслава, «яко столному князю тому старѣйшу всѣхъ, сего-же, яко чрезъ законъ сѣдша на столѣ томъ, не веляше поминати въ своемъ монастырѣ»; только по умоленію братіи разрѣшилъ онъ поминать и Святослава, но послѣ Изяслава[1]). Къ сожалѣнію, епистоліи Ѳеодосія неизвѣстны, и нельзя указать, въ чемъ онъ видѣлъ нарушеніе закона. И самое житіе не объясняетъ, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ нарушеніемъ: нарушеніе-ли старѣйшинства, или-же неприкосновенности чужаго предѣла. Послѣднее правило—о соблюденіи чужаго предѣла—проникло и въ сознаніе князей. Подъ 1100 г. въ Софійской первой лѣтописи отмѣчено: «Бысть княземъ русьскымъ межи собою миръ и любовь братіи... не вступатися въ чужей предѣлъ никому-же»[2]). Легко убѣдиться что оба указанныя начала въ понятіи современниковъ не исключались одно другимъ, а, наоборотъ, признавались совмѣстными. Передъ Липецкимъ боемъ старый бояринъ Андрей Станиславичъ говоритъ князьямъ Юрію и Ярославу, что по его мнѣнію «лутчи есть миръ взяти и дати старѣйшинство старѣйшему твоему брату Константину Всеволодичю, а Новогородцкія власти и люди отпустити, и чюжихъ не возхищати, и не въ свои предѣлы не вступатися, но знати своя и сихъ стрещи, и о семъ стоати накрѣпко»[3]). Въ связи съ пропагандой идеи о ненарушимости чужихъ владѣній бытоописатель всегда съ любовью останавливается на примѣрѣ тѣхъ князей, которые насильно не добивались княженій. Такъ мнихъ Іаковъ влагаетъ въ уста Бориса слѣдующія слова: «не всхотѣхъ-бо взыскати княженія себѣ самъ, ничто же себѣ изволихъ»...[4]). Погибель-же Изяслава Ярославича въ войнѣ, предпринятой въ защиту Всеволода, даетъ поводъ лѣтописцу замѣтить: «аще что створилъ есть въ свѣтѣ семь, етеро согрѣшенье, отдасться ему, занеже положи главу свою за брата своего, не

---

[1]) *Яковлевъ*, Памятники русской литературы XI и XII вв., стр. L—LIV.
[2]) П. С. Л. V, 154.
[3]) П. С. Л. X, 71; Ср. IV, 22. Въ поученіи Константина Всеволодовича дѣтямъ сказано: *старѣйшаго слушайте и чтите*, и межи собою въ любви и мирѣ живите... и чужихъ не желайте и *на чужія предѣлы не прескакайте*, но будите своими доволни. П. С. Л X, 80; ср. Лѣт. по Лавр. сп., 420.
[4]) Сказан. о св. Борисѣ и Глѣбѣ, изд. *Срезневскимъ*, стр. 49.

желая болшее волости, ни имѣнья хотя больша, но за братню обиду» [1]). Память о такихъ князьяхъ лѣтопись увѣковѣчила подъ именемъ «князей братолюбцевъ [2])».

Разработка указанныхъ темъ не шла дальше намѣченныхъ положеній и въ большинствѣ случаевъ сводилась на почву общенравственныхъ поученій о любви, кротости, смиреніи и т. п. Лѣтопись не пропускаетъ ни одного случая, чтобы не вернуться къ этой излюбленной темѣ [3]). Всѣ бѣдствія родной земли, особенно половецкія нашествія, покореніе Руси татарами и послѣдующія отъ нихъ опустошенія она объясняетъ гнѣвомъ Божіимъ за княжескія распри: «наведе Богъ.... за неправду нашю, говоритъ лѣтописецъ, мню бо и князи ради, зане живяхуть въ которахъ межи собою» [4]). Легкость, съ какою монголы покорили Русь, объясняется ея политическою слабостью, вслѣдствіе дробленія на удѣлы [5]). Сѣверные князья не смогли выставить противъ татаръ даже такого союза князей, который выступилъ въ сраженіи при Калкѣ. Владимірскій князь Юрій Всеволодовичъ, славившій Бога и св. Богородицу за уклоненіе отъ первой встрѣчи съ татарами, собственною смертью и разореніемъ княженія искупилъ свою политическую близорукость [6]). Спокойствіе ростовской земли, привлекшее Андрея Боголюбскаго, продолжалось недолго. И здѣсь, какъ это замѣтилъ современникъ про князей Михаила Ярославича и Юрья Даниловича, «сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша въ князѣхъ которы и вѣци скоротишася человѣкомъ» [7]). Всѣ мѣры, рекомендованныя нашими книжниками, какъ исходъ изъ тягостнаго положенія современности, оказались безплодными. Мѣры эти были слишкомъ общи, чтобъ можно было

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., 197; П. С. Л. IX, 109.

[2]) Лѣт. по Ипат. сп., 384; ср. П. С. Л. IX, 229.

[3]) Для примѣра см. П. С. Л. VII, 121; IX ,120, 157, 164, 182, 190; X, 70—74, 138, 157.

[4]) Лѣт. по Лавр. сп., 458; П. С. Л. IX, 95; X, 164.

[5]) Позднѣйшій бытоописатель по этому поводу отмѣтилъ, что когда умножились державствующихъ сыновья, а вмѣстѣ съ тѣмъ умножились области и возросло многое вельможество, когда земля русская «преторжеся на многія части» и возросла въ землѣ злоба, «паче-же во владущихъ»,—то слѣдствіемъ этого было то, что «державніи наши, аще и благочестиви бяху, но обаче другъ предъ другомъ честь и начальство получити желаше и единъ единаго отъ отеческаго достоянія изгоняше и кождо самочиннѣ тщашеся самодержавство восхитити». Степ. кн. I, 329 и 333.

[6]) Позднѣйшій писатель вѣрно замѣтилъ, что «поглащена бысть премудрость могущихъ строити ратная дѣла... и сего ради ни единъ отъ князей русскихъ другъ къ другу поиде на помощъ». П. С. Л. X, 105—106.

[7]) *Срезневскій*, Свѣд. и замѣтки, № VIII. Эти слова заимствованы авторомъ изъ Слова о полку Игоревѣ, (см. 2-е изд. Тихонравова, М. 1868, стр. 5).

ими воспользоваться въ практической жизни. Хотя князья, поскольку они прониклись поученіями духовенства, и пытались примѣнить указанныя мѣры для урегулированія своихъ отношеній, но большею частью безуспѣшно. И религіозно-нравственная сторона указанныхъ поученій не имѣла практическихъ результатовъ: на сѣверо-востокѣ древней Руси, особенно послѣ монгольскаго завоеванія, нравы не только не смягчаются, но замѣтно грубѣютъ.

Но политическая проповѣдь духовенства не остановилась на этомъ. Тема, къ разсмотрѣнію которой предстоитъ теперь перейти, является не менѣе важной. Слѣдуетъ замѣтить, что христіанство, признавая сферу государственной жизни совершенно независимою, вносило, однако, въ нее цѣлый рядъ общихъ принциповъ, которые считались обязательными для каждаго христіанскаго государства и пропагандировались на ряду съ религіозными истинами. Къ числу такихъ принциповъ, оказавшихъ немаловажное вліяніе на направленіе и характеръ государственной дѣятельности въ средніе вѣка, слѣдуетъ отнести христіанскую идею о богоустановленности власти. Эта идея представляла немалыя трудности для усвоенія ея слишкомъ простымъ умомъ, непривыкшимъ къ отвлеченнымъ построеніямъ. А отвлеченіе было необходимо, чтобы примирить эту идею съ фактами обыденной жизни. Пропаганда ея на Руси началась вслѣдъ за введеніемъ христіанства и велась то съ меньшимъ, то съ большимъ рвеніемъ. Первое упоминаніе о ней находится въ лѣтописномъ разсказѣ объ искорененіи разбоя при Владимірѣ Св. Когда епископы обратились къ князю съ вопросомъ, почему онъ не казнитъ разбойниковъ, а онъ отвѣтилъ, что боится грѣха, то епископы поучали его: «ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоитъ ти казнити разбойника, но со испытомъ» [1]. Владиміръ, исполнявшій съ охотой всѣ совѣты своихъ новыхъ учителей, могъ понимать въ буквальномъ смыслѣ идею о своемъ божественномъ поставленіи: спокойное единовластительство подкрѣпляло его въ этомъ убѣжденіи. Но когда въ его потомствѣ открылась почти безпрерывная

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., 124; по Ип. сп., 87; П. С. Л. V, 123. По другимъ лѣтописнымъ сводамъ, епископы не ограничились только такимъ краткимъ наставленіемъ, а присоединили къ этому поученіе о существенныхъ признакахъ власти, согласно апостольскому ученію. Въ Никон. Лѣт. это мѣсто читается такъ: «подобаетъ ти со испытаніемъ и разсмотрѣніемъ злыхъ казнити по закону божественому, а добрыхъ миловати; понеже власть во обоихъ сихъ послушныхъ окормляетъ еже есть страхомъ и милостію; безъ сихъ бо власть никакоже пребываетъ». П. С. Л IX, 67. Это мѣсто носитъ характеръ болѣе поздней передѣлки, какъ и любопытное изложеніе его въ Степенной книгѣ, I, 163—166.

борьба за обладаніе стольными городами, примиреніе этой идеи съ порядками дѣйствительной жизни стало затруднительнымъ. Въ дѣйствительной жизни господствовала большая путаница началъ относительно преемства столовъ: начало старшинства постоянно нарушалось правомъ добыванія волостей; начало семейно-вотчинное сталкивалось съ правомъ населенія призывать князя. Всѣ же эти колеблющіяся отношенія князья старались закрѣпить лишь посредствомъ соглашенія, ряда. Вводить въ эту сферу измѣнчивыхъ отношеній руководство верховнаго промысла—значило подвергать его всѣмъ случайностямъ непостоянства человѣческой воли.

Но проповѣдь духовенства о богоустановленности власти не прекращалась. Митр. Иларіонъ въ извѣстномъ словѣ о законѣ и благодати, обращаясь къ кагану Владиміру, говоритъ: «Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твой Георгій, его жъ сотвори Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству» [1]). Въ посланіяхъ своихъ къ Владиміру Мономаху митрополитъ Никифоръ указываетъ, что «князья избрани быстѣ отъ Бога и возлюблени быстѣ Имъ»; о самомъ же Владимірѣ онъ говоритъ, что «его Богъ издалеча проразумѣ и предповелѣ, его изъ утробы освяти и помазавъ», и т. д. [2]). Въ началѣ XIV в. самъ константинопольскій патріархъ пишетъ великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому: истинно видимъ, яко Богомъ дана ти есть власть и княженіе, понеже тщишися и дерьзаеши, да ходять людіе по правдѣ, въ славу Богу» [3]). Теорія божественнаго поставленія, однако, очень туго проникала въ сознаніе князей и понималась весьма конкретно, до такой степени конкретно, что въ умѣ современника божественное руководство заняло одинакое положеніе въ ряду прочихъ конкретныхъ силъ. Бытоописатель оправдываетъ на основаніи этой теоріи тѣ отношенія, которыя считаетъ правильными, и отмѣчаетъ, какъ противорѣчащія ей, тѣ, которыя, по его мнѣнію, достойны бо́льшаго или меньшаго порицанія. Половецкіе князья говорятъ Глѣбу Юрьевичу: «Богъ посадилъ тя и князь Андрей на отчинѣ своей и на дѣди-

---

[1]) Приб. къ Твор. Св. Отцовъ, II, 1844 г., стр. 246; Чтен. Общ. Ист. и Др. 1848 г., кн. VII.

[2]) Памятн. росс. словесн. XII в., 163; Русск. Достоп. I, 63. Подъ 1206 г., по поводу назначенія Всеволодомъ Юрьевичемъ сына своего Константина въ Но́вгородъ на княженіе, современникъ вноситъ въ свои записки слова апостола Павла—«власти мирьскыя отъ Бога вчинены суть». Лѣт. по Лавр. сп., 401.

[3]) Р. И. Б. VI. № 16, I. Въ повѣсти о житіи Александра Невскаго сказано: «*во истину* безъ Божія повелѣнія не бѣ княженіе его». Новг. лѣт. по Синод. сп., Спб. 1888 г., стр. 252, прим.

ни»,—и лѣтописецъ не находитъ ничего страннаго въ этой рѣчи: она вполнѣ отвѣчаетъ его міровоззрѣнію [1]). Разсказывая объ извѣстномъ столкновеніи ростовцевъ и суздальцевъ съ владимірцами, лѣтописецъ, между прочимъ, говоритъ: «сего же Михалка и брата его Всеволода избра Богъ и св. Богородица»; а нѣсколько далѣе продолжаетъ: «людье мѣзиннии володимерьстии... яшася по правду крѣпко и рекоша вси собѣ: любо Михалка князя собѣ налѣземъ и брата его Всеволода, а любо головы своѣ положимъ за святую Богородицю» [2]). Онъ же влагаетъ въ уста князя Всеволода слѣдующія слова, обращенныя къ Мстиславу Ростиславичу: «тобе ростовци привели и боляре, а мене былъ съ братомъ Богъ привелъ и володимерци» [3]). Въ этомъ сопоставленіи лѣтописцу не кажется страннымъ, что Богомъ избраннаго князя приходится налѣзать и приводить.

Но идея о божественномъ поставленіи властей, понимаемая даже въ конкретномъ лишь ея проявленіи, должна была содѣйствовать возвышенію княжескаго авторитета тѣмъ болѣе, что проповѣдь ея сопровождалась почти всегда другой тѣсно связанной съ ней темой, отправной точкой для которой послужило апостольское ученіе о почитаніи властей. Такъ новгородскій епископъ Лука Жидята въ своемъ поученіи къ братіи наказуетъ: «Бога ся бойтеся, а князя чтите. Раби будете первое Божіи, таже Господу чтите отъ всего сердца» [4]). Въ сборникѣ поученій XII в. русскаго письма, въ статьѣ «Поученіе любовно», преподается такое-же правило: «буди боязнивъ предъ цесаремъ, готовъ въ повелѣніи его» [5]). Въ Кормчей XIII в. находится любопытная статья русскаго происхожденія—поученіе духовника исповѣдающимся,—гдѣ сказано: «такоже и къ властельмъ страхъ имѣй и любовь: боябося ихъ съблюдешися отъ зла, имь же ненависть приходить, и любя я, тъчное отъ нихъ восприимеши... Всяка власть отъ Бога; по санъмъ же всѣмъ честь отдавай» [6]). Въ одномъ поученіи XIII в. неизвѣстнаго автора, озаглавленномъ «Слово св. Отецъ, како жити крестьяномъ», преподается слѣдующее наставленіе: «наипаче-же своему князю пріязнь имѣй, а не мысли зла нань. Глаголеть бо Павелъ

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., 339; по Ипат. сп., 379.
[2]) Лѣт. по Лавр. сп., 359.
[3]) Тамъ-же, 361; П. С. Л. V, 166.
[4]) *Макарій*, Ист. русск. церкви, т. I, изд. 2-е, 279; Русск. Достоп. I, 10. Объ авторѣ см. предисловіе въ Русск. Достоп., 4—6, и *Срезневскаго*, Древн. памятники письма и языка, изд. 2-е, стр. 16.
[5]) *Срезневскій*, Свѣд. и зам. о малоизв. и неизвѣстн. пам., № LII, стр. 206.
[6]) Р. И. Б., VI, 124.

апостолъ: отъ Бога власти всяки устроены суть; рече-бо: Бога ся бойте, а князя чтите. Аще-бо властелемъ кто противится, то Божію суду повиненъ есть, повелѣнію-бо противится Божію [1]). Этой-же темы касаются въ своихъ поученіяхъ и митрополиты, напр. Кириллъ, Алексѣй, Фотій [2]). Болѣе подробнаго развитія этой темы мы не встрѣчаемъ до XVI в. Понятія представителей духовенства и книжниковъ вполнѣ удовлетворялись положеніемъ, что такъ какъ власть учинена Богомъ, то князья и имѣютъ право казнить злыхъ и миловать добрыхъ; изъ страха передъ карающимъ мечемъ слѣдуетъ дѣлать добро и отвращаться отъ зла.

Къ указанной темѣ съ довольно ранняго времени присоединяется другая, заимствованная отъ отцовъ церкви и изъ ветхозавѣтныхъ ученій: идея о богоустановленности власти усиливается еще идеей объ ея обоготвореніи. Уже въ XII в. мы встрѣчаемся съ зачатками этого ученія. Въ приведенномъ выше назидательномъ поученіи лѣтописца по поводу убіенія Андрея Боголюбскаго, рядомъ съ словами ап. Павла о томъ, что власти отъ Бога учинены суть, стоитъ: «Естьствомъ бо земнымъ подобенъ есть всякому человѣку цесарь, властью же сана яко Богъ, вѣща бо великый Златоустецъ; тѣмъ-же противяся волости» и проч. [3]). Это мнѣніе о приравненіи царскаго сана божескому авторитету для

[1]) Журн. Минист. Нар. Пр. 1854 г. № 12; Правосл. Собѣс. 1859 г. № 1, стр. 134. Поученіе это относятъ къ XIII в.; въ немъ счетъ идетъ еще на рѣзаны. Очень сходно съ этимъ мѣсто въ «Сказаніи о заповѣди св. отецъ, о покаяніи поученіе», гдѣ говорится: «наипаче же князю своему служите всѣмъ сердцемъ и властелемъ своимъ»... *Срезневскій*, Свѣд. и зам., № LVII, стр. 307.— Ср. еще лѣтописный разсказъ объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, гдѣ сказано: «не вѣдуче (убійцы) глаголемаго: идѣ-же законъ, ту и обидъ много. И паки Павелъ апостолъ глаголеть: всяка душа властелемъ повинуется, власти бо отъ Бога учинени суть... тѣмъ же противяся волости, противиться закону Божью, князь бо не туне мечь носить. Божій бо слуга есть». Лѣт. по Лавр. сп., 351; по Ипат., 402; Лѣт. Переясл. Сузд., 84.—Подъ 1206 г. лѣтописецъ предлагаетъ слѣдующее поученіе на ту-же тему: «И паки апостолъ рече: власти мирьскыя отъ Бога вчинены суть; но власти боящеся да зла не створимъ, да не отъ нихъ пакы и муку приимемъ; и того ради глаголеть: Богу слуга есть, мьстя злодѣемъ; хощеши-ли ся власти не бояти, зла не твори, и похвалить тя; аще ли зло творишь, бойся, не бо безъ ума мечь носить». Лѣт. по Лавр. сп., 401.

[2]) Кириллъ поучалъ новгородцевъ: «Господа Бога бойтеся, а князя чтите». П. С. Л. X, 149. Митр. Алексѣй въ «поученіи отъ апостольскихъ правилъ къ христолюбивымъ христіаномъ» писалъ: «А людская чадь Бога бойтеся, а князя чтите». Приб. къ Твор. Св. Отцевъ, 1847, стр. 34. Митр Фотій въ посланіи литовскимъ священникамъ и мирянамъ поучалъ: «сущеи-же надъ властію вѣру къ Богу несумѣнну принесете... и благопокореніе-же и повинованіе къ иже данна есть на вы власть и сила отъ Вышняго». Д. къ А. И. I, № 183, стр. 345.

[3]) Замѣчательно, что это мѣсто находится не только въ сѣверныхъ лѣтописяхъ, Лаврентьевской и Переяславской, но и въ южно-русскомъ сводѣ. Лѣт. по Ип. сп., 402.

современника Всеволода Юрьевича является слишкомъ рѣзкимъ анахронизмомъ [1]): русская жизнь не знала еще такихъ князей, и даже попытка Андрея Боголюбскаго сдѣлаться самовластцемъ Суздальской земли не находитъ одобренія со стороны даже нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ, которые упрекаютъ кн. Андрея за его невоздержаніе, гордость и властолюбіе, и весь замыселъ его приписали навожденію завистника рода человѣческаго—дьявола и слугъ его, лукавыхъ, злыхъ и завистливыхъ человѣкъ [2]). Но не смотря на безпочвенность этого ученія, наши книжники продолжали его пропаганду. Въ одномъ поученіи, обращенномъ къ князьямъ и озаглавленномъ «Наказаніе княземъ, иже даютъ волость и судъ небогобойнымъ и лукавымъ мужемъ»,—приводятся слѣдующія слова: 1) царя Соломона—что «князь, любя судъ и правду, небо есть земное, и душа его—престолъ Христови»; его-же: «бози будете и сынове Вышняго»; 2) ап. Павла: «князи и вся судья земскія слуги божія суть;» 3) Ефрема (Сирина): «Бози бывше, измрете, яко человѣцы, и во пса мѣсто во адъ сведени будете», и 4) Іова (Иева): «Богъ въ собе мѣсто избра васъ на земли и на своемъ престолѣ, взнесъ, посади; милость и животъ положи у тобе» (sic) [3]). Любопытно, какъ приспособлялись эти отвлеченныя теократическія идеи къ простому уму неразвитаго русскаго человѣка, неуспѣвшаго еще воспитать въ себѣ идею о величіи мірской власти. Въ упомянутомъ «Поученіи духовника исповѣдающимся» о властеляхъ, между прочимъ, преподано такое назиданіе: «Не мози же обыкнувъ ихъ рещи: и си человѣци таци же суть, ти родять о нихъ. Всяка власть отъ Бога», и проч. [4]).

Изъ идеи о божественномъ происхожденіи власти сдѣланы были два ближайшихъ важныхъ вывода. Первый выводъ состоялъ въ

---

[1]) Въ Лавр. сп. лѣт., вслѣдъ за похвальнымъ словомъ князю Андрею, слѣдуетъ заключеніе: «молися помиловати князя нашего и господина Всеволода, своего-же приснаго брата» (стр. 352); а въ лѣтописи Переясл. Сузд. вмѣсто имени Всеволода стоитъ: «молися помиловати князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго и благороднаго сыновца» (стр. 84). Этотъ переяславскій князь, племянникъ Андрея имѣлъ дѣтей отъ второго брака не ранѣе 1219 г., а приписъ сдѣлана, когда у него еще не было дѣтей, потому что въ ней заключается и моленіе о «прижитіи дѣтій благородныхъ». См. *Оболенскаго*, Предисловіе къ Переясл. Лѣт., стр. III, и *Полѣнова*, Обозрѣніе Лѣтоп. Переясл. въ Уч. Зап. II Отд. Ак. Наукъ, Памятники, стр. 61.

[2]) Лѣт. по Ип. сп., 389—390; Ст. кн. I, 284; П. С. Л. IX, 221.

[3]) Пам. стар. русск. литер. IV. 184. Въ «Повѣсти о житіи и о храбрости благовѣрнаго и великаго князя Александра» приводится пророчество Исаіи «тако глаголеть Господь: князя азъ учиняю, священни бо суть; и азъ вожю я; во истину бо безъ Божія повелѣнія не бѣ княженіе его». П. С. Л. V, 2; Новгор. Лѣт. по Синод. сп., СПб. 1888 г., 252, примѣч.

[4]) Р. И. В. VI, 124.

томъ, что если власть дается отъ Бога, то нельзя добиваться ея насильно. Второй выводъ,—что руководство божественнаго промысла предопредѣляетъ и качество власти. Древняя русская жизнь представляла не мало поводовъ для пропаганды перваго вывода. Насильственные поступки князей, поразительные по своей безчеловѣчности, вызываютъ рѣзкій ропотъ лѣтописцевъ. Вѣроломство Святополка, бывшее причиной мученической смерти Бориса и Глѣба, прежде всего обратило на себя вниманіе назидательнаго автора, который, по поводу намѣренія Святополка избить всѣхъ своихъ братьевъ и захватить въ свои руки всю «власть русьскую», въ порывѣ негодованія восклицаетъ: «помысливъ высокоумьемь своимь, не вѣдый, яко Богъ даеть власть, ему же хощеть; поставляеть бо цесаря и князя Вышній, ему же хощеть, дасть» [1]). Подобное же нравоученіе вызываетъ у лѣтописца и поведеніе ростовцевъ, которые, «вознесшеся гордостію своею... не вѣдяще, яко безъ смиренія ничто-же успѣваетъ», не позволили Мстиславу Ростиславичу заключить миръ съ Всеволодомъ Юрьевичемъ и настояли на войнѣ, въ которой и были побѣждены [2]). Злодѣйскій умыселъ рязанскихъ князей Глѣба и Константина, замысливших «избити всю братію, хотяще едины всю власть держати» также побуждаетъ лѣтописца напомнить «Писаніе, глаголющее: Богъ даеть власть ему же хощеть, и поставляеть царя или князя Вышній и воздвигаетъ отъ земли нища и посажаеть на высокихъ; кто убо противится воли его или кто речетъ противу его; Богъ бо есть, яко же хощеть, творить» [3]).

Второй выводъ могъ относиться главнымъ образомъ къ населенію, участіе котораго въ политической жизни, въ періодѣ вѣчеваго быта, проявлялось, между прочимъ, въ формѣ призванія и изгнанія князей. Населенію въ большинствѣ случаевъ было выгоднѣе имѣть сильнаго и вліятельнаго князя, за которымъ жилось безопаснѣе и спокойнѣе, а потому, если была возможность или необходимость выбора между нѣсколькими претендентами, предпочтеніе отдавалось сильнѣйшему. «Ты нашь князь, коли силенъ будеши, а мы съ тобою, а нынѣ не твое веремя, поѣди прочь», го-

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., 136; по Ипат., 98; П. С. Л. IX, 74.
[2]) П. С. Л. X, 2. Лѣт. по Лавр. сп., 361; Лѣт. Пер. Сузд., 89.
[3]) П. С. Л. X, 78. Лѣт. по Лавр. сп., 418; Новг. лѣт. по Син. сп., 207. Судьба суздальскаго князя Семена Дмитріевича,—который, добиваясь своей вотчины, нижегородскаго княженія, подъялъ многіе труды и истомы и служилъ въ ордѣ 8 лѣтъ, четыремъ царямъ, но ничего не успѣлъ,—наводитъ лѣтописца на размышленіе о томъ, что князь этотъ всуе трудился и «не вспомяну писанія, глаголющаго: его-же хощетъ Богъ поставляетъ князя и властелина и землидержца». П. С. Л. V, 254; VI, 131—132.

ворятъ Черные клобуки Изяславу во время борьбы его съ Юріемъ и съ ними соглашаются кіевляне [1]). Этотъ отвѣтъ можетъ служить типичной иллюстраціей отношеній населенія къ выбору князей. Но такія отношенія являлись какъ-бы вмѣшательствомъ грѣховнаго народа въ руководство божественнаго промысла, усмотрѣнію котораго, по ученію книжниковъ, слѣдовало всецѣло предоставить выборъ властеля. Позднѣе, когда обычай призванія князей для большинства княженій пересталъ существовать, то же ученіе должно было примирить населеніе съ качествами даннаго Богомъ властеля.

Указанная точка зрѣнія довольно рано была усвоена нашимъ духовенствомъ, а вслѣдъ за нимъ и нашими книжниками, которые въ подтвержденіе своихъ взлядовъ приводили слѣдующія слова писанія: «Аще бо кая земля управится предъ Богомь, поставляеть ей цесаря или князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля устраяеть и судью, правящаго судъ»; наоборотъ, неправедныхъ князей, олицетворяемыхъ современникомъ въ образѣ князей юныхъ, любящихъ вино пити съ гусльми и съ младыми совѣтниками, «Богъ даеть за грѣхы, а старыя мудрыя отъемлеть, яко же Исая глаголеть: отъиметь Господь отъ Ерусалима крѣпость и крѣпкаго исполина и человѣка храбра, и судью, и пророка, и смирена старца, и дивна свѣтника, и мудра хытреца, разумьна послушника; и поставлю уношю князя имъ и ругателя обладающа ими» [2]). Такимъ образомъ достоинства поставляемаго князя обусловливались нравственными достоинствами данной земли, поскольку она успѣла угодить Богу. Существуютъ указанія, что при примѣненіи подобной идеи, заимствованной изъ ветхозавѣтныхъ ученій, къ русской дѣйствительности отправной точкой для нашихъ книжниковъ послужила разработка этой темы въ Византіи, занесенная и къ намъ.

Значительную часть Святославова Изборника 1073 г. занимаютъ вопросы и отвѣты Анастасія Синаита, въ числѣ которыхъ находится слѣдующій: «О поставленіи властелемъ, яко не вся власти поставляетъ Богъ, всѣми же дѣйствуетъ». Судя по заглавію вопроса, можно бы заключить, что ученіе о богоустановленности власти было ограничиваемо; однако, содержаніе отвѣта не оправдываетъ этого предположенія. Анастасій поставилъ вопросъ очень рѣзко. Исходя изъ словъ апостола, что всѣ мірскія власти отъ Бога учинены суть, онъ спрашиваетъ: «да еда убо всякъ царь и князь или епископъ отъ Бога поставляется?» На основаніи словъ Божественнаго закона («Богу въ номосѣ глаголющу:

---

[1]) Лѣт. по Ип. сп., 279.

[2]) Лѣт. по Лавр. сп. 136 и 361; по Ип., 98; П. С. Л. IX, 74.

дамъ вы князя по сердцемъ вашимъ») авторъ даетъ такой отвѣтъ: «да добрѣ сь вѣдомо, яко ови князи и царіе, достойни таковыя чти, отъ Бога поставляются; ови же паки недостойни суще противу достоиньствомъ людемъ, тѣхъ недостоиньства по Божію попущенію или хотѣнію поставляются». Анастасій Синаитъ проводитъ, такимъ образомъ, весьма несущественную разницу касательно участія божественнаго промысла въ поставленіи достойныхъ и недостойныхъ царей или князей. Недостойные цари и князья поставляются вслѣдствіе недостоинства людей не только по Божію попущенію, но и хотѣнію. Отсюда совершенно естественъ былъ выводъ, сдѣланный Анастасіемъ: «егда узришь, говоритъ онъ, недостойна кого и зла царя, или князя, или епископа, не чудися, ни Божія промысла потязай, но разумѣй и вѣруй, яко противу беззаконіемъ нашимъ тацѣмъ томителемъ предаемся, тоже и тако зла не останемся». Въ подтвержденіе этой теоріи приведены двѣ назидательныя повѣсти: о царѣ Фокѣ Мучителѣ и о беззаконномъ градѣ Вифаидѣ. Одинъ черноризецъ въ Константинѣградѣ, святый мужъ, имѣющій къ Богу многое дерзновеніе и «пряшеся съ Богомъ въ простѣ», спрашивалъ про мучителя царя: Господи, зачѣмъ поставилъ такого царя? Гласъ Господень ему отвѣчалъ: «яко не нашелъ горша (злѣйша)». Въ законопреступномъ городѣ, въ Вифаидѣ, жилъ нѣкій пагубникъ, который подъ видомъ смиренія принялъ постриженіе, но не прекратилъ злыхъ дѣлъ. По смерти епископа въ этомъ городѣ, ангелъ Господень повелѣлъ поставить епископомъ вышеупомянутаго пагубника, который послѣ этого началъ еще болѣе кичиться и выситься. Тогда ангелъ Господень, явившись къ нему, сказалъ: зачѣмъ величаешься, окаянный? Повѣсть заканчивается слѣдующимъ назиданіемъ: «по-истиннѣ, яко недостоинъ святительства бысть епископъ, но иже градъ сей такого епископа достоинъ бысть» [1]). Эта тема получила въ древней Руси весьма широкое распространеніе. Подтвержденіемъ ей послужили и слова, заимствованныя изъ Притчей Соломона: «мною цесареве царствують, а сильніи пишють правду; мною вельможа величаются и мучители держать землю» [2]). Дѣйствительная жизнь, вѣроятно, нерѣдко побуждала благочестивыхъ людей отыскивать успокоеніе въ этой теоріи. Въ лицѣ хановъ Золотой Орды, на которыхъ перенесены были отвлеченныя представленія о божественномъ происхожденіи власти [3]), впервые

---

[1]) Изборникъ Святослава, по изд. Общ. люб. древн. письм., LV, 1880, л. 95—96.

[2]) Лѣт. по Лавр. сп., 149; по Ип. сп. 107.

[3]) Князь Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, отказываясь исполнить обрядъ прохожденія межъ огней, призналъ власть хана: «тебѣ, царю, кла-

появились такіе цари, которыхъ можно было смѣло причислить къ числу царей мучителей. Въ повѣсти объ убіеніи тверскаго князя Михаила про богомерзкаго царя Озбяка, который принялъ вѣру «Срачиньскую и оттолѣ наипаче не пощадѣти нача роду христіанского», сказано: «Яко же бо о таковыхъ рекоша царьскыя дѣти, иже плѣнени въ Вавилонъ, сице глаголааху: предасть ны въ руцѣ царю нечестивому, и законопреступному, и лукавнѣйшю паче всея земля; егда бо Господь градъ Ерусалимъ казня, предасть въ руцѣ царю Титу Римьскому; и паки егда Фоцѣ Царьградъ предасть въ руцѣ, тако же не Фоку любя, но Царьградъ казня за людьская согрѣшенія; еже и се бысть за наша согрѣшенія» [1]. Политическая практика московскихъ объединителей точно также не разъ подавала поводъ къ пропагандѣ этой идеи. Съ этого времени указанный вопросо-отвѣтъ Анастасія Синаита получаетъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе. Имъ, повидимому, очень интересовался и горячій поборникъ московскихъ князей, митрополитъ Алексѣй [2].

няюся понеже ти Богъ поручилъ царствіе и славу свѣта сего». П. С. Л. V, 184; VII, 154; Новг. лѣт. по Син. сп., 266; *Макарій*, V, стр. 411. Въ позднѣйшей редакціи житія слова эти переданы такъ: «тебѣ же царю сущу мертвену и тлѣнну, но яко власть имущу обладателну, честь воздаемъ и поклоняемся, понеже вручено ти есть царствіе отъ Бога»... П. С. Л. X, 131.

[1]) П. С. Л. V, 208; VII, 189.

[2]) Въ сборникѣ, написанномъ его рукою, содержится и вопросо-отвѣтъ Анастасія Синаита съ слѣдующимъ заглавіемъ, отличающимся отъ перевода въ Изборникѣ: «О поставленіи властелей, яко не вся убо во власть поставляетъ Богъ, всѣми-же дѣйствуетъ; и убо достойніи, яко достойни поставляются, недостойніи же на показаніе согрѣшшимъ и на обращеніе, и яко тою вещію, по правому суду Божію, предани бываемъ языкомъ». *Филаретъ*, Обзоръ русск. дух. литер., изд. 3-ье, стр. 75. Въ сборникѣ первое мѣсто занимаетъ Четвероевангеліе, потомъ глава, содержащая вопросо-отвѣтъ Анастасія Синаита, далѣе Дѣянія и посланія апостоловъ и Апокалипсисъ. О Новомъ завѣтѣ сохранилось извѣстіе, что онъ былъ «переводу и рукописанія св. Алексѣя»; см. *Филарета*, тамъ-же, стр. 73. Сдѣланъ ли также митрополитомъ и переводъ Анастасія Синаита,—рѣшать не беремся. Въ одномъ изъ сборниковъ Публ. Библ. Q. I, № 214, л. 157 об., слово Анастасія носитъ заглавіе довольно сходное съ только что указаннымъ: «О избраніи властей—и яко вся убо власти не избираетъ Богъ, всѣми-же дѣйствуетъ. И яко избираетъ множицею недостойныхъ Богъ; и достойни убо яко достойни избираемы суть, недостойни же паки къ наказанію съгрѣшающимъ и обращенію, и яко тѣмъ же образомъ по праведному суду Божію предаемся въ языки; и яко показанія ради обладающе насъ зли суще», и проч. Это заглавіе совершенно сходно съ переводомъ этого слова въ изложеніи Никона Черногорца по почаевскому изданію, л. 305 об. Переводъ этого слова въ пандектахъ относится къ XIV в., Опис. ркп. Синод. Библ., отд. II., ч. 3, стр. 15, 21 и 37; *Срезневскій*, Свѣд. и замѣтки № LV, стр. 218 и 248. О болгарскихъ и сербскихъ переводахъ пандектъ см. *Е. І. Калужняцкаго*, Обзоръ славянорусскихъ памятниковъ письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ. Труды третьяго (Кіевскаго) археолог. съѣзда, т. II, прилож., стр. 246—252. Если митр. Алексѣй не самъ переводилъ слово Анастасія, то онъ могъ заимствовать его именно изъ переводовъ Никона Черногорца.

Извѣстны и другіе списки этого вопросо-отвѣта отъ XIV вѣка [1]). Въ рукописныхъ сборникахъ XVI вѣка онъ уже очень распространенъ [2]).

Третьимъ выводомъ изъ идеи о богоустановленности власти было ученіе объ особой отвѣтственности царей и князей предъ Богомъ, сопряженной съ ихъ высокимъ саномъ, за исполненіе возложенныхъ на нихъ задачъ—«безъ блазна Богомъ данные люди управити». Эти задачи прекрасно выражены въ отвѣтѣ печерскаго игумена Поликарпа князю Ростиславу Мстиславичу: «вамъ Богъ тако велѣлъ быти: правду дѣяти на семъ свѣтѣ, въ правду судъ судити и въ хрестномъ цѣлованьи вы стояти (и земли русскіе блюсти») [3]). Но при всей видимой несложности задачъ управленія и онѣ оказались очень трудными для выполненія. Отправленіе правосудія, вызывавшее такъ много жалобъ и неудовольствій населенія, справедливо обратило на себя особенное вниманіе духовенства, которое такъ много содѣйствовало урегулированію этой сферы внутренняго управленія и стремилось пересоздать начала національнаго русскаго права при помощи церковнаго законодательства, заимствованнаго изъ Византіи [4]). Съ точки зрѣнія божественнаго поставленія власти духовенство обратилось съ особымъ назиданіемъ князьямъ объ отвѣтственности ихъ за правый судъ. Въ предисловіи къ Русской правдѣ, по нѣкоторымъ ея спискамъ, и въ особой статьѣ, подъ заглавіемъ «Слово Василія Великаго о судіяхъ и о клеветахъ», эта отвѣтственность изложена, по Соломону, такимъ образомъ: «послушайте и внушите вси судящии земли, яко отъ Бога дасться вамъ власть и сила отъ Вышняго; и паки: горе оправдающему нечестиваго мьзды ради и отъ праваго правду отъемлющему; давый бо вамъ власть Богъ истяжеть

---

[1]) Опис. ркп. Троицко-Сергіевской Лавры, т. I, стр. 31. Въ сборникѣ XV вѣка Синодальной библіотеки находится статья, озаглавленная: «о властелѣхъ и повинующихся властемъ». Судя по началу—«егда всякъ царь и князь или епископъ и власти мірскія вся отъ Бога поставляются», — это тотъ-же отвѣтъ Синаита, но, быть можетъ, въ передѣлкѣ. Опис. ркп. Синод. библіот., отд. II, ч. 2, стр. 634.

[2]) Въ сборникахъ Публ. Библ. F. I, № 240 и Погод. древлехр. № 1287 переводъ слова Анастасія Синаита по заглавію и изложенію очень близокъ съ переводомъ въ Изборникѣ и даже одно неясное мѣсто въ послѣднемъ въ испорченномъ видѣ перешло и въ эти сборники. Даже въ XVII в. переписывалось это слово по переводу Изборника. Опис. ркп. Соловецк. монаст. т. I, стр. 737.

[3]) Лѣт. по Ип. сп., 363; сравн. П. С. Л. VII. 80.

[4]) См. объ этомъ *Калачова*, Предв. свѣд. для объясн. Русск. правды, отд. IV, и — О кормчей въ системѣ древне-русскаго права; *Розенкампфа*, Обозрѣніе Кормчей; *Неволина*, О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи (въ Собр. соч. т. VI).

скоро ваши дѣла и помысли испытаеть, яко служители есте царствія, ти не судисте право, ни сохранисте закона Божія... страшно убо и скоро придеть на вы испытаніе», и проч. [1]). Близкое отношеніе къ приведенному отрывку имѣютъ также: «Слово Сирахово на немилостивые цари и князи, иже неправдою судятъ», и «Слово о властеляхъ и судіяхъ, емлющихъ мзду и неправду судящихъ», признаваемыя за русское сочиненіе [2]). Таковъ-же характеръ и особой статьи, находящейся въ нѣкоторыхъ спискахъ Кормчей и въ отдѣльныхъ спискахъ «Мѣрила праведнаго». Въ ней отвѣтственность царей и князей изложена согласно евангельской притчѣ о талантахъ слѣдующимъ образомъ: «Нынѣ же цари и князи разумѣйте: вамъ бо поручилъ Богъ санъ и судъ свой на земли, яко се талантъ божій пріяли есте, да не лѣностнымъ платомъ обвивъ небреженіемъ погребете въ мысленей земли сердца своего, и во своемъ утѣшеніи помните, яко должни есте, и вѣсте, что подъятъ скрывый талантъ, но тому было се невѣдомо» [3]). Въ томъ же духѣ, но гораздо болѣе близкими къ практической жизни, являются два поученія, одно—озаглавленное: «Семена епископа тверскаго наказаніе», и другое—«Наказаніе княземъ иже даютъ волостьи судъ небогобойнымъ и лукавымъ мужемъ». Первое изложено въ видѣ повѣсти, гдѣ разсказывается, какъ князь полоцкій Константинъ у себя на пиру спросилъ попа, гдѣ будетъ тіунъ на томъ свѣтѣ? Семенъ попъ отвѣчалъ: гдѣ и князь. Удивленный князь возразилъ, что «тіунъ неправду судитъ, а я что дѣлаю?» Тогда-то Семенъ попъ и преподалъ князю назиданіе, что если будетъ князь добръ, богобоинъ, жалуетъ людей, правду любитъ, и избираетъ тіуна или волостеля мужа добра и богобойна, исполнена страха Божія,—то князь и тіунъ будутъ въ раю. Если же князь будетъ безъ страха Божія, христіанъ не жалуетъ и сиротъ не милуетъ, поставляетъ тіуна или волостеля злаго, Бога не боящагося, не знающаго закона Божія—«толико того дѣля, абы князю товара добывалъ»,—то князь и съ нимъ тіунъ будутъ въ аду [4]). Второе назидательное поученіе обличаетъ тѣ-же

---

[1]) *Калачовъ*, Предв. свѣд. для объясн. Русск. правды, изд. 2, стр. 240—241.

[2]) *Розенкампфъ*, Обозрѣн. Кормчей, изд. 2, стр. 135—136; *Востоковъ*, Опис. ркп. Румянц. музея стр. 305, 327—328.

[3]) *Розенкампфъ*, тамъ-же, стр. 139; *Востоковъ*, тамъ-же, стр. 325; *А. Ѳ. Бычковъ*, Описаніе сборниковъ Публ. Библ. т. I, стр. 192, § 12.

[4]) Памятн. стар. русск. литер., IV, 185; *Розенкампфъ*, Об. Кормчей, изд. 2, стр. 139. По времени составленія статья относится къ концу XIII в. *Калачевъ*, О Кормчей, прим. 66; *Срезневскій*, Древн. памятн. письма и языка, изд. 2, стр. 151.

общественныя язвы, что и предыдущее, и также, обращаясь къ какому-то князю, указываетъ, что князь не мститъ за погубленныхъ отъ его тіуна, «держа истину въ неправдѣ, любя беззаконныя прибытки и тѣхъ дѣля напустивъ злаго судію на люди». Въ немъ только рѣзче отмѣчена отвѣтственность князей, которыхъ авторъ, согласно ветхозавѣтнымъ ученіямъ, приравниваетъ богамъ [1]): пользуясь словами Ефрема Сирина, авторъ угрожаетъ князьямъ: «Бози бывше, измрете яко человѣцы и во пса мѣсто въ адъ сведени будете», и заключаетъ «наказаніе» слѣдующей сентенціей: «писано есть: не добръ позоръ лисица въ курѣхъ и нелѣпо льву въ овцѣхъ паствити; единъ волкъ всю чреду смутитъ; одинъ тать на всю сторону мерзитъ; царю неправедну—всѣ слуги подъ нимъ беззаконны суть» [2]). Но такъ какъ беззаконные слуги составляли обычное явленіе русской исторической дѣйствительности, то не прекращалась и настоятельная нужда въ проповѣди духовенства князьямъ и властелямъ о правомъ судѣ. Съ такою проповѣдью выступаютъ и высшіе представители духовенства. Такъ митрополитъ Алексѣй, въ поученіи отъ апостольскихъ дѣяній, преподаетъ властямъ слѣдующее: «А князи и бояре и вельможи судите судъ милостивно: судъ бо безъ милости есть не створшему милости, хвалится милость на судѣ; мьзды на неповинныхъ не пріимайте и не на лица судите, судъ бо Божій есть; судите людемъ вправду, и вдовицъ, и сиротъ, и пришлецъ не обидите, да не взопіютъ на васъ къ Богу» [3]). На ту-же тему поучалъ и митрополитъ Фотій [4]).

Соотвѣтственно ученію, что немилостивыхъ и злыхъ царей и князей поставляетъ Богъ за грѣхи людей, и во всѣхъ приведенныхъ поученіяхъ объ отвѣтственности князей идетъ рѣчь исключительно объ отвѣтственности ихъ передъ Богомъ, въ загробной жизни. Но такая отдаленная отвѣтственность являлась плохой сдержкой для эгоистическихъ стремленій людей того времени. Отвѣтственность въ этой жизни, на землѣ, конечно, болѣе-бы импонировала

---

[1]) См. выше стр. 41—42.

[2]) Памятн. стар. русск. лит. IV, 184.

[3]) Приб. къ Твор. св. Отцовъ, годъ пятый, 1847, стр. 33—34.

[4]) «Вы-же, благороднiи князи и велможи, иже народъ Христова людьства, врученный вамъ сущеи, молю непреложно благодѣтельство всяко и заступленіе стяжати... и во всемъ сдержаще нелицемѣрный судъ Божіа правды, ибо «яко держава дана есть вамъ и сила отъ Вышняго»... И убо, чада моя, немилостивымъ владалцемъ судъ напрасенъ бываетъ, и державнымъ же пакы и силнѣйшимъ грозное отъ праведнаго Судіи належитъ испытаніе». Д. къ А. И., т. I, № 183, стр. 344 и слѣд. Ту-же тему развивалъ митрополитъ Фотій и въ посланіи къ псковичамъ. Р. И. Б. VI, стр. 470—471.

имъ. Наши книжники не преминули отмѣтить возможность и такой отвѣтственности: разгнѣванный Богъ могъ покарать немилостивыхъ и злыхъ властителей за грѣхи еще при ихъ жизни. Книжники учили: «Аще бо князи правьдиви бываютъ въ земли, то многа отдаются согрѣшенья земли; аще ли зли и лукави бываютъ, то болше зло наводитъ Богъ на землю, понеже то глава есть земли: тако бо Исаия рече: согрѣшиша отъ главы и до ногу, еже есть отъ цесаря и до простыхъ людій. Лютѣ бо граду тому, въ немъ же князь унъ, любяй вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтникы» [1]). Въ дѣйствительной жизни древне-русскіе публицисты нашли подтвержденіе своей теоріи. Они предпочитали останавливаться на примѣрѣ «праведныхъ» князей. Вотъ что, напр., читаемъ мы въ сказаніи XIII в. о подвигахъ и жизни св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго: «о таковыхъ рече Исаия пророкъ: аще въ коей странѣ князь благъ и увѣтливъ, кротокъ и смиренъ, по образу Божію есть,.. на таковыхъ Богъ призираетъ и милость свою показуетъ на нихъ, якоже и сего великаго князя Александра ураспространи Богъ землю его, и богатствомъ и славою изообилова» [2]). Бѣдствія-же родной земли тѣ-же публицисты охотнѣе объясняли гнѣвомъ Божіимъ за грѣхи людей, а не за грѣхи князей. Но какъ-бы ни объяснились причины бѣдствій, несчастная страна несла двойную отвѣтственность: за грѣхи народа и за грѣхи князей. Оба эти положенія въ теоріяхъ публицистовъ не исключались одно другимъ. Митрополитъ Кипріанъ, въ укорительномъ посланіи за свое поруганіе отъ великаго князя и его людей, писалъ: «не вѣсте-ли, яко грѣхъ людскій на князи, и княжьскій грѣхъ на люди нападаеть?» [3]). Въ виду такого нерадостнаго вывода радѣтели о благѣ земли возлагали тѣмъ большую надежду на «праведныхъ» князей и царей, которые должны были исправить нестроенія людскія, страхомъ или милостію приводя людей къ Богу. Но нашлись скептики, которые считали предъявленное требованіе невыполнимымъ. Ссылаясь на авторитетъ Василія Великаго, они приводили слѣдующую мысль: «Мнози жалуются на царя и на судіа: не исправляютъ людскихъ вещей. Азъ же глаголю: не владущихъ безуміе, но нашъ грѣхъ искрывляетъ все, и печали множество взлія на насъ. Аще-бы Авраамъ и Моисей, или Давыдъ, или Соломонъ Премудрый владѣлъ

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., 136 и 361; по Ипат., 98; П. С. Л. IX, 74.

[2]) Сказаніе по списку XIII в. изд. *арх. Леонидомъ* въ Трудахъ Общ. люб. древн. письм. 1882, стр. 10. Указанное мѣсто приведено по изложенію болѣе ясному: Степ. Кн. I, 368.

[3]) Р. И. Б. VI, стр. 176.

надъ нами, но мы, сгрѣшая, не утечемъ вины. Глаголетъ писаніе: дахъ вамъ князя по сердцу вашему, такого предстателя улучивше. Аще и зѣло праведникъ есть князь и до Моисійскаго добродѣянія пристигъ, како можетъ того правда покрыти грѣхи всѣхъ подручникъ» [1]).

Помимо указанныхъ выше задачъ управленія въ томъ видѣ, какъ онѣ истолковывались духовенствомъ, послѣднимъ была указана и еще одна, заимствованная изъ византійскихъ политическихъ теорій, въ силу которыхъ императоръ являлся высшимъ блюстителемъ чистоты правовѣрія. Любопытно, что эта мысль впервые, если не ошибаемся, проводится грекомъ, митрополитомъ Никифоромъ, въ двухъ посланіяхъ къ Владиміру Мономаху. Въ одномъ изъ нихъ, гдѣ митрополитъ разсматриваетъ начала добра и зла въ человѣкѣ и затѣмъ примѣняетъ свои выводы къ идеальной личности князя, онъ говоритъ, что нашелъ князя «благовѣрна по Божіи благодати и не уклоншеся отъ первыя вѣры,... храня же еже по Бозѣ ревность и до сего дьне, и молю Бога до конца ти съблюдену быти цѣлу; съблюдено же ти се будеть, аще въ стадо Христово не даси влъку внити, и аще въ виноградъ, иже насади Богъ, не даси насадити тръніа, но съхранити преданіа старое отецъ твоихъ» [2]). Въ послѣднихъ словахъ авторъ очевидно предостерегаетъ князя отъ католическаго вліянія, что было вполнѣ умѣстно въ виду возбужденной въ то время полемики противъ латинъ. Объ отступленіи латинъ отъ православія митр. Никифоръ написалъ тому-же князю особое посланіе, гдѣ исчисляетъ причины отпаденія западной церкви. Въ заключеніи посланія онъ, между прочимъ, высказываетъ мысль, что князьямъ подобаетъ, «яко отъ Бога избраномъ и призваномъ на правовѣрную вѣру его, Христова словеса разумѣти извѣстно, и основаніе церковное тврьдое, да ни ти будутъ основаніе, якоже есть святыя церкве, на свѣтъ и наставленіе порученымъ имъ людемъ отъ Бога» [3]). Безспорно, среди князей можно указать не мало ревностныхъ поборниковъ религіи; но ихъ ревность проявлялась не на поприщѣ, указанномъ митр. Никифоромъ, такъ какъ спокойствіе русской церкви не нарушалось ни опасностями извнѣ, ни внутренними смутами. Татарское завоеваніе, правда, вызвало опасеніе современника за безопасность христіанской вѣры; по крайней мѣрѣ, онъ замѣ-

---

[1]) Сборн. Погод. древлехран. № 1287, л. 191 об.—192.

[2]) Русск. Достоп., I, 70; переводъ этого посланія у митр. *Макарія*, II, изд. 2, 194—200.

[3]) Памятн. россійск. словесн. XII в., 163.

тилъ по поводу избіенія многихъ русскихъ князей: «а инымъ же княземъ Богъ повелѣ жити человѣколюбіемъ своимъ въ руськой землѣ, хрестьяньскаго ради языка, абы до конца не оскудѣла вѣра хрестьяньскаа» [1]). Но татары оказались вѣротерпимы и даже покровительствовали русской церкви.

Въ началѣ XIV в., когда противъ митр. Петра возстала довольно сильная партія духовенства, обвиняя его въ еретичествѣ, инокъ Акиндинъ писалъ великому князю Михаилу Ярославичу тверскому, что ему слѣдуетъ исправить зло; онъ упрекалъ его за молчаніе, «видя ересь растущу и множающюся», и напоминалъ: «Повелѣно и тобѣ, господине княже, не молчати о семъ святителемъ своимъ... Царь еси въ своей земли; ты истязанъ имаши быти на страшнемъ и нелицемѣрнемъ судищи Христове, аще смолчиши митрополиту» [2]). Тверской князь, однако, не могъ воспретить митрополиту его беззаконій, хотя и вмѣшался въ это дѣло: митр. Петръ стоялъ подъ защитой московскаго князя и на переяславскомъ соборѣ былъ оправданъ отъ взводимыхъ на него обвиненій.

Такимъ образомъ проповѣдь этой идеи не нашла себѣ практическаго примѣненія въ разсматриваемую эпоху. Завершающее развитіе и широкое практическое примѣненіе, идея эта получила послѣ Флорентійской уніи и паденія Константинополя.

Резюмируя изложеніе этаго бѣглаго очерка [3]), можно отмѣтить, что древне-русская проповѣдь и письменность успѣла затронуть до половины XV вѣка очень широкій кругъ политическихъ темъ, и представители духовенства вовсе не ограничили своей политической миссіи задачей умиротворенія. Помимо стремленія воздержать князей отъ междоусобій конкретнымъ вмѣшательствомъ въ ихъ распри и попытокъ указать такія начала политическаго быта, при наличности которыхъ должно было прекратиться это безсмѣнное кровопролитіе, духовенство вмѣстѣ съ заботами о распространеніи основныхъ началъ христіанской религіи беретъ на себя задачу провести въ жизнь ученіе о богоустановленности властей и проповѣдуетъ населенію обязанность ихъ почитанія, а властямъ указываетъ лежащія на нихъ обязанности и отвѣтственность, упадающую на нихъ за уклоненія отъ указанныхъ имъ цѣлей. Въ этой политической про-

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., 494. Александръ Невскій названъ «поборникомъ сущимъ православной Христовѣй вѣрѣ»: Новг. Лѣт. по Син. сп., 255, примѣч.

[2]) Р. И. Б. VI, № 16.

[3]) Двѣ важныхъ политическихъ темы, затронутыхъ въ разсматриваемую эпоху, объ отношеніяхъ церковнаго и государственнаго авторитетовъ и объ отношеніи государей къ служилому сословію, изложены въ главахъ ~~VII и VIII~~. V и VI

пагандѣ духовенство раскрываетъ преимущественно истины евангельскаго и апостольскаго ученія, но заимствуетъ изъ византійской литературы и нѣкоторыя политическія догмы Таковы позаимствованія изъ Анастасія Синаита и ученіе объ обязанности князей заботиться объ охранѣ правовѣрія. Многія изъ этихъ политическихъ темъ сначала находили еще очень неподготовленную почву для ихъ воспріятія, но, постоянно повторяемыя, онѣ безспорно подготовляли умы читателей къ воспріятію новыхъ политическихъ теорій о московскомъ государствѣ и государѣ. Благодаря этому проведеніе этихъ теорій въ русскую жизнь со второй половины XV вѣка значительно облегчается.

ГЛАВА III.

Политическія слѣдствія Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи.

События, сопровождавшія Флорентійскую унію, выдвинули на первый планъ такую задачу государственнаго управленія, которая до тѣхъ поръ оставалась для московскихъ государей въ тѣни: на долю послѣднихъ выпала обязанность стать во главѣ охраны правовѣрія и благочестія. Хотя эта задача указывалась еще раньше представителями древне-русской письменности [1]), но до возвращенія митр. Исидора съ Флорентійскаго собора московскимъ князьямъ не представлялось прямыхъ поводовъ выступить на эту почву. Судьба митр. Исидора въ русской исторіи имѣла такимъ образомъ серьезныя политическія слѣдствія.

Великій князь Василій Васильевичъ усиленно отговаривалъ новоприбывшаго митрополита отъ намѣренія ѣхать на соборъ въ Феррару; вслѣдствіе упорства митрополита, онъ предупреждалъ его, чтобъ тотъ «принесъ древнее благочестіе и православную вѣру» [2]). Исидоръ, однако, примкнулъ къ уніи и произвелъ въ Москвѣ своими новшествами большое смятеніе умовъ, почему и былъ схваченъ и отправленъ въ заточеніе [3]). Кто-же явился самымъ ревностнымъ защитникомъ изначальной старины? Великій князь въ грамотахъ къ Константинопольскому правительству объясняетъ, что всѣ мѣры были приняты имъ по совѣщанію съ соборомъ епископовъ: вмѣстѣ со всѣми епископами и священниками и со всѣмъ православнымъ христіанствомъ «молихомъ его много, да принесетъ къ намъ нашего православнаго христіанства благочестіе», пишетъ

---

[1]) См. выше, гл. II, стр. 51—52.
[2]) См. выше, гл. I, стр. 28.
[3]) Новг. Син. лѣт., С.-Пб. 1888, 420 и 421.

великій князь; видѣвши и слышавши все странное и чуждое православію, внесенное митрополитомъ, великій князь созываетъ боголюбивыхъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и прочихъ священноиноковъ и иноковъ «земли нашея немало»,—и только на основаніи соборнаго приговора о несогласіи всего Исидорова дѣла съ священными правилами принимается такая экстренная мѣра, какъ заключеніе митрополита въ монастырь [1]). О совмѣстныхъ дѣйствіяхъ великаго князя съ освященнымъ соборомъ пишетъ и митр. Іона [2]). Но уже этотъ послѣдній писалъ про великаго князя, что онъ «поборалъ по Божьей церкви и по законѣ и по всемъ православномъ христіанствѣ и по древнему благолѣпію, разжегаяся теплотою сердечною и ревнуя святымъ своимъ прародителемъ»; что Богъ его вразумилъ «по изначальству великаго его благородства отъ того святаго и великого князя Владимера, о православнѣй святѣй вѣрѣ христіяньстѣй веліе попеченіе имѣти, какъ-бы далъ Богъ въ его отчинѣ, въ рустѣй земли, непорушно было ничтоже до Божіей воли и до кончины вѣка» [3]). Въ описаніи-же современниковъ роль великаго князя въ указанныхъ событіяхъ выдвинута впередъ и не безъ тенденціи подчеркнута. Въ извѣстномъ сказаніи о Флорентійскомъ соборѣ іерея Симеона Суздальца великій князь уподобляется не только своему прародителю Владиміру Святому, но даже царю Константину. За охрану и утвержденіе православія авторъ слагаетъ ему похвалу и называетъ его «всея русскія земля утвержденіемъ, а греческія вѣры подтвержденіемъ и поддержателемъ» [4]). Составленное при митр. Ѳеодосіи «Слово избранно отъ св. писаній, еже на латыню, и сказаніе о съставленіи осмаго сбора латынскаго и о изверженіи Сидора прелестнаго, и о поставленіи въ рустѣй земли митрополитовъ, о сихъ же похвала благовѣрному великому князю Василію Васильевичу всея Руси»,—послѣ изложенія обстоятельствъ прибытія въ Русь и изверженія Исидора, отмѣчаетъ, какъ благочестія дѣлатель, благовѣнчанный царь Василій, «духомъ божественнаго закона распаляемъ, возрѣвновавъ по Бозѣ и по св. законѣ благовѣрія и утверждая св. церковь непоколебиму отъ мы-

---

[1]) Р. И. Б. VI, 580 и 534. То-же подтверждаетъ вел. князь и въ посланіи къ проту и инокамъ Аѳонской горы: «Мы же сія (новшества Исидора) видѣвше и слышавше, и зѣло намъ странна явися; и повелѣхомъ собратися епископомъ, священноинокомъ же и старцемъ, и сборъ составльше», и проч. Лѣт. занят. Арх. комм., в. 3-й, прил., стр. 36.

[2]) Р. И. Б. VI, 637 и 661.

[3]) Р. И. Б. VI, 559 и 642.

[4]) *Проф. Павловъ*, Критич. опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, 209; *А. Поповъ*, Истор. литер. обзоръ древне-русской полемики противъ латинянъ, 357—359.

сленныхъ влъкъ, губящихъ вѣру истиннаго въ рустѣй земли возсіявшаго благочестія», созвалъ соборъ для поставленія митрополита. Далѣе авторъ слова послѣ укоризненнаго обращенія къ папѣ указываетъ, что на Руси его неблагословенія не боятся, но всѣ, живя въ благочестіи, ходятъ по божественнымъ правиламъ и признаютъ лишь богоизбраннаго святителя русскаго и церковнаго правителя, «державою владѣющаго въ рустѣй земли богошественнаго поспѣшника истиннѣ, высочайшаго исходатая благовѣрія, мудраго изыскателя святыхъ правилъ божественнаго закона, благовѣрнаго великаго князя Василія Васильевича, истинныя вѣры православія боговѣнчаннаго царя всея Руси»[1]. Позднѣйшій повѣствователь, описывая событія церковной смуты при Исидорѣ, удивляется разуму и великому смыслу великаго князя, такъ какъ объ Исидорѣ всѣ молчали, князья и бояре и многіе иные; молчали и русскіе епископы, и даже «вздремаша и уснуша»,— и только великій князь позналъ пагубную Исидорову прелесть и, скоро изобличивъ, посрамилъ его. Разсказъ заключается такой общей характеристикой: «отъ таковаго злохитраго врага соблюде Богъ и Преч. Богородица святую церковь въ Русіи безнавѣтну и безмятежну обличеніемъ премудраго и Богомъ вразумляемаго великодержавнаго Василія Васильевича, во благочестіи цвѣтущаго, великаго и премудраго царя всеа Русіи, ему же о семъ откры Господь Богъ велеумнѣ разумѣвати, и вся мудрствовати, и творити волю Божію, и вся заповѣди его хранити»[2].

Итакъ великій князь московскій и всея Руси, вслѣдствіе событій Флорентійской уніи, явился въ новой роли блюстителя правовѣрія, которое не только было непоколебимо соблюдено въ его державѣ, но даже возсіяло здѣсь особеннымъ блескомъ, за что великій князь и названъ «царемъ истинныя вѣры православія». Правда, на короткое время императоръ Константинъ Палеологъ какъ-бы возстановилъ прежнее значеніе православной имперіи и признанъ былъ въ Москвѣ великимъ помощникомъ въ утвержденіе православному христіанству и во владѣтельствахъ русской земли,

---

[1]) *А. Поповъ*, тамъ-же, стр. 380 и 384.

[2]) Никон. V, 159. Въ Степенной книгѣ, ч. II, стр. 11, сказано соотвѣтственно этому: «Милосердый же Господь Богъ не попусти сему единому волку погубити безчисленное стадо Христово словесныхъ овецъ истиннаго православія, и обличися безуміе того отъ богоразумнаго и Богомъ вразумляемаго, истиннаго благочестія держателя, отъ премудраго царя Рускаго и великаго князя Василія Васильевича». Авторъ житія митр. Іоны разсказываетъ и о томъ, «како благоразумный великій князь отъ ереси латинскіе державу свою свободи и о подвизѣ его, иже показа о православіи». Оп. ркп. Соловецк. м-ря. т. II, стр. 430, № 628.

но и онъ уже считался самодержцемъ только греческаго скипетра, а не всея вселенныя [1]). Присоединеніе его къ уніи, а затѣмъ паденіе Константинополя дали дальнѣйшій толчекъ развитію русскихъ національныхъ теорій о политическомъ значеніи великаго князя.

Съ паденіемъ Константинополя исчезъ политическій глава всего православнаго міра. Въ умахъ современниковъ естественно возникалъ вопросъ: кто займетъ его мѣсто, если не для всей православной вселенной, то для обособленныхъ ея частей? Благодаря предшествующимъ событіямъ Флорентійской уніи, у русскихъ публицистовъ былъ готовъ отвѣтъ на этотъ вопросъ [2]). Богомерзкій Исидоръ, по словамъ митр. Іоны, прельстилъ царя и патріарха, разлучилъ ихъ отъ закона святаго и ввелъ ихъ въ погибель. Наоборотъ, великій князь Василій Васильевичъ изобличилъ и посрамилъ Исидорово безуміе и тѣмъ спасъ св. церковь въ Руси «безнавѣтну и безмятежну». Съ этихъ поръ и заговорили о русскомъ благочестіи въ отличіе отъ благочестія греческаго. Митр. Іона такъ отличилъ первое изъ нихъ: «святая великая наша Божіа церкви р у с с к а г о б л а г о ч е с т і а держить святаа правила и божественый законъ св. Апостолъ и уставъ св. Отець... великаго православіа греческаго п р е ж н е г о б о г о у с т а в н а г о б л а г о ч е с т і а» [3]). Значитъ, благочестіе современныхъ грековъ подвергалось сомнѣнію съ стороны своей чистоты и въ этомъ отношеніи оказалось послѣ восьмаго собора ниже «великаго православія русскія земли». Авторъ сказанія о Флорентійскомъ соборѣ отмѣтилъ, что императоръ, папа и патріархъ воздали митр. Исидору велію честь ради славнаго имени великаго князя и посадили его на патріаршее мѣсто, такъ какъ «въ Руси в е л и к о е п р а в о с л а в н о е х р и с т і а н с т в о» [4]). А позднѣйшій излагатель этого сказанія приписалъ императору Іоанну такія слова: «яко восточніи земли суть б о̀ л ь ш е е п р а в о с л а в і е и в ы с ш е е х р е с т ь я н с т в о — Бѣлая-Русь» [5]). Имена виновниковъ такого торжества Руси, блюстителей чистоты правовѣрія—епископовъ «великодержавныхъ земль

---

[1]) См. гл. I, стр. 21—22.

[2]) См. *Н. Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку, стр. 7—9.

[3]) Р. И. Б. VI, 653; митр. Филиппъ о русскомъ православіи замѣтилъ: «св. великая наша зборная церкви православія, Богомъ соблюдаема якоже солнце сіяше благочестіемъ въ всѣхъ руськыхъ земляхъ, истиннаго нашего великаго православія». Тамъ-же, 723.

[4]) *А. Поповъ*, тамъ-же, 345—346.

[5]) П. С. Л. VI, 152; VIII, 101; Вивліоѳика, VII, 51; Степ. кн. II, 9.

русскіе митрополіи»—оказались написанными «на небесѣхъ въ книгахъ животныхъ». А великій князь Василій Васильевичъ былъ названъ «благочестія ревнителемъ и мудрымъ изыскателемъ святыхъ правилъ богоуставнаго закона св. Апостолъ и св. Отецъ преданія, иже въ благочестіи цвѣтущимъ» [1]), и соотвѣтственно этому въ его титулѣ появилось прибавленіе, характеризующее новое положеніе представителя русской земли. Онъ сталъ «благороднымъ, благовѣрнымъ, благочестивымъ, христолюбивымъ» [2]), «въ благочестіи цвѣтущимъ православнымъ великимъ княземъ» [3]), и не только великимъ княземъ, но «великимъ господаремъ или великимъ государемъ» [4]). При такихъ условіяхъ престолъ московскаго княженія, не смотря на продолжающееся формальное подчиненіе его ордынскимъ ханамъ, съ большимъ основаніемъ сталъ прозываться «православнымъ великимъ самодержствомъ» [5]), а занимавшій его великій князь, въ отличіе отъ другихъ великихъ князей и князей удѣльныхъ, былъ именуемъ «великимъ государемъ земьскимъ» [6]). Логическимъ выводомъ изъ указанныхъ представленій о значеніи московскаго великаго князя было-бы, повидимому, присоединеніе къ его титулу хорошо извѣстнаго русскимъ публицистамъ слова ц а р ь. Митр. Іона и именуетъ его «великимъ господаремъ, ц а р е м ъ р у с с к и м ъ, благороднымъ и благочестивымъ великимъ княземъ» [7]); а авторъ «Слова еже на латыню» называетъ великаго князя «истинныя вѣры православія боговѣнчаннымъ царемъ всея Руси» или «боговѣнчаннымъ православью царемъ всея Руси», ясно обозначая этимъ, что титулъ царя прилагается къ Василію Васильевичу, какъ единственному представителю православія [8]). Но этотъ титулъ пока еще не становится общеупотребительнымъ, хотя наши публицисты и находили его весьма подходящимъ къ положенію московскаго князя, который, по ихъ мнѣнію, только по великому смиренію и христіанской кротости не зовется царемъ [9]).

---

[1]) Р. И. Б. VI, 646 и 647.
[2]) Тамъ-же, 548, 559, 621 и 627.
[3]) Тамъ-же, 659 и 665, 661 и 667.
[4]) Тамъ-же, 561, 591, 621, 661 и 667; А. И. ч. I, №№ 51 и 56.
[5]) Тамъ-же, 540 и 623.
[6]) Тамъ-же, стр. 599.
[7]) Въ посланіи Псковичамъ 1461 г. Р. И. Б. VI, № 90 и А. И. ч. I, № 60.
[8]) *А. Поповъ*, Истор.-литер. обзоръ, стр. 384 и 395.
[9]) Упомянутый составитель повѣсти «о осмомъ соборѣ» заставляетъ императора Іоанна произнести такое мнѣніе о великомъ князѣ: въ восточныхъ земляхъ, въ Бѣлой Руси, «есть государь братъ мой Василій Васильевичъ, ему-же восточніи цари прислухаютъ и велиціи князи съ землями служатъ ему; но смиренія ради и благочестія, величествомъ разума и благовѣрія не зовется царемъ, но княземъ великимъ русскихъ (своихъ) земль православія». П. С. Л. VI, 152—153; VIII, 101; Вивл. VII, 52.

Совершенно противоположныя сужденія вызвала историческая судьба византійской имперіи. Ея политическое паденіе и завоеваніе варварами разсматривалось, наперекоръ исторической послѣдовательности событій, какъ результатъ отступленія отъ православной вѣры и соединенія съ латинами. Эту мысль впервые высказалъ митр. Іона вслѣдъ за покореніемъ Константинополя турками. Въ 1458 — 59 году онъ писалъ литовскимъ епископамъ, что имъ извѣстно «колику преже бѣду подъя царьствующій градъ отъ Болгаръ, також отъ Персъ...; но донелѣже дръжаху, сынове, благочестіе, ничто-же градъ не пострада: егда-же своего благочестія отступи, вѣсте, что пострадаше, какова плѣненія и смерти различныа быша» [1]). Ту-же мысль онъ повторялъ и спустя годъ [2]). За митр. Іоною повторилъ подобную-же сентенцію и митр. Филиппъ для увѣщанія въ 1471 г. непокорныхъ новгородцевъ, по поводу ихъ намѣренія «задаться» за великаго князя литовскаго. Эту чисто политическую мѣру, которую новгородцы хотѣли противопоставить объединительнымъ замысламъ московскаго правительства, митр. Филиппъ истолковываетъ какъ намѣреніе «оставя православіе и великую старину да приступити къ латыномъ». Поэтому онъ напоминаетъ новгородцамъ, какъ въ преждебывшія времена многія царства великихъ земель и многіе грады, вслѣдствіе преступленія закона, не послушавши ученія Св. Пророкъ, Апостолъ и св. Отецъ впали въ многую пагубу и въ запустѣніе. «А нынѣча пакъ, пишетъ митрополитъ: въ лѣта наша, и сами вѣсте, како поганымы турки и нужнѣй одержимъ бысть великый царствующей прежде благочестіемъ градъ Констянтинополь; не тоя-ли же ради латыньскія прелести погыбе и отъ великого благочестія истребися, еже царь и патріархъ отъ латинъ прельстишась», и проч. [3]). Особенно энергично выразился о греческомъ благочестіи одинъ изъ противни-

---

[1]) Р. И. Б. VI, 623.

[2]) Тамъ-же, стр. 648—649: «Богозданному-же великому Царюграду, сами вѣсте, како того ради смущеніа по малыхъ временехъ отъ Бога попущенною казнью, многымъ волненіемъ поганыхъ языкъ, людіе православіа сотрошясь, прелести ради вѣрѣ православіа греческаго и Сидорова дѣля развращеніа. О таковѣ-бо Апостолъ пиша глаголетъ: «аще кто разсыплетъ храмъ Божій, разсыплеть того Богъ».

[3]) Тамъ-же, 726, 728—729; С. Г. Г. II, № 18. См. то же посланіе, но въ другой редакціи, въ А. И. I, № 280, гдѣ сказано: «царьствующій градъ и церкви Божія Констянтинополь доколѣ непоколебимо стоялъ, не какъ-ли солнце сіяло въ благочестіи? А какъ, оставя истину, да съединился царь и патріархъ Іосифъ съ латиною,.. не впалъ-ли въ руки Царьградъ поганымъ, не въ Турьцкихъ-ли рукахъ и нынѣ?» Ср. П. С. Л. VI, 7: «а и царьствующій прежде благочестіемъ великій градъ Константинополь не тоя же ли ради латинскія прелести погибе и отъ благочестія истребися и донынѣ погаными турками одержимъ бысть?»

ковъ Евфросина Псковскаго въ спорахъ объ аллилуіи: онъ указывалъ, что нельзя ссылаться на грековъ, такъ какъ греки «на сихъ лѣтахъ къ своей погибели отъ истины свернулися» и «на мѣстѣ святѣмъ, сирѣчь въ соборнѣй и апостольстѣй церкви Константина града, теперь уже мерзость и запустѣніе» [1]). Эти двѣ идеи—о сохраненіи истиннаго благочестія на Руси и о паденіи Константинополя вслѣдствіе отступленія отъ православія царя и патріарха—и послужили исходными пунктами для построенія теоріи о значеніи, задачахъ и цѣляхъ православнаго русскаго царства.

Такое крупное событіе, какъ паденіе Константинополя, должно было произвести потрясающее впечатлѣніе на умы современниковъ въ православномъ мірѣ. На Руси очень скоро распространились вѣсти о печальной судьбѣ царствующаго града, какъ чрезъ посредство возвратившихся изъ Константинополя русскихъ, такъ и чрезъ посредство прибывающихъ за пособіемъ и милостыней грековъ [2]). Зорко слѣдящій за событіями современникъ не могъ оставить безъ оцѣнки такого выдающагося политическаго переворота. Какъ-же отнеслись къ нему русскіе публицисты? Ближайшимъ отвѣтомъ служатъ появившіяся, вѣроятно, вскорѣ за симъ повѣсти и сказанія о Царѣградѣ. Въ однихъ, какъ въ повѣсти «о взятіи Царяграда отъ безбожнаго Махмета Амуратова сына», предлагался обстоятельный и живой разсказъ очевидца или современника со словъ очевидцевъ объ осадѣ и взятіи города [3]). Другія,—какъ повѣсть «о взятіи Царяграда отъ безбожнаго Турскаго царя Амурата, еже бысть въ лѣто 6961»,—являлись гораздо болѣе религіозно-нравственными назиданіями на тему о карѣ Божіей за грѣхи, «яко же нынѣ видѣти есть Царствующій градъ попранъ и раскопанъ и пожженъ огнемъ» [4]). Замѣчательно, что въ этихъ

---

[1]) *Макарій*, Ист. церкви, VIII, стр. 135.

[2]) Уже въ 1454 г. митр. Іона въ окружномъ посланіи извѣщалъ, что «попущеніемъ Божіимъ грѣхъ ради нашихъ тотъ отъ коликихъ лѣтъ не пріемлемый и Богомъ хранимый великій Костянтиноградъ безбожные туркове пріяша, святыя божія церкви и монастыреве разориша» и убѣждалъ всѣхъ подавать милостыню Дмитрію Гречину, пришедшему къ намъ «отъ великаго православія» за помощью для искупленія отъ горькаго плѣненія.

[3]) Эта повѣсть напечатана въ Никон. лѣт. V, 231; Воскресенской—П. С. Л. VIII, 128—144, и у *Яковлева*, Сказанія о Царѣградѣ, стр. 56—116. — Въ сжатомъ пересказѣ она встрѣчается въ Хронографахъ 2-й ред., см. Изборникъ *Попова*, стр. 160—165. Изложеніе ея у *Срезневскаго*, Повѣсть о Царѣградѣ въ Уч. Зап. II отд. Ак. Наукъ, кн. I, Памятники, стр. 107—137, и у *Пыпина*, Очеркъ литер. ист. повѣстей и сказокъ, стр. 213—215.

[4]) Напечатана у *Яковлева*, Сказанія, стр. 46 — 55, и въ Изборникѣ *Попова*, стр. 83—87, какъ встрѣчающаяся въ хронографахъ 1-й ред. Въ послѣднихъ попадается еще другая повѣсть, представляющая въ сжатомъ и сухомъ пересказѣ ходъ событія; напечатана въ Изборникѣ, стр. 87—91.

повѣстяхъ причиной паденія Царяграда выставляется не отпаденіе грековъ отъ православія, а лишь обычное возмездіе за грѣхи. Повидимому самое событіе на первыхъ порахъ произвело столь сильное впечатлѣніе на умы, что современника охватилъ больше всего ужасъ за судьбу православнаго міра, такъ какъ въ столицѣ его, на царскомъ престолѣ, «благороднѣйша суща всѣхъ иже подъ солнцемъ», сѣлъ безбожный Махметъ [1]). Въ разореніи царствующаго града богомерзкими агарянами видѣли какъ-бы начало кончины міра, которая была предсказана съ истеченіемъ седьмой тысячи лѣтъ (1492 г.) [2]). Но уже и въ эти повѣсти проникаетъ другая струя: мысль о той роли, какая выпадала теперь русской державѣ. «Сія убо вся благочестивая царствія, заключаетъ авторъ второй повѣсти: греческое, и сербское, басанское и арбанаское грѣхъ ради нашихъ Божіимъ попущеніемъ безбожніи Турци поплѣниша и въ запустѣніе положиша и покориша подъ свою власть. Наша же Русійская земля, Божіею милостію и молитвами пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ чюдотворецъ, растетъ и младѣетъ и возвышается. Ей же, Христе милостивый, даждь расти и младѣти и разширятися и до скончанія вѣка» [3]). Авторъ первой повѣсти какъ-бы въ утѣшеніе читателя ссылается на мистическія пророчества Меѳодія Патарскаго и Льва Премудраго о судьбѣ Константинополя [4]). Разныя мистиче-

---

[1]) Въ первой изъ указанныхъ повѣстей авторъ восклицаетъ: «О великаа сила грѣховнаго жала!.... О горе тебѣ, седмохлъмый, яко поганіи тобою обладаютъ! Ибо колико благодатій божіихъ на тебѣ въсіаша... и се нынѣ открыйся гнѣвъ Божій на тебе, и предаде тебе въ руцѣ врагомъ твоимъ; и кто о семъ не всплачется и не взрыдаетъ?» П. С. Л. VIII, 142. — Авторъ второй повѣсти начинаетъ свой разсказъ такъ: «хощу глаголати повѣсть еже не точію человѣки, но и нечювственеіе каменіе и самыя стихіа творитъ плакати и глаголати и рыдати: горе и увы!» *Яковлевъ*, Сказанія, 46.

[2]) Такъ въ первой повѣсти, передъ разсказомъ о взятіи Царьграда замѣчается: «сій царствующій градъ, неисчетными съгрѣшеніи и безаконми отъ толикыхъ щедротъ и благодѣяній пречистыя Богоматере отпадшеся, тмочислеными бѣдами и различными напастми много лѣта пострада; такожде и нынѣ въ послѣдняя времена грѣхъ ради нашихъ овогда нахожденіемъ невѣрныхъ, овогда гладомъ и повѣтріи частыми, овогда же междоусобными бранми, ими же оскудѣша силніи и обнищаша людіе и преуничижися градъ и смирися до зѣла». П. С. Л. VIII, 128.—Въ Соф. 2-й вслѣдъ за извѣстіемъ о паденіи Константинополя подъ 1459 г. приводится выписка изъ Пасхаліи о кончинѣ міра. П. С. Л. VI, 181.

[3]) *Яковлевъ*, Сказанія, 54—55, и Изборникъ, 86—87. Эти слова могли быть внушены автору повѣсти чтеніемъ хроники К. Манассіи, гдѣ по поводу паденія стараго Рима сказано: «вотъ что случилось со старымъ Римомъ! А нашъ Римъ процвѣтаетъ умножается, державствуетъ, юнѣетъ. Пусть и до конца умножается» и проч. *Ѳ. Терновскій*, Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе къ древней Руси, вып. I, стр. 120.

[4]) «Яко да сбудется о градѣ семъ вся прежереченная при Константинѣ Великомъ царѣ и Лвѣ Премудромъ Меѳодіемъ епископомъ Патарскимъ».

скія предсказанія этого рода были очень распространены въ Византіи и возникли тамъ довольно рано, сообразно пріурочиваясь къ различнымъ историческимъ событіямъ [1]). Часть ихъ была позаимствована и нашими книжниками, и преимущественно упомянутыя пророчества Меѳодія Патарскаго, Льва Премудраго и такъ называемыя видѣнія пророка Даніила. На пророчества Меѳодія ссылается лѣтописецъ по поводу половецкаго набѣга въ 1096 году и чуда въ Югрѣ, а также по поводу нашествія татаръ въ 1223 году [2]). О предсказаніяхъ царя Льва и пророчествахъ Даніила упоминаетъ архіепископъ новгородскій Антоній [3]). Позднѣе въ сборникахъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Цвѣтникъ», «Лебедь», «Книга Льва царя премудраго» и проч., а также въ сборникахъ полуоффиціальнаго характера, напр., въ Степенной книгѣ, эти пророчества встрѣчаются съ нѣкоторыми передѣлками, пріуроченными ко вкусамъ русскихъ читателей. Въ предсказаніяхъ, между прочимъ, указывалось на то, что напослѣдокъ р о д ъ р у с ы х ъ (ξανθὸν γένος) побѣдитъ всего Исмаила и овладѣетъ Седмихолмымъ. Этотъ р о д ъ р у с ы х ъ подъ перомъ русскихъ публицистовъ превратился въ р о д ъ р у с с к і й, благодаря чему въ сознаніе читателей должна

[1]) *Срезневскій*, Повѣсть о Царѣградѣ, стр. 133, прим. 92; *проф. Александръ Веселовскій*, Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, Ж. М. Н. Пр. 1875 г., т. CLXXVIII, стр. 288 и слѣд.; е г о - ж е, разборъ книги Zezschwitz'a, Vom römischen Kaiserthum deutscher Nation, Ж. М. Н. Пр. 1878 г., т. CXCV, стр. 173 и слѣд.; *проф. Успенскій*, Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ, Спб. 1887, стр. 17—18; е г о - ж е, Русь и Византія въ X вѣкѣ, 1888 г., стр. 30.

[2]) Лѣт. по Лавр. сп., 226 и 227, 423 и 477. *Проф. А. Веселовскій* полагаетъ, что откровенія Меѳодія Патарскаго позаимствованы къ намъ съ юга въ готовомъ болгарскомъ текстѣ, образчиками котораго являются сборникъ 1345 г., писанный для болгарскаго царя Александра, и рукопись Караджича XIII в. Славяно-русскіе списки представляютъ два разряда: болѣе древніе близки къ греческому тексту, а болѣе поздніе обилуютъ вставками изъ книгъ апокрифическихъ и иныхъ, отчасти изъ византійскихъ преданій. Ж. М. Н. Пр. 1875 г., т. CLXXVIII, стр. 305—306.

[3]) Путешествіе его въ Царьградъ въ концѣ XII столѣтія, изд. Савваитова, Спб. 1872, стр. 68—69: царь Левъ или царь Корлѣй (т. е. киръ Леонъ) «вземъ грамоту во гробѣ св. пророка Даніила и переписалъ по философски кому-же быти царемъ въ Царьградѣ, дондеже и стоитъ Царьградъ»; ср. тамъ-же прим. 30. Въ копенгагенскомъ спискѣ сказанія о софійскомъ храмѣ XII вѣка сказано, что царь Кор'Лей взялъ грамоту «в ъ В а в и л о н ѣ во гробѣ у св. пророка Даніила и особя содержа по смерти же его по мнозѣхъ лѣтѣхъ пренесена бысть въ Царьградъ и преведена бысть отъ философъ (и переписалъ ю по философски) на греческій языкъ. Написано бысть имена въ ней царей греческихъ, кому царемъ быть, дондеже стоитъ Цареградъ». *Срезневскій*, Свѣд. и замѣтки, № LX, стр. 343. Позднѣйшій списокъ путешествія Антонія изданъ г. *Лопаревымъ* въ «Библіографѣ» 1888 г. № 12; соотвѣтственное мѣсто здѣсь испорчено безграмотнымъ списателемъ и вмѣсто Корлѣй стоитъ Корнилей, стр. 391. Эта тема перешла и въ русскій эпосъ; см. *проф. Александра Веселовскаго*, Замѣтки по литературѣ и народной словесности. приложеніе къ XLV тому Записокъ Ак. Наукъ, № 3, стр. 9—14.

была проникать мысль, что Руси предстоитъ играть какую-то роль въ судьбѣ Византіи [1]). Авторъ повѣсти «О взятіи Царяграда отъ безбожнаго Махмета, Амуратова сына,» воспользовался этими мистическими пророчествами, чтобы ими заключить эпилогъ своего печальнаго разсказа. «И тако симъ бывающимъ, говоритъ онъ: и

[1]) Откровенія Мееодія Патарскаго и предсказанія Льва Премудраго дѣйствительно заключали въ себѣ указаніе на то, что русый родъ побѣдитъ измаильтянъ; ср. *Проф. А. Веселовскаго*, Опыты по истор. христ. легенды, Ж. М. Н. Пр. 1875 г., т. CLXXVIII, стр. 310. Въ русскомъ переводѣ предсказанія Льва Премудраго часто не отличались отъ толкованій таинственной надписи на гробѣ царя Константина, приписываемыхъ патріарху Геннадію. Эти послѣднія такъ озаглавлены въ Сб. древлехр. Погод. № 1579, л. 108: «Надписаніе начертанное отъ нѣкихъ святыхъ прозорливыхъ отецъ, изображенное еллинскаго художества знаменьми и положенное на камени. ископанномъ надъ гробомъ св. Константина, перваго царя христіанскаго во градѣ Никомидійскомъ».... Самое содержаніе пророчества тождественно съ напечатаннымъ у *Срезневскаго*, тамъ-же, стр. 134, прим.; ср. *Терновскаго*, Изученіе Византіи, II, 267—268, гдѣ это истолкованіе напечатано по Степен. Книгѣ, и *Пекарскаго*, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, II, стр. 306—307. Въ этихъ толкованіяхъ о Руси сказано. «Народъ-же россійскій вкупѣ причастники всего Измаила побѣдятъ и Седмихолмихъ возмутъ съ прибытками; тогда-жъ войну воздвигнутъ междуусобную, ярящеся даже до 5-го часа, и гласъ съ небеси возгласитъ трижды: Стойте, стойте, стойте со страхомъ и поспѣшитеся многотщательнѣ на десную страну, обрящете мужа прироженаго и чюднаго и сильнаго и его-же пріемше, того имѣйте владыкою: любимецъ бо мой есть, его-же пріемше. тотъ волю нашу исполнитъ». Въ концѣ замѣтка: «Сіе-же истолкова премудрѣйшій патр. Геннадій, бывшій во время Іоанна царя греческаго Палеолога». Но это-же предвѣщаніе въ Цвѣтникѣ приписывается Льву Премудрому и съ небольшими варіянтами излагается въ книгѣ Льва Премудраго. См. у *Срезневскаго*, тамъ-же, стр. 135, прим., и у *Терновскаго*, Изученіе Византіи, II, стр. 268—269. Въ пророчествѣ Мееодія Патарскаго находится слѣдующее замѣчаніе о Руси: «И отъ сихъ дней прочество имутъ у себя Мурины и вѣрятъ, яко полуночный нѣкій самодержецъ Іесолимъ и все кесарство турское въ державу свою мечемъ своимъ пріиметъ; полуночный сей самодержецъ царь и великій князь Московскій, сей бусорманскую магметскую скверную ересь и богопротивный законъ истнитъ и потребитъ и погубитъ до конца». *Срезневскій*, тамъ-же, стр. 133, прим. Отрывки изъ пророчествъ или Видѣній Данiила напечатаны у *Срезневскаго*, тамъ-же, стр. 135, прим., и у *Яковлева*, Сказанія о Царьградѣ, стр. 114—116. Эти мистическія предсказанія о будущей роли Руси распространены были и на востокѣ и даже среди мусульманъ. Въ грузинской лѣтописи говорится о русскомъ народѣ слѣдующее (по переводу акад. Броссе): «Les nations des Russes, réunies ensemble avec tous ceux qui les entourent, triompheront des Ismaelites», *Срезневскій*, тамъ-же, стр. 135, прим. Въ 1551 г. русскій посланникъ Тургеневъ доносилъ изъ Ногайскихъ улусовъ, что «прислалъ Турецкой царь къ Исмаилъ Мирзѣ посла сее весны, съ тѣмъ: въ нашихъ де бусурманскихъ книгахъ пишетца, что тѣ лѣта пришли, что русскаго царя Ивана рука надъ бусурманы высока; ужъ де и мнѣ отъ нево обида великая: поле-де все, да и рѣки у меня поотымалъ, да и Донъ отнялъ, да и Азовъ городъ пустъ у меня доспѣлъ». *Карамзинъ*, VIII, прим. 254. Въ 1557 г. русскій посолъ доносилъ царю такія ногайскія рѣчи: «Такъ де и наши книги говорятъ, всѣ де бесерманскіе государи русскому государю поработаютъ». *Проф. Бестужевъ-Рюминъ*. Русск. истор., II, стр. 226, прим. 57. Аналогичныя извѣстія для XVII вѣка ср. у *Н. Каптерева*, Характеръ отношеній Россіи къ православн. востоку, стр. 251—267.

сице совершаемымъ; грѣхъ ради нашихъ, беззаконный Махмедъ сѣдѣ на престолѣ царстѣмъ, благороднѣйша суща всѣхъ иже подъ солнцемъ.... Но убо да разумѣеши, окаянне, аще вся прежереченная Меѳодіемъ Патарскимъ и Львомъ Премудрымъ знаменія о градѣ семъ совершишася, то и послѣдняя не прейдутъ, но такожде совершитися имутъ; пишется бо: Русскій же родъ со преждесоздательными всего Измаилта побѣдятъ и Седмихолмнаго пріимутъ и въ немъ воцарятся» [1].

Итакъ, съ одной стороны указаніе, что за погибелью православныхъ царствъ Русь остается единственной представительницей православнаго міра, съ другой—предвѣщаніе, что Руси предстоитъ избавить православный міръ отъ ига невѣрныхъ,—вотъ два ближайшихъ назидательныхъ вывода, пущенныхъ въ обращеніе авторами повѣстей о паденіи Царяграда. Первый изъ указанныхъ выводовъ, можетъ быть, еще раньше прекрасно и даже поэтически формулированъ авторомъ «слова еже на латыню», который въ заключительной части своего сочиненія говоритъ: «нынѣ убо въ временахъ, богопросвѣщенная земля русская, святымъ правленіемъ божія церкви тобѣ подобаетъ въ вселеннѣй и подъ солнечнымъ сіяніемъ съ народомъ истиннаго къ вѣрѣ православья радоватися, одѣявся свѣтомъ благочестія,... исполньшися цвѣтовъ богозрачнѣ цвѣтущихъ божіихъ храмовъ, якоже небесныхъ звѣздъ сіяющихъ церквей, якоже солнечныхъ лучь блещащихся,... дръжавою владѣющаго на тобѣ богоизбраннаго... высочайшаго исходатая благовѣрію... благовѣрнаго и благочестиваго великого князя Василья Васильевича, боговѣнчаннаго православью царя всея Руси» [2].

Дальнѣйшее развитіе какъ этихъ положеній, такъ и вышеуказанныхъ выводовъ о русскомъ благочестіи и объ упадкѣ правовѣрія въ Византіи встрѣчало препятствіе въ двухъ обстоятельствахъ. Прежде всего не слѣдуетъ упускать изъ вида, что надъ Русью тяготѣло еще татарское иго, а при такихъ условіяхъ ореолъ

---

[1]) *Яковлевъ*, Сказанія, стр. 113—114. П. С. Л. VIII, 143—144. Въ нѣкоторыхъ спискахъ этой повѣсти за этимъ слѣдуетъ еще Видѣніе Даніила.

[2]) *А. Поповъ*, Истор.-лит. обзоръ, стр. 394—395. Авторомъ этого слова издатель считаетъ какого-то русскаго епископа, современника митр. Ѳеодосія. *Проф. Павловъ*, возражая противъ такой догадки, усвояетъ слово на основаніи вѣскихъ соображеній извѣстному Пахомію Сербу. Крит. опыты по исторіи и проч., стр. 99—102, 106 и 108. Но въ словѣ между прочимъ сказано, что Іона, «благословляше въ свое мѣсто дръжати настолованіе и правленіе св. великія церкви русскихъ земль великіе митрополья еже о Св. Дусѣ брату си сълужебнику смиренія моего, Феодосію, архіепископу бывшу» и проч. *А. Поповъ*, тамъ же, стр. 392.

представительства терялъ значительную долю своего блеска. Но и помимо этого выясненію національныхъ задачъ значительно, надо думать, мѣшало распространенное убѣжденіе въ близкой кончинѣ міра. До болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ представителямъ нашей религіозно-политической доктрины оставалось молить Бога о пришествіи свыше на благовѣрнаго и благочестиваго великаго князя всея Руси «Божьихъ щедротъ неизреченныя его милости,... да еще и о утверженіи и о възвышеніи скипетра великаго его господарства, въ благочестіи начальнѣйшаго суща», какъ объ этомъ заявилъ митр. Филиппъ въ посланіи къ вел. кн. Ивану Васильевичу въ 1471 г.[1]). Въ концѣ 1472 г. состоялся бракъ великаго князя съ Зоею Палеологъ, дочерью Морейскаго деспота и племянницей послѣдняго греческаго царя. Слѣдствіемъ этого брака были, какъ извѣстно, существенныя измѣненія въ обиходѣ придворной жизни, возвысившія значеніе московскаго князя въ глазахъ населенія. Гордая византійская принцесса съ неудовольствіемъ смотрѣла на незатѣйливый этикетъ московскаго двора и сильно хлопотала объ увеличеніи пышности придворнаго церемоніала. Около этого времени возникаетъ въ Москвѣ цѣлый штатъ придворныхъ должностей. Царица Софья съ неудовольствіемъ въ теченіи семи лѣтъ сносила позоръ татарскаго ига. Она, по свидѣтельству Герберштейна, очень досадовала на это, ежедневно упрекала своего мужа, что она вышла замужъ за раба татаръ, и старалась смягчить унизительные обряды въ отношеніи къ татарамъ [2]). По ея настоянію великій князь рѣшился и на окончательное сверженіе ига. Въ этомъ стремленія царицы Софіи сошлись съ давнишними чаяніями русскихъ князей и съ политическими взглядами представителей русской публицистики. Но осторожность Ивана III на этотъ разъ показалась послѣднимъ малодушной, и еп. ростовскій Вассіанъ Рыло адресовалъ князю многознаменательное посланіе. Назвавъ великаго князя «во благочестіи всея вселенныя въ конци возсіявшимъ» и «наипачеже во царѣхъ пресвѣтлѣйшимъ преславнымъ государемъ», Вассіанъ указалъ ему главнѣйшую его обязанность: «избавити врученное ему словесное стадо Христовыхъ овецъ отъ грядущаго волка». Самый фактъ подчиненія татарскому хану возбуждаетъ недоумѣнія горячаго публициста: «который убо пророкъ пророчествова, или апостолъ который или святитель научи сему богостудному и скверненому самому называющуся царю повиноватися тебѣ, великому русьскыхъ странъ, хрестьянскому царю?» Плѣненіе и по-

---

[1]) А. И. I, № 282.

[2]) Записки о Московіи, пер. Анонимова, стр. 22.

рабощеніе земли нашей Батыемъ авторъ объясняетъ попущеніемъ Божіимъ за наше согрѣшеніе и неисправленіе, «паче-же отчаяніе». Но царское самозванство хана, его воцареніе надъ Русью авторъ считаетъ узурпаціей, такъ какъ ханъ «не царь сый, ни отъ рода царьска». Наоборотъ, великій князь всея Руси, по его представленію, является богоутвержденнымъ царемъ и долженъ оправдать это прозваніе. Указавъ значеніе царя по ученіямъ церкви, авторъ заключаетъ свое посланіе слѣдующимъ пожеланіемъ: «Се твердое и честное и крѣпкое царство да дастъ ти Господь Богъ въ руцѣ твои, Богомъ утверженный владыка, и сынамъ сыновъ твоихъ, въ родъ и родъ въ вѣки [1])».

Позорное иго, вѣками тяготѣвшее надъ Русью, было, наконецъ, свергнуто, хотя и способомъ, не вполнѣ соотвѣтствующимъ достоинству пресвѣтлѣйшаго царя. Не оправдались и ожиданія кончины міра: 1492 годъ наступилъ и не предвѣщалъ ничего трагическаго. Пришлось составлять новую пасхалію. И вотъ митр. Зосима въ 1492 году, во вновь составленной пасхаліи на восьмую тысячу лѣтъ, упомянувъ о созданіи царемъ Константиномъ града во имя свое, «еже есть Царьградъ и наречеся новый Римъ», замѣчаетъ, что нынѣ прославилъ Богъ «въ православіи просіявшаго благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго царя Константина новому граду Константину—Москвѣ, и всей русской земли и инымъ многимъ землямъ государя [2])». Здѣсь, если не ошибаемся, впервые высказана мысль о перенесеніи на Москву прежняго значенія столицы византійской имперіи. Этимъ была указана почва, на которую надлежало перевести идею о Константинопольскомъ наслѣдіи, и дана была окончательная формула для заключительнаго звена политической теоріи о русскомъ царствѣ, какъ она впервые была сформулирована въ посланіяхъ старца Псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳея. Этотъ старецъ въ трехъ посланіяхъ—къ великому князю Василію Ивановичу, дьяку Мисюрю Мунехину и царю Ивану Васильевичу — почти въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ высказалъ мысль, что престолъ вселенскія и апостольскія церкви имѣлъ представительницей церковь Успенія Пресв. Богородицы въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, просіявшую вмѣсто Римской и Константинопольской, «иже едина во всей вселенной паче солнца свѣтится», такъ какъ церкви стараго Рима пали «невѣріемъ аполлинаріевы ереси», втораго же Рима – Константинова града—церкви «агаряне внуцы сѣкирами и оскордами разсѣкоша двери», «понеже они, (т. е.

[1]) П. С. Л., VI, 225—230; Степ. книга, II, 140–148.
[2]) Р. И. Б., VI, № 118.

греки) предаша православную греческую вѣру въ латынство». Соотвѣтственно этому и московскій государь, какъ «браздодержатель святыхъ божіихъ престолъ» вселенской церкви, явился пресвѣтлѣйшимъ и великостольнѣйшимъ государемъ, «иже во всей поднебесной христіаномъ царь, яко-же Ной въ ковчезѣ спасеный отъ потопа, правя и окормляя Христову церковь и утвержая православную вѣру»; во едино царство его по пророческимъ книгамъ сошлись всѣ пришедшія въ конецъ царства православныя христіанскія вѣры, «яко два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быть». Итакъ, всѣ христіанскія царства «потопишася» отъ невѣрныхъ и только царство московскаго государя благодатію Христовою стоитъ и «по великому Богослову инымъ не достанется [1])».

Эта теорія получила во все послѣдующее время до учрежденія патріаршества и позднѣе господствующее государственное значеніе и имѣла широкое распространеніе. Москва стала называться «богохранимымъ, преименитымъ царствующимъ градомъ, третьимъ Римомъ, благочестіемъ цвѣтущимъ [2])», а приведенныя выше слова изъ посланій Филоѳея переписывались въ сборники [3]), занесены въ Степенную книгу [4]) и дословно приведены въ Уложенной грамотѣ объ

---

[1]) Посланіе къ Мисюрю въ Прав. Собесѣдн. 1861 г., ч. 2, стр. 81—96; посланіе къ великому князю тамъ же, 1863 г., ч. 3, стр. 337—348; посланіе къ царю Ивану Васильевичу въ Ж. М. Н. Пр. 1882, іюнь, стр. 235—248. Здѣсь оно напечатано г. Жмакинымъ безъ заглавія подъ именемъ одного изъ литературныхъ памятниковъ XVI вѣка. Но въ Кіевской академической библіотекѣ найденъ отрывокъ этого посланія подъ заглавіемъ: «того же посланія старца Филоѳея Псковскаго Елизарьевы пустыни, къ царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси». Труды Кіев. Дух. Акад., 1888 г., май, стр. 74—75. Первыя два посланія написаны въ промежутокъ времени между 1509 и 1528 гг., такъ какъ дьякъ Мисюрь-Мунехинъ былъ во Псковѣ съ 1510 по 1528 г., а новгородская архіепископская каѳедра пустовала съ 1509 по 1526 г., на что намекаетъ посланіе къ великому князю; третье посланіе относятъ къ 1547—1551 г. *В. Н. Малининъ*, въ статьѣ «Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланіе къ царю и вел. князю Ивану Васильевичу»— старается опредѣлить болѣе точно время и послѣдовательность составленія посланій старца Филоѳея и приходитъ къ заключенію, что первымъ составлено посланіе къ вел. князю Василію, а именно въ промежутокъ между 1515 и 1521 гг. Соображенія автора нуждаются, однако, въ подтвержденіи. Труды Кіев. Дух. Ак. 1888 г., Май, стр. 72—126.

[2]) Псалтырь XVI в. по Оп. ркп. Солов. монаст., т. I, стр. 23.

[3]) Напр. сборникъ XVI в. по оп. ркп. Синод. библ., отд. II, ч. 3, № 319, стр. 603. Они перешли и въ повѣсть о Бѣломъ клобукѣ, гдѣ сказано: «ветхій бо Римъ отпаде славы и отъ вѣры Христовы гордостію и своею волею; въ новѣмъ же Римѣ, еже есть Коньстянтинѣ градѣ, насиліемъ агарянскимъ тако же христіанская вѣра погибнетъ; на третьемъ-же Римѣ, еже есть на русской земли, благодать Св. Духа возсія. И да вѣси.... яко вся христіанская пріидутъ въ конецъ и снидутся во едино царство русское, православія ради. По изд. Кожанчикова, стр. 38.

[4]) *Востоковъ*, Описаніе ркп. Румянц. музея, № 413, стр. 119: «О началѣ царствующаго великаго града Москвы, како исперва зачатся. Вся убо хри-

учрежденіи патріаршества, что лучше всего доказываетъ, какъ глубоко проникли эти мысли не только въ умы современниковъ, но и въ оффиціальныя сферы [1]). Малоизвѣстный, къ сожалѣнію, намъ старецъ Филоѳей не былъ творцомъ теоріи о Москвѣ— третьемъ Римѣ. Элементы этой теоріи были уже на лицо, и ему принадлежитъ только окончательная и полная ея формулировка. Но въ исторіи идей это была безспорно важная заслуга.

Когда такимъ образомъ было опредѣленно указано, что на московское царство преемственно переходятъ религіозныя и политическія задачи византійской имперіи, русской публицистической литературѣ предстояла нелегкая задача оправдать эту теорію. Въ скептическихъ умахъ, — а такихъ немало было и среди русскихъ того времени, какъ это отчасти можно видѣть на вышеприведенномъ фактѣ объ отношеніи нѣкоторыхъ представителей современной интеллигенціи къ поставленію митр. Іоны соборомъ русскихъ епископовъ помимо Константинополя,—въ такихъ умахъ основательно могъ зародиться вопросъ: какія же данныя, и данныя гораздо болѣе конкретныя, чѣмъ одна простая ссылка на существованіе въ Москвѣ православной вѣры, могли бы подтвердить предположеніе, что Русь достойна выпадающей на ея долю чести быть третьей и послѣдней представительницей православнаго міра, что она въ состояніи выполнить переходящія къ ней религіозныя и политическія задачи? Цѣлый рядъ литературныхъ попытокъ доказать выдающееся религіозно - политическое значеніе Руси послужилъ отвѣтомъ на поставленный вопросъ. Всѣ онѣ, соотвѣтственно духу времени, были столь же фиктивными и отличались такимъ же мистицизмомъ, какъ и самая теорія о Москвѣ— третьемъ Римѣ. Но по выводамъ, какіе были изъ нихъ сдѣланы политической практикой того времени, всѣ эти мистическія фикціи получаютъ реальное значеніе, а потому заслуживаютъ полнаго вни-

---

стіанскія царства въ конецъ преидоша и снидошася во едино царство нашего великаго государя по пророческимъ книгамъ, то есть Россійское царство: два убо Рима падоша, третій же стоитъ, а четвертому не быти. По истинѣ же сей градъ именуется третій Римъ».

[1]) С. Г. Г. и Д. II, стр. 97: «Понежъ убо ветхій Римъ падеся аполинарьевою ересью; вторый же Римъ, иже есть Константинополь, агарянскими внуци отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ; твое-же, о благочестивый царю, великое россійское царствіе, третей Римъ благочестіемъ всѣхъ превзыде и вся благочестивая царствія въ твое въ едино собрася, и ты единъ подъ небесемъ христіанскій царь именуешись во всей вселеннѣй во всѣхъ христіанѣхъ». Замѣчательно, что эти слова приписаны здѣсь Константинопольскому патріарху Іереміи. Распространеніе этихъ воззрѣній въ XVII вѣкѣ, особенно среди ревнителей русскаго благочестія, указано въ книгѣ *Н. Каптерева*, Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ, стр. 147, прим. 36.

манія и для исторіи русскаго государственнаго права. Укажемъ важнѣйшія изъ нихъ.

Чтобы обосновать право Руси на представительство въ православномъ мірѣ и изгладить изъ памяти еще недавнее подчиненіе Руси Византіи въ церковномъ отношеніи, русскіе публицисты воспользовались стариннымъ преданіемъ о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ [1]) для подтвержденія мысли, что русская церковь и русская іерархія ведутъ свое начало непосредственно отъ апостоловъ. Въ Степенной книгѣ говорится, что «божественный апостолъ Андрей, первіе благословивый землю нашу русскую и прообразивый намъ святое крещеніе истиннаго благочестія», поставилъ крестъ на горѣ, на берегу Днѣпра, «прообразоваше же божественнымъ крестомъ въ рустѣй земли священное чиноначаліе» [2]). Эта мысль, что наша церковь идетъ не изъ Византіи, а отъ апостола Андрея, получила въ XVI в. широкое распространеніе. Герберштейнъ упоминаетъ, что «русскіе въ лѣтописяхъ открыто славятся тѣмъ, что прежде Владиміра и Ольги земля русская была крещена и благословлена Христовымъ апостоломъ Андреемъ» [3]). А Иванъ Грозный, на предложеніе Антонія Поссевина примкнуть по примѣру грековъ къ уніи, говорилъ ему: «Мы вѣримъ не въ грековъ, а въ Христа; мы получили христіанскую вѣру при началѣ христіанской церкви, когда Андрей, братъ апостола Петра, пришелъ въ эти страны, чтобы пройти въ Римъ; такимъ образомъ мы на Москвѣ приняли христіанскую вѣру въ то-же самое время, какъ вы въ Италіи, и съ тѣхъ поръ доселѣ соблюдали ее ненарушимою» [4]). Въ XVII-же вѣкѣ Арсеній Сухановъ категорически отрицалъ, что мы приняли крещеніе отъ грековъ: «Вскую вы собою хвалитеся, что мы отъ васъ крещеніе пріяли, говорилъ онъ: мы крещеніе пріяли отъ апостола Андрея» [5]). Той-же цѣли—возвысить церковный автори-

---

[1]) См. объ этомъ у *проф. Голубинскаго,* Исторія церкви, т. I, ч. 1, стр. 1—6.

[2]) Степ. кн., I, 95—97 и 7.

[3]) Записки о Московіи, стр. 44.

[4]) Suppl. ad Historica Russiae Monumenta, p. 102. Цитовано по *Голубинскому,* Ист. церкви т. I, ч. 1, стр. 8.

[5]) Тамъ-же. Но и въ XVI в. эта мысль не была всеобщей, и тогда еще нѣкоторые думали, что русскимъ послѣ всѣхъ открылась православная вѣра. Эту мысль раздѣлялъ и знаменитый старецъ Филоѳей, который, толкуя одно мѣсто Апокалипсиса (XII, 1—4; 14—15), замѣтилъ про великую Русь. «се есть пустыня, понеже святыя вѣры пусти бѣша, и иже божественніи апостоли въ нихъ не проповѣдаша, но послѣди всѣхъ просвѣтится на нихъ благодать Божія». Ж. М. Н. Пр. 1882 г., № 6, стр. 245. Также въ Цвѣтникѣ XVI в. сказано: «а не бывшу никому апостолу въ русской земли; но по

теть Руси—служила и Повѣсть о бѣломъ клобукѣ. Повѣсть разсказываетъ, что этотъ клобукъ, подаренный Константиномъ Великимъ папѣ Сильвестру въ знакъ особаго почета, высоко чтился всѣми папами до папы Формоза и царя Карула, которые впали въ аполлинаріеву ересь и опрѣсночное служеніе. Съ этихъ поръ папы не взлюбили бѣлаго клобука и перестали его носить. По страшному прещенію ангела Господня нѣкій папа отправилъ клобукъ въ Константинополь къ патріарху Филоѳею (Увеналію), которому ангелъ повелѣлъ принять клобукъ съ честію и отправить въ русскую землю въ великій Новградъ, чтобы не завладѣли этимъ святымъ клобукомъ «въ семъ градѣ (Константинополѣ) агарястіи внуци и погани да не опоругаютъ его, якоже латинскій папа хотяше сотворити. Яко же бо суть отъ Рима благодать, и слава, и честь православія отъяся, тако и отъ царствующаго сего града благодать Св. Духа отъимется въ плѣненіе агарянское и вся святая предана будетъ отъ Бога велицѣй рустей земли во времена своя, и царя русскаго возвеличитъ Господь надъ многіями языки» и проч. [1]). Итакъ и эмблема высшей церковной

истиннѣ русскому языку милость Божія открыйся». Оп. ркп. синод. библ., отд. II, ч. 3, № 326, стр. 681. Ср. *проф. Голубинскаго*, тамъ-же, стр. 5 и прим.

[1]) По изд. Кожанчикова, стр. 32, прим., и 39. Къ сожалѣнію, изданная редакція не первоначальная. Указаны двѣ редакціи этого памятника болѣе краткія и повидимому болѣе древнія. См. *И. С—нъ*, Какъ издаются у насъ книжки о расколѣ, Русск. Вѣстникъ, 1862, май, стр. 358—372. Авторъ относитъ изданную Костомаровымъ редакцію ко времени послѣ учрежденія патріаршества по слѣдующимъ основаніямъ: 1) въ повѣсти сказано: «и патріаршескій чинъ такожде данъ будетъ рустей земли во времена своя» (стр. 39); 2) въ ней проводится мысль о мнимомъ отступленіи грековъ отъ православія, чего, по мнѣнію автора, до XVII в. почти не наблюдается въ древне-русской письменности. Въ краткихъ редакціяхъ обѣ эти мысли опущены. Но и краткія редакціи авторъ относитъ ко времени послѣ Максима Грека, такъ какъ въ посланіи Дмитрія Толмача почти дословно приводятся слова изъ сказанія о жизни Максима Грека; ср. тамъ-же, стр. 366.—На основаніи этихъ данныхъ *И. Петровъ*, въ статьѣ: «О судьбѣ вѣна Константина Великаго въ русской церкви», предполагаетъ, что краткія редакціи повѣсти сложены послѣ 1564 г., такъ какъ въ этомъ году царь Иванъ Васильевичъ заявилъ на соборѣ, что нѣтъ писанія, почему архіепископы новгородскіе носятъ бѣлый клобукъ; подробная-же редакція появилась при патріархахъ. Труды Кіев. Дух. Ак., 1865 г., т. III, стр. 495—497.—Эти всѣ соображенія не представляются, однако, рѣшающими вопросъ. По причинамъ, указаннымъ въ текстѣ, Ивану Васильевичу неудобно было сослаться на повѣсть. Отношенія повѣсти къ сказанію о жизни Максима Грека требуютъ еще разъясненій. Объ отпаденіи грековъ отъ православія открыто говорили даже въ XV вѣкѣ. Наконецъ, московская митрополія и въ XVI вѣкѣ называется «престоломъ патріаршескимъ всея русскія митрополіи» или престоломъ «русскія патріархія», а митрополитъ «патреархомъ». См. Посланіе Нила Полева къ старцу Герману, въ Ж. М. Н. Пр. 1881 г. ч. CCXVI, стр. 192, и Житіе митр. Филиппа, Сб. изъ библ. И. А. Шляпкина № 65, л. 52 об. и 61. До изданія краткихъ редакцій повѣсти вопросъ о времени ихъ составленія не можетъ быть рѣшенъ. По общему-же духу памятника онъ относится

власти—бѣлый клобукъ—передвигается изъ Рима и Константинополя въ русскую землю чрезъ посредство новгородскихъ архіепископовъ. Но подъ вліяніемъ московскихъ вѣяній этотъ клобукъ достается московскимъ митрополитамъ. На соборѣ 1564 года царь Иванъ Васильевичъ заявилъ, что митрополитъ носитъ черный клобукъ, «а прежніе русскіе первопрестольницы, митрополиты и чюдотворцы Петръ и Алексѣй... носили бѣлые клобуки, и тому-бы отцу нашему и богомольцу митрополиту высокопрестольняя древняя почесть учинити, носити бы ему бѣлый клобукъ, потому что прежніе русскіе первопрестольницы... Петръ и Алексѣй митрополиты писаны на образѣхъ въ бѣлыхъ клобукѣхъ». При этомъ царь замѣтилъ: «а того въ писаніи не обрѣли есмя, чего для бѣлые клобуки отставлены... а писанія тому нѣтъ же, котораго для случая архіепископы ноугородскіе бѣлые клобуки носятъ». Щепетильное московское чувство не согласилось съ разсказомъ повѣсти о бѣломъ клобукѣ, хотя и утилизировало его тенденцію. Соборъ 1564 года постановилъ учинить митрополиту древнюю почесть: «носити ему бѣлый клобукъ съ рясами и херувимомъ», но сохранилъ то-же право и за новгородскими архіепископами [1]). Но этого мало. На Русь мало-по-малу начинаетъ перетягиваться и святыня православнаго міра. Сказанія и повѣсти о чудесномъ появленіи иконъ, особенно Богоматери, подкрѣпляютъ въ этомъ направленіи мысли благочестиваго читателя. Таково, напр., новгородское Сказаніе о тихвинской иконѣ Богородицы, гдѣ повѣствуется, что эта икона «по Божію благоволенію прибыла изъ царствующаго Константина града, предваривши его злое отъ поганыхъ одержаніе. Всечестная не восхотѣла предать свой пречистый образъ въ обдержанье поганымъ, но благоволила просвѣтить имъ Всемилостивая россійское царство. И чрезъ 70 лѣтъ отъ ея пришествія въ русскую землю попущеніемъ Божіимъ взяли безбожные Царьградъ» [2]). Таково-же сказаніе о

къ концу XV или началу XVI в. и во всякомъ случаѣ составленъ до 1564 г., такъ какъ иначе было-бы совершенно непонятно, какъ бѣлый клобукъ достался новгородскому архіепископу. Ср. *Ѳ. Терновскаго*, Изученіе византійской исторіи, вып. II, стр. 173—174; *проф. Успенскій*, Какъ возникъ, и проч., стр. 25. Объ анахронизмѣ повѣсти съ изображеніями святителей на клобукѣ см. Прав. Обозр. 1873, № 10, стр. 612—613.

[1]) Однако въ XVII в. Арсеній Сухановъ говорилъ, что московскій патріархъ величается какъ первый епископъ римскій, «занеже клобукъ бѣлый перваго папы Сильвестра на себѣ носитъ». А. И., I, № 173; Р. И. Б., III, Алекс.-Невск. лѣт., стр. 210—212; *Ѳ. Терновскій*, тамъ-же, вып. II, стр. 49—50.

[2]) *Буслаевъ*, Истор. очерки русской народной словесности, II, стр. 276.

Спасовой иконѣ, писанной царемъ греческимъ Мануиломъ и оказавшейся также въ Новгородѣ [1]). Такое сосредоточеніе святыни въ русской землѣ публицисты того времени не преминули отмѣтить, какъ знакъ особаго богоизбранія: Господь по своему человѣколюбію исполнялъ и преумножалъ всегда свою благодать надъ русской землей, гдѣ «всякія божественныя вещи и многочудесныя мощи святыхъ и всякая святыня отъ конецъ земли отвсюду приношаемы». Прославляя свое трисвятое имя божественною святынею и многими чудесными знаменіями, всесильный Богъ «наипаче снабдѣвалъ свое святое избранное достояніе великія державы, иже на Москвѣ, всего рускаго царствія, въ немъ утвержалъ непоколебимо истинное благочестіе», и проч. [2]). Наконецъ, цѣлый рядъ національныхъ угодниковъ и святителей, прославившихся при жизни и по смерти великими чудесами, какъ-бы оправдывалъ это богоизбраніе и подкрѣплялъ убѣжденіе въ церковно-религіозной возмужалости древней Руси. Соборы 1547 и 1549 гг., установившіе канонизацію всероссійскихъ и мѣстныхъ новыхъ чудотворцевъ, какъ-бы подвели итоги церковно-историческихъ заслугъ русской земли на пользу православія. Одинъ изъ публицистовъ-біографовъ про эти соборныя постановленія замѣтилъ, что «съ того времени церкви Божіи въ русской землѣ не вдовствуютъ памятями святыхъ и русская земля сіяетъ православіемъ, вѣрою и ученіемъ, яко-же вторый великій Римъ и Царствующій градъ: тамо бо вѣра православная испроказися Махметовою прелестью отъ безбожныхъ турокъ, здѣ-же въ рустѣй земли паче просія святыхъ отецъ нашихъ ученіемъ» [3]).

Параллельно тому, какъ созидался церковно-религіозный авторитетъ московской Руси, подготовлялась почва и для ея политическаго представительства. Одно съ другимъ было тѣсно связано и даже немыслимо одно безъ другаго. Въ Москвѣ очень хорошо помнили и знали византійскій завѣтъ, что «христіанамъ невозможно имѣть церковь, но не имѣть царя, ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собою, и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга» [4]). Поэтому пропаганда обѣихъ идей шла совмѣстно. Тѣсная связь этихъ идей рѣзко обрисована уже въ тенденціозной обработкѣ преданія о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ, который будто-бы на кіевскихъ

[1]) Новгород. лѣтописи, Спб. 1879 г., стр. 182—183.
[2]) Степ. кн., I, 528 и 529.
[3]) *Ключевскій*, Житія святыхъ, стр. 228.
[4]) См. выше, гл. I, стр 26.

горахъ поставилъ крестъ, а потомъ на мѣстѣ, гдѣ стоитъ Новгородъ, «жезлъ свой водрузи въ веси нарицаемой Грузино». Степенная книга комментируетъ, что ап. Андрей «прообразоваше божественнымъ крестомъ въ рустѣй земли священное чиноначаліе; жезломъ же прообрази въ Руси самодержавное царское скифетроправленіе» [1]. Въ повѣсти о бѣломъ клобукѣ тотъ-же параллелизмъ идей выступаетъ также совершенно рельефно. «Въ древняя бо лѣта, сказано здѣсь: изволеніемъ земнаго царя Констянтина отъ царствующаго сего града царьскій вѣнецъ данъ бысть русскому царю; бѣлый-же сей клобукъ изволеніемъ небеснаго царя Христа нынѣ данъ будетъ архіепископу великаго Новаграда» [2]. Кромѣ этого намека, что царскій вѣнецъ переданъ на Русь какимъ-то царемъ Константиномъ раньше бѣлаго клобука, повѣсть не даетъ никакихъ подробностей. Подробности эти переданы въ особомъ сказаніи или Повѣсти о Мономаховомъ вѣнцѣ. Какъ повѣсть о бѣломъ клобукѣ привязала свой вымыселъ къ реальному факту—бѣлому клобуку новгородскихъ архіепископовъ, такъ и сказаніе о Мономаховомъ вѣнцѣ исходило отъ подобнаго же реальнаго факта. Въ казнѣ московскихъ государей уже со временъ Калиты были извѣстны особенно почитаемыя князьями облаченія: животворящій крестъ, златая шапка, бармы и проч. Весьма возможно, что эти предметы въ разное время и по разнымъ случаямъ были присланы изъ Греціи или пріобрѣтены тамъ. Они-то и послужили исходнымъ пунктомъ сказанія о присылкѣ царственныхъ регалій изъ Греціи. Оставалось указать лицъ, при которыхъ произошла такая торжественная передача. Кіевскій князь Владиміръ Мономахъ,—народный герой, сынъ греческой царевны, про котораго митр. Никифоръ писалъ, что «его Богъ издалеча проразумѣ и предповелѣ, его-же изъ утробы освяти и помазавъ, отъ царское и княжьское крови смѣсивъ, его-же благочестіе въспита» и проч. [3]), и который получилъ прозваніе въ честь своего дѣда Константина Мономаха,—представлялся наиболѣе подходящимъ героемъ легенды. Въ Степенной книгѣ, можетъ быть, впервые сказано о немъ, что Богъ «свыше славою и честію вѣнча его и царскимъ именованіемъ паче инѣхъ царствующихъ прослави»; а далѣе объяснено, что ради

[1]) Степ. кн. I, 7. Эта тенденція перешла и въ позднѣйшую обработку житій кн. Ольги и Владиміра. *Свящ. Николаевскій*, Русская проповѣдь. Ж. М. Н. Пр. 1868, № 4, стр. 95—96; *проф. Голубинскій*, Ист. церкви I, стр. 11.

[2]) По изданію Кожанчикова, стр. 38.

[3]) Русск. Достопамятн., I, 63.

своего мужества онъ принялъ «греческаго царя Констянтина Мономаха діадиму и вѣнецъ и крестъ животворящаго древа» и проч., и что онъ удостоился такого дарованія «не отъ человѣкъ, но Божіимъ судьбамъ неизреченнымъ претворяще и преводяще славу греческаго царства на россійскаго царя. Вѣнчанъ-же бысть тогда въ Кіевѣ тѣмъ царскимъ вѣнцемъ.... и оттолѣ боговѣнчанный царь нарицашеся въ россійскомъ царствіи [1])». Въ отдѣльномъ сказаніи, занесенномъ въ лѣтописные своды, приводятся и обстоятельства присылки царскихъ регалій: Владиміръ Мономахъ, по совѣту съ боярами, началъ войну противъ Греціи и опустошилъ Ѳракію. Для умиротворенія царь Константинъ Мономахъ, имѣя брань съ персами и латинами, присылаетъ ему различныя регаліи и въ томъ числѣ «снемъ отъ своея главы вѣнецъ царскій, иже именуется Мономахова шапка», и проситъ мира и любви, «да церкви Божіи безъ мятежа будутъ и все православіе въ покои пребудетъ подъ сущею властію нашего царства и твоего великаго самодръжества великія Руси, да называешися отселѣ боговѣнчанный царь». Въ заключеніе составитель повѣсти прибавилъ, что «оттолѣ тѣмъ царскимъ вѣнцемъ вѣнчаются всѣ великіи князи владимірскіе, егда ставятся на великое княженіе» [2]). Сказаніе пріобрѣло весьма широкое распространеніе, при перепискѣ подвергаясь иногда существенной переработкѣ [3]); не смотря на цѣлый рядъ анахронизмовъ и прямыхъ несообразностей, оно даже получило оффиціозный характеръ: ему повѣрили, на него ссылались въ оффиціальныхъ документахъ. Такъ въ чинѣ вѣнчанія на царство Ивана Васильевича Грознаго сказано, что онъ «вѣнчанъ бысть... прародителя его вѣнчаніемъ царя великаго Владиміра Мономаха животворящимъ крестомъ и царскимъ вѣнцемъ и діадимою, еже древле тѣмъ животворящимъ крестомъ и вѣнцемъ царскимъ и діадимою вѣнчанъ бысть на цар-

[1]) Степ. кн., I, стр. 246—247. Дословный пересказъ этой легенды читается въ похвальномъ словѣ черноризца Филолога св. князю Михаилу Черниговскому и его боярину Ѳеодору. Вел. Четьи-Минеи, вып. II, стр. 1318.

[2]) П. С. Л. VII, 23; IX, 144.

[3]) Распространенная редакція этого сказанія напечатана въ Вивліоѳикѣ, VII, стр. 1—4 подъ заглавіемъ: «О поставленіи великихъ князей Россійскихъ на великое княженіе святыми бармами и царскимъ вѣнцемъ, откудѣ бѣ и како начаша ставитися». Особая редакція его помѣщается въ Родословныхъ. Временникъ, кн. 10-я, стр. 216—217. Въ хронографахъ первой редакціи это сказаніе является значительно изукрашеннымъ. Изборникъ, стр. 21—23 Отмѣтимъ еще особую редакцію сказанія въ сборн. Погод. Древл. № 1567. *А. Ѳ. Бычковъ*, Оп. ркп. Публ. Библ. I, стр. 58. *Карамзинъ*, II, прим. 220, говоритъ, что не видѣлъ этихъ сказаній старѣе XVI в.

ство русское прародитель его князь великій Владиміръ... отъ святѣйшаго митр. ефесскаго, киръ Неофита, по благословенію патріарха цареградскаго [1])». Въ 1552 г. въ Успенскомъ соборѣ устроено было царское мѣсто, на затворахъ котораго написана повѣсть, «откуда бѣ и како начаша ставитися на великое княженіе Россійское св. бармами и царскимъ вѣнцемъ», а на 12-ти барельефахъ изображено все сказаніе о присылкѣ царскаго сана императоромъ Константиномъ Мономахомъ Владиміру Всеволодовичу Мономаху [2]). Вѣроятно, эта повѣсть сообщена была и константинопольскому патріарху, когда въ Москвѣ хлопотали о подтвержденіи правъ государя на царскій титулъ, потому что въ соборной грамотѣ 1561 г., утверждающей санъ царя за великимъ княземъ московскимъ, о вѣнчаніи Владиміра Мономаха сообщается какъ о несомнѣнномъ историческомъ событіи [3]). Въ своей духовной Иванъ Грозный благословилъ сына Ивана «царствомъ русскимъ, шапкою Мономаховскою и всѣмъ чиномъ царскимъ, что прислалъ прародителю нашему царю и великому князю Владимеру Мономаху царь Константинъ Мономахъ изъ Царяграда» [4]). Получивъ характеръ оффиціозной достовѣрности, это сказаніе вносилось во всѣ «чиновники» вѣнчанія русскихъ царей на царство [5]). Московскіе книжники дополняли его потомъ разными генеалогическими справками.

Одни разсказывали, что первый великій князь «Даніилъ Александровичъ Невскаго Московскій и всея Россіи» передъ смертью передалъ животворящій крестъ и вѣнецъ Мономаховъ и прочія царскія регаліи четвертому сыну своему князю Іоанну Калитѣ, котораго великій чудотворецъ митр. Петръ благословилъ животворящимъ крестомъ и «всѣхъ иже отъ чреслъ его великихъ князей всея Росіи» [6]);

---

[1]) С. Г. и Д., II № 33.

[2]) *Вельтманъ*, Царскій златой вѣнецъ и царскія утвари, и проч. Чтенія Общ. ист. и древн. 1860 г. кн. I, стр. 35—36.

[3]) Въ ней сказано: «въ шестыхъ-же отъ благочестиваго царя Костентина и съ тогдашнимъ патріархомъ и со священными архіереи собора Констянтина града послаша тогда пресвященнаго митр. Ефесскаго и Антіохійскаго изрядоначальнѣйшаго епарха, и вѣнчаша благочестиваго вел. кн. Владимера на царство и дароваша его тогда царьскимъ вѣнцемъ на главу его и діадимою украшенною бисеромъ и инымъ царскимъ знаменіемъ». См. эту грамоту въ изд. Оболенскаго. М. 1850, стр. 23.

[4]) Д. къ А. И., I, стр. 378.

[5]) Вивліоѳ. т. VII, стр. 14; Д. къ А. И., I, стр. 45; С. Д. Г., II, № 33, поставленіе Грознаго; ib., № 51, чинъ вѣнчанія Ѳедора Ивановича; ib., т. III, стр. 70,—Михаила Ѳедоровича; Вивліоѳ. VII, стр. 234 и 304,—Алексѣя Михаиловича и Ѳедора Алексѣевича.

[6]) *Арх. Амфилохія*, Лѣтописныя и др. древнія сказанія о св. благ. вел. кн. Даніилѣ Ал. Чтенія въ Общ. люб. дух. просвѣщ., 1873 г., № 2, стр. 14. Степ. кн., II, 215.

что Иванъ III вѣнчалъ своего внука шапкой Мономаховой и бармами, хотя въ оффиціальномъ чинѣ вѣнчанія шапка такъ не называется [1]); что Василій III, благословляя сына на царство благословеніемъ прародителя: Мономашимъ честнымъ крестомъ, Мономашимъ царскимъ вѣнцомъ и прочею утварью царскою Мономашею, сказалъ, будто этими регаліями «мы великіи князи вѣнчаемы на великое самодержавство русскаго царствія» [2]). Другіе, придерживаясь ближе исторической достовѣрности и зная, что вѣнчанія на царство надъ прародителями грознаго царя не совершалось, придумали такое объясненіе столь непонятному для нихъ отступленію отъ обряда, совершеннаго надъ Мономахомъ: послѣдній, умирая, завѣщалъ будто-бы никого не вѣнчать на царство, такъ какъ удѣльные князья возстанутъ изъ зависти на царя и государство погибнетъ; поэтому онъ передалъ царскую утварь сыну Юрію, велѣлъ беречь ее и передавать изъ рода въ родъ, пока Богъ воздвигнетъ царя, истиннаго самодержца въ русскомъ царствѣ [3]). Наконецъ, нашлись и такіе скептики, которые, указавъ, что Грозный былъ вѣнчанъ св. бармами и в ѣ н ц е м ъ М о н о м а х о в ы м ъ, утверждали, что вѣнчаніе совершено было «по древнему закону царскому, яко-же римстіи и гречестіи царіе православніи поставляхуся»; что до Грознаго «н и к т о-ж е изъ прадѣдъ его царемъ словяше въ Россіи и не смѣяше отъ нихъ никійждо поставитися царемъ и зватися тѣмъ н о в ы м ъ и м е н е м ъ», будто-бы боясь зависти и возстанія поганыхъ и невѣрныхъ царей [4]).

---

[1]) П. С. Л., VI, 241; С. Г. и Д., II, № 25. Герберштейнъ сообщаетъ, что шапку, которою былъ вѣнчанъ Дмитрій, носилъ Владиміръ Мономахъ и что онъ «оставилъ послѣ себя какія-то регаліи, которыя употребляются въ настоящее время при коронованіи князей». Записки о Московіи, стр. 37 и 16.

[2]) Степ. книга, II, 215.

[3]) *Карамзинъ*, II, пр. 220.

[4]) Новгор. лѣтописи, Спб. 1879, стр. 329. Псковскій лѣтописецъ также говоритъ, что Грозный былъ вѣнчанъ «св. бармами и царскимъ вѣнцемъ... по древнему царскому чину». П. С. Л. IV, 307. Въ исторической литературѣ очень немногіе изъ изслѣдователей принимаютъ сказаніе о Мономаховыхъ регаліяхъ за достовѣрное или не считаютъ возможнымъ его отвергать: *Соловьевъ*, Исторія, II, изд. 5, 80—81; *Лакьеръ*, Исторія титула государей Россіи, Ж. М. Н. Пр. 1847 г. ч. LVI, стр. 113; *Оболенскій*, Соборная грамата вост. духов., стр. 6—8, прим. 5 и 8. Другіе, наоборотъ, считаютъ это сказаніе домысломъ книжниковъ конца XV или начала XVI в.: *Погодинъ*, Древняя русская исторія до монгольскаго ига, 1872 г., т. I, стр. 215 и 220; *Костомаровъ* Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, I, стр. 70; *Иловайскій*, Ист России, ч. I, прим. 53; Проф. *Васильевскій*, въ Ж. М. Н. Пр. 1875 г., дек., стр. 311—313; *Ф. Терновскій*, Изуч. визант. исторіи, II, стр. 166; проф. *Успенскій*, Какъ возникъ... восточн. вопросъ, стр. 24. Нѣкоторые изъ нашихъ археологовъ думаютъ, что регаліи были получены Владиміромъ святымъ при бракосочетаніи съ царевной Анной, но всетаки полагаютъ, что сказаніе возникло въ XVI в. на полузабытой исторической основѣ: *Вельтманъ*, Царскій златой вѣнецъ и царскія утвари и проч., Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1860, кн. 1, стр. 37—42

Эта фикція о присылкѣ изъ Греціи въ Русь царскихъ знаковъ нашла отраженіе и въ народномъ эпосѣ. Въ древне-русской повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ разсказывается, какъ царь Левъ (Философъ) посылалъ трехъ пословъ, въ томъ числѣ русина, въ Вавилонъ, и какъ эти послы принесли царю Льву царскіе вѣнцы, сердоликовую крабицу и иныя украшенія, а также грамоту, гдѣ излагалась исторія вѣнцовъ, нѣкогда принадлежавшихъ Навуходоносору. Этими вѣнцами патріархъ и вѣнчалъ императора и императрицу. Въ эту повѣсть, заимствованную изъ византійскаго эпоса, вносились разныя дополненія. Такъ въ числѣ украшеній оказалась «Намахова» шапка, а самыя украшенія попадаютъ не въ Царьградъ,—такъ какъ тамъ оказалось великое кровопролитіе: рушилась вѣра православная, не стало царя православнаго,—а въ Р у сію п о д с е л е н н у ю, въ г Казань: «и улегла тутъ порфира и корона съ града Вавилона на голову грознаго царя правовѣрнаго, Ивана царя Васильевича, который рушилъ царство «Проходима», поганаго князя Казанскаго» [1]).

Но гордое національное чувство ревностныхъ патріотовъ богоизбраннаго христоименитаго царства не удовольствовалось этой фикціей перенесенія славы греческаго царства на россійскаго царя. Въ этой фикціи чувствовалась нѣкоторая несамостоятельность новаго царства, которое явилось таковымъ не само по себѣ, а производило свои новыя права изъ Византіи, отъ грековъ, потерявшихъ теперь всякій авторитетъ. И вотъ придумывается новая фикція о томъ, что московскіе государи не случайно явились обладателями новаго царства—Третьяго Рима—и не по милости греческихъ императоровъ, а въ силу своего исконнаго происхожденія

(авторъ предполагаетъ даже намѣренное исправленіе словъ въ грамотѣ патріарха 1561 г.); *Строевъ*, Выходы царей, Указатель, стр. 63, подъ словомъ «Мономаховы регаліи»; *Прозоровскій*, По вопросу о регаліяхъ, приписываемыхъ Владиміру Мономаху. Труды третьяго (кіевскаго) археологич. съѣзда. т. II, стр. 148—151; *его-же*, Объ утваряхъ приписываемыхъ Владиміру Мономаху, Спб. 1880, стр. 6—8, 23, 26, 57 и слѣд. Послѣдній, прослѣдивъ исторію мнимыхъ регалій по княжескимъ духовнымъ завѣщаніямъ, пришелъ къ заключенію, что «духовныя завѣщанія не даютъ никакого повода считать Мономаховыми какія-либо изъ упомянутыхъ выше утварей, а скорѣе наводятъ на мысль, что утвари, признаваемыя за греческія издѣлія, получены изъ Византіи разновременно, по различнымъ случаямъ и пріурочены къ старому преданію о вѣнчаніи великаго князя, съ отнесеніемъ этого событія къ Владиміру Мономаху, какъ внуку восточнаго императора», стр. 29.

[1]) *А. Пыпинъ*, Очерки лит. ист. русск. повѣст., стр. 99—101; *проф. Александръ Весселовскій*, Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ, Слав. Сб., т. II, стр. 122 и слѣд.; *его-же*, Замѣтки по литер. и народн. слов., Прилож. къ XLV т. Зап. Ак. Наукъ, № 3, стр. 9—10; *Е. Барсовъ*, Древне-русскіе памятники вѣнчанія царей, Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1883 г., кн. 1. стр. V и XXV.

отъ царской крови, по своему «отечеству». Въ Степенной книгѣ, рядомъ съ указаніемъ, что ап. Андрей жезломъ прообразовалъ въ Руси самодержавное царское скипетроправленіе, стоитъ извѣстіе, что это самодержавное скипетроправленіе «начася отъ Рюрика... иже бѣ отъ племени Прусова, по его-же имени Пруская земля именуется; Прусъ-же братъ бысть единоначальствующаго на земли римскаго кесаря Августа» [1]). Источники этой легенды предстоитъ еще объяснить [2]). Въ ней разсказывается, что обладатель всей вселенной Августъ передъ смертью «нача рядъ покладати на вселенную братьи и сродникамъ своимъ». При этомъ раздѣлѣ онъ выдѣлилъ брату Прусу землю на берегахъ Вислы, отчего земля и прозывается Пруской. «А отъ Пруса четвертоенадесять колѣно Рюрикъ», котораго, «суща отъ роду римьска царя Августа», и призвали новгородцы по совѣту Гостомысла. Эта легенда, какъ и сказаніе о Мономаховомъ вѣнцѣ, получила широкое распространеніе, а литературныя передѣлки ея иногда принимали чрезвычайно грубую форму. Такъ въ повѣсти о созданіи царствующаго града Москвы, встрѣчающейся въ спискахъ Кормчей, разсказывается, что кн. вел. Данило Ивановичъ (sic) послѣ Рюрика короля Римскаго пришелъ изъ Великаго Новаграда въ Суздаль [3]). И эта легенда проникла въ оффиціальныя сферы, занесена въ государевъ родословецъ, составленный въ половинѣ XVI вѣка [4]), и царь Иванъ Васильевичъ не разъ ссылался на свое знаменитое происхожденіе отъ кесаря Августа. Какъ ни различны были только-что указанныя фикціи, онѣ спокойно примирялись и авторами Степенной книги, и такимъ риторомъ, какъ Иванъ Грозный. Мало того, онѣ вскорѣ-же были слиты въ одно сказаніе какимъ то Спиридономъ Саввою, который въ посланіи къ своему духовному сыну дословно выписалъ легенду о происхожденіи Рюрика и вслѣдъ за ней помѣстилъ сказаніе о посылкѣ царскихъ регалій Мономаху. Но чувствуя при такомъ рѣзкомъ сопоставленіи неловкость пожалованія византійскимъ императоромъ царскихъ регалій русскому князю, происходящему также отъ царской крови, авторъ счелъ необходимымъ смягчить смыслъ словъ, обращенныхъ къ русскому князю, ссылкою на его происхожденіе. Императорскіе послы должны были сказать Владиміру Мономаху отъ лица императора слѣдующее:

---

[1]) Степ. кн., I. стр. 7. [2]) Нѣкоторые полагаютъ, что она заимствована изъ польско-литовской легендарной литературы. *Шлецеръ*, Несторъ. 1, стр. 276—278; *Куникъ*, Die Berufung der Schwed. Rossen, стр. 115. Другіе считаютъ ее плодомъ русской учености. *Гедеоновъ*, Варяги и Русь, ч. 1, стр. 137—138.

[3]) П. С. Л., VII, 231 и 267; *Востоковъ*, Оп. ркп Румянцева, стр. 639.

[4]) *Н. П Лихачевъ*, Разрядные дьяки, стр. 400 и слѣд.

«пріими отъ насъ, о боголюбивый и благовѣрный княже, сія честная дарове отъ начатокъ вѣчнаго твоего родства поклоненія на славу и честь и вѣнчаніе твоего вольнаго и самодержавнаго царства»[1].

Такъ была обоснована теорія о православномъ русскомъ царствѣ. Не смотря на неглубокую фиктивность ея построенія, теорія эта оказала сильное вліяніе на умы современниковъ и легла въ основу національнаго политическаго самосознанія того времени.

Выработка ея обязана главнымъ образомъ усиліямъ русской національной публицистики, которая, однако, создавала свои фикціи при наличности двоякихъ политическихъ вліяній: западно-католическаго и восточно-православнаго. Флорентійская унія и особенно паденіе византійской имперіи подъ напоромъ мусульманскаго міра имѣли огромное вліяніе вообще на судьбы европейской политики. Первая роль здѣсь принадлежала безспорно римской куріи[2]). Главною цѣлью ея заботъ было объединеніе всей Европы подъ главенствомъ папы для борьбы съ исламомъ. А для этого, по мнѣнію куріи, представлялось необходимымъ основать политическій союзъ на почвѣ религіозной уніи. Отсюда стремленіе папской политики добиться признанія Флорентійской уніи со стороны Москвы. Но чтобы вѣрнѣе достичь этихъ результатовъ, папскія представленія въ Москвѣ обставлялись заманчивыми политическими обѣщаніями, каковы: полученіе королевскаго титула и пріобрѣтеніе Константинопольскаго наслѣдія. Съ подобными проектами римская курія выступила довольно рано, еще со временъ брака Ивана III съ Зоею Палеологъ; да и самый этотъ бракъ задуманъ былъ въ Римѣ въ

---

[1]) Сб. Древлехр. Погодина, № 1567, л. 103 об. Это сводное сказаніе составлено при Василіи Ивановичѣ, какъ видно изъ заключительныхъ словъ сказанія: «Якожъ и сій вольный и самодержецъ царь великія Росія Василей Ивановичъ вторыйнадесять по колѣну отъ великаго князя Володимера Мономаха... претече же нынѣ до великаго князя Василія Ивановича волнаго самодержца и царя лѣтъ 4800. А царству ихъ начатокъ отъ кесаря римска и царя, сей бо Августъ пообладa вселенной». Ср. *А. Ѳ. Бычкова*, Оп. ркп. Публ. Библ., I, стр. 58. Отсюда слѣдуетъ, что легенда о происхожденіи отъ кесаря Августа циркулировала уже въ началѣ XVI в. Она была извѣстна и Герберштейну, который указывалъ на римское происхожденіе вел. князя Василія. См. *П. П. Лихачева*, Разрядные дьяки, стр. 402—404. Надо думать, однако, что сказаніе о Мономаховомъ вѣнцѣ возникло ранѣе, такъ какъ оно прилаживалось къ легендѣ.

[2]) Вопросъ о сношеніяхъ Рима съ Москвой разработанъ въ слѣд. трудахъ: *Fiedler*, Ein Versuch der Vereinigung der russischen mit der römischen Kirche im 16 Iahrhundert, Wien 1862; *Pierling*, Rome et Moscou, 1883; *его-же*, Un nonce du Pape en Moscovie, 1884; *его-же*, Le Saint-Siège, la Pologne et Moscou, 1885; *его-же*, Le mariage d'un tsar au Vatican, Revue des questions historiques, I oct. 1887; *проф. Успенскаго*, Сношенія Рима съ Москвой. Ж. М. Н. Пр. 1884, авг., и 1885, авг.; *его-же*, Какъ возникъ и развивался на Руси восточный вопросъ, 1886; *его-же*, Бракъ царя Ивана Васильевича съ Софіей Палеологъ, Ист. Вѣстн. 1887 г., № 12.

виду тѣхъ-же цѣлей. Уже въ 1473 г. синьорія Венеціи сообщаетъ Ивану III, что восточная имперія «за прекращеніемъ императорскаго рода въ мужекомъ колѣнѣ должна принадлежать вашему высочеству въ силу вашего благополучнѣйшаго брака» [1]). Но такъ какъ у Зои Палеологъ былъ живъ братъ Андрей, то объясненіе приведенныхъ словъ синьоріи станетъ возможнымъ лишь при предположеніи, что одновременно съ переговорами о бракѣ заключенъ былъ отъ имени Андрея «актъ передачи титула и правъ на Византію» московскому государю [2]). Весьма вѣроятно, что такая комбинація устраненія Андрея Палеолога и надѣленія невѣсты громкимъ политическимъ наслѣдствомъ была придумана въ Римѣ, чтобы легче склонить московское правительство къ принятію уніи. Что въ Римѣ разсчитывали на такой результатъ, видно изъ того, что въ свитѣ греческой царевны былъ папскій легатъ Антоній, миссія котораго, какъ извѣстно, не удалась [3]); Андрей-же Палеологъ въ 1494 г. продалъ опять свои права на императорскую константинопольскую корону французскому королю Карлу VIII [4]). О дарованіи королевскаго титула московскому князю заговорили также очень рано. Уже въ 1488 г. императорскій посолъ Николай Поппель разсказывалъ въ Москвѣ, что онъ слышалъ, будто великій князь «предъ тыми годы посылалъ до папежа римского своихъословъ, жадаючи, а просячи отъ него, абы его папежъ удѣлалъ краемъ на его землѣ». Поппель предостерегалъ, что папа не имѣетъ въ томъ власти, и что такое право принадлежитъ лишь царю римскому, хлопотать у котораго о королевскомъ титулѣ для великаго князя и предлагалъ свои услуги [5]). Подобные слухи очень сильно циркулировали въ Европѣ, благодаря письмамъ и запискамъ побывавшихъ въ Москвѣ или писавшихъ съ чужихъ словъ иностранцевъ [6]) и не смотря на опроверженія такихъ авторитетныхъ лицъ, какъ Герберштейнъ [7]).

---

[1]) *Проф. Успенскій*, Бракъ царя Ивана III, Ист. Вѣстн. 1887 г., № 12, стр. 689.

[2]) *Проф. Успенскій*, Какъ возникъ на Руси и проч., стр. 28—31; авторъ думаетъ, что такой актъ долженъ находиться въ архивахъ Ватикана.

[3]) П. С. Л., IV, 245; VIII, 175—176; VI, 197.

[4]) *Проф. Успенскій*, тамъ-же, стр. 30. Этотъ Андрей хорошо извѣстенъ и нашимъ лѣтописямъ. Подъ 1474 г. упоминается посольство къ великому князю «отъ царевичевъ Фомиными дѣтей Амморейскаго». Затѣмъ Андрей Фоминъ сынъ деспота Амморейскаго и самъ былъ два раза въ Москвѣ, въ 1480 и въ 1490 гг., и оба раза изъ Рима. П. С. Л., VIII, 180, 205 и 219; Никон. Лѣт., VI, 110 и 125. Современникъ, несочувствовавшій гордой византійской царевнѣ, между прочимъ упрекнулъ ее въ томъ, что она «истеряла много казны великаго князя, давала брату». Не даромъ, значитъ, Андрей пріѣзжалъ на Москву. П. С. Л., VI, 235.

[5]) Пам. дипл. сн., т. I, стр. 11.

[6]) Напр. Альберта Кампензе и Павла Іовія. *Семеновъ*, Библ. иностр. писат., т. I, стр. 42, 17—18.

[7]) Записки о Московіи, пер. Анонимова, стр. 30—31.

Константинопольскимъ наслѣдствомъ и королевскимъ титуломъ не одинъ разъ въ теченіе XVI в. пытались соблазнить московское правительство. Ни одно задуманное изъ Рима посольство въ Москву не обходилось безъ пышныхъ обѣщаній увеличенія чести и возвышенія достоинства московскаго государя въ награду за принятіе уніи [1]). О константинопольскомъ наслѣдіи также нѣсколько разъ напоминали московскому правительству. Такъ въ 1519 г. посолъ магистра прусскаго, Дитрихъ Шомбергъ, передалъ въ Москвѣ весьма важное порученіе папскаго посла о заключеніи перемирія съ христіанскими государями противъ турокъ, «занже турской вотчину великого князя держитъ». Великому князю велѣно было сообщить, что если онъ хочетъ «за свою вотчину констянтинопольскую стояти, и онъ имѣетъ нынѣ пригоденъ путь, да и помочь, что ни за сто лѣтъ

---

[1]) Въ 1518 г. коммиссія изъ 4-хъ кардиналовъ, избравъ нунціемъ въ Москву Франциска де-Потенція, постановила возвести московскаго князя въ короли въ случаѣ принятія имъ уніи. *Fiedler*, назв. соч., стр. 8—9. Въ 1519 г. посолъ магистра прусскаго, Дитрихъ Шомбергъ, разсказывалъ въ Москвѣ о посольствѣ отъ папы «нѣкоего мниха», который долженъ былъ передать великому князю, что папа хочетъ принять его въ единачство съ Римомъ, «а наияснѣйшаго и непобѣдимѣйшаго царя всеа Русіи короновати въ кристьянскаго царя». Сб. Р. И. Общ., т. LIII, стр. 85—86. То-же видно и изъ письма папы Льва X отъ 19 сент. 1519 г. *Григоровичъ*, Переписка папъ съ россійскими государями, стр. 3—6. Въ 1524 г. папа Климентъ VII снабдилъ генуэзца Павла Чентуріоне грамотою къ Василію III, въ которой обѣщалъ даровать титулъ короля вмѣстѣ съ королевскими регаліями. *Семеновъ*, Библ. иностр. писателей, Іовій, стр. 17; *Fiedler*, ib., стр. 14—15 и 79—80. Наконецъ, послѣдній папскій посолъ къ Василію III, еп. скаренскій Францискъ, долженъ былъ устно сообщить о важныхъ дѣлахъ. Литовская рада указываетъ, что этотъ посолъ отправленъ въ Москву «намовляючи великаго князя къ послушенству св. костела римскаго» и «обѣцуючи ему корону». *Fiedler*, ib., стр. 17; *проф. Успенскій*, Сношенія Рима, Ж. М. Н. Пр. 1884, авг., стр. 393; А. З. Р т. II № 144, стр. 171—174. При Иванѣ Грозномъ подобныя же попытки склонить Москву начинаются задуманной мистификаціей Шлиттена, который поручилъ веденіе переговоровъ объ этомъ въ Римѣ Штейнбергу. На основаніи его сообщеній коммиссія кардиналовъ въ 1552 г. постановила московскаго князя возвести въ санъ короля, если онъ приметъ присягу на вѣрность папѣ. *Pierling*, Rome et Moscou. p. 18; *Fiedler*, ib., стр. 29; *проф. Успенскій*, тамъ-же, стр. 402. До 1582 г. извѣстенъ и еще цѣлый рядъ попытокъ завязать на этой почвѣ сношенія съ Москвой. Предполагавшіяся посольства Канобіо, Джиральдо и Портико, а также посольство, организація котораго поручена кардиналу Мороньи въ 1576 г., всѣ должны были коснуться вопроса о королевскомъ титулѣ. *Pierling*, ib., p. 53. append. V in fine и append. X. Въ самомъ концѣ XVI в. папскій посолъ Александръ Комулей сообщаетъ, что Антоній Поссевинъ хлопоталъ о томъ, чтобы «папа сполна писалъ титлу» московскаго государя, но безуспѣшно, а что къ нему, Комулею, папа прислалъ грамоты съ полными титлами московскаго государя, и что «навышшей папа воленъ въ титлахъ во всѣхъ, кому хочетъ, тому дастъ». Пам. дипл. снош., т. X, стр. 456.

отъ сѣхъ мѣстъ наслѣдники констянтинопольскіе не имѣли». [1]). Ивану Васильевичу Грозному подобныя-же представленія дѣлались не только агентами римской куріи, но и императорскимъ правительствомъ. Цесарскіе послы, Кобенцель и Принцъ, развивая передъ Грознымъ въ 1576 г. выгоды избранія на польскій престолъ «арцыкняжата Эрнеста», обѣщаютъ ему, что съ помощію Божіею и изволеньемъ цесарскія милости и святаго папы римскаго при помощи всѣхъ христіанскихъ государей турки будутъ изгнаны до Азіи, чтобъ «все цесарство греческое на восходъ солнца къ твоему величеству пришло, ажебъ такъ ваша пресвѣтлость за всходного цесаря.... ото всего христіянства навѣки былъ честенъ и славенъ» [2]). Въ 1582 г. Антоній Поссевинъ, убѣждая царя признать Флорентійскую унію, подкрѣплялъ свои доводы между прочимъ ссылкой на то, что Иванъ Васильевичъ тогда будетъ не только на прародительской отчинѣ на Кіевѣ, «но и въ Царствующемъ градѣ государемъ будетъ, а папа и цесарь и всѣ государи великіе о томъ будутъ стараться» [3]).

Очевидно въ Европѣ и особенно въ Римѣ сильно надѣялись на благопріятный исходъ своихъ дипломатическихъ представленій о соединеніи церквей, если такъ упорно и послѣдовательно стремились склонить къ этому московское правительство обѣщаніями политическихъ выгодъ. Польско-литовское правительство основательно старалось разувѣрить римскую курію въ возможности такого исхода, но и само поддалось вліянію общераспространенныхъ слуховъ о политическихъ домогательствахъ въ Римѣ московскаго правительства и оказало весьма дѣятельное сопротивленіе римской куріи по вопросу о дарованіи королевскаго титула московскому князю [4]).

---

[1]) Сб. Р. И. Общ., т. LIII, стр. 86 и 91, и въ ст. *проф. Успенскаго*, Ж. М. Н. Пр. 1884, авг., стр. 380—383.

[2]) Пам. дипл. снош., т. I, стр. 528—530 и 534.

[3]) Пам. дипл. снош., т. X, стр. 300. Еще въ 1575 г. папскій нунцій Лаурео сообщалъ, что московскаго государя можно склонить къ признанію главенства римскаго престола, если отъ имени папы обѣщать ему титулъ цареградскаго императора съ правомъ первенства, когда онъ завладѣетъ этимъ городомъ. *Ѳ. Верж6овскій*, Отношенія Россіи и Польши въ 1574 — 1578 гг. Ж. М. Н. Пр. 1882, авг., стр. 219.

[4]) Еще въ 1488 г. Поппель говорилъ, что «краль польскій вельми того не хотѣлъ», чтобы папа «удѣлалъ кралемъ» великаго князя, и «посылалъ въ тыи часы до папежа съ великими дары, абы того папежъ не удѣлалъ», такъ какъ ляхи, по словамъ Поппеля, «того боятся вельми», если великій князь будетъ королемъ, «ижъ тегды вся русская земля, что подъ кролемъ польскимъ, отступитъ отъ него» и будетъ послушна великому князю. Пам. дипл. снош., т. I, стр. 11. Въ 1526 г. литовская рада указываетъ, что отецъ Сигизмунда-Августа «не хотѣлъ того допустити, абы московскій мѣлъ быти коронованъ»; рада упрекаетъ папу за то, что «есть такъ склонный,

Между тѣмъ опасенія польско-литовскаго правительства насчетъ домогательствъ московскаго князя получить королевскій титулъ изъ рукъ папы были столь-же неосновательны, какъ надежды римской куріи на возможность присоединить московское государство къ уніи.

Московское правительство оставляло большею частію безъ отвѣта всѣ эти настойчивыя предложенія римской куріи, а если въ исключительныхъ случаяхъ и отзывалось на нихъ, то въ совершенно отрицательномъ смыслѣ. Иванъ III на предложеніе цесарскаго посла о королевскомъ титулѣ отвѣчалъ, что московскіе князья изначала государи на своей землѣ, имѣютъ поставленіе отъ Бога и желаютъ, чтобы имъ и ихъ дѣтямъ «до вѣка въ томъ быти, какъ есмя нынѣ на своей землѣ; а поставленія, какъ есмя напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ» [1]). Не можетъ быть сомнѣній что этотъ взглядъ раздѣлялъ и Василій III [2]), а тѣмъ болѣе Иванъ Грозный.

Повидимому также отрицательно относился Иванъ III и къ вопросу о *реальномъ* наслѣдствѣ константинопольскихъ царей, такъ какъ наслѣдство это предстояло еще добыть у турокъ, борьба съ которыми вовсе не входила въ планы Ивана Васильевича. Вотъ что отвѣчалъ онъ въ іюнѣ 1486 г. польскому королю Казиміру на предложеніе послѣдняго защитить волошскаго воеводу Стефана отъ насилій турецкаго царя и вмѣстѣ съ польскимъ королемъ «посполъ стати противъ бесурменьства»: «ино чтобы намъ не столь далече, а льзѣ бы намъ то дѣло дѣлати, и мы бы сердечно хотѣли то дѣло дѣлати и стояти за хрестіаньство, сколько бы намъ Богъ помогъ». Отказываясь за дальностью разстоянія помогать волошскому воеводѣ, московскій государь по присылкѣ послѣдняго наказываетъ польскому королю помочь Стефану, мотивируя это слѣдующимъ образомъ: «ино которымъ хрестіяньскимъ господаремъ, будучи близко, а льзѣ то дѣло дѣлати, ино то есть должно вся-

---

ижъ зычитъ того повышенья и чти» непріятелю короля, который «есть того негоденъ съ предковъ своихъ». А. З. Р., т. II, № 144. Въ 1553 г. польскій король сообщилъ послу своему въ Римѣ, Крыйскому, обстоятельный взглядъ на дѣло о дарованіи королевскаго титула московскому государю. Здѣсь онъ между прочимъ пишетъ: «Нашъ спеціальный и народа нашего интересъ, чтобы Московитъ никогда не получилъ королевскаго титула; ... навѣрное можно опасаться, что если московскій князь получитъ королевскій вѣнецъ и титулъ, то русскіе, находящіеся въ нашей власти... будутъ стараться отпасть отъ насъ къ нему» и т. д. *Fiedler*, ib. стр. 30—31 и 84—89; *проф Успенскій*, Ж. М. Н. Пр. 1884 г., авг., стр. 400—402.

[1]) Пам. дипл. снош., т. I, стр. 12.

[2]) Какъ объ этомъ и свидѣтельствуетъ Герберштейнъ, Зап. о Москов., перев. Анонимова, стр. 30—31.

*

кому господарю хрестіяньскому того дѣла оберегати и за хрестьяньство стояти» [1]). Гораздо опредѣленнѣе высказался по этому вопросу Иванъ Грозный на предложеніе Антонія Поссевина быть государемъ въ Царствующемъ градѣ. «Мы великій государь, отвѣчалъ Грозный, во хрестьянской вѣрѣ родилися и Божію благодатію дошли есмя совершенного возрасту, пятьдесятъ лѣтъ съ лѣтомъ намъ; ино мнѣ неколи ужъ перемѣнятись и на болшое государство хотѣти; мы въ будущемъ восприятія малаго хотимъ, а здѣшняго государства всеѣ вселенные не хотимъ, что будетъ ко грѣху поползновенно» [2]). А какъ относились въ Москвѣ къ проектамъ о соединеніи церквей показываютъ отвѣты государей Василія III и Ивана Грознаго. На вопросъ: хочетъ-ли великій государь «съ папою быти въ единачествѣ и въ согласьѣ о законѣ», первый велѣлъ отвѣтить магистру прусскому: «государь нашъ съ папою хочетъ въ дружбѣ и въ согласьѣ быти о дѣлѣхъ о которыхъ; а какъ напередъ того государь нашъ отъ прародителей своихъ законъ греческой держалъ крѣпко, такъ и нынѣ законъ свой греческій держитъ крѣпко и впередъ законъ свой греческій хочетъ держать крѣпко» [3]). Болѣе опредѣленно, но въ томъ-же смыслѣ отвѣтилъ царь Иванъ Васильевичъ Антонію Поссевину на предложеніе его «быти въ соединенье въ вѣрѣ и въ любви» [4]).

Такое отрицательное отношеніе московскаго правительства къ политическимъ и религіознымъ внушеніямъ римской куріи заставляетъ

[1]) Чтенія Общ. ист. и древн. 1887 г., кн. 3. Матеріалы для взаимныхъ отношеній Россіи, Польши etc., стр. 115.

[2]) Пам. дипл. снош., X, 301. Что Грозный и раньше не думалъ о какихъ-либо военныхъ предпріятіяхъ противъ турокъ для завоеванія Константинополя, свидѣтельствуетъ его просительная грамота 1557 г. къ константинопольскому патріарху касательно царскаго титула, въ которой Грозный, сообщая о покореніи царствъ Казанскаго и Астраханскаго, пишетъ: «Мы-жъ желательне желаемъ отъ Бога и вамъ улучити милость его, яко чашу исполнь растворенія, и избавитися во дни сія отъ томительства богохульныхъ, да слышевъ возрадуемся» и проч. *Оболенскій*, Соборная грамота, утверждающая санъ царя, стр. 33. Годомъ раньше царь Иванъ Васильевичъ писалъ въ одинъ изъ аѳонскихъ монастырей, что онъ уповаетъ на Бога, который не оставитъ до конца раззоритися достоянію его, и что «падшіе возстанутъ и къ первобытному обратятся». Снош. съ Восток., стр. 70.

[3]) Сб. Р. И. Общ., т. LIII, стр. 118; *Карамзинъ*, VII, прим. 191.

[4]) «Намъ съ вами не сойдетца въ вѣрѣ, наша вѣра хрестьянская изъ давнихъ лѣтъ была себѣ, а римская церковь была себѣ.... Намъ мимо свое вѣры никоторые вѣры хотѣти нечего, ни ученья никотораго мимо истинные хрестьянскіе своеѣ вѣры не требуемъ.... И съ нашею вѣрою римская вѣра во многомъ не сойдется, да только мы о томъ говорить не хотимъ для супротивныхъ словъ, чтобъ розна межъ насъ съ папою за то и гнѣву не было, и любовь-бы наша тѣмъ не порвалася». Пам. дипл. снош., т. X, стр. 301—302.

усомниться въ возможности какихъ либо вліяній съ этой стороны на созданіе теоріи о русскомъ царствѣ [1]), такъ какъ исходные моменты этой теоріи были прямо противоположны основнымъ стремленіямъ западно-католической политики. Царство на Руси, по представленіямъ русскихъ книжниковъ, явилось оплотомъ православной вѣры, наградой за охрану правовѣрія великимъ княземъ, который прежде всего и явился «православья царемъ» вмѣсто византійскихъ императоровъ. Вотъ почему Иванъ Грозный, принявъ царскій титулъ, молилъ Бога за утвержденіе въ русской державѣ «скипетра православія» [2]). Принятіе королевскаго титула и присоединеніе къ уніи было бы отреченіемъ отъ этихъ основныхъ началъ политическаго правосознанія. Но если въ Москвѣ такъ осторожно относились къ эгоистическимъ внушеніямъ папской и императорской политики, то тѣмъ благопріятнѣе встрѣтили тамъ заискивающія представленія православнаго восточнаго духовенства, такъ какъ эти представленія вполнѣ отвѣчали тенденціямъ московскаго правительства.

Сношенія съ православнымъ востокомъ, столь благопріятныя для Москвы, начались еще незадолго до паденія Константинополя, когда въ Имперіи стало извѣстно о результатахъ Флорентійскаго собора. Представители аѳонскихъ монастырей со скорбію писали къ великому князю Василію Васильевичу о прелести, постигшей греческаго царя, о тмѣ и тугѣ, постигшихъ царствующій градъ и соборную церковь «злосъвѣтіемъ властель и неистовыхъ святитель», и наоборотъ радовались, что великій князь крѣпко сохраняетъ вѣру непорочную и предсказали ему за то многую мзду на небесахъ [3]). Послѣ же паденія Константинополя, когда положеніе восточнаго духовенства становилось все болѣе и болѣе бѣдственнымъ вслѣдствіе усиливающихся притѣсненій со стороны мусульманъ, начинается цѣлый рядъ ходатайствъ предъ московскимъ правитель-

---

[1]) *Проф. Успенскій* говоритъ, что «въ Римѣ создавались политическіе планы и комбинаціи, въ которыхъ Москвѣ давалось опредѣленное мѣсто и назначеніе гораздо прежде того времени, какъ великій князь московскій громко заявилъ о правѣ своемъ на царскій титулъ и константинопольское наслѣдство, и несомнѣнно раньше, чѣмъ въ Россіи вошла въ сознаніе живая идея единовѣрности съ христіанскимъ населеніемъ на Балканскомъ полуостровѣ». Ж. М. Н. Пр. 1884, авг., стр. 383. Наоборотъ, *проф. Бестужевъ-Рюминъ* полагаетъ, что «нельзя согласиться съ почтеннымъ авторомъ въ томъ, что стремленіе папъ имѣло вліяніе на политику московскую; мы знаемъ, что понятіе о третьемъ Римѣ сложилось подъ византійскимъ вліяніемъ и усилилось послѣ паденія Царяграда и освобожденія отъ татарскаго ига». Ист. Росс., т. II, стр. 301.

[2]) Снош. съ Вост., ч. 1, стр. 70.

[3]) Лѣт. Зап. Арх. Комм., вып. 3, прил., стр. 28—32.

ствомъ со стороны патріарховъ, митрополитовъ и монастырей о вспомоществованіяхъ для поддержанія православныхъ церквей и духовенства, о заступничествѣ за православіе передъ турецкимъ султаномъ и даже объ освобожденіи отъ ига невѣрныхъ. И ходатайства эти имѣли результатъ: многимъ восточнымъ церквамъ и монастырямъ московскіе государи посылаютъ щедрыя пособія, а иногда выдаютъ жалованныя грамоты, по которымъ принимаютъ на себя званіе кормителей и ктиторовъ церквей и монастырей [1]. Новая-же роль охранителей православія, столь усердно предлагаемая московскимъ государямъ изъ разныхъ частей вселенской церкви, ставила ихъ въ то положеніе, какое раньше занимали византійскіе императоры. Многочисленные просители изъ среды восточнаго духовенства очень рано усвоили себѣ эту мысль и совершенно отчетливо выразили ее въ просительныхъ посланіяхъ московскому правительству. Прежде всего къ московскимъ государямъ прилагаются титулы византійскихъ императоровъ и воздаются тѣ-же формальныя почести. Такъ бѣлградскій митр. Ѳеофанъ въ 1509 г., творя съ смиреніемъ поклоненіе господству свышедарованнаго отъ Бога великаго князя Василія, заявляетъ, что они «царскую почесть ему воздаютъ по достоянію» и высказываетъ пожеланіе, чтобъ великій князь, управивъ земное царствіе въ великой тишинѣ, наслѣдовалъ небесное «со святыми царями». Въ 1517 г. игуменъ синайской обители Даніилъ величаетъ великаго князя полнымъ титуломъ греческихъ царей, называя его «самодержавнымъ, боговѣнчаннымъ, величайшимъ святымъ царемъ всея Руси». Немного ранѣе иноки Вотопадской обители и государыню великую княгиню титулуютъ Августіею. Ивана Грознаго братія Пантелеймонова монастыря въ 1548 г. также называетъ «святымъ царствомъ», а иноки сербскаго Хиландаря монастыря въ томъ-же году, припадая къ святымъ его стопамъ, титулуютъ его «самодержавнымъ великимъ царемъ московскимъ, единымъ правымъ государемъ, бѣлымъ царемъ восточныхъ и сѣверныхъ странъ, который всѣмъ православнымъ христіанамъ царь и государь; святымъ, великимъ, благочестивымъ царствомъ; солнцемъ христіанскимъ, сіяющимъ на востокѣ и сѣверѣ и озаряющимъ всю подсолнечную; утвержденіемъ седми соборныхъ столповъ, украшеніемъ церковнымъ, вторымъ Константиномъ и поборникомъ божественныхъ церквей, христіанскою хоругвью, на коей честный крестъ воздвиженъ въ просвѣщеніе православнымъ въ славу и

[1] Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, ч. I, стр. 12, 14, 17, 19, 21, 54, 59 и проч.

утвержденіе благочестиваго царства, въ побѣду-же на злочестивыхъ агарянъ и иныхъ богопротивныхъ языковъ» [1]). Высшіе представители восточнаго духовенства—патріархи—мало-по-малу усвоивали себѣ тѣ-же воззрѣнія на московскихъ государей и открыто это выражали. Такъ александрійскій патріархъ еще про Василія III замѣтилъ, что онъ имѣетъ «имя славное во всѣхъ земляхъ»; патріархъ выражаетъ пожеланія великому князю такихъ-же благъ, какія нѣкогда даровалъ Господь царю-пророку Давиду и царю Константину; молитъ его царство о помощи и желаетъ ему воспріять небесное царствіе, «какъ и прежде царствовавшіе цари» [2]). Даже архіепископъ Царяграда Новаго Рима и вселенскій патріархъ титулуетъ великаго князя Василія «наивысшимъ и кротчайшимъ царемъ и великимъ кралемъ всея православныя земли и Великія Руси» [3]). Въ концѣ 1557 г. явились въ Москву посланные отъ константинопольскаго патріарха съ просительной грамотой, въ которой Иванъ Васильевичъ именовался «святымъ царствомъ», а посланные сверхъ того заявили отъ лица патріарха и всего цареградскаго собора о соборномъ уложеніи «молить Бога о царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, якожъ и о прежнихъ благочестивыхъ царѣхъ» [4]). Въ виду заявленій всего восточнаго духовенства, царь Иванъ Васильевичъ пожелалъ получить отъ вселенскаго патріарха подтвержденіе своихъ правъ на царскій титулъ. Въ подтвердительной соборной грамотѣ 1561 г. преподается и даруется царю Ивану Васильевичу «быти и зватися ему царемъ законно и благочестно», такъ какъ это «на пользу всѣмъ благочестивымъ и христоименитымъ людемъ повсюду законно и праведно бываетъ ко исправленію и утвержденію въ пользу христіанскому исполненію». Въ особой грамотѣ, называя государя «царемъ и государемъ пра-

---

[1]) Снош. съ Вост., ч. I, стр. 15 и 16, 34, 32, 61, 62—63, 66 и 67.

[2]) Тамъ-же, стр. 39—41. Тотъ-же патріархъ въ 1543 г. почти также превозноситъ великаго князя Ивана Васильевича, а въ 1557 г. называетъ его «святѣйшимъ царемъ богоутвержденной земли». Въ 1548 г. іерусалимскій патріархъ увѣдомляетъ того же князя, что о немъ молятся, чтобы Господь укрѣпилъ державу его царствія, и что впредь о немъ будетъ въ церкви Св. гроба твориться вѣчное поминовеніе, какъ и о приснопамятныхъ царяхъ Константинѣ и Еленѣ. Тамъ-же, стр. 46, 89, 58 и 59.

[3]) Тамъ-же, стр. 25. Неудовольствія, возникшія по поводу дѣла Максима Грека, породили натянутыя отношенія между константинопольской каѳедрой и Москвой. По крайней мѣрѣ патр. Діонисій въ 1550 г писалъ, между прочимъ, «что весьма было ему кручинно отъ прежнихъ навѣтовъ, происшедшихъ отъ злобы враговъ; вѣдимо и то, что по тѣмъ-же искушеніямъ совершилось въ царской палатѣ, ради чего и патріаршій престолъ оставался безъ помощи отъ державы русской, но нынѣ опять надѣется ее получить». Въ томъ-же году московское правительство, конечно, не по невѣдѣнію, титулуетъ «вселенскимъ» патріарха іерусалимскаго. Тамъ-же, стр. 55—56, 60.

[4]) Тамъ-же, стр. 71—73 и 87; Никон. Лѣт., VI, 273.

вославныхъ христіанъ всей вселенной отъ востока до запада и до океана», патріархъ увѣдомлялъ, что о имени московскаго государя будутъ молить не только въ одной константинопольской церкви, но по всѣмъ церквамъ митрополичьимъ, «да будешь и ты между царями, какъ равноапостольный и славный Константинъ», и что имя его будутъ поминать во святыхъ диптихахъ [1]). Въ 1586 г. антіохійскій патріархъ Іоакимъ писалъ московскому государю: «солнце же наше въ нынѣшніе дни—ваша царская милость; и кто видитъ царское лицо, возрадуется и прославитъ Бога, давшаго тебя въ утвержденіе просвѣщенія восточной церкви Христовой, какъ солнце свѣтящее надъ всѣми звѣздами» [2]). А цареградскій патріархъ Іеремія въ 1589 г. про царя Ѳедора Ивановича замѣтилъ, что онъ «во всей подсолнечной одинъ благочестивый царь» [3]).

Представляется совершенно очевиднымъ, въ какой мѣрѣ подобныя заявленія восточнаго духовенства подкрѣпляли стремленія русской публицистики выдвинуть московскаго государя въ качествѣ единаго представителя всего православнаго міра. Этимъ, однако, не исчерпывалось вліяніе православнаго востока въ XVI в. на выясненіе политическихъ воззрѣній московскаго правительства. Отмѣтивъ помимо юридической фикціи о константинопольскомъ наслѣдіи духовное преемство русскихъ государей отъ византійскихъ императоровъ, восточное духовенство указало московской политикѣ и вытекающія отсюда практическія задачи: въ заявленіяхъ духовенства уже въ XVI вѣкѣ довольно настойчиво проводится идея объ обязанности православнаго царя избавить угнетенныхъ христіанъ отъ агарянскаго плѣненія. Мысль эта, высказываемая сначала неувѣренно, одними намеками [4]), со второй половины XVI вѣка была совершенно ясно формулирована. Такъ александрійскій патріархъ не одинъ разъ высказывалъ подобныя пожеланія Ивану Грозному:

---

[1]) Соборная грамота, утверждающая санъ царя, изд. *Оболенскимъ*, стр. 24; Снош. съ Вост., стр. 111.

[2]) *Свящ. Николаевскій*, Учрежд. патріарш. въ Россіи, Христ. Чтеніе, 1879 г., сент.-окт., стр. 390.

[3]) *Макарій*, Ист. церкви, X, стр. 37.

[4]) Еще въ 1509 г. иноки Пантелеймонова монастыря высказали великому князю слѣдующее пожеланіе. «Господь Богъ да наставитъ свыше твое царствіе и да распространитъ и поставитъ тебя пастыремъ и надъ сими невѣдомыми тихими овцами, и да предастъ тебѣ ихъ въ усвоеніе». Александрійскій патріархъ выражаетъ великимъ князьямъ Василію Ивановичу и Ивану Васильевичу пожеланіе, чтобы Господь далъ имъ мужество Сампсона и смыслъ Давида и царя Константина для одолѣнія враговъ, дабы подъ ихъ державою въ тишинѣ жили всѣ православные. Снош. съ Вост., стр. 14, 39 и 46.

въ 1557 г. онъ писалъ, что всѣ святители восточные радуются побѣдамъ государя надъ нечестивыми, ибо «царь является имъ какъ второе солнце, утѣшая ихъ надеждою благихъ временъ, дабы и имъ когда либо избавиться его рукою отъ руки злочестивыхъ». Въ 1560 г. онъ повторяетъ пожеланіе, чтобы царь одолѣлъ своихъ враговъ, «а наипаче изгналъ безбожныхъ агарянъ». Отчаявшись увидѣть это страстно желаемое освобожденіе, патріархъ сказалъ царскому послу: «нынѣ достигъ я старости великой и не велитъ мнѣ Богъ того видѣть, какъ московскому государю Господь Богъ подастъ наслѣдіе царя Константина и покоритъ всѣ государства къ подножію его; а мы чаемъ того у Бога, что подастъ ему государю Господь Богъ наслѣдіе Константина царя въ недолгое время» [1]. Цареградскій патріархъ, посылая въ Москву утвердительную грамоту по поводу царскаго вѣнчанія, называетъ государя «надеждою и упованіемъ всѣхъ родовъ христіанскихъ, которыхъ онъ избавитъ отъ варварской тяготы и горькой работы», и сообщаетъ, что константинопольскій соборъ молитъ Бога о укрѣпленіи царства и о возвышеніи руки государя, «да избавитъ повсюду всѣ христіанскіе роды отъ скверныхъ варваръ, сыроядцевъ и страшныхъ язычниковъ агарянъ» [2]. Въ 1584 г. иноки Пантелеймонова монастыря пишутъ, что вся братія всѣхъ обителей аѳонскихъ съ плачемъ молятъ Бога день и ночь, чтобы Господь избавилъ государя православнаго христіанскаго отъ поганыхъ варваровъ [3]. Выше было указано, съ какой осторожностью относились московскіе государи къ подобнымъ представленіямъ въ XVI в., понимая всю трудность возлагаемой на нихъ задачи.

Въ дополненіе очерка восточныхъ вліяній слѣдуетъ еще упомянуть, что въ тѣсной связи съ идей церковно-религіознаго представительства и вытекающей изъ нея политической миссіей московскаго государя избавить христіанъ отъ ига невѣрныхъ въ заявленіяхъ съ востока сквозитъ и другая политическая струя. Нѣкоторые изъ мелкихъ владѣтельныхъ князей, состоявшихъ прежде подъ покровительствомъ и подчиненіямъ византійской имперіи. ищутъ теперь покровительства у московскаго государя, къ которому выражаютъ желаніе стать въ тѣ-же отношенія, въ какихъ они стояли раньше къ Византій. Сербскій деспотъ Іоаннъ, именующій себя «Иваниска», «посылая отъ себя поклоненіе его вели-

---

[1]) Снош. съ Вост., стр. 89 и 102; *Н. Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ Вост., стр. 249—250.
[2]) Снош. съ Вост., стр. 110 и 111.
[3]) Тамъ-же, стр. 138.

честву», великому князю Василію, проситъ принять подъ свое покровительство монастырскую церковь митрополита бѣлградскаго и быть ея ктиторомъ. Карлъ, деспотъ артскій, титулуетъ того-же князя боговѣнчаннымъ святымъ царемъ, а себя сестричемъ и сыномъ его царствія. Любопытно, какъ отнеслись государи къ такимъ представленіямъ: великій князь Василій Ивановичъ писалъ деспоту Карлу, что если онъ захочетъ къ нему пріѣхать и поклониться его царствію, то будетъ принятъ съ честію и любовію, какъ присный сродникъ и будетъ отпущенъ добровольно безъ всякой зацѣпки [1]).

Даже приведенное бѣглое сопоставленіе западно-католическихъ и православно-восточныхъ вліяній указываетъ, которому изъ этихъ вліяній могла подчиниться школа русскихъ публицистовъ, выработавшая теорію о московскомъ царствѣ.

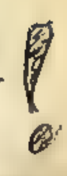
---

[1]) Снош. съ Вост., стр. 18, 36—38.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Теорія власти московскихъ государей.

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ слагалась теорія русскаго православнаго царства, вырабатывалось политическое ученіе о верховной власти московскихъ государей. Исходнымъ моментомъ его построенія послужило тоже самое начало, на которомъ возникла и теорія о русскомъ царствѣ, а именно охрана правовѣрія.



Въ то время, когда всѣ элементы новой теоріи о царствѣ на Руси уже были сознаны и даже формулированы по частямъ, московское государство должно было вынести большую религіозную смуту: изначальнѣйшему правовѣрію грозила опасность со стороны ереси жидовствующихъ. Для государственной власти представился первый серьезный поводъ оправдать передъ лицемъ всего православнаго міра свое новое политическое значеніе принятіемъ энергическихъ мѣръ къ искорененію ереси.

Такъ именно поняли обязанности государя архіеп. новгородскій Геннадій и суровый волоцкій игуменъ Іосифъ Санинъ. Посвятивъ почти всю свою жизнь и выдающіяся дарованія на борьбу съ ересью, оба они были ревностными сторонниками искорененія ереси посредствомъ казни еретиковъ. Геннадій въ посланіи собору владыкъ 1490 г. рекомендуетъ только для того учинить соборъ, чтобы «еретиковъ казнити—жечи да вѣшати», а въ посланіи того-же года къ митр. Зосимѣ онъ ссылался на примѣръ испанскаго короля, какъ тотъ «свою очистилъ землю» [1]). Іосифъ уже въ первомъ посланіи своемъ къ еп. Нифонту (отъ 1493 г.) говоритъ, что «не токмо еретиковъ осужати велѣно, но и казнити и въ заточеніе посылати, точію смерти предати епископомъ не повелѣно

---

[1]) Р. И. Б., VI, стр. 784 и 775.

есть; а царіе благочестивіи и смерти предаша отъ жидовъ и отъ еретиковъ многихъ непокаявшихся» [1]).

Проводя этотъ взглядъ въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ противъ еретиковъ и партіи заволжскихъ старцевъ, Іосифъ подошелъ къ вопросу о правахъ и обязанностяхъ государей и по этому поводу высказалъ свое мнѣніе о значеніи верховной власти. Тема эта затрогивалась имъ не одинъ разъ и разъяснялась не всегда одинаковымъ образомъ. Можно даже замѣтить нѣкоторую двойственность въ политическихъ воззрѣніяхъ Іосифа. Какъ страстный боецъ за идею о сохраненіи чистоты правовѣрія, онъ далеко не былъ строгимъ теоретикомъ въ сферѣ политической. Онъ былъ гораздо больше политикомъ, смотрѣвшимъ на государство и свѣтскую власть лишь какъ на силу, содѣйствующую или противодѣйствующую ему въ его борьбѣ. Соотвѣтственно съ этимъ и въ зависимости отъ обстоятельствъ мѣнялось и его отношеніе къ этой силѣ.

Время, когда впервые выступилъ съ своими писаніями Іосифъ, не благопріятствовало пропагандѣ его идей. Митрополиты до и послѣ Зосимы—Геронтій и Симонъ—къ преслѣдованію еретиковъ вовсе не относились съ такою ревностью, какъ Геннадій и Іосифъ. Послѣдніе говорили про Геронтія, что онъ «государю не подокучалъ о еретикахъ» по нерадѣнію-ли, или будучи удерживаемъ грубостью еретиковъ, или боясь державнаго. Митр. Симонъ до собора 1503 г. ничѣмъ не проявилъ своей дѣятельности. Отношенія-же Іосифа къ великому князю были совершенно не выяснены. Съ Иваномъ III онъ встрѣчался очень рѣдко. Въ первую встрѣчу, когда Іосифъ былъ поставленъ преемникомъ Паѳнутія Боровскаго, онъ былъ принятъ великимъ княземъ очень ласково. Но съ тѣхъ поръ до 1503 г. о личныхъ отношеніяхъ между ними ничего неизвѣстно. Между тѣмъ въ этотъ промежутокъ времени у Іосифа было много поводовъ быть недовольнымъ дѣйствіями великаго князя. Послѣдній не только не откликнулся на вызовъ Геннадія объ обыскѣ еретиковъ, но держалъ при себѣ главныхъ изъ нихъ—дьяка Ѳед. Курицына и протопопа Алексѣя, которые «имѣли дерзновеніе къ державному, яко никто-же инъ», и о еретичествѣ которыхъ не могло не быть извѣстно великому князю. Мало того: не безъ вліянія протопопа Алексѣя состоялось назначеніе на митрополичью каѳедру Зосимы: по словамъ Іосифа, Алексѣй «волхвованіемъ подойде державнаго». Такимъ образомъ, по винѣ державнаго, во главѣ право-

[1]) Тамъ-же, стр. 825 и слѣд.

славной церкви сталъ этотъ «скверный и злобѣсный волкъ, предтеча антихристовъ, сынъ погибельный, сквернитель и отступникъ». Можно даже предполагать, что и самъ великій князь былъ несовсѣмъ чуждъ еретическаго ученія [1]). При такихъ условіяхъ обратиться съ открытымъ словомъ къ великому князю было не только неудобно, но даже рискованно. Поэтому Іосифъ пробуетъ обходный путь, убѣждая епископа Нифонта и брата Вассіана отбросить всякое малодушіе и пострадать за благочестіе [2]).

Вторая встрѣча Іосифа съ великимъ княземъ произошла въ 1503 г., когда Іосифъ былъ вызванъ царскими письменами на соборъ о вдовыхъ попахъ, на которомъ, кромѣ того, былъ поднятъ и вопросъ о монастырскихъ имуществахъ. Здѣсь впервые Іосифъ открыто разошелся съ партіей нестяжателей, хотя держалъ себя на соборѣ очень сдержанно [3]). Государь пригласилъ волоцкаго игумена къ себѣ, говорилъ съ нимъ наединѣ о церковныхъ дѣлахъ и просилъ прощенія за отношеніе къ новгородскимъ еретикамъ. Іосифъ отвѣчалъ, что если государь подвигнется о нынѣшнихъ еретикахъ, то и въ старыхъ его Богъ проститъ. Но въ другой разъ, когда Іосифу случилось у великаго князя «хлѣба ясти», произошелъ какой-то непріятный для Іосифа инцидентъ. Іосифъ разсказываетъ, что государь спросилъ его,—нѣтъ-ли грѣха казнить еретиковъ; но только-что суровый игуменъ началъ подбирать свои излюбленныя мѣста изъ священнаго писанія, какъ «великій князь велѣлъ ему престати говорити». Дальнѣйшія подробности инцидента неизвѣстны; но вслѣдствіе его Іосифъ не рѣшился, спустя годъ, обратиться непосредственно къ великому князю по дѣлу о преслѣдованіи еретиковъ, а снова избираетъ обходный путь. Онъ пишетъ къ андрониковскому архим. Митрофану, государеву духовнику, что ему «о томъ государю великому князю пригоже да и должно напоминати и въ томъ дѣлѣ государя поберечи, чтобы на него Божій гнѣвъ не пришелъ за то, да и на всю нашу землю, занеже, господине, за царское согрѣшеніе Богъ всю землю казнитъ» [4]). Значитъ въ глазахъ Іосифа Иванъ III согрѣшилъ, «прозабылъ во

---

[1]) *Никитскій*, Очеркъ исторіи церкви въ Новгородѣ, стр. 170.

[2]) Р. И. Б., VI, № 120; Чтенія Общ. Ист. 1847 № 1, смѣсь.

[3]) Одинъ памятникъ—письмо о нелюбкахъ въ Приб. къ Тв. Св. Отц., ч. X, стр. 505—приводитъ возраженіе Іосифа Нилу Сорскому; но ни въ дѣяніяхъ собора, ни въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ не упомянуто объ участіи Іосифа. Вивл., ч. XIV, стр. 206; П. С. Л. IV, 277; VI, 49. Отсюда и заключаютъ, что Іосифъ велъ себя на соборѣ очень скромно. *И. Хрущовъ*, Сочиненія Іосифа Санина, стр. 177.

[4]) Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847 № 1, смѣсь.

многихъ дѣлахъ царскихъ» такое дѣло, какъ очищеніе Христова стада отъ тлетворныхъ волковъ; а изъ всѣхъ дѣлъ «Божіе дѣло всѣхъ нужнѣе». Онъ согрѣшилъ вдвойнѣ, потому что, покаявшись Іосифу и получивъ прощеніе отъ митрополита и владыкъ, онъ не возгорѣлъ ревностію о православной вѣрѣ и оставилъ Божіе дѣло втунѣ. Такое явное неудовольствіе на государя длилось недолго: соборъ 1504 г. и ужасныя казни еретиковъ примирили съ нимъ Іосифа. Измѣнилъ-ли Иванъ III подъ конецъ жизни свои воззрѣнія на еретиковъ [1]), или мѣры противъ еретиковъ, принятыя на соборѣ, слѣдуетъ объяснять вліяніемъ великаго князя Василія, который и предсѣдательствовалъ на соборѣ,—рѣшить трудно. Но Іосифъ могъ предполагать перемѣну въ воззрѣніяхъ великаго князя Ивана, такъ какъ отъ имени послѣдняго было дано распоряженіе о принятіи энергическихъ мѣръ противъ еретиковъ. При такихъ условіяхъ Іосифъ, всегда предпочитавшій вліять на государя окольными путями, впервые рѣшился обратиться къ нему непосредственно и выразилъ радость, что государь показалъ наконецъ ревность о благочестивой, православной христіанской вѣрѣ, как ъ прежніе святые православные и христіанскіе цари. Іосифъ возражалъ только противъ распоряженія о разсылкѣ по монастырямъ менѣе виновныхъ еретиковъ [2]).

Это было послѣднее сношеніе двухъ выдающихся людей XV—XVI в., которые, дружелюбно встрѣтившись и повидимому мирно разставшись, во всю жизнь имѣли не мало поводовъ быть недовольными другъ другомъ. Соотвѣтственно этому сложился и взглядъ Іосифа на великаго князя Ивана Васильевича. Государь, оставившій втунѣ Божіе дѣло, которое является, по мнѣнію Іосифа, первой обязанностью государя, такъ какъ оно всѣхъ нужнѣе, и навлекающій Божій гнѣвъ на всю землю за свое царское согрѣшеніе, конечно, не могъ пользоваться симпатіями Іосифа. Поэтому послѣдній совсѣмъ иначе, чѣмъ впослѣдствіи, объяснялъ значеніе государственной власти. Въ 7-мъ словѣ Просвѣтителя, составленномъ до собора 1504 г., рѣшается, между прочимъ, вопросъ: «како подобаетъ поклонятися или служити царю, или князю, или властелю». Необходимость поклоненія или служенія царю доказывается здѣсь общеизвѣстными въ то время соображеніями и ссылками на писаніе [3]). По поводу апостольскаго наставленія о послу-

---

[1]) Такъ думаетъ *проф. О. Ѳ. Миллеръ*; см. его ст. О направленіи Іосифа Волоколамскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1868 г., ч. 137, стр. 540; также *Никитскій*, Оч. ист. церкви въ Новгородѣ, стр. 184.

[2]) Посланіе напечатано у *И. Хрущова*, назв. соч., стр. 263.

[3]) Напр.: «того ради подобаетъ поклонятися или служити царю, яко сіе

шаніи рабовъ Іосифъ замѣчаетъ: такъ какъ господа могутъ благодѣтельствовать рабовъ своихъ «тѣлеснѣ, а не душевнѣ», то и рабамъ подобаетъ служить и поклоняться господамъ тѣлеснѣ и воздавать имъ царскую честь, а не божественную. Если, продолжаетъ Іосифъ, такъ будешь поклоняться и служить, то это послужитъ не къ пагубѣ, но «паче отъ сего научишися боятися Бога: царь бо Божій слуга есть, къ человѣкамъ милостію и казнію». На этомъ въ большинствѣ случаевъ и останавливались наши книжники. Но Іосифъ пошелъ далѣе. Онъ счелъ необходимымъ сдѣлать оговорку относительно царя, который надъ собою «имать царствующи скверныя страсти и грѣхи, сребролюбіе же и гнѣвъ, лукавство и неправду, гордость и ярость, злѣйши же всѣхъ невѣріе и хулу». По Іосифу такой царь «не Божій слуга, но дьяволъ, и не царь, но мучитель» [1]). Іосифъ преподаетъ слѣдующее правило отношеній къ такому мучителю: «И ты убо таковаго царя или князя да не послушаеши, на нечестіе и лукавство приводяща тя, аще мучитъ, аще смертію прещитъ» [2]). Такимъ образомъ поклоненіе и служеніе царю должно быть, по ученію Іосифа, результатомъ критики общенравственныхъ и религіозныхъ свойствъ личности царствующаго.

Только фанатизмъ Іосифа, въ виду неблагопріятныхъ отношеній его къ царствующему государю [3]), подсказалъ ему такое революціонное по существу ученіе, на основаніи котораго можно было оправдать всякую оппозицію правительству: стоило только объявить политическія мѣры враждебнаго правительства несогласными съ нравственными началами и правовѣріемъ, а самого царя слугою дьявола.

Энергическая проповѣдь подобной доктрины могла-бы повести къ очень серьезнымъ послѣдствіямъ. Но политическія обстоятельства измѣнились въ благопріятномъ для Іосифа смыслѣ: онъ нашелъ дѣятельную поддержку со стороны великаго князя Василія Ивановича и съ этихъ поръ является проводникомъ иной полити-

---

есть благоугодно Богови, еже воздавати властемъ покореніе и послушаніе: они бо имѣютъ о насъ попеченіе и промышленіе». Далѣе идутъ ссылки на исходъ и апостольскія посланія. Исходъ, 22, 28: князю людій своихъ не речеши зла; I посл. Петра, 2, 17: Бога бойтесь, царя почитайте; посл. къ Ефес. 6, 5: раби послушайте господій своихъ по плоти страхомъ и трепетомъ.

[1]) «Таковаго царя, продолжаетъ Іосифъ, не наречетъ царемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, но лисомъ: «шедше, рече, рците лису тому»; (Лук. 13, 32) и пророкъ глаголетъ: «царь оплазивъ погибнетъ, путіе бо его темни суть».

[2]) Просвѣтитель, изд. 1857 г., стр. 323—325.

[3]) *О. Ѳ. Миллеръ* полагаетъ, что подъ видомъ нечестиваго царя Іосифъ разумѣлъ Ивана III. Ж. М. Н. Пр. 1868 г., ч. 137, стр. 542, прим. 2.

ческой теоріи. Къ вопросу о значеніи и обязанностяхъ государственной власти онъ возвращается четыре раза и всякій разъ подходитъ къ нему съ чисто религіозной почвы. Въ первый разъ, возражая на отвѣтъ старцевъ вологодскихъ монастырей [1]), Іосифъ написалъ опровержевіе «на ересь новгородскихъ еретиковъ, глаголющихъ, яко не подобаетъ осужати ни еретика, ни отступника», составившее 13-е слово Просвѣтителя. Необходимость заточенія и казни еретиковъ по предписаніямъ свѣтской власти Іосифъ доказываетъ существеннымъ назначеніемъ послѣдней по ученію священнаго писанія. Если, говоритъ онъ, Іоаннъ Златоустъ и сказалъ, что «недостоитъ намъ убивати еретика», то онъ разумѣлъ епископовъ, священниковъ и иноковъ, а не царей, князей и судей земскихъ. «О царѣхъ убо и о князехъ и о судіяхъ св. апостоли глаголютъ, яко они власть пріяша отъ Господа Бога во отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу же добротворящимъ» [2]). Указавъ на назначеніе власти казнить злыхъ, Іосифъ спѣшитъ отразить слѣдующее возраженіе: могутъ сказать, что апостолы и отцы велѣли властямъ мстить злодѣямъ, т. е. убійцамъ, прелюбодѣямъ, совершающимъ воровство, разбой и другія злыя дѣла, а не еретикамъ; но если объ убійцахъ, прелюбодѣяхъ и творящихъ иныя злыя дѣла такъ повелѣно, то «множае паче о еретицѣхъ и о отступницѣхъ подобаетъ тако быти, якоже свидѣтельствуетъ священное писаніе... еже отъ градскихъ законъ». Указавъ примѣры казней еретиковъ со временъ Моисея, Іосифъ заключаетъ это слово слѣдующимъ поученіемъ властямъ: «слышите, цари и князи, и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть держава вамъ, яко слуги Божіи есте: сего ради поставилъ есть васъ пастыря и стража людемъ своимъ, да соблюдете стадо его отъ волковъ невредимо: васъ бо Богъ въ себѣ мѣсто избралъ на земли, и на свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ, и мечъ вышняя Божія десница

---

[1]) Вивл. XVI, 424—428.

[2]) Приводятся ссылки на посланія первое Петра II, 13—14 и къ римл. XIII, 1—8 и на авторитетъ отцовъ церкви—Іоанна Златоуста и Григорія Акраганскаго: «Священный убо Златоустецъ глаголетъ: «сирѣчь на пользу убо людемъ земленое начальство поставися отъ Бога, а не отъ дьявола, якоже нѣціи неподобніи глаголютъ, да боящеся, человѣцы не поглощаютъ другъ друга, яко-же рыбы»... Такоже глаголетъ св. Григоріе Акраганскій еп. въ своихъ правильныхъ завѣщаніяхъ: «веліе убо есть въ человѣцѣхъ дарованіе Божіе свыше данно человѣколюбне: священничество же и царство: ово убо божественнымъ служа, овоже человѣческими обладая пекійся. Подобаетъ пріемшему отъ Вышняго повелѣнія правленія человѣческаго рода не токмо о своихъ пещися и своего житія правити, но и все обладаемое отъ треволненія спасати и многогрѣховнаго смятенія»... Просвѣтитель 1857 г., стр. 535 и слѣд.

вручи вамъ: вы-же убо да не держите истину въ неправдѣ... и не давайте воля злотворящимъ человѣкомъ», т. е. еретикамъ и отступникамъ, которые съ тѣломъ и душу губятъ. Если они сотворятъ зло, то на душу попустившаго падаетъ грѣхъ, т. е. «на царя и на князя и на судія земьскія, аще власть дадутъ злотворящимъ человѣкомъ, о семъ истязани будутъ отъ Бога во страшный день втораго пришествія его» [1]). Итакъ главная обязанность царя заключается въ охранѣ правовѣрія. Только въ виду этой главной цѣли получаетъ смыслъ ореолъ божественнаго происхожденія царской власти. За неисполненіе этой обязанности падаетъ на нихъ самая тяжкая отвѣтственность, но уже не передъ обществомъ и не передъ отдѣльными его членами, хотя-бы правовѣрными, а только предъ самимъ Божествомъ.

Почти дословно повторилъ Іосифъ эту теорію въ посланіи къ вел. князю, написанномъ нѣсколько позднѣе, когда при новомъ митр. Варлаамѣ инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ сдѣлался «великимъ временнымъ человѣкомъ» и началъ печаловаться великому князю за еретиковъ [2]). Іосифъ, узнавъ объ этомъ, писалъ государю, что необходимо позаботиться о божественныхъ церквахъ и о православной вѣрѣ христіанской, «какъ въ первомъ обыску все ты, государь, обыскалъ и оправилъ», подобно благочестивому и христолюбивому, великому царю Константину. Какъ глава всѣхъ, государь долженъ показать ревность своего благочестія, «да видятъ всѣ царіе славу преславнаго царствія твоего; придетъ бо ти отъ сего свѣтъ вѣчный и невечерній въ тебѣ возсіяетъ, аще подобно сотвориши первымъ православнымъ и благочестивымъ царемъ», и «того ради непоколебимо и непревратно соблюдетъ и сохранитъ Вышняго десница Богомъ поставленное твое царство». Если же государь и теперь не подвигнется противъ еретиковъ, то «погибнути всему православному христіанству», какъ погибли прежнія многія царства: Еѳіопское, Армянское и Римское. По этому поводу Іосифъ и повторяетъ почти дословно свои мнѣнія объ обязанностяхъ царей [3]).

---

[1]) Просвѣтитель, стр. 539—540.

[2]) Чт. Общ. Ист. 1847 № 7, смѣсь; Приб. къ Твор. Св. Отц., ч. X, стр. 506.

[3]) «Занеже, государь, отъ вышнея Божія десницы поставленъ еси самодержецъ и государь всея Руси. Глаголетъ бо Господь Богъ пророкомъ: азъ воздвигохъ тя съ правдою царя и пріяхъ тя за руку и укрѣпихъ тя. Сего ради слышите, царіе и князи, и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть держава вамъ. Васъ бо Богъ въ себѣ мѣсто избра на земли и на свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ. Вамъ-же подобаетъ, пріемши отъ Вышняго повелѣнія правленія человѣческаго рода, православнымъ государемъ царемъ и княземъ не токмо о своихъ пещися и своего точію житія правити, но и все обладаемое отъ треволненія спасти и соблю-

Еще раньше этого поселенія Іосифъ вступилъ въ полемику съ заволжскими старцами, которые доказывали, что не слѣдуетъ розыскивать и истязать еретиковъ тайныхъ, не распространяющихъ своего ученія, а покаявшихся слѣдуетъ принимать въ общеніе съ церковью [1]). Іосифъ написалъ возраженіе [2]) и, при обработкѣ его для своего сборника, снова коснулся вопроса объ обязанностяхъ царей и князей, поставивъ его еще болѣе рѣзко. Къ темѣ онъ опять подходитъ по поводу искорененія ереси. Если принимать въ лоно церкви кающихся еретиковъ, разсуждаетъ Іосифъ, то они еще сильнѣе будутъ распространять ересь, такъ какъ ихъ покаяніе бываетъ часто ложнымъ, а за таковой результатъ отвѣтственность падаетъ на царей. Армянское, Еѳіопское и Римское царства пали по небреженію тогдашнихъ православныхъ царей и святителей, которые будутъ за это осуждены «на страшномъ судищѣ Христовѣ». Для болѣе прочнаго обоснованія подобной отвѣтственности авторъ (параллельно ссылкѣ на авторитетъ градскихъ законовъ) счелъ полезнымъ опереться на авторитетъ двухъ византійскихъ императоровъ—Константина и Юстиніана. Первый яко-бы оставилъ обширный завѣтъ царямъ, князьямъ и судіямъ земскимъ, по которому всякій царь или князь, живущій въ небреженіи, нерадящій о подвластныхъ и небоящійся страха Вышняго, «слугу себѣ сатанѣ сотворяетъ». Цари и князи не должны предавать стада Христова на расхищеніе звѣрямъ, т. е. іудеямъ, еллинамъ, еретикамъ, отступникамъ и всѣмъ невѣрнымъ. «Мы убо, гласитъ завѣтъ, невѣрующихъ во св. и единосущную Троицу повелѣваемъ мечемъ посѣщи, и богатьство ихъ на расхищеніе предати... Тако же и вамъ повелѣваемъ творити: бози бо есте и сынове Вышняго, блюдитежеся, да не будете сынове гнѣву, да не измрете, яко человѣцы и во пса мѣсто сведени будете во адъ.» Далѣе, упомянувъ о томъ, что царей и князей «Богъ въ себѣ мѣсто посади на престолѣ своемъ», и что потому имъ необходимо имѣть «всяко тщаніе о благочестіи», завѣтъ преподаетъ такое правило: «скипетръ царствія пріимъ отъ Бога, блюди, како

дати стадо его отъ волковъ невредимо, и боятися серпа небеснаго и не давати воля злотворящимъ человѣкомъ, иже душу съ тѣломъ погубляющимъ, скверные, глаголю, и злочестивые еретики». (б. Публ. Библ. Q XVII, № 64, л. 202 об.—203 ол. Извлеченія изъ этого посланія въ книгѣ *И. Хрущова*.

[1]) Это любопрепирательное посланіе, какъ называетъ его Іосифъ, направлено было противъ мѣръ, принятыхъ соборомъ 1504 г. Оно до насъ не дошло.

[2]) Посланіе къ старцамъ о повиновеніи соборному опредѣленію. Сб. Публ. Библ. F. I, № 229. На тему этого посланія составлены три послѣднихъ слова Просвѣтителя.

угодиши давшему ти того, и не токмо о себѣ отвѣтъ даси къ Богу, но иже иніи зло творятъ, ты слово отдаси Богу, волю давъ имъ. «Царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкамъ, властію же подобенъ вышнему Богу» [1]).

Кромѣ ссылки на завѣтъ царя Константина, Іосифъ приводитъ еще мѣсто изъ «церковныхъ книгъ, главы 60-й» Іустиніана о царяхъ и святителяхъ, «иже не промышляютъ, ниже пекутся о сущихъ подъ нимъ». По словамъ апостоловъ, «царь злочестивый, не брегій о сущихъ подъ нимъ, не царь есть, но мучитель; и еже епископъ золъ сый, не брегій о стадѣ, не пастырь есть, но волкъ» [2]).

Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ уже знакомую аргументацію объ обязанностяхъ царей и князей. Но сущность царской власти является съ инымъ оттѣнкомъ. Цари оказываются не только слугами Божіими, избранными и посаженными на престолѣ Богомъ; они сами боги, подобные людямъ только естествомъ, властію-же уподобляющіеся самому Богу. Это уже не теорія божественнаго происхожденія царской власти, а чистое обожествленіе личности царя. Нѣкоторые намеки на эту тему встрѣчаются довольно рано въ русской письменности [3]). Но Іосифъ первый обстоятельно развилъ и обставилъ это ученіе. Важность этого обстоятельства ничуть не умаляется оттого, что Іосифъ позаимствовалъ эту теорію изъ ученій библейскихъ и отеческихъ. Будучи перенесена на русскую почву, она должна была принести и, конечно, принесла свои плоды [4]).

Охрана правовѣрія—альфа и омега всѣхъ сужденій Іосифа объ обязанностяхъ царя. Въ этомъ вся сила царской власти, все ея содержаніе. Царь, уклонившійся отъ этой миссіи, перестаетъ быть царемъ, становится мучителемъ и слугою дьявола. Но онъ становится такимъ передъ лицомъ Всевышняго въ земной-ли жизни, или

---

[1]) Просвѣтитель, слово 16-е, стр. 601—603.

[2]) Тамъ же, 604. Далѣе приводятся мѣста изъ пророчествъ Іезекіиля XXXIV, 3, 10 и 11; III, 17 и 18 и изъ заповѣди епископамъ о храненіи церковныхъ правилъ. См. Р. И. Б., VI, № 11.

[3]) См. выше, глава II, стр. 41 и 42.

[4]) *Невоструевъ* въ разборѣ книги И. Хрущова говоритъ, что мѣсто «бози бо есте» и проч. взято Іосифомъ изъ Ефрема Сирина, но къ сожалѣнію не указываетъ откуда именно. «Названіе царей богами (т. е. (?) намѣстниками Божіими на землѣ, по русской пословицѣ: царь—земной богъ) ученіе и названіе библейское (Псал. 81, 6; слич. Іоанн. 10, 34).» Авторъ рецензіи вообще утверждалъ, что Іосифъ не имѣлъ никакихъ политическихъ взглядовъ, а иногда только раскрывалъ по ученію библіи значеніе и обязанности царей. См. отчетъ о двѣнадцат. присужденіи наградъ графа Уварова, стр. 135—136 и 88.

*

на страшномъ судѣ, а не передъ людьми. Передъ ними онъ богъ; а судъ надъ земнымъ богомъ не можетъ и не долженъ принадлежать людямъ.

Въ двухъ лишь случаяхъ Іосифъ коснулся разсматриваемаго вопроса по поводу общихъ обязанностей государственной власти. Въ четвертомъ посланіи объ эпитиміяхъ [1]) Іосифъ преподаетъ, какъ долженъ вести себя вельможа, которому нельзя ходить въ церковь «зазора для людского». Указавъ на обрядовую сторону поведенія, авторъ далѣе учитъ, что необходимо восхищенное не по правдѣ отдати, быть милостивымъ къ бѣднымъ и убогимъ и въ этотъ годъ «не двигнути бы никого до крови, ни озлобити». Вслѣдъ за этимъ приводится обычное ученіе о значеніи власти, съ указаніемъ общегражданскихъ обязанностей властителей о милости, о сохраненіи закона, суда, правды и проч. [2]).

Въ другой разъ объ общихъ обязанностяхъ правителя Іосифъ говоритъ въ посланіи къ дмитровскому князю по спеціальному поводу о пропитаніи народа во время голода. Посланіе открывается извѣстнымъ уже ученіемъ о божественномъ происхожденіи власти съ небольшимъ, впрочемъ, варіантомъ: здѣсь, въ примѣненіи къ удѣльному князю и въ отличіе отъ значенія царской власти, поставленіе на божескомъ престолѣ замѣнено поставленіемъ на отечествѣ и правленіе человѣческаго рода правленіемъ отечества [3]). Далѣе авторъ ссылается на примѣры византiй-

[1]) Сб. Публ. Библ. Q XVII, № 64, л. 288—290 об., подъ заглавіемъ «О вельможахъ старца Іосифа». *И. Хрущовъ*, назв. соч., стр. 99, почему-то охарактеризовалъ это посланіе, какъ роспись днямъ постнымъ. *Свящ. Булгаковъ* правильнѣе считаетъ эту статью четвертымъ посланіемъ объ эпитиміяхъ, случайно отдѣленнымъ отъ прочихъ.

[2]) Это мѣсто, любопытное потому, что въ немъ трактуется объ общихъ обязанностяхъ правителей, нигдѣ, кажется, не напечатано, а потому приводится здѣсь цѣликомъ: «занеже и государей нашихъ Богъ избралъ въ свое мѣсто и на свой престолъ посадилъ есть, и милость и животъ въ руцѣ ихъ положи. Яко-же пророкъ глаголетъ: ибо отъ Господа дана бысть вамъ власть и сила отъ Вышняго, и давый власть Господь. той истяжетъ дѣла и помыслы, истязаетъ вскорѣ; и аще то сердце немилость покажетъ къ человѣкомъ, ихъ-же ради Христосъ кровь свою излія, скоро и страшно приде на того испытаніе и ярость господня на немъ неисцѣльна. Праведный-же царь или князь ангельскій и святительскій иматъ чинъ, аще сохранитъ законъ и судъ и правду, и не обинется лица сильнаго на судѣ, ниже пріиметъ мзды, ни уповаетъ на неправду, и на восхищеніе не желаетъ. Къ таковымъ рече Господь: бози будете и сынове Вышняго вси: князи бо и судіи и служители суть бози и нарицаются. Аще ли же ни, то вмѣсто чадъ божіихъ, чадо гнѣву нарекутся, понеже судъ жестокъ бываетъ на великихъ. Меньшій убо прощенъ бываетъ и достоинъ помилованію; сильніи же крѣпко истязани будутъ. Ниже сомнится лица всѣхъ владыка, ниже срамляется величія, понеже малаго и великаго сотворилъ есть (Богъ). Крѣпкихъ же и сильныхъ крѣпко истязаніе ждетъ».

[3]) «Тебѣ-бо государю, пишетъ Іосифъ, отъ Господа Бога дана бысть держава и сила отъ Вышняго, тебе бо Господь Богъ избра въ себе мѣсто,

скихъ императоровъ и всѣхъ благочестивыхъ царей и князей, которые во время великой нужды отъ голода «великое попеченіе о сихъ имѣяху, яко да не измрутъ гладомъ сущіи подъ ними нищіи и убозіи человѣцы». Тутъ-же указаны и мѣры, какія принимались противъ голода: раздача хлѣба изъ царскихъ житницъ, установленіе указной цѣны на хлѣбъ и заповѣди «на преступающихъ сія» [1]).

За исключеніемъ этихъ двухъ мѣстъ, сочиненія Іосифа не содержатъ никакихъ указаній на общегражданскія обязанности правителей. И, конечно, не въ этомъ заключается сила его политическаго вліянія. Политическое значеніе Іосифа заключается въ горячей проповѣди о высотѣ сана государственной власти согласно византійскимъ воззрѣніямъ, поскольку они выразились въ твореніяхъ отцовъ церкви, и въ примѣненіи къ русской почвѣ началъ библейскаго теократизма, заимствованнаго также чрезъ посредство отческой литературы. Сама по себѣ идея о государѣ, какъ намѣстникѣ Божіемъ и даже земномъ богѣ, должна была сильно импонировать и на представителя власти, и на населеніе. Сравненіе русскаго государя съ благовѣрными царями и въ частности уподобленіе равноапостольному царю Константину конкретнымъ образомъ содѣйствовало усвоенію теократическихъ понятій, вполнѣ отвѣчая новымъ представленіямъ о русскомъ православномъ царствѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, какъ ближайшій выводъ, усвоялось и понятіе о неограниченности власти, такъ какъ государь по Божію избранію получалъ всю полноту власти («милость и животъ положи у васъ и мечь вышняя Божія десница вручи вамъ») и даже уподоблялся властью самому Богу («властію-же подобенъ вышнему Богу») Соотвѣтственно этому намѣчался и характеръ отношеній населенія къ государю. За типъ этихъ отношеній былъ принятъ обѣтъ иноческаго послушанія [2]). Такъ еще митр. Алексѣй училъ мірскую чадь: «да будетъ отъ васъ всякъ скоръ на послушаніе, а медленъ на глаголаніе» [3]). Въ Златой Цѣпи XIV в. преподается слѣдующее правило

поставн на твоемъ отечествѣ, милость и животъ положи у тебе; тебѣ-же православному государю, пріемшему отъ Вышняго повелѣнія правленіе своего отечества, не токмо о своихъ пещися и своего точію житія правити, но и все обладаемое отъ треволненія спасати, и отъ нужа и скорби и отъ бѣдъ избавляти.» Различіе между великимъ и удѣльнымъ князьями, по Іосифу, не ограничивалось, однако, только указанной, практически неуловимой чертой.

[1]) Іосифъ подкрѣпляетъ это слѣд. ссылкой; «яко же и нынѣ створи братъ твой, великій князь Вас. Ив. всея Русіи». Д. къ А. И., т.. I, № 216.

[2]) Въ 1377—1388 гг. константинопольскій патріархъ писалъ русскому игумену объ иноческомъ житіи: «послушаніе бо есть, братія, всяко отсѣченіе своего хотѣнія, укрѣплену точію въ наставниковъ мановеніе, немятежно творяще» и проч. Р. И. Б., VI, стр. 189.

[3]) Приб. къ Твор. Св. Отц., годъ V, 1847 г., стр. 30.

послушанія: «предъ княземъ же паче бойся лжу глаголати, но съ покореніемъ истинно отвѣщай ему, акы къ самому Богу» [1]). Арх. новгородскій Геннадій уже констатируетъ, что московскіе государи «послушаніе уставляютъ паче многыхъ добродѣтелей» [2]). Послушаніе потому великая добродѣтель, что оно рождаетъ смиреніе; а дѣло смиренія великое дѣло: «вся созидаетъ, и грѣхи разоряетъ, и вся успѣваетъ». Наоборотъ, непокорство называется всезлѣйшимъ, а преслушаніе всепагубнымъ, низводящимъ во адъ [3]). Іосифъ Волоцкій не отступалъ отъ этихъ традицій. Нарисованный имъ образецъ отношеній представителей духовенства къ государю вполнѣ это подтверждаетъ. По поводу инцидента съ арх. Серапіономъ Іосифъ писалъ, что если кому-либо изъ святителей случится на соборѣ говорить съ царемъ или княземъ, то должно прежде умолить царя, «дабы повелѣлъ рещи». Если онъ позволитъ, то говорить съ кротостію и смиреніемъ. Когда-же царь и «на гнѣвъ съвратится на кого», тотъ долженъ съ кротостію и смиреніемъ и со слезами молить царя. «Сваритися-же» съ государемъ никакъ нельзя, такъ какъ божественныя правила повелѣваютъ его почитать [4]).

Іосифъ не ограничился указаннымъ теоретическимъ положеніемъ; онъ указалъ два практическія примѣненія его въ сферѣ современной политической жизни: соотвѣтственно своей теоріи онъ разрѣшалъ вопросы объ отношеніяхъ государя къ церкви и къ удѣльнымъ князьямъ.

При указанномъ характерѣ власти государя представители духовной власти должны были занять подчиненное положеніе. Такъ въ дѣлѣ соблюденія чистоты вѣры первая и выдающаяся роль выпадаетъ на долю государя. Іосифъ нѣсколько разъ замѣчаетъ, что кромѣ государя некому искоренять еретическія лжеученія, что безъ его благочестивой ревности грозитъ гибель всему православному христіанству, что онъ «первый отмститель Христу на еретики». Въ дѣлахъ церковнаго управленія высшая власть также принадлежитъ государю, ибо ему Богъ передалъ милость и судъ, «и церковное и монастырское», и всего православнаго христіанства власть и попеченіе. Отсюда получается выводъ, что «царскій судъ святительскимъ судомъ не посужается ни отъ кого» [5]).

---

1) *Буслаевъ*, Историч. христом., стр. 491.
2) Р. И. Б., т. VI, стр. 755.
3) П. С. Л. IX, 244; Оп. ркп. Син. Библ., отд. II, ч. 3, № 328, стр. 710.
4) Сборн. Публ. Библ. Q XVII, № 64, л. 228 об.—229.
5) Сборн. Публ. Библ. Q XVII, № 64, л. 229 и 231 об.

Доктрина теократическаго обсолютизма находитъ у Іосифа полное примѣненіе и въ отношеніяхъ великаго князя къ удѣльнымъ. Московскій государь является въ глазахъ Іосифа не только общимъ государемъ удѣльному волоцкому князю Ѳедору Борисовичу, архіепископу Серапіону и «всѣмъ намъ», но «всея Русскія земли государемъ государь». Потому Іосифъ и преподаетъ удѣльнымъ князьямъ слѣдующее правило подчиненія общему государю: любить богодарованнаго царя всѣмъ сердцемъ, оказывать ему покореніе и послушаніе и работать ему по всей его волѣ и повелѣнію, «яко Господеви работающе, а не человѣкомъ»[1]).

Въ общемъ итогѣ публицистической дѣятельности Іосифа совершенно меркнетъ его первоначальная политическая доктрина о служеніи лишь такой власти, которая въ состояніи выдержать критику ея общенравственнаго и религіознаго направленія. Его-же проповѣдь теократическаго абсолютизма нашла весьма значительное число послѣдователей въ средѣ его ближайшихъ учениковъ и постриженниковъ. Самъ Іосифъ, такимъ образомъ, стоитъ во главѣ школы и партіи, которую противники Іосифа прозвали его именемъ, характеризуя ее, какъ презлыхъ и прелукавыхъ мниховъ-іосифлянъ.

Ближайшій ученикъ и послѣдователь Іосифа, Даніилъ, преемникъ его по игуменству, а потомъ митрополитъ, является типическою личностью іерарха іосифлянина [2]), старательно и послѣдовательно проводившаго завѣты своего учителя. Пользуясь особеннымъ благорасположеніемъ великаго князя еще со временъ своего игуменства, митр. Даніилъ въ свою очередь оказалъ двѣ важныхъ политическихъ услуги своему благодѣтелю. Онъ помогъ ему отдѣлаться отъ «запазушнаго врага», удѣльнаго князя Шемячича, хотя эта услуга пріобрѣла митрополиту репутацію нарушителя своего слова; онъ-же устроилъ и дѣло о разводѣ великаго князя съ Соломоніей и повѣнчалъ его на Еленѣ Глинской. При достиженіи своихъ цѣлей митр. Даніилъ, какъ и Іосифъ, обращаетъ большее вниманіе на важность преслѣдуемыхъ задачъ, чѣмъ на выборъ средствъ, и не только въ сферѣ государственной, но даже и въ религіозной. Какъ Іосифъ рекомендовалъ употребленіе мѣръ «богопремудростнаго коварства», такъ и у Даніила имѣется цѣлое ученіе о прехищреніи и коварствѣ Божіемъ, а въ отношеніи къ еретикамъ онъ допускалъ даже употребленіе пріемовъ, «отзывающихся нѣкоторымъ

---

[1]) Пам. стар. русск. лит. IV, 192—193. См. ниже, глава VI.

[2]) *Проф. Павловъ*, Истор. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, стр. 86.

іезуитизмомъ» [1]). Весьма упорный и послѣдовательный защитникъ и проводникъ основныхъ интересовъ и цѣлей своей школы, митр. Даніилъ не выдѣлялся строгой логикой своихъ теоретическихъ воззрѣній какъ авторъ и въ этомъ стоялъ ниже своего учителя. Замѣчена даже безсвязность изложенія нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ его сочиненій. Въ числѣ послѣднихъ особое слово «соборника» посвящено вопросу о значеніи власти подъ заглавіемъ: «Яко подобаетъ ко властямъ послушаніе имѣти и честь имъ воздаяти и еже на враги Божія». Когда и при какихъ обстоятельствахъ написано это слово, неизвѣстно [2]). Но имѣя въ виду, что въ немъ рѣчь сводится на тему о преслѣдованіи еретиковъ, можно думать, что эта тема послужила также отправной точкой и для митр. Даніила, который, вслѣдъ за Іосифомъ, училъ, что «подобаетъ пріемшимъ отъ Бога таковое служеніе [3]), яко Божіимъ слугамъ, много попеченіе имѣти о божественныхъ законахъ и соблюдати родъ человѣческій невредимо отъ волковъ душепагубныхъ и не давати воля злотворящимъ человѣкомъ, ими же имя Божіе безчествуется». Самое ученіе о власти не отличается ни оригинальностью, ни глубиной, а ограничивается довольно общеизвѣстными въ то время положеніями. Власти въ «человѣческихъ сынахъ» устроены Богомъ въ многоразличныхъ попеченіяхъ его о человѣческомъ спасеніи «во отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу-же благотворящимъ», чтобы люди, если презрятъ страхъ Божій, вспомнили бы страхъ властителей земныхъ, «да, боящеся земныхъ начальствъ, не поглотаютъ другъ друга, яко-же рыбы» [4]). Отсюда и выводится великая польза земныхъ начальствъ для человѣческаго рода, такъ какъ «много благодѣйствуютъ намъ владущіи», служаще Богу, какъ слуги Божіи. Хотя изъ приводимыхъ авторомъ ссылокъ на священное писаніе явствуетъ [5]), что почитаніе властей основывается не только на

[1]) *В. Жмакинъ*, Митр. Даніилъ и его сочиненія, 315—352 и 404.

[2]) Тамъ-же, стр. 407.

[3]) Т. е. государственной власти. Нельзя принять мнѣніе г. Жмакина что митр. Даніилъ не опредѣляетъ, какую власть онъ разумѣетъ въ своемъ сочиненіи; тамъ-же, стр. 408 и слѣд. Въ словѣ идетъ рѣчь о «человѣческомъ созданіи начальства», о царяхъ, князьяхъ и владыкахъ, а потому и тѣ мѣста слова, гдѣ говорится о власти безъ ближайшаго поясненія, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ власти свѣтской.

[4]) Сб. Публ. Библ. F I, № 522, л. 231. Нѣсколько дальше послѣдняя фраза повторяется въ дословной конструкціи Іосифа, но только приписана не І. Златоусту, а Вас. Великому: «на пользу убо людемъ земное начальство поставися отъ Бога, а не отъ дьявола, яко нѣціи глаголютъ, да боящеся человѣцы другъ друга яко же рыбы не поглотаютъ, но законоположеніемъ возпящаютъ многую человѣкомъ неправду». Тамъ-же, л. 238 (второй); ср. Просвѣтитель, стр. 535.

[5]) Эти ссылки указаны въ книгѣ г. Жмакина на стр. 410, прим. 2—4.

страхѣ, но также на чести и совѣсти, но самъ авторъ отдаетъ преимущественное значеніе страху, говоря, что «страхъ вина бываетъ намъ къ благому житію», такъ какъ власти въ исполненіе воли Бога добрыхъ благодѣтельствуютъ, злыхъ-же страхомъ воздерживаютъ отъ душепагубныхъ дѣлъ; поэтому слѣдуетъ покоряться, а не противиться властямъ. Въ одномъ мѣстѣ указана и степень этой покорности, какъ и у Іосифа: подобаетъ «властелемъ повиноватися, яко не властелемъ, но Богови» [1]). Такими положеніями собственно исчерпывается почти все ученіе о почитаніи властей. Даніилъ дѣлаетъ изъ него выводъ, что и еретиковъ также слѣдуетъ спасать страхомъ, такъ какъ если осуждаются воры и разбойники, подлежатъ казни поправшіе и оплевавшіе образъ земнаго царя, то хулящіе и безчествующіе Господа должны сугубо испытать тѣ-же мѣры спасенія [2]).

Сила и господствующее положеніе іосифлянской партіи объясняются прежде всего тою ролью, какую сыгралъ волоколамскій монастырь, благодарю введенному Іосифомъ уставу. Монастырскій уставъ сглаживалъ всѣ индивидуальныя черты подчиненныхъ ему монаховъ и вырабатывалъ средній типъ ученика, привязаннаго къ монастырю и къ памяти его преобразователя [3]). Отсюда тѣсная связь между всѣми членами этой школы. Вторая не менѣе важная услуга интересамъ партіи оказана митр. Даніиломъ, который, благодаря занимаемому имъ положенію, проводилъ на всѣ высшія церковно-іерархическія должности людей своего направленія [4]). Распространенію-же іосифлянской доктрины въ сферѣ политической содѣйствовала близость ея съ вновь выработанной теоріей о православно-русскомъ царствѣ. Отсюда и вскрываются причины численнаго перевѣса въ публицистической литературѣ сторонниковъ теократическаго абсолютизма.

Нѣсколько оригинальнымъ выразителемъ его явился анонимный авторъ «похвальнаго слова великому князю Василію» [5]), ревностный послѣдователь Іосифа и его школы [6]).

[1]) Сб. Публ. Библ. F I, № 522, л. 238 (второй).

[2]) Тамъ-же, л. 235, 248 об., 251 об.

[3]) Объ этомъ см. въ книгѣ г. Жмакина, стр. 115—120.

[4]) Тамъ-же, стр. 145 и слѣд.; ср. *проф. Иконникова*, О культурномъ вліяніи Византіи, стр. 420 и 457; *свящ. Булгакова*, Преподобный Іосифъ Волоцкій, стр. 45—49; *Казанскаго*, въ Приб. къ тв. св. отцовъ, V, стр. 243—246; Лѣт. русск. литер., изд. Тихонравова, т. V, смѣсь, стр. 143.

[5]) Сб. Публ. Библ. изъ собр. Толст. Отд. I, № 33, л. 1—14. Слово это почти сполна вошло въ Степ. книгу, но разбито на двѣ части; первая озаглавлена: Благодареніе и похвала о благорадостномъ роженіи по неплодствѣ сына. и проч., стр. 205—210; а вторая—Похвала вкратцѣ и проч., 211—212.

[6]) Авторъ гов. объ Іосифѣ: «сего убо дѣла бесплотна человѣка, аще и въ плоти суща» и проч.; съ большой похвалой онъ отзывается и о постриженникѣ Іосифа, Кассьянѣ Босомъ, л. 6 об.

Слово написано по поводу рожденія у великаго князя перваго сына и имѣетъ цѣлью объяснить важность этого факта и охарактеризовать личность великаго князя какъ-бы въ противовѣсъ существовавшимъ обвиненіямъ его въ противозаконности втораго брака. Разсказавъ объ обстоятельствахъ крещенія младенца, авторъ отмѣчаетъ всеобщую радость по поводу этого событія и влагаетъ въ уста «всего міра» слѣдующее успокоительное назиданіе. «Уже къ тому да не сѣтуемъ, уже къ тому да не стужаемъ Божіей славѣ, уже къ тому да не мятемся мыслію глаголя: кто потомъ удержитъ хоругви русскаго царствія, кто да соблюдетъ православныхъ исполненіе, кто поборетъ на безумныя, кто да уставитъ языческое стремленіе, кто да посрамитъ еретическое гнилословіе, кто да упразитъ исконное въ отечествѣ его любопрѣнное и гордынное о благородствѣ мятежное шатаніе», такъ какъ Богъ даровалъ царю Василію наслѣдника его царству. Далѣе авторъ замѣчаетъ, что всѣ съ дерзновеніемъ могутъ сказать: «уже да не вскочитъ чюжій посѣтитель на стадо Христово, да не сядетъ уже къ тому отъ иного племени на престолѣ русскаго царствія и да не преложитъ предѣловъ, иже уставлени суть отъ прежнихъ нашихъ государей православныхъ, но да будетъ якоже и нынѣ» и проч. [1]). Эти слова показываютъ, какія тревожныя мысли волновали извѣстную часть русскаго общества въ виду отсутствія преемника у великаго князя, и какія опасенія возникали у нея съ предположеніемъ о прекращеніи династіи. Съ этой точки зрѣнія роль митр. Даніила въ дѣлѣ о разводѣ вел. князя является великимъ патріотическимъ подвигомъ. Можно догадываться, что подъ «всѣмъ міромъ» здѣсь слѣдуетъ разумѣть по преимуществу іосифлянскую партію, такъ какъ у нея было больше всего поводовъ опасаться измѣненія въ ея интересахъ «уставленныхъ предѣловъ». Кромѣ того, приведенныя слова указываютъ и нѣкоторыя изъ задачъ государственнаго управленія, неисполненіе которыхъ за отсутствіемъ преемника престола болѣе всего могло озабочивать именно іосифлянъ: таковы посрамленіе еретическаго гнилословія, т. е. преслѣдованіе еретиковъ, и искорененіе мятежнаго шатанія о благородствѣ, т. е. борьба съ уцѣлѣвшими завѣтами удѣльной старины. Какъ-бы для объясненія того, почему нежелателенъ на престолѣ кто-либо отъ иного племени, авторъ касается родословнаго вопроса и замѣчаетъ: «сіе бо древо царьскій образъ имать, понеже высоко расleно бѣ и цвѣты его бѣлы»...; и затѣмъ опредѣляетъ высоту царскаго достоинства согласно ученію Іосифа, какъ бы желая

---

[1]) Тамъ-же, л. 9 об. и 12; Ст. кн., II, 209.

показать, что на такую высоту подобаетъ взойти только отрасли царскаго древа [1]). Авторъ говоритъ, что «естествомъ убо тѣлеснымъ равенъ человѣкомъ царь есть, а властію же достоинства приличенъ Богу, иже надо всѣми; не иматъ бо высочайши себѣ на земли»... и «непреступимъ есть человѣки высоты ради земнаго царствія». Въ силу дарованнаго отъ Бога «поспѣшенія» царь долженъ заботиться о людяхъ, «да приспѣваютъ убо во благихъ и не претыкаются во злыхъ». При исполненіи этой божественной миссіи царь дѣйствуетъ единолично, такъ какъ «Богъ не требуетъ ни отъ кого-же помощи, царь же отъ единаго Бога» [2]).

Приведенная вслѣдъ за этимъ похвала великому князю указываетъ, насколько онъ, по мнѣнію автора, отвѣчаетъ требованіямъ доктрины. Василія Ивановича авторъ называетъ «русскимъ бѣлымъ царемъ, самодержцемъ всея Руси», славнымъ и благороднымъ, происходящимъ отъ славнаго и благороднаго бѣлаго русскаго царя и богомудрыя матери римляныны «такоже отъ корени царска». Отсюда авторъ выводитъ, что Василій III есть «царемъ царь истовый», всему народу «о благочестіи твердый поборникъ», а патріархамъ и освященному собору «благоразумный согласникъ», заботящійся объ утвержденіи правды въ людяхъ и отгоняющій крѣпко потоки беззаконія, «да не погрязнетъ корабль великаго его державства въ волнахъ безчестія» [3]).

Изъ числа послѣдователей Іосифа слѣдуетъ еще упомянуть новгородскаго архіепископа *Өеодосія*. Въ своихъ посланіяхъ къ великому князю и царю, написанныхъ по разнымъ поводамъ, онъ

[1]) Нѣсколько раньше авторъ разсказалъ, что дальніе иноки, отшельники и вольные подвижники пришли поклониться младенцу и сказали, между прочимъ, вел. князю: «убо спаслъ тя есть Богъ помазаннаго своего и приготови сѣсти отъ чреслъ своихъ на престолѣ твоемъ». Ст. кн., II, 210.

[2]) Указанный сборн., л. 13 и слѣд.; Степ. кн., II, стр. 212. Нѣкоторыя мѣста этого похвальнаго слова оказываются дословно заимствованными неизвѣстнымъ авторомъ изъ наказательныхъ главизнъ» царя Василія сыну Льву, весьма распространенныхъ въ рукописныхъ сборникахъ XVI и даже XV в. См. напр. Сборн. Савва-Стороженскаго монастыря № 5 (копіей съ котораго авторъ имѣлъ возможность пользоваться, благодаря любезности С. Ө. Платонова) и Сб. Публичн. Библ. Q I, № 225, л. 414, главы 49 и 66. Ср. *Хр. Лопарева*, О чинѣ вѣнчанія русскихъ царей, Ж. М. Н. Пр. 1887, октябрь, стр. 318. Въ XV в. былъ извѣстенъ и переводъ источника «наказательныхъ главизнъ», именно главъ дьякона Агапита, представленныхъ импер. Юстиніану, подъ заглавіемъ: «поученье благаго царства сеже и къ болярамъ, и къ епископомъ и къ игуменомъ, лѣпо есть и черньцемъ. Чести всякія привыше имѣяй санъ царю. Чести паче всего сему тя сподобившаго Бога» и проч. Оп. ркп. Синод. Библ., отд. II, т. 2, № 202, стр. 622 Этими-же источниками пользовались и другіе русскіе публицисты, какъ это будетъ видно ниже.

[3]) Сб., л. 2 и 13 об.; Ст. кн., II, 212.

не разъ возвращается къ темѣ о высотѣ царскаго сана. Такъ въ посланіи о прекращеніи въ Новгородѣ различныхъ безчинствъ Ѳеодосій ссылается на то, что «государю, по подобію небесныя власти, далъ есть небесный Царь скипетръ земнаго царствія силы», чтобы научить людей хранить правду и отгонять «еже на ны бѣсовское желаніе». Какъ кормчій всегда бодрствуетъ, такъ и царскій умъ долженъ твердо сдерживать правила добраго закона, «изсушая крѣпко беззаконія потоки, да корабль всемірныя жизни не погрязнетъ волнами смущенія». Это только возможно для государя, такъ какъ, указываетъ Ѳеодосій великому князю, «царское твое остроуміе большу имать всѣхъ силу изряднѣ управити благое твое царствіе, и страшенъ будеши сана ради власти царскіе и запретиши не на злобу обращатися, но на благочестіе». По скольку царь «силою превышше всѣхъ» есть, постольку онъ обязанъ отличаться дѣлами [1]). Въ другой разъ, благословляя великаго князя предпринять походъ противъ Казани, Ѳеодосій высказываетъ ему слѣдующее пожеланіе: «напрязи, и спѣй, и царствуй истины ради и кротости и правды, и наставитъ чюдно десница твоя престолъ твой правдою и кротостію и судомъ истиннымъ свершено есть, и жезлъ силы послетъ ти Господь отъ Сіона» и проч., и вслѣдъ за этимъ приводитъ извѣстное мѣсто о поставленіи царей [2]).

Но безспорно самое выдающееся мѣсто по своему значенію въ числѣ послѣдователей Іосифа занимаетъ митр. Макарій. Не отличаясь энергіей Іосифа и будучи болѣе остороженъ въ выборѣ средствъ, чѣмъ митр. Даніилъ, онъ обладалъ, однако, необходимой дозой такта, чтобъ удержаться на каѳедрѣ въ смутные годы боярской олигархіи. Еще будучи новгородскимъ архіепископомъ и вѣроятно вскорѣ послѣ назначенія своего туда, Макарій заявилъ себя строгимъ послѣдователемъ политическихъ воззрѣній Іосифа. Въ посланіи къ великому князю Василію Ивановичу объ учрежденіи общежитія въ новгородскихъ монастыряхъ онъ дословно повторилъ слова Іосифа изъ посланія къ тому же князю о значеніи и обязанностяхъ царя, также уподобивъ его равноапостольному царю Константину [3]). Ивану Грозному митр. Макарій также не разъ ука-

[1]) Д. къ А. И., т. I, № 41.

[2]) «Азъ воздвигахъ тя съ правдою царя, и пріяхъ тя за руку, и укрѣпихъ тя, да послушаютъ тебе языцы, и крѣпость царемъ разрушу, отворю двери» и проч. Тамъ-же, № 37, II.

[3]) Д. къ А. И., т. I, № 25. Ср. прим. 3 на стр. 97 и слѣд. Арх. Макарій, какъ видно изъ сравненія, за самыми незначительными замѣнами въ первой части своего посланія переписалъ первую половину посланія Іосифа. Значитъ послѣдователи Іосифа имѣли подъ руками сочиненія своего учителя.

зывалъ на высоту его сана и лежащихъ на немъ обязанностей согласно съ духомъ іосифлянской доктрины [1]).

При немъ теорія православнаго царства завершилась принятіемъ царскаго титула Иваномъ IV. По лѣтописнымъ извѣстіямъ молодой государь сначала совѣщался объ этомъ съ митрополитомъ, потомъ митрополитъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ бояръ, въ томъ числѣ опальныхъ, и всѣ они вмѣстѣ отправились къ великому князю. На этомъ совѣщаніи было рѣшено принятіе царскаго титула [2]). Кому первому принадлежитъ инціатива этого дѣла: молодому великому князю или кому-либо изъ болѣе опытныхъ приближенныхъ? Въ числѣ послѣднихъ на это болѣе всего былъ способенъ митр. Макарій.

Къ предстоящему обряду вѣнчанія надлежало изготовить «чинъ». Подобный чинъ уже былъ составленъ раньше, при вѣнчаніи внука Ивана III—Димитрія; но имъ на этотъ разъ не воспользовались, а, взявъ его за образецъ, значительно распространили [3]). Весьма важной особенностью новаго чина явилось обстоятельное поученіе митрополита нововѣнчанному царю. Какъ переработка чина, такъ и составленіе поученія, вѣроятнѣе всего, принадлежатъ митр. Макарію. Недавно указано, что средняя часть этого поученія цѣликомъ заимствована изъ византійскаго источника, именно изъ поученія императора Василія сыну Льву [4]). Въ первой-же части поученія находится мѣсто, гдѣ говорится о высотѣ царскаго достоинства, и которое цѣликомъ заимствовано изъ посланія Іосифа Волоцкаго къ вел. князю Василію объ искорененіи ереси [5]). Этимъ

---

[1]) Такъ въ извѣстномъ посланіи Грозному во время похода подъ Казань митр. Макарій выражаетъ желаніе, чтобы на благочестивомъ царѣ сбылось пророческое слово—«азъ воздвигахъ тя съ правдою царя» и проч.; «се твердое и крѣпкое и честное царство, пишетъ митрополитъ, да дастъ Господь въ руки твои и сыновомъ сыновъ твоихъ въ родъ и родъ и въ вѣки». Никон. Лѣт., VII, 137; Царств. кн., стр. 245. Главной обязанностью царствующаго митр. Макарій также полагаетъ охрану благочестія. Онъ поучаетъ Грознаго: «тебѣ подобаетъ, царю, на Бога упованіе положа, подвизатися за благочестіе, за порученную тебѣ отъ Бога паству..., да не расхитятъ безбожніи волцы порученныхъ тебѣ овецъ»; или въ другой разъ онъ пишетъ царю: подобаетъ «подвизатися вамъ за свою святую вѣру христіанскую греческаго закона, иже во всей поднебесной, яко же солнце сіяше православіе во области и державѣ вашего царскаго отечества и дѣдства и прадѣдства». Никон. Лѣт. VII, 74 и 132; Царств. кн., стр. 163 и 239; А. И. т. I, № 160.

[2]) Царств. кн., стр. 126—129.

[3]) Чинъ поставленія на великое княжество Димитрія изданъ въ С. Г. и Д., II, стр. 27—29; Лѣт. занятій Арх. Комм., вып. III, прил., стр. 3—16 (по 2-мъ спискамъ), и *Е. Барсовымъ* въ статьѣ: Древнерусскіе памятники вѣнчанія царей на царство, Чт. Общ. Ист. и Древн. 1883 г., кн. I, стр. 32—38.

[4]) *Хр. Лопаревъ*, О чинѣ вѣнчанія русскихъ царей. Ж. М. Н. Пр. 1887, окт., стр. 312—319.

[5]) ... «Глаголетъ-бо Господь пророкомъ: «азъ воздвигахъ тя съ правдою царя и пріяхъ тя за руку и укрѣпихъ тя; сего ради слышите, царіе (и

посланіемъ воспользовался уже разъ митр. Макарій, будучи новгородскимъ архіепископомъ. Теперь онъ воспользовался имъ вторично, внеся указанное мѣсто въ поученіе по чину вѣнчанія и этимъ придалъ оффиціальный характеръ доктринѣ теократическаго абсолютизма, такъ какъ чинъ вѣнчанія, а особенно поученіе сохранялись очень долгое время безъ всякихъ измѣненій [1]).

Какое широкое распространеніе среди православнаго духовенства получили эти усвоенныя русскою письменностью ветхозавѣтныя и византійскія доктрины, можно видѣть хотя-бы изъ того, что онѣ дословно повторяются даже въ челобитной Львовскаго Братства царю Θедору Ивановичу 1592 г., написанной рукою Терновскаго митр. Діонисія [2]).

Въ ряду писателей іосифлянскаго направленія нѣсколько обособленное положеніе занимаетъ инокъ Отенской новгородской пустыни Зиновій (†1558). Сначала онъ былъ ученикомъ Максима Грека и почитателемъ и за то пострадалъ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ,

---

князи), и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть дръжава вамъ и сила отъ Вышняго»; васъ бо Господь Богъ въ себе мѣсто избра на земли, и на свой престолъ взнесъ посади, милость и животъ положи у васъ», и проч., кончая словами: «не давати воля злотворящимъ человѣкомъ иже душу съ тѣломъ погубляющимъ». Д. къ А. И., т. I, № 39, стр. 49; *Е. Барсовъ*, наз. соч., стр. 57—58. Ср. выше, прим. 3 на стр. 97 и слѣд.

[1]) См. чины вѣнчанія Θед. Ив., С. Г. и Д., II, стр. 80 и слѣд.; Бориса Годунова, Д. къ А. И. ч. I, стр. 245; Мих. Θед., С. Г. и Д. III, стр. 82. Только по чину поставленія на великое княженіе, напечатанному въ Вивліоθ., соотвѣтственное мѣсто поученія дополнено любопытными вставками, направленными противъ нечестивыхъ царей, а именно послѣ словъ «яко слуги Божіи есте» слѣдуетъ: «почто не храните закона, ни по совѣту Вышняго ходите и злата ради погубляете истину»; послѣ словъ «правленіе человѣческаго рода» добавлено: «всякъ бо правдивый князь ангельскій и священническій иматъ чинъ, а насилуя неправедно на слуги, самъ себе (слугу) сатанѣ сотворяетъ... Сего ради страшна и сильна идетъ на васъ погибель, яко гнѣвъ отъ Господа пріидетъ, сильніи бо сильнѣе отъ Бога испытани будутъ». Вивл. VII, стр. 22 и слѣд. Слова эти также могли быть позаимствованы у Іосифа. См. выше, стр. 95 и прим. 2 на стр. 100. Сомнительно, однако, чтобы подобныя слова произносились во время вѣнчанія. Скорѣе можно думать, что ихъ вставилъ въ чинъ вѣнчанія какой-то недовольный современными порядками «списатель».

[2]) А. З. Р., т. IV, № 34 I. Братство повторяетъ здѣсь указанныя мѣста изъ поученія царя Василія сыну Льву и изъ посланій Іосифа Волоцкаго. Въ челобитной говорится: «чести всякая превыше имя—достояніе царю: почитаеши бо паче всѣхъ сіе тебѣ даровавшаго Бога, яко и по подобію небеснаго царствія даде тебѣ скипетръ земнаго властительства, да якоже небесный царь Богъ на небеси, сицѣ и ты тихообразнѣ человѣкы милуеши на земли и учиши сихъ блюсти праведная многободрьствующимъ умнымъ царскимъ твоимъ окомъ, крѣпко управляя ихъ на благыя пажити. Неприкосновенъ бо еси человѣкомъ высоты ради дальняго царствія, благоприступенъ-же молящимся бываеши воспріятія ради горняго»... И немного ниже повторяется извѣстное мѣсто Іосифа о высотѣ царскаго сана: «Существомъ убо тѣлесе равенъ еси человѣкомъ, о! царю, достояніемъ-же превосходиши всячески».

будучи сосланъ въ заточеніе въ Отенскій монастырь. Здѣсь онъ написалъ два обширныя сочиненія въ опроверженіе ереси Θеодосія Косаго [1]) и въ этихъ сочиненіяхъ значительно отступилъ отъ направленія Максима Грека, сблизился съ школой Іосифа Волоцкаго и даже пользовался «Просвѣтителемъ» Іосифа. Между прочимъ онъ защищалъ современное монашество и вотчинный бытъ монастырей, спорилъ съ своимъ учителемъ и упрекнулъ инока Вассіана за образъ его жизни [2]).

Въ своихъ возраженіяхъ послѣдователямъ Косого Зиновій коснулся и вопроса объ установленіи властей, такъ-какъ Косой утверждалъ, что всякія власти, какъ государственныя, такъ и церковныя, не находятъ оправданія въ божественномъ писаніи и должны считаться явленіями развращеннаго человѣческаго преданія [3]). Въ опроверженіе этого ученія Зиновій старается указать основы богоучрежденности властей и обязательность ихъ почитанія на основаніи евангелія и апостольскаго ученія. При этомъ онъ ссылается на повелѣніе Христа воздавать «царевая цареви» и на извѣстное наставленіе апостола Павла о повиновеніи властямъ [4]). Кромѣ того, въ выпискѣ изъ бесѣдъ І. Златоустаго къ Антіохійскому народу по поводу сверженія императорскихъ статуй Зиновій привелъ и слова его о царской власти: «царь бо есть верхъ и глава иже на земли человѣкомъ всѣмъ». [5]).

Въ другомъ мѣстѣ, доказывая авторитетность Божественныхъ словъ, Зиновій касается и авторитетности словъ государя. «Царевъ глаголъ, говоритъ онъ, яковъ же будетъ, нелѣпо мнѣти празденъ». Хотя царь и человѣкъ, какъ и всѣ люди, «царствія же достояніе имуща точію», но люди не должны считать праздными его словъ. «Колико же разнствуетъ Богъ, восклицаетъ авторъ, отъ человѣка царя?!» [6]) Нельзя, однако, выводить отсюда, что Зиновій не раздѣлялъ взглядовъ Іосифа на высоту царскаго сана. Признаніе въ царѣ человѣческаго естества встрѣчается и у Іосифа. Но царское достояніе и по Зиновію выдѣляло человѣка-царя изъ ряда людей, какъ это видно изъ его словъ о почитаніи царскихъ изображеній.

---

[1]) «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи», изд. ред. Прав. Соб. Каз. 1863 г., и «Посланіе Многословное», изд. Ан. Поповымъ въ Чт. Общ. Ист. и древн. 1880 г. кн., 2, и отдѣльно.

[2]) *П. Знаменскій*, Руководство къ русск. церк. исторіи, Каз. 1886 г. стр. 155—156; Истины показаніе, стр. 887—901; *Филаретъ (Гумилевскій)*, Обз. русск. дух. лит., изд. 3, стр. 158.

[3]) Объ этомъ см. ниже, глава VII.

[4]) Къ римл. VIII, 1—8; Посланіе многословное, стр. 220 и слѣд. и 285.

[5]) Посланіе многословное, стр. 88.

[6]) Истины показаніе, стр. 83—84.

Защищая отъ нападокъ Косого почитаніе иконъ, Зиновій проводитъ на основаніи византійскихъ источниковъ любопытную параллель почитанія царскихъ статуй и портретовъ или, какъ онъ выражался, царскихъ иконъ [1]). Онъ разсказываетъ, что когда вносится въ города царскій образъ, то не только простые земледѣльцы и ремесленники, но и воины, городскіе старѣйшины, честнѣйшіе сановники, воеводы и синклиты встрѣчаютъ его съ великою честію и покланяются царскому образу какъ самому царю, такъ-какъ «есть образъ царевъ честнѣйши всего синклита его, и воеводъ и епархъ, и патрикіевъ, вси бо тіи покланяются образу цареву и многою честію въ усрѣтеніе его, яко и самого царя, и тѣмъ показующе повиновеніе къ царю и возлюбленіе свое къ нему» [2]). Зиновій оправдываетъ такое почитаніе царскихъ изображеній ссылкой на то, что «сей почести царскихъ образовъ нѣсть видѣти отъ отецъ негодованія, ниже отъ апостолъ, ни отъ самого Господа», который училъ воздавать кесарево кесареви; почитаніемъ царевой иконы показывается «благоуміе и покореніе къ царю и пріятельство». Если же граждане презрятъ образъ царевъ и не воздадутъ ему достойной чести, то «самого царя въ иконѣ его преобидяху и на ярость его раздражаху». Въ подтвержденіе этого авторъ приводитъ случай, имѣвшій мѣсто при царѣ Θеодосіи въ Антіохіи, гдѣ хульники свергли изображенія царей [3]).

Наибольшій интересъ и оригинальность представляютъ, однако, тѣ мѣста сочиненій Зиновія, гдѣ онъ оспариваетъ мысль Косого, что земныя власти являются учрежденіями развращеннаго человѣческаго преданія. Косой ссылался въ подверждепіе на постническую книгу Василія Великаго. Авторитетомъ этого послѣдняго пользуется и Зиновій для опроверженія мнѣнія Косого. Сославшись на слова Василія В. о томъ, что въ небытность царя во Израили каждый творилъ «правая предъ очима своима», Зиновій комментируетъ ихъ такъ: «рекше несогласіе воспомянувъ безцарныхъ людей и мятежъ бывающій въ нихъ, занеже не имати владыки имъ, коемуждо человѣку творящу по очима своима», т. е. по собственному усмотрѣнію. Отъ этого происходитъ, говоритъ Зиновій, всякое

---

[1]) Истины показаніе, стр. 360: «царю егда на царскій престолъ возведшу и царскимъ вѣнцемъ ему увязену, образъ подобенъ ему хитрецы сотворяютъ, рекше икону его».

[2]) Нѣсколько дальше снова повторяется та же мысль: «яко человѣка царя образъ честнѣйши всѣхъ превысокихъ сановъ сущихъ у него». Тамъ же, стр. 283—284.

[3]) Тамъ-же, стр. 361 и слѣд. О почитаніи царскихъ изображеній говорилъ и Іосифъ: «Аще убо кто обезчеститъ образъ царевъ, главною казнію мучится», Просвѣтитель, стр. 319.

нестроеніе и мятежъ и разрушеніе земель и царствія, а не отъ согласія, «еже ко устроенію и во общую пользу и крѣпость», отчего во всѣхъ царствіяхъ бываетъ покой, тишина и наслажденіе благой жизнью [1]). Далѣе Зиновій приводитъ подлинныя слова Василія В., утверждавшаго, что благочиніе и согласіе проистекаютъ отъ признанія всѣми одного представителя власти, тогда какъ раздоръ и несогласія происходятъ отъ безначальства или многоначальства [2]). Зиновій поясняетъ, что въ жизни до тѣхъ поръ соблюдаются порядокъ и миръ, пока «добрѣ покоряются: иже въ дому господину, въ пути предводящему, во области князю, въ царствіи царю»; что единоначаліе—добро и полезно, безначаліе и многоначаліе – зло и пакостно; что пока всѣ вмѣстѣ взираютъ и покоряются единому началу, до тѣхъ поръ все идетъ хорошо, «не сущу прекословію и распрѣнію»; когда-же проникнетъ прекословіе, то тутъ-же появится и распря, а гдѣ распря — тутъ и непокореніе, а гдѣ непокореніе — тамъ «отъ начальствующаго отложеніе есть» и т. д. Примѣнивъ такого рода выводы къ ученію Косого, Зиновій жестоко укоряетъ его и его послѣдователей за ихъ политическій и общественный нигилизмъ: вы возноситесь, говорилъ онъ, на всѣхъ властей, учиненныхъ Богомъ, не любите Богомъ поставленныхъ царскихъ и святительскихъ чиноначальниковъ, не желаете быть во власти господъ и получать наставленія отъ духовныхъ пастырей и учителей, «лукавѣ глаголюще и безбожнѣ, яко нѣсть требы быти начальствомъ въ христіанствѣ». Скажите-же, для чего избѣгаете «начальникъ владычества», какъ не для того, чтобы свободно творить всякую злобу и предуготовлять своимъ ученіемъ путь антихристу, «не имуще надстоящихъ и зрящихъ лукавая дѣянія ваша и безбожная словеса, да въ всяцѣй воли своей все зло сдѣете» [3]).

Смыслъ этого заключенія сводится къ тому, что предстоящія власти должны воспрещать лукавыя дѣла и безбожныя словеса путемъ примѣненія наказаній къ злотворящимъ.

Карающая роль власти особенно выдвигается древне-рускими публицистами, хотя часто приводимое въ ихъ сочиненіяхъ апостольское наставленіе о почитаніи властей учитъ покоряться властямъ не

---

[1]) Истины показаніе, стр. 575 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 585: «... множества благочиніе и согласіе дотолѣ исправляемо, донелѣже къ единому нѣкоему начальнику держится общее всѣхъ благопокореніе; всяко же несогласіе и разстояніе на многоначальство отъ безначальства сътворяемо». Тамъ-же, стр. 589: «аще бо иже къ единому (мнѣнію) блюдущимъ (и) царя пріемлющимъ единаго свойственно есть благочиніе съ согласіемъ; убо несогласіе всяко и разстояніе знаменіе есть безначальства».

[3]) Посланіе многословное, стр. 284.

только за страхъ, но и за совѣсть. Іосифъ волоцкій, митр. Даніилъ и ихъ послѣдователи придаютъ исключительное значеніе страху наказанія въ дѣлѣ устроенія мира и порядка не только въ государствѣ, но и въ сферѣ церкви. Къ этому-же сводится и смыслъ комментаріевъ Зиновія.

Очень рельефно выражена эта теорія устрашенія и неизвѣстнымъ авторомъ «слова св. отецъ, какъ христіаномъ жити». Въ словѣ, отъ имени св. отецъ, преподается градскимъ властямъ повелѣніе—творящихъ зло «въ конечныя влагати муки, градскимъ казнити закономъ, а не щадити злыхъ, да ся накажутъ и останутъ дѣяти злая.» Оправданіемъ такого повелѣнія служитъ, по мнѣнію автора слова, основное назначеніе всякой власти; «властели бо отъ Бога устроени, по указанію слова, человѣкъ ради не творящихъ закона Божія, да страхъ видѣвши казьни и Бога убоятся» [1]). Подобное-же міровоззрѣніе лежитъ и въ основѣ взгляда всей іосифлянской школы о преслѣдованіи и казни еретиковъ. Карающій мечъ является главнѣйшимъ аттрибутомъ государственной власти.

Но іосифлянская политическая доктрина нашла себѣ у писателей той-же школы серьезное ограниченіе съ точки зрѣнія отношеній между авторитетами духовнымъ и свѣтскимъ [2]).

Исторія этихъ отношеній въ древней Руси характеризуется постепеннымъ подчиненіемъ церковнаго авторитета государственному даже въ періодъ подчиненія русской церкви константинопольскому патріарху. Тѣмъ большая степень подчиненія наблюдается при постепенномъ возрастаніи политическаго авторитета и все болѣе усиливающемся вмѣшательствѣ его въ дѣла церковнаго управленія, особенно въ дѣло избранія высшаго представителя духовной іерархіи.

Экономическая зависимость церковной іерархіи отъ государства является главнѣйшей причиной такого склада отношеній. Культурныя традиціи Византіи лишь способствовали окончательному опредѣленію въ указанномъ смыслѣ развивающихся отношеній, такъ какъ и въ Византіи церковный авторитетъ находился въ подчиненіи императорской власти, не смотря на теоретическія попытки поставить его въ равноправное и даже преимущественное положеніе.

---

[1]) Правосл. Соб. 1859 г., № 4, стр. 473—477.

[2]) Не имѣя возможности входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, автора считаетъ необходимымъ отмѣтить лишь нѣкоторыя черты изъ отношеній между церковью и государствомъ въ древней Руси.

Для опредѣленія отношеній русской митрополіи къ княжеской власти прежде всего могли послужить соотвѣтственныя нормы византійскаго права. Заимствуя изъ Византіи сборники церковныхъ правилъ и государственныхъ постановленій, представители русскаго духовенства довольно рано стали руководствоваться и новеллой императора Юстиніана о священствѣ и царствѣ, которая вошла въ номоканонъ Іоанна Схоластика, откуда и перешла въ наши кормчія подъ заглавіемъ: «Заповѣдь первая отъ новыхъ заповѣдей Іустиніана царя». Установляемая этою заповѣдью раздѣльность компетенціи при единствѣ дѣйствія церковной и государственной власти, съ спеціальнымъ указаніемъ, что ничто такъ не споспѣшествуетъ царству, «яко же святительская честь»,—вотъ тотъ идеалъ, какой перенесенъ былъ изъ Византіи на Русь. [1]) Заповѣдь царя Юстиніана получила широкое распространеніе въ русской письменности и не только вошла въ кормчія; на нее въ своихъ посланіяхъ и поученіяхъ ссылаются и публицисты-книжники; она занесена и въ Стоглавъ. [2])

Но при неопредѣленности правилъ заповѣди ихъ можно было толковать различно, смотря по обстоятельствамъ. Такъ русскій инокъ Акиндинъ въ посланіи къ великому князю тверскому объ исправленіи еретическаго обычая (поставленія на маздѣ) ссылается на эту заповѣдь: [3]) Но эта ссылка имѣетъ здѣсь тотъ смыслъ, чтобъ оправдать вмѣшательство князя въ церковный споръ: «тако да будетъ т щ а н і е и т е б ѣ, державный боголюбче, говоритъ авторъ посланія, еже святитель чистота и къ Богу дерзновеніе». Поэтому онъ указываетъ князю, что «повелѣно и ему не молчати о семъ святителемъ своимъ» и даже пишетъ: «или речеши, господине, кривымъ извѣтомъ: сами ся управять, како хотять, а язъ въ се не вступлюся.» Но такую уклончивость авторъ спѣшитъ отразить замѣчаніемъ:

---

[1]) Заповѣдь Юстиніана читается такъ: «Великая паче инѣхъ, иже въ человѣцехъ еста дара божія, отъ вышняго дарована человѣколюбія божія, священничество-же и царство: ово убо божественнымъ служа, сеже человѣческими владѣя и пекійся. Отъ единого же и того же начала обоя происходятъ, человѣческое украшающе житіе. Я к о ж е н и ч т о ж е т а к о б ы в а е т ъ п о с п ѣ ш н о е ц а р с т в у с е г о р а д и, я к о ж е с в я т и т е л ь с к а я ч е с т ь о обоихъ самѣхъ тѣхъ присно веи Богови молятся. Аще бо они непорочны: будутъ во всемъ и къ Богу имутъ дерзновеніе и праведно и подобно украшати начнутъ преданныя имъ грады и сущая подъ ними, будетъ согласіе нѣкое благо, все еже добро человѣчестѣй даруя жизни. Сему быти вѣруемъ. аще священныхъ правилъ бдѣніе сохранится» *Розенкампфъ*, Обозрѣніе кормчей, изд. 2, прил. VIII, стр. 23.

[2]) Глава 62, стр. 279 по изд. Каз. Дух. Акад.

[3]) «Святительство бо и царство, пишетъ онъ, съединеніемъ и безъ порока законныя уставы твердо и неподвижимо должни суть держати и творити: ово-бо божественнымъ служа, ово же человѣчьскими обладая; единѣмъ же началомъ вѣры и закономъ обое происходя, человѣчьское украшаетъ житіе.»

*

«царь еси, господине княже, въ своей земли; ты истязанъ имаши быти на страшнѣмъ судищи Христовѣ, аще смолчиши митрополиту» [1]). Итакъ намѣреніе князя уклониться отъ вмѣшательства въ церковныя дѣла чисто догматическаго свойства инокъ Акиндинъ называетъ кривымъ извѣтомъ и грозитъ отвѣтственностью за такое попустительство.

Іосифъ волоцкій, желая доказать право государя казнить еретиковъ, ссылается на ту же заповѣдь, [2]) чтобы вывести изъ нея для «пріемшаго правленіе человѣческаго рода», т. е. государя, обязанность «все обладаемое отъ треволненія спасати и многогрѣховнаго смятенія».

Съ другой стороны Максимъ Грекъ, возвращаясь нѣсколько разъ въ своихъ сочиненіяхъ къ тому же вопросу объ отношеніи властей, хотя и истолковывалъ заповѣдь Юстиніана въ смыслѣ согласнаго дѣйствія обоихъ авторитетовъ, но въ то-же время открывалъ широкій путь для вмѣшательства церковнаго авторитета въ государственную жизнь, ибо исправлять на лучшее царскіе скипетры совѣтами премудрѣйшими, согласно толкованію Максима Грека [3]), считали своею обязанностью и представители духовной власти, и въ этомъ отношеніи нельзя было указать предѣла ихъ вмѣшательству въ «устроеніе вещей подручныхъ.»

Итакъ совмѣстная дѣятельность двухъ началъ не только могла дать каждому изъ нихъ поводъ къ вмѣшательству въ сферу компетенціи другаго, но и привести къ преобладанію одного надъ другимъ въ зависимости отъ условій дѣйствительной жизни.

Среди духовенства довольно рано наблюдается стремленіе замкнуться въ извѣстныхъ сферахъ своей компетенціи отъ вмѣшательства органовъ государственной власти. Представляется особенно любопытнымъ, что указанное стремленіе проявляется прежде всего

interference

[1]) Р. И. Б., VI, № 16, II.

[2]) Просвѣтитель, глава 13, стр. 536: «такоже глаголетъ Св. Григоріе Акроганскій въ своихъ правильныхъ завѣщаніихъ: веліе убо есть въ человѣцѣхъ дарованіе божіе свыше данно человѣколюбне—священничество-же и царство: ово убо божественныхъ служа, овоже человѣческими обладая пекійся».

[3]) Вотъ его толкованіе: «священство и царство—два величайшихъ блага—дарованы человѣкомъ отъ вышняя божественная благости: ово бо молитвами преподобными и чистыхъ рукъ воздѣяніемъ, умоляющи всегда Владыку всѣхъ о нашихъ согрѣшеніяхъ, милосерда и удобь примиряема съ нами сотворяетъ его; ово-же совѣты премудрѣйшими и всяческими устроеніи и смотрѣніи, владычески купно и отечески промышляющи о подручныхъ, исправляетъ всегда царскія скипетры на лучшее. Велія убо и воистину блага и обоя, егда сама та къ себѣ благовѣрно другъ къ другу согласуета и къ самому Вышнему благопокорно прилежаета, соблюдающе твердѣ спасительныя заповѣди его и оправданія, и по нихъ отечески вкупѣ и владычески вещи подручныхъ устрояюще.» Сочиненія, ч. II, стр. 162—163; см. также стр. 296—297.

относительно дѣлъ, по характеру своему совершенно свѣтскихъ: духовенство стремится обезпечить за собой дарованныя ему финансовыя и судебныя привилегіи [1]).

Это тѣмъ болѣе любопытно, что ничего подобнаго не замѣчается въ такихъ случаяхъ, когда имѣло мѣсто вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла чисто церковнаго характера, напр., въ дѣла о поставленіи на церковно-іерархическія должности. Княжескія правительства усвоили себѣ въ этой сферѣ довольно значительную степень вліянія, и представители церкви не возражали противъ такой практики довольно долгое время.

Въ противность каноническимъ правиламъ князья присвоили право не только избирать кандидатовъ на епископскую каѳедру, но и удалять неугодныхъ имъ епископовъ [2]). Этого мало. Княжескія правительства пріобрѣтаютъ серьезное вліяніе и на поставленіе митрополитовъ. Кромѣ митрополитовъ Иларіона и Климента, поставленныхъ на Руси соборомъ епископовъ по приказанію князей, нѣкоторые изъ митрополитовъ поставляются въ Константинополѣ по указанію и просьбѣ изъ Руси. Московскій-же великій князь проявляетъ значительную долю энергіи въ проведеніе своихъ кандидатовъ, какъ это имѣло мѣсто послѣ смерти митр. Алексѣя.

Когда-же русская церковь, вопреки волѣ константинопольскаго патріарха, получила автокефальность политическими мѣрами московскаго правительства, а государь всея Руси, по традиціямъ византійской императорской власти явился въ новой роли «царя православью», то преобладаніе государственнаго авторитета надъ церковнымъ съ этихъ поръ было вполнѣ упрочено: митрополитъ московскій и всея Руси становится въ подчиненное положеніе отъ государя всея Руси.

---

[1]) Кромѣ церковныхъ уставовъ и другихъ имущественныхъ привилегій, смотр. объ этомъ: грамоты патріарховъ Германа 1228 г. и Нила 1382 г., Р. И. Б., VI. стр. 82—84; № 23, стр. 203; посланіе владимірскаго епископа XIII в., тамъ же, № 9; *Макарій*, Ист. церкви, V, стр. 391—393. Правило о обидящихъ церкви божья и священныя власти ихъ, Р. И. Б., VI, № 15; Новг. Синод. Лѣт., изд. 1888 г., стр. 451—452. На это грозное правило ссылались въ своихъ посланіяхъ митр. Филиппъ, архіеп. новгород. Геннадій, Іосифъ волоцкій и старецъ Ѳилофей Псковскаго Елеазарова монастыря, Р. И. Б., VI., стр. 720 и 757; Сборн. Публ. Библ. Q XVII, № 64, л. 234; Ж. М. Н. Пр. 1882 г., іюнь, стр. 242—243. На него указано также въ отвѣтѣ отцовъ собора 1503 г., и въ Стоглавѣ, *проф. Павловъ*, Ист. очеркъ секуляризаціи церк. земель, стр. 41—47; Стоглавъ, гл. 56, изд. Каз. Дух. Ак., стр. 267—268. Какъ исполненіе этого правила см. анаѳематствованіе новгородскаго синодика 1503 г., *проф. Павловъ*, назв. соч., стр. 51, прим. 1 и 2. Ср. еще назиданіе списателя ханскихъ ярлыковъ, Вивліоѳ., изд. 2, т. VI, стр. 26; *Григорьевъ*, О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ, стр. 28—29.

[2]) *Соловьевъ*, III, изд. 5, стр. 62—64; *Макарій*, III, изд. 2, стр. 244—246, 248—250; *проф. Голубинскій*, Ист. русск. церкви, т. I, ч. I, стр. 310—312, 455—456.

Это выразилось болѣе всего при избраніи и поставленіи митрополитовъ, ибо выборъ кандидатовъ въ митрополиты зависѣлъ отъ усмотрѣнія и согласія государя. Послѣдній-же указывалъ, конечно, только угодныхъ себѣ кандидатовъ. Но московскіе государи не довольствуются своимъ фактическимъ преимуществомъ и спѣшатъ оформить столь выгодный для нихъ порядокъ. Въ чинъ поставленія митр. Симона введена была обрядность, которая должна была наглядно показать, что митрополитъ заимствуетъ свою власть отъ государя. Великій князь при поставленіи Симона вручилъ ему митрополичій жезлъ, символъ пастырской власти, и произнесъ слѣдующія слова: «Всемогущая и животворящая св. Троица, дарующая намъ всея Руси государство, подаетъ тебѣ сій святый великій престолъ архіерейства, митрополію всея Руси... и жезлъ пастырства, отче, воспріими... и моли Бога о насъ и о всемъ православіи»... [1]) Усвоивъ себѣ мысль, что Св. Троица даруетъ власть представителю церкви чрезъ посредство власти государственной, московскіе государи пошли и дальше; они иногда совершенно устраняли даже формальность избранія митрополитовъ соборомъ духовенства [2]). Повидимому такимъ образомъ и были избраны митрополиты Варлаамъ [3]), Даніилъ, Филиппъ, и Кириллъ [4]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ московскіе государи обезпечили за собой и участіе въ избраніи епископовъ. По чину поставленія епископовъ поставляемый въ своемъ исповѣданіи отмѣчалъ, что онъ поставленъ митрополитомъ въ церкви Успенія Богородицы и у гроба св. Петра «и по повелѣнію государя» [5]).

---

[1]) П. С. Л., VI, 39; VIII, 230. Тотъ-же обрядъ почти дословно повторенъ и при поставленіи митрополитовъ Іоасафа и Аѳанасія, А. А. Э., т. I, стр. 159; Р. И. Б., III, Алекс.-Невск. лѣт., стр. 217. Очевидно онъ повторялся во всѣхъ случаяхъ, когда имѣло мѣсто торжественное поставленіе на митрополію, и введенъ въ чинъ поставленія митрополита, составленный при Грозномъ, А. А. Э., т. I, № 264.

[2]) Герберштейнъ пишетъ, что «нѣкогда митрополитъ и архіепископы были избираемы на соборѣ изъ всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ: искали въ монастыряхъ и пустыняхъ мужа святой жизни и избирали его. Про нынѣшняго-же князя (Василья III) говорятъ, что онъ обыкновенно призываетъ къ себѣ нѣсколько извѣстныхъ ему лицъ и изъ ихъ числа выбираетъ одного по своему усмотрѣнію» Записки о Московіи, пер. Анонимова, стр. 44.

[3]) Про него сказано, что онъ былъ возведенъ на митрополичъ дворъ и нареченъ митрополитомъ всея Руси, и что на поставленіи его были такіе-то епископы, причемъ епископъ пермскій прислалъ не повольную грамоту на избраніе, а «грамоту единосовѣтную достоиньству поставленія его.» П. С. Л., VI, 252.

[4]) *Макарій*, Ист. русск. церкви, VI., стр. 166, 294—298 и 307.

[5]) А. А. Э., т. I, стр. 471. Для примѣра можно указать, что митр. Макарій былъ поставленъ новгородскимъ архіепископомъ рукоположеніемъ митр.

Государь, однако, могъ ошибаться въ качествахъ указанныхъ имъ кандидатовъ. Изъ-за этого въ иныхъ случаяхъ могли проистечь болѣе или менѣе значительныя неудобства для цѣлей государственной политики. Устраненіе такихъ дѣятелей вызывалось въ такихъ случаяхъ соображеніями государственной пользы. И московскіе государи не останавливались передъ такой мѣрой. Еще Иванъ III пытался примѣнить эту мѣру къ митр. Геронтію. Послѣдній въ 1484 г. по случаю болѣзни хотѣлъ оставить митрополію; но, выздоровѣвъ, измѣнилъ свое намѣреніе. «Князь-же великій не восхотѣ его.» Митр. Геронтій былъ человѣкъ твердаго характера и не любилъ дѣлать уступки даже великому князю, съ которымъ у него не одинъ разъ бывали столкновенія, непріятныя для государя особенно потому, что ему приходилось добивать челомъ митрополиту [1]). Понятно, почему великій не захотѣлъ имѣть его вновь на митрополіи. Но онъ «и неволею не остави митрополіи». Ивану Васильевичу хотѣлось назначить митрополитомъ Паисія Ярославова; но когда послѣдній отказался, то великій князь призналъ нужнымъ еще разъ уступить Геронтію и снова возвелъ его на каѳедру [2]). Въ 1523 г. удаленъ былъ митр. Варлаамъ. Лѣтописи глухо говорятъ, что онъ оставилъ митрополію; но есть извѣстія, что немедленно за симъ Варлаамъ былъ сосланъ на Бѣлоозеро [3]). Надо думать, что отказъ былъ вынужденный. Извѣстны и еще случаи насильственнаго удаленія митрополитовъ. Такъ митр. Даніилъ былъ смѣщенъ съ каѳедры боярскимъ правительствомъ, конечно, отъ имени государя. Грозный смѣстилъ митр. Филиппа хотя и на основаніи соборнаго приговора, но этотъ приговоръ былъ внушенъ волею государя. Митрополитъ Діонисій оставилъ митрополію «по государевѣ воли царя и великаго князя Ѳедора Ивановича» [4]).

Соотвѣтственно указаннымъ отношеніямъ, государь явился и высшей инстанціей по дѣламъ церковнаго управленія. Въ случаѣ возникающихъ пререканій съ митрополитомъ или съ кѣмъ-либо изъ епископовъ дѣло представлялось на усмотрѣніе государя, отъ котораго зависѣло дать тотъ или иной исходъ дѣлу. Іосифъ волоцкій приводитъ три случая такого рода, начиная съ княженія Василія

Даніила и собора и повелѣніемъ вседержавнаго государя. Про избраннаго въ 1562 полоцкимъ архіепископомъ Іосифа современникъ замѣтилъ, что «царь понуди его быти въ Полтескъ архіепископомъ». Повелѣніемъ государя и избраніемъ собора поставленъ былъ въ 1564 г. Германъ архіепископомъ казанскимъ. Р. И. Б., III, Алекс.-Невск. лѣт., стр. 199, 176, 218—219.

[1]) П. С. Л., VI, 233 и 234.

[2]) Тамъ-же, стр. 235.

[3]) П. С. Л., VIII, 269; VI, 264; *Герберштейнъ*, перев. Анонимова, стр. 45.

[4]) Новгор. Лѣтописи, Спб., 1879, стр. 348 и 449.

Дмитріевича. При этомъ князѣ, разсказываетъ Іосифъ, произошла брань у митр. Кипріяна съ игуменомъ Евфиміемъ спасскаго монастыря въ Суздалѣ изъ-за того, что игуменъ не велѣлъ звать Кипріяна митрополитомъ. Такое-же столкновеніе имѣло мѣсто въ княженіе Василія Васильевича у Пафнутія боровскаго съ митр. Іоною. При Иванѣ III была брань между кирилловскимъ игуменомъ Нифонтомъ и архіепископомъ ростовскимъ Вассіаномъ, такъ какъ Нифонтъ ни въ чемъ не хотѣлъ повиноваться Вассіану. По утвержденію Іосифа, указаннымъ митрополитамъ и архіепископу слѣдовало, по свидѣтельству священныхъ правилъ, «о томъ отлучити и не благословити», но они не дерзнули этого сдѣлать. «А Кипріанъ митр. билъ челомъ великому князю Василью Дмитріевичу; а Іона митр. билъ челомъ великому князю Василью Васильевичу; а Васьянъ архіепископъ билъ челомъ великому князю Ивану Васильевичу да митр. Филиппу. И государи православные доспѣли тому дѣлу конецъ на Москвѣ по свидѣтельству священныхъ правилъ» [1]). Извѣстенъ еще аналогичный случай отъ конца XV вѣка по поводу столкновенія митр. Геронтія съ архіеп. ростовскимъ Вассіаномъ. Митрополитъ, научаемый княземъ Михаиломъ Андреевичемъ, сталъ отнимать Кирилловъ монастырь отъ ростовской епископіи и выдалъ князю Михаилу грамоту, что ему «вѣдати Кирилловъ монастырь во всемъ, а ростовскому архіепископу въ него не вступатися». Архіепископъ жаловался митрополиту и просилъ не вступаться въ его предѣлъ «чрезъ правила»; а такъ какъ Геронтій не обратилъ на это вниманія, то Вассіанъ билъ челомъ великому князю и просилъ суда съ митрополитомъ. По этому поводу великій князь посылалъ къ митрополиту и не велѣлъ ему вступаться не въ свое; но такъ какъ митрополитъ не послушалъ и великаго князя, то послѣдній отобралъ митрополичью грамоту у князя Михаила Андреевича и созвалъ соборъ для суда надъ митрополитомъ. Но митрополитъ, убоявшись суда, умолилъ великаго князя, а великій князь умирилъ его съ архіепископомъ, «и грамоту митрополичью изодраша, а Кирилловъ монастырь указаша вѣдати по старинѣ» [2]).

Подобной практикѣ подведены были и итоги. Въ 1503 г. Георгій Скрипица, возражая противъ постановленій собора о вдовыхъ попахъ, сослался на правила, въ которыхъ сказано: если епископъ кого обидитъ не по правиламъ, то слѣдуетъ разсудить митрополиту;

---

[1]) Сборн. Публ. Библ. Q I, № 214; Q XVII, № 64, л. 226—227. Эти случаи Іосифъ привелъ въ подтвержденіе неправомѣрности дѣйствій архіеп. новгородскаго Серапіона, который отлучилъ Іосифа «не обослався съ православнымъ государемъ и съ старѣйшимъ святителемъ.»

[2]) П. С. Л., VI, 33—34; VIII, 200.

митрополита-же долженъ разсудить патріархъ; «аще-ли патріархъ съ соборомъ изобидитъ кого не по правиламъ, ино царь разсудитъ ихъ по правиломъ св. отецъ и отмститъ виноватому»[1]). Іосифъ волоцкій при столкновеніи своемъ съ архіеп. Серапіономъ и волоцкимъ княземъ обратился къ санкціи государя и, получивъ съ его разрѣшенія прощеную грамоту, привелъ въ оправданіе своихъ дѣйствій и въ укоръ Серапіону повелѣніе царскаго закона, «иже глаголетъ: царьское осужденіе суду не предлежитъ и не посуждается» или, какъ формулировалъ онъ это правило въ другой разъ,—«яко царскій судъ святительскимъ судомъ не посуждается ни отъ кого-же въ древнихъ лѣтѣхъ, ни въ нынѣшнихъ, и въ тамошнихъ странахъ, ни въ нашей рустѣй земли, точію единъ Серапіонъ архіепископъ» [2]). Іосифъ при этомъ объясняетъ, что если-бы онъ билъ челомъ другому государю, то онъ поступилъ бы неправильно; но онъ выбралъ именно такого государя, «котораго судъ не посужается», который всѣмъ общій государь и котораго Богъ устроилъ въ свое мѣсто, «судъ и милость предасть ему, и церковное и монастырское, и всего православнаго христіанства всея русскія земля власть и попеченіе вручилъ ему» [3]). Соотвѣтственно этому воззрѣнію на государя всея Руси, какъ верховнаго управителя церкви, старецъ Филоѳей называетъ его владыкою всѣхъ, «браздодержателемъ святыхъ божіихъ престолъ святыя вселенскія и апостольскія церкви» [4]); неизвѣстный-же авторъ посланія къ царю Ивану Васильевичу называетъ его «православныя вѣры истиннымъ наставникомъ» и «столпомъ непоколебимымъ Христовой церкви» [5]).

Не смотря, однако, на вышеуказанный характеръ отношеній между властями, древнерусской письменности еще до XV в не чужды были попытки поставить авторитетъ церкви выше государства. Византійскія вліянія, надо думать, сыграли при этомъ видную роль. Было уже указано [6]), какъ константинопольскіе патріархи старались опредѣлить отношенія княжескихъ правительствъ къ митрополиту и даже къ епископамъ. Соотвѣтственно этому подобныя-же мысли проводятъ и митрополиты всея Руси въ поученіяхъ и въ настольныхъ грамотахъ епископамъ. Они учили, что великій князь, благородные и христолюбивые князья, бояре, сановные мужи и проч. должны воздавать своему епископу честь, имѣть къ нему благоповиновеніе и послу-

[1]) Чтен. Общ. Ист. 1848 г., № 6, отд. IV, стр. 6.
[2]) П. С. Л., VI, 249; Сборн. Публ. Библ. Q XVII, № 64, л. 239 об. и 231 об.
[3]) Сборн. Публ. Библ. Q XVII, № 64, л. 231 об.
[4]) Прав. Собесѣдн. 1863 г., книга 3-я, стр. 344.
[5]) Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія, стр. 69.
[6]) См. выше, глава I, стр. 8—10.

шаніе «съ всяцѣмъ благопокореніемъ и любовью». Такая обязанность мотивировалась тѣмъ, что честь, воздаваемая святителю переходитъ на самого Бога, «его же есть намѣстникъ святитель» [1]). Сила и значеніе такого рода наставленій выясняются изъ тѣхъ поученій, въ которыхъ одновременно преподаются правила о почитаніи князей и святителей. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно поученіе митр. Алексѣя, въ которомъ сказано: «а людская чадь Бога бойтеся, а князя чтите, а святительство имѣйте выше своея главы со всякимъ покореніемъ, безъ всякаго прекословья» [2]).

Стремясь вообще поднять авторитетъ священнослужителей, представители церкви въ своихъ посланіяхъ нерѣдко развивали мысль, что іерей служитъ небесному царю, а не земному, что въ священническомъ чину не къ царю временному посылаются, но къ царю царствующимъ, что святой алтарь есть небо земное и является жилищемъ и мѣстомъ не земнаго царя, но небеснаго, «и не земный убо царь тамо возлежитъ, но небесный Царь и Царь царствующимъ» [3]). Развивая дальше ту же мысль, митрополитъ Петръ поучалъ: «А который іерей святую литургію священствовалъ, тогда паря честнѣй: никто-бы не усидѣлъ противу него; аще кто усидитъ, проклятъ тотъ человѣкъ есть отъ небесныхъ силъ» [4]). Митрополитъ Фотій свое поученіе о важности священнаго сана озаглавилъ такъ: «о великомъ божьемъ священьствѣ, еже елико есть отстояще небо отъ земли, толико отстоитъ Христово священподѣйствуемое таинство отъ всякаго превышьшаго сана паче мірьскаго» [5]).

Авторы похвальныхъ словъ князьямъ почти всегда ставили имъ въ особую заслугу, что они чтили и любили священническій и монашескій чины. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ очень любопытны, такъ какъ указываютъ, какія мнѣнія успѣли воспитать въ себѣ слагатели похвальныхъ словъ. Про Александра Ярославича Невскаго авторъ «повѣсти о его житіи и о храбрости» выразился, что онъ былъ «іерей-любецъ и мнихолюбецъ, митрополита-же и епископа

---

[1]) Р. И. Б., VI, стр. 421, 555—556 и 680—681.

[2]) Приб. къ Твор. св. отец., 1847 г., стр. 34; ср. Душепол. чтеніе, 1861 г., I, стр. 465—466. Въ сборникѣ поученій XII в., въ статьѣ «поученіе любовно» обязанности къ свѣтской власти формулированы такъ: «(буди) бояливъ предъ цесаремъ, готовъ въ повелѣніи его;» о повиновеніи же духовенству преподаны слѣдующія правила: «епископомъ и пастухомъ Христова стада главу свою поклоняй и припади къ ногамъ ихъ и моли, да дастъ ти ся благословеніе ихъ. Презвутеры и іерея Христовы... всякою честію почти и съ страхомъ взирай на ня». *Срезневскій,* Свѣд. и замѣтки, № LII, стр. 206—207.

[3]) Р. И. Б., VI, стр. 430 и 489; стр. 428 и 509.

[4]) Пам. стар. русск. литер., вып. IV, 187—188.

[5]) Р. И. Б., VI, № 60.

чтяше и послушаше ихъ аки самого Христа (Творца)» [1]). Составитель древней повѣсти о житіи великаго князя Михаила Александровича тверскаго, отозвавшійся о своемъ героѣ какъ о добромъ образцѣ для всѣхъ князей, хотящихъ властвовати на землѣ, сообщаетъ про него, между прочимъ, что онъ «наипаче святителя яко самого Христа почиташе; толико-же милостивъ бѣ на иноческій чинъ... сице же и священника, зовяше ихъ князей царевыхъ, яко тіи, глаголаше, великія слуги божія и честнѣе насъ суть» [2]).

Наряду съ только-что отмѣченными теченіями древнерусской литературы въ нее проникаютъ идеи о неуклонномъ исполненіи заповѣдей и о твердомъ стояніи за вѣру даже предъ властьми. Эти идеи, имѣвшія почву въ византійской исторіи, проникаютъ на Русь и получаютъ здѣсь широкое распространеніе. Такъ въ собраніи словъ Іоанна Златоуста XIII в. помѣщалось поученіе Константина пресвитера болгарскаго объ исполненіи религіозныхъ правилъ, «не боящеся цесаря, не стыдящеся князь, не срамляющеся вельможъ; но аще и гоненье настоитъ, аще муки предлежатъ, аще нужа належитъ, не боятися» и проч.» [3]). Далѣе указываются и случаи, когда служители церкви возставали противъ неправовѣрныхъ дѣйствій представителей власти. Такъ мптр. Фотій приводитъ въ примѣръ патріарховъ Николая и Евѳимія, отлучившихъ царя Льва за вступленіе въ четвертый бракъ и претерпѣвшихъ за это гоненіе [4]). Пахомій Сербъ въ составленныхъ имъ житіяхъ новгородскихъ архіепископовъ Моисея и Евѳимія, во вступленіи, отмѣчаетъ о вѣнчанныхъ мученикахъ, которые «видѣвше неправедная, отъ царей и отъ вельможъ дѣемая, видяще сиротъ истязаемыхъ, грабленія и хищенія,.. не терпяще царей обличаху», за что многіе изъ святителей были лишены своихъ престоловъ [5]). Усвоивъ эту точку зрѣнія, древнерусскіе проповѣдники внушали ее своей паствѣ, а епископы — представителямъ духовенства. Неизвѣстный авторъ «наставленія іереямъ о покаяніи», встрѣчающагося въ сборникахъ XIV—XVI вв., преподаетъ слѣдующее правило: «ты-жъ, іерею, Христа Бога нашего слуго, не убойся, ни

---

[1]) Сказаніе по изд. Общ. Др. Письм. 1882 г., стр. 10—11; П. С. Л., V, 187; Новг. лѣт. по син. сп., изд. 1888 г., стр. 272, прим.

[2]) Никон. Лѣт., IV, 288. Митр. Кипріянъ въ составленномъ имъ житіи митр. Петра разсказываетъ, можетъ быть въ назиданіе своимъ обидчикамъ, про Ивана Калиту: «князю убо во всемъ послушающу и честь велію воздающу отцу своему по Господню повелѣнію», П. С. Л., X, 193.

[3]) Оп. ркп. Синод. Библ., Отд. II, ч. 2, стр. 427.

[4]) Р. И. Б., VI, стр. 281.

[5]) Пам. стар. русск. литер., вып. IV, стр. 10 и 16.

усумнися, ни устыдися лица человѣчя, аще-ли царь есть, или судія, или вои. Ты-бо т ѣ х ъ е с и с и л ь н ѣ е и б о л е и к р ѣ п л е, занеже еси Богомъ поставленъ [1])». Безъ этого тенденціознаго указанія на преимущества священства предъ прочими мірскими санами это правило получило даже оффиціальное значеніе и внесено въ чины поставленія епископовъ и митрополитовъ [2]).

Но домосковская Русь очень бѣдна примѣрами такого энергическаго противодѣйствія свѣтской власти со стороны представителей духовенства. Столкновенія Θеодосія печерскаго съ Святославомъ черниговскимъ и Андрея Боголюбскаго съ еп. ростовскимъ Θедоромъ—вотъ почти все, что извѣстно отъ этого времени [3]). Наоборотъ, существуютъ нѣкоторыя указанія, что и въ то время высшіе чины духовенства заслуживали упреки въ попустительствѣ и послабленіяхъ княжеской власти. Въ 1280 г. митр. Кириллъ упрекалъ ростовскаго еп. Игнатія за жестокое осужденіе великаго князя Глѣба Васильковича уже послѣ его смерти [4]): «осудилъ бо еси, замѣчаетъ митрополитъ, преже суда Божіа уже скончавшагося, а жива суща стыдяся, и дары отъ него пріемля, и яды и піа съ нимъ, и водворяяся и веселяся, и егда бѣ мочно исправити и не изправляше» [5]). Въ 1378 г. оскорбленный митр. Кипріянъ писалъ Сергію радонежскому и симоновскому игумену Θедору,

---

[1]) *Срезневскій*, Свѣд. и зам., № LIX., стр. 330 и 335.

[2]) Новопоставленный во епископы въ исповѣданіи, между прочимъ, произносилъ: «не створити ми ничесоже по нужи ни отъ царя, или князя велика, или отъ князій многихъ, или отъ людій многихъ, аще и смертью претятъ»... Р. И. Б., VI, стр. 453; А. А. Э., т. I, стр. 463 и 470. Поставляемый митрополитъ произносилъ такое-же обѣщаніе: «не сотворити ми ничтоже по нужди ни отъ царя, или отъ князя велика, или отъ князей многихъ, аще и смертью ми воспретятъ, велящe что сотворити чрезъ божественнаа и священнаа правила, его-же не достоитъ творити», А. А. Э., т. I, стр. 162,; ср. тамъ-же, стр. 298. Митр. Макарій въ отвѣтѣ Грозному «о недвижимыхъ вещехъ, данныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ,» указываетъ также, что онъ при поставленіи клялся «судбы и законы и оправданіе божественное хранити, елика наша сила, и предъ цари за правду не стыдитись; аще и нужа будетъ ми отъ самого царя, или отъ вельможъ его, что повелятъ ми говорити кромѣ божественныхъ правилъ. не послушати ми ихъ, но аще и смертью претятъ, то никакожъ не послушати ихъ». Лѣтоп. Русск. Литер., изд. Тихонравова, т. V, стр. 136. Это правило очевидно имѣлъ въ виду и Іосифъ, предлагая епископу Нифонту претерпѣть гоненіе и до смерти подвигнуться за благочестіе, Р. И. Б., VI, стр. 822 и 824. Митр. Даніилъ рекомендуетъ пастырямъ и пасомымъ твердо исповѣдывать православную вѣру, «предъ цари, и князи, и прочими человѣки, ничтоже боящеся» и «со многимъ дерзновеніемъ». Сборн. Публ. Библ., F I, № 522, л. 302.

[3]) См. выше, стр. 35—36. Θеодоръ не исполнилъ желанія князя поставиться на епископію въ Кіевѣ и «не точію не послуша его (князя), но и укоряше и досады многы возлагаша на нь». П. С. Л., IX, стр. 239.

[4]) Епископъ «изрину его, поругана и безчестна» изъ церкви и велѣлъ закопать въ землю въ монастырѣ.

[5]) П. С. Л., X, 157—158.

упрекая ихъ за послабленія князю. Неужели, спрашиваетъ онъ, въ Москвѣ не нашлось никого, кто-бы пожелалъ добра душѣ великаго князя? Если міряне блюдутся князя, не хотя погубить стяжаній и богатствъ, то какъ вы умолчали? «Растерзали бы есте одежи своя, совѣтуетъ Кипріянъ, глаголали бы есте предъ цари не стыдяся: аще быша васъ послушали, добро бы; аще быша васъ убили, и вы святи»[1]).

При митр. Кипріянѣ произошло и первое столкновеніе между представителями церкви и государства. Немало испытаній пришлось перенести митр. Кипріяну. Возмущенный оскорбленіями московскаго правительства, онъ впервые, кажется, выразилъ протестъ противъ дѣйствій великаго князя, указавъ, что великій князь не имѣетъ права судить митрополита, который подсуденъ одному лишь патріарху. Но, упрочившись на каѳедрѣ митрополіи всея Руси, Кипріянъ держалъ себя очень скромно въ отношеніяхъ съ московскимъ и литовскимъ князьями. Про отношенія Кипріяна къ Василію Дмитріевичу современникъ замѣтилъ, что митрополитъ не могъ «ослышатися слова князя великаго»[2]). А объ отношеніяхъ митрополита къ литовскому князю свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ 1405 г. Кипріянъ свелъ съ владычества «по повелѣнію Витовтову» еп. туровскаго Антонія[3]).

Есть указанія, что митрополитъ Фотій обнаружилъ стремленія увеличить свою власть надъ княземъ. Недовольные его дѣятельностью по отысканію доходовъ и стяжаній митрополіи говорили про него великому князю, что онъ «ищетъ власти надъ князи болѣе, неже достоитъ ему»[4]). Изъ двухъ посланій Фотія къ великому князю о неприкосновенности церковныхъ имѣній извѣстно, что митрополитъ дѣйствительно настаивалъ передъ великимъ княземъ объ исполненіи какихъ-то требованій о возвращеніи церковныхъ стяжаній и совѣтовалъ ему быть болѣе «благопослушнымъ и покоренымъ»; но это нужно было Фотію лишь для того, чтобы «благочестивымъ списаніемъ церкви Божіей нареченная утвердить и устроить вся пошлины»[5]).

---

[1]) Р. И. Б., VI, стр. 175.

[2]) П. С. Л., IV. 144; ср. Никон. Лѣт., IV, 311.

[3]) П. С. Л., VIII, 77; *Карамзинъ*, V, прим. 232.

[4]) *Татищевъ*, IV, стр. 465.

[5]) Митр. Фотій ссылался на примѣръ прародителей великаго князя, явившихъ къ церкви благопокореніе и послушаніе, и совѣтовалъ князю обратиться къ Христовой церкви и къ нему, митрополиту, съ такими словами: «согрѣшихъ, прости мя и имаши, о отче, во всемъ благопослушна и покорена мене... имѣеши убо благопокорство всяко отъ мене, о отче! Но елика еси вѣщалъ намъ о церкви Христовѣ, точію даждь прощеніе и благословеніе къ намъ, и руководецъ буди ми молитвами во благая Божія дѣла». Р. И. Б., VI, стр. 295 и 304.

На почвѣ вопроса о церковныхъ и монастырскихъ имуществахъ и готовилось первое энергическое противодѣйствіе духовенства московскому правительству. Отцы собора 1503 г. для отраженія такого грознаго для нихъ удара, какъ секуляризація имуществъ, выдвинули въ свою защиту цѣлый рядъ подлинныхъ и апокрифическихъ церковныхъ и государственныхъ нормъ [1]). Около того времени появляется и нѣсколько анонимныхъ статей, направленныхъ въ защиту церкви противъ свѣтской власти, въ которыхъ вопросъ объ отношеніяхъ авторитетовъ ставится очень рѣзко къ выгодѣ духовенства. Неизвѣстный авторъ статьи «о свободѣ святыя церкви» указываетъ, что церковный пастырь долженъ молиться за господина своего временнаго, т. е. государя; «господинъ же пастыря своего съ вещьми церковными защищати долженъ есть». При этомъ государь долженъ находиться въ послушаніи пастырей и не уклоняться «на десно или на шую отъ заповѣдей пастыря своего». Пастырь же долженъ охранять права церкви отъ посягательствъ свѣтской власти «храбрѣ даже до своего кровопролитія» [2]).

Но особенно замѣчательно составленное въ 1505 г. русскимъ авторомъ «слово кратко противу тѣхъ, иже въ вещи священные подвижные и неподвижные соборные церкви вступаются и отъимати противу спасенія души своея дерзаютъ, заповѣди божіи и церковные презирающе и православныхъ царей и великихъ князей истиное съ клятвою законоположеніе разоряюще и заповѣди божіи пріобидяще». Пользуясь латинскими источниками, авторъ примѣнительно къ словамъ ап. Петра («се ножа здѣ два», Лук. XXII, 38) развиваетъ теорію двухъ мечей, вещественнаго и духовнаго. Оба меча находятся въ распоряженіи пастырей церкви. Вещественный мечъ, говоритъ авторъ, «достоитъ пастыремъ церковнымъ имѣти защищеніе церкви своея даже и до своего кровопролитія, аще токмо духовнымъ мечемъ ничтоже споспѣшествуютъ». Прежде всего они и должны прибѣгать къ помощи духовнаго меча до преданія анаѳемѣ включительно. Если же послѣ третьяго наказанія «непослушни не сотворятъ повелѣнія и сопротивни пребудутъ, не хотяще наказатися, ни вый своихъ гордыхъ пастыремъ подклонити», тогда помощью «плечій мирскихъ (brachium seculare) дѣйствовати могутъ мечемъ вещественнымъ на отвращеніе силы сопротивныхъ». Такую свою догму авторъ подкрѣпляетъ и теоріей отношенія авто-

---

[1]) Полностью докладъ собора 1503 г. напечатанъ *проф. Павловымъ*, Истор. очеркъ секуляр., стр. 42—48; ср. также *Карамзина*, VI, прим. 622, и *Калачова*, О кормчей, стр. 41—43. Въ Стоглавѣ эти нормы занимаютъ 13 главъ, отъ 53 по 65.

[2]) *В. Жмакинъ*, Митр. Даніилъ, стр. 94, прим. 2.

ритетовъ духовнаго и свѣтскаго. Обѣ власти изводятся отъ власти божественныя, «и сице толико мірская власть подъ духовною есть, елико отъ Бога духовное достоинство предположено есть». Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что духовная власть не должна уступать свѣтской при посягательствахъ послѣдней даже до пролитія крови, «понеже по апостольскому ученію паче подобаетъ повиноватися Богу, нежели человѣкомъ. Мірстіи бо властели человѣцы суть: тѣло отъяти могутъ, души-же ни»[1]). Столь открыто выраженная на русской почвѣ католическая доктрина о преимуществахъ духовной власти проникла и въ другія литературные памятники того времени. Въ Повѣсти о бѣломъ клобукѣ приводятся слѣдующія слова царя Константина папѣ Селивестру: «тѣмже сего ради постриженнаго знаменія верховнаго свѣтилника главы да не мнитъ кто се, яко пострижение худо быти и безчестно; паче земнаго царьства саномъ и славою и силою ея украшеніе подобаетъ, понеже всего честнѣйши же на земли»[2]). Также изображено отношеніе свѣтскаго авторитета къ духовному и по «вѣну Константинову». Здѣсь указывается, что такъ какъ ап. Петръ, «яко викарій (сирѣчь намѣстникъ), является уставленъ на земли Сыну Божію», то и царь Константинъ признаетъ за преемниками апостола преимущественное значеніе: «мѣсто преимущее... власть большая и превысочайшая, паче еже имать наша кротость и царство на земли всѣми видимо». Въ виду же того, что священнѣйшее сѣдалище преемника ап. Петра оказывается выше, «нежели нашего царства», то и надлежитъ его «земнаго престола преславнѣе превознести и воздати сему власть и славы достоинство». Далѣе отмѣчена одна любопытная черта: царь Константинъ говоритъ, что чести ради блаженнаго Петра «конюшего санъ ему себя дахомъ», и повелѣваетъ этотъ-же чинъ и обычай примѣнять и къ послѣдующимъ святителямъ «по подобію нашему царскому». Вслѣдъ за этимъ приводятся тѣ-же слова, какія занесены и въ Повѣсть о бѣломъ клобукѣ»[3]).

---

[1]) Оп. ркп. Синод. Библ., отд. II, ч. 3, № 320, стр. 615; *проф. Павловъ*, Истор. очеркъ секуляриз., стр. 61—62. Авторы описанія предполагаютъ, что слово написано или для кіевскаго митрополита Іосифа Салтана, или для новгородскаго архіепископа. Проф. Павловъ полагаетъ, что слово составлено въ Новгородѣ по порученію архіеп. Геннадія послѣ собора 1503 г., такъ какъ въ Новгородѣ были лица, знающія латинскій языкъ и латинскую богословскую науку.

[2]) Повѣсть, изд. Кожанчикова, стр. 21, прим. Въ другомъ мѣстѣ представшіе въ видѣніи патр. Филоѳею два мужа, предрекая о передачѣ царскаго вѣнца русскому царю, а бѣлаго клобука новгородскому архіепископу, замѣчаютъ о бѣломъ клобукѣ: «и кольми сиі честнѣе оного». Тамъ-же, стр. 38.

[3]) «Тѣмже ради сего постриженнаго знаменія верховнаго святительскіе главы, да не мнитъ кто сіе постриженіе худо быти и безчестно, но наипаче

Такого рода тенденція оказываетъ вліяніе даже на такихъ писателей, которые, казалось бы, всего менѣе могли ей подчиниться. Такъ митр. Макарій въ отвѣтѣ Грозному «о неподвижимыхъ вещехъ, данныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ», цѣликомъ приводитъ слова царя Константина изъ «вѣна Константинова» [1]). Этой-же теоріей, поставивъ ее еще болѣе рѣзко, воспользовался Максимъ Грекъ, защищая права константинопольскаго патріарха противъ установленной клятвы въ чинѣ поставленія не принимать митрополита изъ Константинополя. Максимъ, вопреки русской дѣйствительности, указываетъ что «святительство и царя мажетъ и вѣнчаетъ и утвержаетъ, а не царство святителехъ... Убо больши есть священство царства земскаго, кромѣ бо всякаго прекословія меньша отъ большаго благословляется» [2]). Въ сводныхъ кормчихъ самаго начала XVII в. уже прямо констатируется, что «священничество и самого царства честнѣйши и больши есть» [3]).

Созданная іосифлянами теорія теократическаго абсолютизма и признанное ими верховенство государя даже въ дѣлахъ церковнаго управленія не могли, казалось бы, быть примирены съ католической догмой о преимуществахъ священства передъ свѣтскою властью. Не можетъ подлежать, однако, сомнѣнію, что эта догма перенесена на Русь партіей іосифлянскаго духовенства въ защиту одного изъ самыхъ дорогихъ для этой партіи правъ церкви противъ посягательствъ московскаго правительства. Одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей іосифлянъ, митр. Макарій, открыто сослался на эту

земнаго царства саномъ и славою и честію и силою ему украшатися подобаетъ.» *Ф. Терновскій*, Изучен. визант. ист., вып. II, стр. 139—140 и 142—143.

[1]) «Браздѣ коня его своима рукама држащи ради чести блаженнаго Петра, конюшьскимъ саномъ дахомся ему. Повелѣваемъ того-же чина и обычая всѣмъ иже по немъ святителемъ творити въ поѣздѣхъ своихъ по подобію нашего царства. Тѣмже ради сего постриженнаго знаменія верховнаго святительскія главы, да не мнитъ кто се постриженіе худо быти и безчестно. Но паче земнаго царства саномъ и славою и силою украшати подобаетъ». Лѣт. русск. литер., изд. Тихонравова, т. V, смѣсь, стр. 130.

[2]) Сочиненія, ч. 3, стр. 155.

[3]) *Розенкампфъ*, Обозрѣніе кормчей, изд. 2, прил. VII, стр. 538: сводная кормчая, списанная Лаптевымъ съ списка 1615 г. Любопытно отношеніе царя Ивана Васильевича къ этой католической догмѣ. Онъ замѣтилъ Поссевину: «А что говоришь, что папа Григорій на престолѣ сидитъ на Петровѣ, и вамъ потому его такъ превозношать и чтити пригожъ; и ему подобаетъ смиренномудрствовати и послѣдовати Петру во всемъ по Христовѣ заповѣди, а не потому какъ ты говоришь. А что намъ говоришь и величаешь папу а намъ честь приносишь, что вел. князю Владиміру Мономаху, такъ и намъ благочестивымъ царемъ честь надобно приносити: ино такъ и есть въ мирскомъ животѣ, въ нашей царской державѣ и всѣхъ великихъ государей братьи нашей, насъ пригоже почитати по царскому величеству; а святителемъ всѣмъ апостольскимъ ученикамъ должное смиреніе показывати, а не возноситись и превыше царей гордостью не обноситись » Пам. дипл. снош., X, стр. 305.

догму, признавая какъ-бы ея практическую обязательность для государя всея Руси. Какъ-же примирялись эти двѣ повидимому совершенно противоположныя теоріи? [1])

Исходная точка политической доктрины іосифлянъ даетъ ключъ къ раскрытію этой политической загадки. Іосифъ волоцкій начинаетъ свою политическую проповѣдь прибавкой къ установленной догмѣ о почитаніи властей революціоннаго тезиса, на основаніи котораго каждому предоставлялось не признавать установленную власть, если она не выдерживала критики съ общенравственной и религіозной точекъ зрѣнія. Церковно-политическая дѣятельность великаго князя Ивана Васильевича побудила Іосифа дать заранѣе оправданіе дѣйствіямъ оппозиціонной партіи противъ всѣхъ мѣропріятій враждебнаго правительства. Та же неподатливость мірскихъ властей подклонить пастырямъ свои гордыя выи вызвала появленіе на русской почвѣ теоріи двухъ мечей. Когда же, съ перемѣною обстоятельствъ, измѣнились отношенія іосифлянской партіи къ правительству, и послѣднее выполнило требованія іосифлянъ какъ относительно церковныхъ имуществъ, такъ и казни еретиковъ, тогда только и возникаетъ во всей полнотѣ теорія теократическаго абсолютизма. Она возникла послѣ оказанныхъ правительствомъ услугъ и подъ условіемъ исполненія имъ требованій воинствующей партіи поборниковъ правовѣрія. Но у Іосифа, его сторонниковъ и учениковъ въ случаѣ нужды всегда оставалась въ рукахъ серьезная сдержка къ провозглашенной ими политической доктринѣ. Уже послѣ собора 1504 г., защищая противъ нападокъ заволжскихъ старцевъ принятыя этимъ соборомъ мѣры, Іосифъ старается поставить авторитетъ священства выше авторитета государственной власти, не будучи увѣренъ въ ея стойкости. [2]) Безъ всякаго видимаго повода митр. Даніилъ въ своемъ словѣ о повиновеніи властямъ опять отмѣчаетъ эту сдержку. Онъ повторяетъ доктрину Іосифа о неповиновеніи нечестивымъ царямъ и учитъ, что подобаетъ покоряться властямъ лишь «Божіе повелѣніе творящимъ»; что повиноваться властямъ, какъ Богу, обязательно для людей лишь тогда, «аще по закону Божію начальство имъ есть»; если-же власти что либо «внѣ воли Господни

[1]) Недостаточно, конечно, указать, напр. объ Іосифѣ волоцкомъ, что онъ «теоретически власть церкви ставилъ выше власти государя, въ дѣйствительности-же церкви онъ отводитъ второстепенное соподчиненное положеніе» *В. Жмакинъ*, Митр. Даніилъ, стр. 91.

[2]) Іосифъ убѣждаетъ старцевъ повиноваться соборной церкви и при этомъ ссылается на 20-е слово посланій Никона Черногорца, гдѣ сказано: «къ царю же и ко архіерею убо повиновеніе тѣлесное и урокъ дани и прочая подобающая; душевное же ни. Архіерею же и душевное, купно и тѣлесное, яко преемникомъ апостольскимъ сущимъ». Сборн. Публ. Библ. F I, № 229, л. 344 об.; ср. Никона Черногорца по Почаевскому изд., слово 17, л. 134 об.

повелѣваютъ намъ, да не послушаемъ ихъ». [1]) Митр. Макарій уже ссылается на католическую доктрину Константинова вѣна при первой грозящей опасности для неприкосновенности правъ церкви [2]).

Такимъ образомъ высокія права и преимущества государственной власти признавались іосифлянами только подъ условіемъ и до тѣхъ поръ, пока правительственная политика не расходилась съ ихъ задушевными стремленіями или, вѣрнѣе, пока имъ удавалось сохранить за собой исключительное вліяніе на направленіе государственной и общественной жизни. Отсюда понятно, какъ важно было для этой партіи обезпечить за собой руководящую роль въ государственной политикѣ. Старанія ея очень рано направлены были въ эту сторону. Во всѣхъ обращенныхъ къ представителю власти посланіяхъ видные представители духовенства проводятъ мысль, что государи должны ихъ слушать, а они должны ихъ наставлять. Такъ еще ростовскій епископъ Вассіанъ свое знаменитое посланіе великому князю на Угру открываетъ слѣдующими словами: «Молю убо величество твое, да не прогнѣваешися на мое смиреніе, еже первіе дерзнувшу ми усты ко устомъ глаголати твоему величеству твоего ради спасенія: наше убо, государю великій, еже воспоминати вамъ, ваше же еже послушати» [3]). Архіепископъ Геннадій высказываетъ подобный же взглядъ волоцкому князю Борису Васильевичу: «Насъ же поставилъ (Христосъ) пастыріе и учители не только меншимъ предъвъзвѣстити, ино и вамъ самимъ, государемъ великымъ, молити и запретити, чтобы не токмо царство земное держали, но съ земнымъ симъ и привременнымъ царствомъ вѣчное небесное получили». [4]) Онъ же въ грамотѣ митр. Зосимѣ, стремясь искоренить ересь и свести «соромоту» съ земли, убѣждаетъ его, чтобы онъ «великому государю о томъ пристойно говорилъ, не токмо спасенія ради его, но

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ того-же слова повторяется та-же мысль: такъ какъ князи и владыки имѣютъ власть только надъ тѣломъ, а не надъ душею, поэтому, если они «на убійство или на нѣкая безмѣстная и душевредная дѣла повелѣваютъ намъ, не подобаетъ повиноватися имъ, аще и тѣло до смерти мучатъ». Сборн. Публ. Библ., F I, № 522, л. 234 об., 238 (первый) об. и 240. Конечно, мысль о превосходствѣ духовнаго сана надъ мірскимъ внушила митр. Даніилу знаменательныя слова, сказанныя имъ передъ постриженіемъ въ схиму великаго князя Василья князю Андрею Ивановичу, который возражалъ противъ постриги: «не буди на тобѣ наше благословеніе ни въ си вѣкъ, ни въ будущи; занеже сосудъ сребрянъ добро, а позлащенъ того лутши». П. С. Л., VI, 274.

[2]) У него въ поученіяхъ также проскальзываетъ мысль о покореніи лишь благочестивымъ властямъ: въ посланіи къ царю 1552 г. митр. Макарій говоритъ: «Аще царево сердце въ руцѣ Божіи, то всѣмъ подобаетъ по волѣ Божіи и по царьскому велѣнью ходити и повиноватися съ страхомъ и трепетомъ». А. И., т. I, стр. 292.

[3]) П. С. Л., VI, 225; VIII, 207 и слѣд.; Степ. кн., II, 140 и слѣд.

[4]) Р. И. Б., VI, стр. 756.

и чести для государя великаго князя: занеже некому иному того разговорити государю, а лежитъ то на тебѣ... и на насъ»[1]. Іосифъ волоцкій въ посланіи къ андрониковскому архимандриту Митрофану, государеву духовнику, указавъ мѣры къ искорененію ереси, замѣчаетъ: «и тебѣ о томъ государю великому князю пригоже да и должно помпнати и въ томъ дѣлѣ государя поберечи, чтобы на него Божій гнѣвъ не пришелъ за то, да и на всю нашу землю»[2]. Въ грамотѣ великому князю Василью Ивановичу онъ также замѣчаетъ: «намъ же лѣпо царскому твоему остроумію и богопреданпей мудрости вспоминати ти, яко государю и яко владыцѣ»[3]. Тѣ-же самыя указанія объ обязанностяхъ представителей духовенства направлять своими совѣтами дѣятельность правительста встрѣчаются и въ посланіяхъ архіепископовъ новгородскихъ Макарія и Ѳеодосія»[4].

Подобнаго рода указанія, въ какой бы формѣ они ни дѣлались, вовсе не были одной только деликатной формальностью, оправдывающей непосредственное обращеніе къ государю. Даже самыя уничижительныя изъ нихъ скрывали за собой требованіе исполнить предлагаемый совѣтъ. Указавъ на необходимость казни еретиковъ, Іосифъ подкрѣпляетъ свое предложеніе ссылкой на преподобныхъ и богоносныхъ отцовъ, которые молили царей и князей объ истребленіи еретиковъ: «И сія убо слышаще, замѣчаетъ Іосифъ, благочестивіи царіе и св. отецъ моленію и наказанію повинующеся, еретики и отступники повелѣваху проклинати»[5]. Такого-же повиновенія своимъ наказаніямъ добивался и Іосифъ. Неизвѣстный ростовскій архіепископъ пишетъ къ князю по поводу брадобритія, убѣждая его отбросить латинское любомудріе, и при этомъ объяснятъ: «должно ми есть пещися о спасеньи душъ вашихъ и сія вся вспомянухъ писаніемъ». Авторъ даетъ такой совѣтъ: «ты-же, сыну, никакоже въ забвеніе положи, ни преслушайся мене, на ползу ти совѣтующа: понеже преслушаніе ра-

---

[1]) Р. И. Б., VI, стр. 775—776.
[2]) Чтен. Общ. Ист. 1847, № 1, смѣсь.
[3]) Сборн. Публ. Библ., Q. XVII, № 64, л. 203.
[4]) Д. къ А. И., т. I, №№ 25 и 41. Митр. Макарій дословно повторяетъ вышеприведенныя слова Іосифа, а архіеп. Ѳеодосій, повторяя слова Іосифа же изъ посланія его къ суздальскому епископу Нифонту, пишетъ царю Ивану Васильевичу о принятіи мѣръ къ прекращенію безчинства въ Новгодѣ: «О сихъ тебѣ пишу, не яко уча и наказуя твое остроуміе и благородную премудрость, не бо лѣпо намъ забыти своея мѣры и на таковая дерзати, но яко ученикъ учителю, яко рабъ государю вспоминаю тебѣ». Ср. Р. И. Б., VI, стр. 824.
[5]) Просвѣтитель, стр. 542.

жаетъ смерть, а послушаніе ражаетъ животъ вѣчный». Но онъ не ограничивается и этимъ наивнооткровеннымъ совѣтомъ и предупреждаетъ, что если князь не будетъ объ этомъ радѣть, то «мы того не имамъ премолчати, но имамъ ти инако отписати, яко же есмя пріали отъ Господа Вседръжителя даръ и крѣпость» [1]). Вассіанъ Рыло, съ такимъ смиреніемъ оправдывавшійся за составленіе посланія Ивану III, когда великій князь не исполнилъ преподанныхъ ему совѣтовъ «на крѣпость и утвержденіе его державѣ», счелъ своимъ долгомъ «злѣ глаголати» великому князю, называя его «бѣгуномъ».

Итакъ, каждый энергическій представитель духовенства изъ партіи іосифлянъ имѣлъ въ своихъ рукахъ очень сильныя средства для противодѣйствія власти, если только она уклонялась отъ его руководства. Доктрина теократическаго абсолютизма имѣла, такимъ образомъ, лишь условное значеніе, пока представитель власти слѣдовалъ совѣтамъ и указаніямъ ея авторовъ. Въ XVI вѣкѣ, начиная съ Василія III, общее направленіе государственной политики вполнѣ отвѣчало іосифлянскимъ идеаламъ; этимъ самымъ были устранены возможныя столкновенія между представителями духовнаго и свѣтскаго авторитетовъ.

---

[1]) Р. И. Б., VI, № 126. Издатель усвояетъ предположительно эту грамоту Вассіану Рыло.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Политическіе взгляды московскаго правительства.

Когда московское княжество возвысилось среди другихъ русскихъ княженій, великіе князья московскіе стремились обезпечить за собой это положеніе путемъ примысловъ. Примыслы были главнѣйшею политической цѣлью московскихъ правителей. Великій князь Василій Дмитріевичъ прекрасно формулировалъ свои стремленія, указавъ митр. Кипріану: «вы поставлены къ миру и любве учити, мнѣ же имѣніе собирати и возноситися» [1]). Это стремленіе прекрасно понимали и поборники московской централизаціи. Составитель житія Мартиніана Бѣлозерскаго по поводу назначенія Василію Темному въ удѣлъ города Вологды замѣчаетъ: «како се сотвори такову великому господину и самодержцу русскія великія земли, иже единемъ градомъ упокоитися и управити, иже прежде недовольну сущу бывшу всея русскія земли областію» [2])

Такое недовольство предѣлами своей области открыто заявляетъ московская дипломатія, начиная съ Ивана III. На требованіе литовскихъ пословъ возвратить захваченные города и волости отъ имени великаго князя данъ былъ такой отвѣтъ литовскому князю: «и намъ чего дѣля тѣхъ городовъ и волостей, своей отчины, которые намъ Богъ далъ, ему отступатись? Ано не то одно наша вотчина, кои городы и волости нынѣ за нами: и вся русская земля, Кіевъ и Смоленскъ и иные городы, которые онъ за собою держитъ къ литовской землѣ, съ Божіею волею изъ старины, отъ нашихъ прародителей, наша отчина». «Своей отчины всеѣ русскіе земли о чемъ намъ не хотѣти?» заявляло съ откровенною наивно-

---

[1]) *Татищевъ*, IV, 404.
[2]) Лѣт. зан. Арх. Комм., вып. 1, матер., стр. 3.

стью московское правительство [1]). Тѣ же мысли повторяетъ и правительство Василія III. Въ отвѣтѣ цесарскому послу Герберштейну оно указываетъ, что цесарь Максимиліянъ самъ предлагалъ «на Жигимонта короля быти съ нимъ заодинъ и доставати намъ своей вотчины: Кіева, Полтеска, Витебска и иныхъ городовъ русскіе земли». Совершенно естественно, что оно отказалось возвратить захваченный Смоленскъ и заключило свой отказъ ясно выраженной формулой своихъ стремленій: «а и впередъ просимъ того завсе у Бога, чтобы наша отчина, которая отъ прародителей нашихъ наша, за нами была, и имя бы наше высилося, а не низилось, и государства наши ширились, а не умалялись» [2]).

И великій князь Василій Дмитріевичъ стремится «возноситься» и государь и великій князь Василій Ивановичъ хлопочетъ о повышеньи имени. Цѣли ихъ повидимому тождественны. Но тождество цѣлей не идетъ далѣе общихъ стремленій о промыслахъ. Понятія о чести, о высотѣ великокняжескаго имени или достоинства далеко разошлись. Въ воззрѣніяхъ представителей власти на высоту своего сана замѣчаются значительные успѣхи со временъ Василія Дмитріевича. Цѣлый рядъ событій содѣйствовалъ этому. Флорентійская унія, паденіе Царьграда, женитьба Ивана III на византійской царевнѣ и сверженіе татарскаго ига, какъ указано выше, вызвали серьезный переворотъ въ умахъ современниковъ на цѣли и задачи единаго православнаго государства въ русской землѣ. Вмѣстѣ съ этимъ измѣнялось и воззрѣніе на представителя власти. Ивана III уже почти постоянно титулуютъ, особенно писатели изъ среды духовенства, царемъ и самодержцемъ [3]). Самъ Иванъ III титуловалъ себя въ сношеніяхъ съ мелкими государствами: «Божіею милостію царь всея Руси» или «государь великій царь всея Руси» [4]); въ сношеніяхъ съ Крымомъ и Турціей: «Божіею милостію единъ правый государь всея Руси» [5]), а въ сношеніяхъ съ Литвой съ 1493 г.—«Божіею милостію государь всея Руси» [6]).

---

[1]) А. З. Р., I, № 192, стр. 273; Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 460 и 389.

[2]) Пам. дипл. снош., I, стр. 270 и 287; Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 512 и 530.

[3]) См. посланія: еп. Вассіана Рыло къ Ивану III, П. С. Л., VI, 225 и слѣд.; митр. Зосимы, Р. И. Б., VI, стр. 786; рѣчь митр. Симона при его поставленіи, П. С. Л., VI, 39. Даже псковичи «доброволніи людіе» называютъ его «государемъ великимъ княземъ русскимъ царемъ», П. С. Л., VI, 208; VIII, 186.

[4]) 1) Съ Ревелемъ: *Востоковъ*, Оп. Рум. муз., стр. 60; Пам. дипл. снош., I, 21, 59. 2) Съ Любекомъ: Пам. дипл. снош., I, 20 и 46. 3) Съ магистрами ливонскимъ и прусскимъ: Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, 97 и 99.

[5]) Сборн. Р. И. Общ. т. XLI, стр. 161, 162, 184, 399 и 429.

[6]) Тамъ же, т. XXXV, 80 и 82.

Въ Литвѣ не хотѣли признавать этого титула и жаловались, что московскій государь написалъ «себѣ имя свое высоко, не по старинѣ, не подлугъ того, какъ издавна обычай бывалъ». Но въ Москвѣ никакой новизны въ такомъ титулѣ не находили и объясняли, что государь написалъ то, «чѣмъ его Богъ подаровалъ отъ дѣдъ и отъ прадѣдъ отъ начала правой есть уроженой государь всея Руси» [1]). Иванъ Васильевичъ первый изъ московскихъ князей оффиціально принялъ и званіе «самодержца» [2]). Несомнѣнно, что въ видахъ повышенья своей чести Иванъ III предпринялъ въ 1498 вѣнчаніе шапкой и бармами внука своего Дмитрія. Но смутныя событія въ великокняжеской семьѣ уничтожили политическія слѣдствія этой мѣры; сына же своего Василія Иванъ III призналъ великимъ княземъ безъ указанной церемоніи.

Но честь имени Василія III возвышалась уже тѣмъ, что онъ былъ сыномъ византійской царевны и, значитъ, по крови былъ связанъ съ византійскими императорами, что не осталось неотмѣченнымъ современниками [3]). Правительство Василія III не упускало ни одного повода къ возвышенью имени государя всея Руси. О немъ замѣчено, что онъ составилъ себѣ и особую «титлу великія державы и тако въ посольскихъ грамотахъ и въ лѣтописныхъ

---

[1]) А. З. Р., I, № 110; Сборн. Р. И. Общ., XXXV, 105 и 107. По перемирію 1494 этотъ титулъ хотя и былъ признанъ Литвой, но не надолго; по поводу различныхъ неудовольствій титулъ не прописывался сполна. Въ 1500 литовскій князь писалъ крымскому хану про Ивана III: «можешь и самъ по немъ вѣдати, каковоѣ онъ высокоѣ мысли есть». А. З. Р., т. I, № 183; Сборн. Р. И. Общ. XLI, стр. 331. А въ 1503 г. литовскимъ посламъ поручено объявить, что королевскому маестату «не быти обовязану къ писанью князю московскому паномъ всея Руси», такъ какъ неудобно, послѣ избранія литовскаго князя на королевскій престолъ,» коли въ королевствѣ и подъ королевствомъ есть большая часть Руси», писать московскаго князя государемъ всея Руси. Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, 129; Сборникъ Муханова № 41; А. З. Р., I, № 200.

[2]) Въ 1496 г. по чину поставленія митр. Симона. послѣдній обратился къ вел. князю съ словами: «всемогущая десница Вышняго да сохранитъ Богъ поставленное твое царство, самодержавный государю и владыко!» Далѣе митрополитъ назвалъ государя «владыко самодержецъ», П. С. Л., VI, 39—40; VIII, 230; Никон. лѣт., VI, 144. Въ 1498 г. по чину вѣнчанія внука Димитрія митрополитъ титуловалъ Ивана III «преславнымъ царемъ самодержцемъ». См. *Проф. Ключевскаго,* Боярская дума, изд. 2, стр. 258 и слѣд.

[3]) Въ словѣ на память преподобнаго Зосимы про Василія III сказано: «иже царствія тезоименитаго, иже и роженіе отъ княжескія и царскія крови смѣшеніе имѣвшаго», Прав. Соб. 1859, № 7; Приб. къ Твор. св. отц. 1859 г., ч. XVIII. Авторъ похвальнаго слова Василію III говоритъ: «отъ сего славнаго Ивана (т. е. Ивана III) родися нашъ государь сей славный... князь великій Василій Ивановичъ, русскій бѣлый царь самодержецъ всея Руси; такоже и матери богомудрыя именуемыя Софія, рымляныни сущи. И сія бобѣ такоже отъ корени царска», Сборн. изъ библ. Толст., отд. I № 33, л. 2. Василія III даже прямо называли сродникомъ царегородскихъ царей, внукомъ Ѳомы Амморейскаго. Пренiе митр. Данила съ Максим. Грекомъ, стр. 5.

исторьяхъ писати себѣ повелѣ, имъ же званьемъ въ русской земли даже и отъ великаго князя Рюрика никто отъ рода ихъ таковымъ самодержательствомъ не писашеся и не нарицашеся, яко же сице сей: Божіею милостію царь и великій князь» и проч.[1]). Хотя этотъ титулъ употреблялся уже и Иваномъ III, но Василій III гораздо чаще пользовался имъ во внѣшнихъ сношеніяхъ. Ему даже удалось добиться признанія за нимъ титула— «цесаря и обладателя всея Руси» по мирному договору съ императоромъ Максимиліяномъ въ 1514 г.[2]). Только въ сношеніяхъ съ Литвой и Польшей не употреблялся этотъ титулъ. Титулъ царя Василій III употреблялъ иногда даже въ обыкновенныхъ правительственныхъ грамотахъ[3]). Но торжественно провозгласить себя царемъ онъ не рѣшился, быть можетъ, въ виду неимѣнія прямыхъ наслѣдниковъ отъ перваго брака. Можно, однако, догадываться, что о принятіи царскаго титула немало толковали въ Москвѣ и при Василіи III. Этимъ только, кажется, и можно объяснить упорные слухи, какіе распространяли побывавшіе въ Москвѣ иностранцы, о намѣреніяхъ Василія выхлопотать себѣ королевскій титулъ у папы.

При Иванѣ Грозномъ національно-политическія теоріи о русскомъ царствѣ завершились торжественнымъ вѣнчаніемъ на царство государя и великаго князя всея Руси. Молодой государь съ юныхъ лѣтъ имѣлъ возможность ознакомиться съ сочиненіями современной русской публицистики и многое изъ нихъ, несомнѣнно, твердо усвоилъ. Благодаря развившейся у него страсти къ литературнымъ занятіямъ[4]), Иванъ Грозный нерѣдко касался основныхъ политическихъ вопросовъ того времени и въ собственныхъ своихъ сочиненіяхъ; по нимъ можно судить, что позаимствовалъ публицистъ-государь отъ своихъ предшественниковъ въ сферѣ политической мысли.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный былъ прежде всего, какъ и громадное большинство его современниковъ, горячій поборникъ идеи о богоустановленности власти и о покореніи властямъ. Защи-

---

[1]) *А. Поповъ*, Изборникъ изъ хронографовъ, стран. 181—182.

[2]) Пам. дипл. снош., I, стр. 1503—1508; С. Г. и Д., V, № 66; *Пекарскій*, Наука и литер., II, 429—430. Аутентичность этой грамоты не отрицало императорское правительство, но только ссылалось на то, что цесарскій посолъ Юрій Сницпамеръ заключилъ договоръ «не по государя нашего велѣнью, о томъ съ нимъ къ великому государю приказъ не бывалъ». Пам. диплом. сн., I, 270. На эту грамоту ссылались при Иванѣ IV, Сб. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 474.

[3]) Въ грамотѣ Псковскому Петропавловскому монастырю 1510 г. февр. 16. *Востоковъ*, Опис. Румянц. музея, стр. 87.

[4]) Современники характеризовали Ивана IV между прочимъ такъ: «бысть же и въ словесной премудрости риторъ естествословенъ, и смышленіемъ быстроуменъ»... *А. Ѳ. Бычковъ*, Оп. ркп. Публ. Библ., I, стр. 51 и слѣд.

щаясь отъ нападокъ Курбскаго, онъ ссылался на общеизвѣстное ученіе объ этомъ ап. Павла [1]), иногда своеобразно комментируя апостольскія слова. Такъ, указавъ на то, что противляющійся власти противится Богу, Грозный отсюда выводилъ, что если кто противится Богу, «сій отступникъ именуется, еже убо горчайшее согрѣшеніе». При этомъ онъ отмѣтилъ, что апостольское ученіе примѣняется ко всякой власти, хотя-бы пріобрѣтенной кровопролитіемъ; но съ своей стороны, вопреки словамъ апостола, добавилъ: «тѣмъ-же наипаче, противляяся власти, пріобрѣтенной не восхищеніемъ, Богу противится», установляя такимъ образомъ различіе въ почитаніи властей законныхъ и незаконныхъ. Далѣе изъ словъ апостола о карающемъ и милующемъ мечѣ Грозный сдѣлалъ выводъ, что цари, непримѣняющіе этого правила, не суть цари [2]). Въ одномъ только пунктѣ онъ ограничилъ все ученіе о покореніи властямъ: согласно всему божественному писанію рабы не должны противиться господамъ ни въ чемъ, кромѣ вѣры [3]). Согласно ученію публицистовъ объ обязанностяхъ царя по охранѣ правовѣрія Грозный не разъ открыто заявлялъ, что эту обязанность онъ считаетъ самой существенной. Такъ, задумавъ построить въ 1551 г. Свіяжскъ для защиты отъ невѣрныхъ казанцевъ, онъ говорилъ: «Всемилостивый Боже.... устроилъ мя земли сей провославной царя и пастыря, вожа и правителя еже правити людіе Его въ православіи непоколебимомъ быти» [4])... Въ томъ-же смыслѣ онъ писалъ и Курбскому: «Тщуся со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ Бога истиннаго и отъ Бога даннаго имъ государя» [5]). Совершенно почти дословно онъ повторялъ и извѣстное мнѣніе іосифлянъ о высотѣ царскаго достоинства; такъ

---

[1]) Посл. къ Римл., XIII, 1—5; къ Ефесянамъ VI, 5—7.

[2]) «Царемъ подобаетъ обозрительнымъ быти, овогда кротчайшимъ, овогда же ярымъ; ко благимъ убо милость и кротость, къ злымъ же ярость и мученіе. Аще-ли сего не имѣя, нѣсть царь». Сказанія князя Курбскаго, изд. 2, стр. 159—160 и 167—169.

[3]) «Вся божественная писанія исповѣдуютъ, яко не повелѣваютъ чадомъ отцемъ противится и рабомъ господемъ, кромѣ вѣры». Тамъ-же, стр. 160. Эта оговорка, какъ указано, встрѣчается и въ сочиненіяхъ Іосифа волоцкаго и митр. Даніила.

[4]) Никон. Лѣт., VII, 73; Царств. кн., 161—162.

[5]) Сказанія кн. Курбскаго, стр. 194. Въ 1562 г. Грозный пишетъ въ Троицкій монастырь: «да презритъ (Богъ) наша великая беззаконія и подастъ намъ разумъ и разсужденіе и мудрость, якоже годѣ Его святой воли, правити и строити Богомъ преданное ми стадо, Христовыхъ словесныхъ овецъ всего православнаго христіанства», А. А. Э., I, № 260. Въ 1565 г. въ грамотѣ Сигизмунду-Августу говорится: «Мы... какъ есть государи правые христіанскіе, истинною вѣрою сіяя, завсе порученную на паству отъ Божія помощи строимъ и осмотрѣніемъ своимъ оберегаемъ отъ всякія невзгоды... и къ покою христіанскому и къ пожитью приводимъ». Лит. Метр., I, стр. 252.

въ письмѣ къ Баторію онъ ссылался на извѣстныя слова пророка: «слышите убо цари и разумѣйте, яко дана бысть вамъ держава отъ Господа и сила отъ Вышняго» и проч.[1]). Соотвѣтственно этому Грозный воспринялъ и ученіе о великой отвѣтственности представителя власти передъ судомъ Божества какъ за собственныя прегрѣшенія, такъ и за грѣхи своихъ подданныхъ. «Азъ убо вѣрую, пишетъ онъ, яко о всѣхъ согрѣшеніяхъ вольныхъ и невольныхъ судъ пріяти ми, яко рабу, и не токмо о своихъ, но и о подвластныхъ мнѣ дати отвѣтъ, аще моимъ несмотрѣніемъ погрѣшатъ»[2]). Вспоминая, конечно, іосифлянскую догму, по которой, за грѣхъ государя Богъ казнитъ всю землю, Иванъ Васильевичъ молился, чтобы Господь «не помянулъ юностныхъ его согрѣшеній и не связалъ бы его грѣхомъ толика множества народу»[3]). Не даромъ же благовѣрный царь Иванъ Васильевичъ зѣло похвалялъ «Просвѣтителя» Іосифа волоцкаго[4]).

Такимъ образомъ мнѣнія Грознаго о царскомъ достоинствѣ, о правахъ и обязаняостяхъ государя слагались уже по готовымъ образцамъ, и ему не пришлось прибавить ничего новаго къ готовымъ теоріямъ[5]). Онъ только примѣнилъ ихъ въ полномъ объемѣ на практикѣ и принужденъ былъ защищать эту практику противъ литературныхъ нападокъ оппозиціи. Именно потому, быть можетъ, теорія самодержавнаго царства у Грознаго вышла гораздо болѣе конкретной, но въ то-же время и болѣе узкой. Исходя изъ готовой теоретической посылки, что «земля правится Божіимъ милосердіемъ, пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ молитвами, родителей нашихъ благословеніемъ, послѣди нами, государями своими», Грозный съ негодованіемъ отвергъ всякое значеніе избранной рады, такъ какъ, по его мнѣнію, «россійское самодержавство изначала сами владѣютъ своими царствы», а государь не можетъ назваться самодержцемъ, если «не самъ строитъ». Это самодержательство въ пылу полемики и династическихъ споровъ у Грознаго сводится къ тому, что государь повелѣваетъ «хотѣніе свое творити отъ Бога повиннымъ рабомъ», которые по Божію повелѣнію

---

1) Лит. Метр., II, стр. 78.
2) Сказанія кн. Курбскаго, 209.
3) Никон. Лѣт. VII, 119.
4) *Карамзинъ,* VIII, прим. 394.
5) Противоположное мнѣніе защищалъ *Соловьевъ* VI, изд. 4, стр. 40; «Иванъ IV былъ первымъ царемъ не потому только, что первый принялъ царскій титулъ, но потому, что первый созналъ вполнѣ все значеніе царской власти, первый составилъ себѣ ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиливали свою власть только практически». Свою теорію Грозный создалъ, по мнѣнію Соловьева, частію изъ практическихъ наблюденій, частію изъ чтенія исторіи, лѣтописей и св. отцовъ. Создавать то, что могло быть и было почерпнуто изъ чтенія, не предстояло надобности.

не должны отметаться своего работнаго ига и владычества своего государя. Исполненіе его хотѣнія есть первая обязанность подданнаго и составляетъ то, что Грозный называетъ доброхотствомъ. Этимъ устанавливается мѣрило отношеній государя къ подданнымъ. «Доброхотныхъ своихъ, пишетъ Грозный, жалуемъ великимъ всякимъ жалованьемъ, а иже обрящутся въ супротивныхъ, то по своей винѣ и казнь пріемлютъ» [1]. Государю принадлежитъ неограниченное право казнить и жаловать своихъ слугъ по усмотрѣнію, такъ какъ они Богомъ поручены ему въ работу [2], и никому, кромѣ Бога, государи не даютъ въ этомъ отчета [3].

Дальше этихъ положеній не шли представленія Грознаго о своей власти: но ни одно изъ этихъ положеній не создано имъ. Правда онъ пытается еще освятить теорію неограниченной власти ссылками на изначальную старину. Но и въ этомъ онъ стоитъ на той-же ложной исторической почвѣ, какъ и предшествующіе и современные ему публицисты, ведущіе россійское самодержательство отъ Владиміра Святого и Владиміра Мономаха [4].

Но проникнутый этими воззрѣніями до крайняго самообоготворенія, онъ съ пыломъ своей страстной натуры стремился сообразно съ ними нормировать внѣшнія и внутреннія государственныя отношенія. Въ лицѣ его новыя государственныя теоріи нашли самого выпуклаго выразителя, а время его царствованія выдѣляется замѣтными чертами въ исторіи политическихъ отношеній древней Руси.

Торжественное вѣнчаніе Грознаго на царство въ значительной степени удовлетворило гордое національное чувство горячихъ патріотовъ такимъ повышеніемъ чести русскаго государя. Но ихъ стремленія на этомъ остановиться не могли. Единый во всей поднебесной православный царь долженъ былъ получить признаніе за

---

[1]) Сказанія, стр. 179, 162, 172, 209—210 и 180.

[2]) Тамъ-же, стр. 179: «А жаловати своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмя». Еще см. стр. 192; ср. Александро-Невск. лѣт. въ Р. И. Б., III, стр. 192: «всякому своего вольно казнити и жаловати».

[3]) Тамъ-же, стр. 169: «Кто убо постави судію и властеля надъ нами?» Стр. 195: «доселѣ русскіе владѣтели не истязуемы быша ни отъ кого-же, но повольны были подвластныхъ своихъ жаловати и казнити». Въ извѣстныхъ боярскихъ отвѣтахъ на письма Сигизмунда-Августа та-же мысль выражена такъ: «царское самодержество... отъ всемогущія Божія десницы на своихъ государствахъ самодержствуютъ... и *никто же инъ имъ чѣмъ не можетъ указа учинити*, и вольны добрыхъ жаловати, а лихихъ казнити» Вивліоѳ XV, стр. 47.

[4]) Сказанія, стр. 157: «Русское самодержавство Божіимъ изволеніемъ почивъ отъ великаго князя Владиміра Св. и Владиміра Мономаха, высокодостойнѣйшую честь отъ грекъ воспріимшаго... и дойде до насъ смиренныхъ скипетродержанія русскаго царствія.... Божіимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ, якоже родихомся во царствіи, тако и возрастохомъ и воцарихомся... свое взяхомъ, а не чужое восхитихомъ».

нимъ такого достоинства во всѣхъ странахъ. Отсюда получаютъ объясненіе всѣ настойчивыя попытки московскаго правительства добиться признанія за государемъ всея Руси права на царскій титулъ. При Грозномъ достиженіе указанной цѣли было руководящимъ принципомъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Особенно важно было настоять на признаніи за московскимъ государемъ новаго титула у польско-литовскаго правительства, такъ какъ въ предѣлахъ этого государства находилась еще значительная часть изначальной прародительской отчины московскихъ государей, населенная почти исключительно жителями православнаго исповѣданія.

Разборъ съ этой стороны дипломатическихъ сношеній Москвы съ Литвой и Польшей укажетъ какъ ту энергію, съ какой дебатировался ими вопросъ о титулѣ, такъ и степень политической зрѣлости обѣихъ сторонъ

Въ первый разъ при Грозномъ столкновеніе изъ-за титула произошло при заключеніи перемирія въ 1549 г., когда польско-литовскіе послы отказались включить въ королевскую перемирную грамоту новый титулъ московскаго государя. Посольскіе дьяки, очевидно по наказу думы, говорили писарю Глѣбу,—который, ссылаясь на перемирную грамоту 1542 г., отказался писать «царемъ» имя великаго государя,—что «государь нашъ въ то время на свои государства царемъ не вѣнчался, и потому тогды въ той грамотѣ царемъ не писанъ; а нынѣ, съ Божіею волею, государь нашъ царемъ вѣнчался по прежнимъ обычаямъ, какъ былъ на государствахъ русскихъ царемъ и великимъ княземъ прародитель его Владимеръ Мономахъ Всеволодовичъ, и то имя государь нашъ не чюжее взялъ, отъ своего прародителя». Послы, одноко, одобрили образъ дѣйствій своего писаря и объяснили, что у нихъ въ наказѣ ничего не сказано о новомъ титулѣ, такъ какъ государь московскій не обослался съ ихъ государемъ «что царемъ ся учинилъ». По этому поводу состоялось засѣданіе думы, на которомъ сначала рѣшено было попугать пословъ отпускомъ и тѣмъ вынудить у нихъ «послѣднее слово». Но что было дѣлать, если послы заупрямятся на своемъ: уступить имъ или нѣтъ? Царь много говорилъ съ боярами о томъ, «пригоже ли его имя несполна писати» и только послѣ совѣта бояръ, что «нынѣ для недруговъ крымскаго и казанскаго пригоже не сполна писати», состоялся приговоръ о написаніи королевской перемирной грамоты по старинѣ. Любопытны мотивы этого приговора. Рѣшено было уступить потому, что если съ королемъ «за то слово» не заключать перемирья, то стоять противъ трехъ недруговъ вдругъ будетъ истомно, «и которые крови христіанскіе прольются за одно имя, ино отъ Бога огрѣсѣ сумнитель-

но». Оказалось, что послы твердо стояли на своемъ и не испугались отпуска. Тогда бояре царю и великому князю «приговаривали и били челомъ», чтобы онъ въ своей грамотѣ написалъ свое имя сполна, а королевскую грамоту призрѣлилъ написать по старинѣ, такъ какъ у короля будетъ государева грамота, и если ее и недругъ посмотритъ, то увидитъ, что имя государя написано сполна, какъ нужно; королевская-же грамота будетъ у государя въ казнѣ; «ино ее кому смотрити?» На этомъ и приговорили, но рѣшили испробовать еще одну послѣднюю мѣру: отпустить пословъ, велѣть имъ снаряжаться въ путь и допустить до саней, чтобы узнать: «нѣчто будетъ у пословъ наказъ отъ короля стояти о томъ крѣпко и у послѣдняго дѣла спуститись, ино ужъ посламъ вся крѣпость отойдетъ, какъ въ сани сядутъ, ужъ у нихъ болши того крѣпости не чаяти, что ни будетъ наказу, и то тутъ все явится». Но когда и эта мѣра не помогла, то царь опять совѣтовался съ боярами, уступать или нѣтъ, и всѣ бояре для покоя христіанскаго опять совѣтовали уступить, на чемъ и было окончательно порѣшено [1]).

Описанный случай указываетъ на неувѣренность московскаго правительства въ правотѣ своего дѣла. Какъ ни трудно было Ивану IV согласиться на требуемую уступку, но онъ уступилъ настоянію бояръ не только изъ политическаго расчета, но и боясь погрѣшить пролитіемъ крови изъ-за одного имени. Та-же неувѣренность проглядываетъ еще и въ томъ, что о вѣнчаніи на царство не извѣстили короля. Когда на это указали послы, то имъ отвѣчали, что «государю нашему котораго для дѣла о томъ своемъ имени съ вашимъ государемъ обсылатись? не у короля ему того просити, то имъ государемъ дано отъ Бога и отъ ихъ прародителей». Но когда послы попросили дать имъ выпись о царскомъ поставленьи, «которымъ обычаемъ государь на царство вѣнчался, и какъ предки его то царское имя взяли», то объ этомъ состоялся слѣдующій приговоръ думы: «выписи не давати того для: только имъ письмо дати, ино впередъ о томъ отвѣты умыслятъ и тогды будетъ въ рѣчахъ говорити о томъ тяжелѣ, коли о томъ отвѣты составятъ» [2]). Но хотя выписи не дали изъ боязни вызвать такую критику, возражать на которую было бы затруднительно, однако, при переговорахъ съ послами уже была пущена въ дипломатическій оборотъ фикція о Мономаховомъ вѣнцѣ пока еще безъ подробной мотивировки.

---

[1]) Сборн. Р. Ист. Общ., т. LIX, стр. 287, 289, 291—292, 297, 298 и 300.
[2]) Тамъ-же, стр. 296—297.

Посылая къ королю пословъ для подтвержденія перемирія 1549 г., Иванъ Васильевичъ наказывалъ извѣстить тамъ, что онъ вѣнчался царемъ «прежде бывшимъ вѣнчаніемъ прародителя своего Владимера Мономаха, а не инымъ обычаемъ», и указать, что всѣ государи пишутъ свое имя по вѣнчанью, а короли по коронованью, что до Ягайла государямъ «вашимъ» коронованья не было и Ягайловъ отецъ Ольгердъ не писался королемъ; а какъ Ягайло короновался, то съ тѣхъ поръ и сталъ писаться; «а государь нашъ пишетъ свое имя царемъ по своему царскому вѣнчанію и по прародителя своего достоинству» [1]). Только въ самомъ концѣ 1550 г. рѣшились сообщить въ Литву подробнѣе сказаніе о Мономаховыхъ регаліяхъ и то неоффиціально. Въ наказѣ посланнику Якову Остафьеву предписано было,—если его станутъ спрашивать, почему нынѣ государь пишется царемъ, когда прежде отъ многихъ лѣтъ московскіе государи писались великими князьями,—отвѣчать, что государь учинился на царствѣ по прежнему обычаю, и затѣмъ разсказать кратко исторію о томъ, какъ Константинъ Мономахъ добилъ челомъ Владиміру Мономаху и прислалъ ему регалии для вѣнчанія на царство. Любопытна преподанная посланнику мотивировка принятія новаго титула московскимъ государемъ: Остафьевъ долженъ былъ указать, что государя тѣмъ же вѣнцомъ вѣнчалъ митр. Макарій, «занже нынѣ землею русскою владѣетъ государь нашъ одинъ» [2]). Откровеннѣе начала поступать московская дипломатія со времени покоренія царствъ Казанскаго и Астраханскаго. Въ 1554 г. еще неоффиціально, въ 1555 г. грамотой митрополита къ епископу виленскому, а въ 1556 г. въ отвѣтѣ литовскимъ посламъ рѣшено было подробно сообщить польско-литовскому правительству причины, по которымъ великій князь зовется царемъ. Матеріаломъ послужили главнымъ образомъ выработанныя русской публицистикой политическія фикціи о правахъ московскихъ государей на царскій титулъ. Первымъ основаніемъ послужила ссылка на то, что еще прародитель государя великій князь Владиміръ Святославичъ, «какъ крестился самъ и землю русскую крестилъ, и царь греческой и патріархъ вѣнчали его на царство русское, и онъ писался царемъ; а какъ преставился и но и образъ его на иконахъ пишутъ царемъ» [3]). Второй ссылкой послужила легенда о Мо-

[1]) Сб. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 309—310 и 313; Лит. метр., I, стр. 51.
[2]) Сб. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 345.
[3]) Тамъ-же, стр. 437, 474, 504, 527—528. Любопытно, что эта новая версія политической фикціи о царствѣ на Руси появилась раньше патріаршей грамоты о царскомъ титулѣ. Значитъ, она возникла на національной почвѣ.

номаховыхъ регаліяхъ, поводомъ присылки которыхъ выставлялся походъ Владиміра Мономаха къ Царьграду «за нѣкоторыя неисправленья царей греческихъ» [1]). Изъ этихъ двухъ прецедентовъ и сдѣланъ былъ выводъ, что съ тѣхъ поръ и «по се время» въ русскомъ государствѣ ведется такой обычай: «который государь тѣмъ вѣнцомъ вѣнчается, то и пишется царемъ русскимъ и великимъ княземъ». Для подкрѣпленія этого вывода приводилась аналогія съ польско-литовскимъ государствомъ, гдѣ государи писались сначала великими князьями, но какъ Ягайло короновался на польскую землю, то и сталъ писаться королемъ, и съ тѣхъ поръ потому-же всѣ государи пишутся королями, «который коронованъ будетъ на королевство» [2]). Въ Москвѣ, конечно, хорошо знали, почему Ягайло былъ коронованъ, и предвидѣли возраженіе, которое могли сдѣлать въ Литвѣ на указанную аналогію. Соотвѣтственно этому и заготовленъ былъ отвѣтъ: если въ Литвѣ скажутъ, что ихъ «государи пишутся по государству, мѣстцо за ними королевское», то на это предписано было отвѣчать, что московскіе государи «отъ начала по своему государству по русскому зовутся цари, которые вѣнчаются»; а кромѣ русской земли Богъ далъ государю царства Казанское и Астраханское, »а мѣсто Казанское и Астраханское извѣчное царское потому-жъ, какъ и русское» [3]). Этотъ аргументъ и послужилъ 3-мъ подтвержденіемъ основательности притязаній московскаго правительства на новый титулъ. Наконецъ, въ 1556-же году московскіе послы должны были оффиціально отъ имени государя предъявить польско-литовскому правительству основанія къ принятію царскаго титула. Кромѣ трехъ вышеуказанныхъ ссылокъ, здѣсь приводится еще одна новая, которая поставлена къ тому-же во главѣ другихъ. Сославшись на то, что о принятіи титула по прародительскому именованью уже нѣсколько разъ сообщалось въ Польшѣ и Литвѣ, московское правительство подкрѣпило прежде всего стародавность вѣнчанія тѣмъ, что «государство наше русское отъ начала особнѣ сдержится нами, извѣчными государи русскими, почевъ отъ Августа кесаря Римскаго и до Рюрика, ижъ былъ государемъ въ Великомъ Новѣгородѣ» [4]).

---

[1]) Сборн. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 437, 474, 504, 527—528.
[2]) Тамъ-же, стр. 437, 452, 527—528 и 313; ср. Пам. дипл. снош., X, 229.
[3]) Сб. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 437, 452, 476, 500, 528.
[4]) Тамъ-же, стр. 519; Литов. метр., I, стр. 120. Далѣе шли ссылки на Владиміра св., который «титло царскаго именованья на себя положилъ», и на Владиміра Мономаха, который «титломъ царскаго именованья вѣнчанъ бысть съ прошеньемъ мира греческаго царя» и проч.

Съ этихъ поръ такого рода ссылки повторялись нѣсколько разъ по различнымъ поводамъ и съ разными варьяціями [1]).

Но какъ ни серьезны, по мнѣнію московскаго государя, были поводы къ принятію имъ царскаго титула, они не имѣли той цѣны въ глазахъ польско-литовскаго правительства, у котораго замѣчается и прямое недоброжелательство къ сосѣду, и серьезныя опасенія за политическіе результаты задуманнаго новшества [2]). Потому и дипломатическая борьба приняла такой упорный характеръ. Польско-литовскіе дипломаты, не вступая въ принципіальные переговоры, затягивали дѣло подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что ихъ государь долженъ предварительно обослаться на счетъ новаго титула съ папою, съ цесаремъ и его братомъ Фердинандомъ, «и будетъ они на то произволятъ, и государь нашъ то дѣло учинитъ славно, шедъ въ церковь, да съ собора то имя государю вашему опишетъ». Признаніе новаго титула безъ предварительной обсылки съ другими государями грозило, по словамъ пословъ, ихъ отечеству войной со всѣми государями [3]). Тщетно московское правительство возражало противъ обсылки съ государями, ссылаясь на то, что папа и цесарь «извѣчно» знаютъ царское имя московскаго государя, дѣда и отца котораго титуловали царемъ еще папа Климентъ и Максимиліанъ; что всѣ окольные государи не только христіанскіе, но и бусурманскіе не убавляютъ царскаго имени, но даже свыше прибавляютъ, называя его «Бѣлымъ русскимъ царемъ». Не помогло и предъявленіе подлинныхъ докончальныхъ и посыльныхъ грамотъ цесаря, султана турскаго, многихъ другихъ государей и даже «всѣхъ четырехъ патріярховъ» [4]). Заявленное 27 авг. 1553 г. польско-литовскими послами требованіе предварительной обсылки съ папой и цесаремъ о царскомъ титулѣ не могло быть оцѣнено по достоинству московскимъ правительствомъ, такъ какъ ему не было извѣстно содержаніе откровенной инструкціи 15 февр. 1553 послу Крыйскому, который долженъ былъ энергически протестовать отъ имени польскаго короля противъ всякихъ заискиваній папскаго престола въ пользу

---

[1]) См. грамоту Грознаго къ Сигизмунду-Августу 1556 г., Сб. Р. И. Общ. т. LIX, стр. 537 и слѣд.; Литов. метр., I, стр. 127; письмо къ Курбскому, Сказанія, 157; отвѣтъ посламъ Стефана Баторія 1577 г., Вивл., XVI, 173—174; листъ до князя Полубенскаго 1577 г., Лит. метр., II, стр. 27—28; отвѣтныя рѣчи Антонію Поссевину, Пам. дипл. снош., X, стр. 135, 206, 230—231.

[2]) См. выше, глава III, стр. 82, прим. 4.

[3]) «Ино съ всѣми государи про то заратитись». Сб. Р. И. Об., т. LIX, стр. 395 и 503.

[4]) Тамъ-же, стр. 397, 474 и 519.

московскаго государя. Неловкое въ данномъ случаѣ положеніе московскихъ дипломатовъ не разъ, быть можетъ, вызывало улыбку ихъ соперниковъ. Тѣмъ болѣе не безъ ироніи отнеслась польско-литовская дипломатія къ тѣмъ аргументамъ, которые указаны были ей изъ Москвы въ подтвержденіе предъявленныхъ притязаній. Въ 1549 г. московскимъ посламъ по поводу ссылки на царскій титулъ Владиміра Мономаха было сообщено, что «то суть рѣчи давные, а тотъ столецъ Кіевъ есть и будетъ въ рукахъ и держаньи его королевскіе милости и никому бы тымъ именемъ и тытуломъ царства Кіевскаго не было пристойно писатися, одно его королевской милости, а не великому князю московскому». Къ этому было еще прибавлено, что, кромѣ цесаря, никоторый государь христіанскій тѣмъ именемъ не называется, «кромь бесурманскихъ царей, а онъ братъ нашъ есть господаремъ хрестьянскимъ» [1]. Еще болѣе рѣзко и зло смѣялся Стефанъ Батарій надъ Иваномъ Грознымъ по поводу происхожденія его отъ Августа и Пруса. Онъ не только называлъ нелѣпицей домыслъ о Прусѣ [2], но кололъ Грознаго и за самую идею преемства византійской имперіи. Указавъ на жестокости Грознаго въ Новгородѣ, Баторій замѣчаетъ: «зовешься быти народу греческаго, не только Пруса брата цесаря Августа, але есть ли пошолъ въ грековъ, певне еси пошолъ съ Тыста тирана» [3]. Эту ядовитую критику Грозный истолковалъ въ томъ смыслѣ, что Баторій отрицалъ существованіе Пруса, боясь предъявленія правъ на Пруссію со стороны Москвы. Поэтому Грозный и спѣшилъ успокоить его съ этой стороны [4]. Не даромъ московская дума не рѣшалась дать въ руки враговъ выпись о царскомъ вѣнчаніи изъ опасенія, что на нее умыслятъ такіе отвѣты, противъ которыхъ трудно будетъ отвѣчать.

---

[1]) Лит. метр., I, стр. 51 и 96; Сб. Р. И. Об., т. LIX, стр. 446.

[2]) Въ 1578 г. онъ писалъ Грозному: «народъ твой выличаючи отъ Пруса, менуючи его братомъ Августа цесара и въ томъ неполную вѣдомость маешь, кгдыжъ Августъ цесарь брата и потомства не мѣлъ и Прусъ если есть въ якомъ писмѣ тогды змышленномъ братомъ Августови описанъ, чого малая потреба ширшимъ писаньемъ вспоминати». Лит. метр., II, стр. 44. Въ отвѣтномъ посланіи 1581 г. Баторій пишетъ: «а не тверди басенъ бахоревъ своихъ, або того себѣ не змышляй, чего въ рѣчи николи не было, яко еси смыслилъ о Прусѣ братѣ Августовомъ». Тамъ-же, стр. 189; Сборн. Муханова, стр. 413.

[3]) Лит. метр., II, стр. 191; Сб. Муханова, стр. 415—416.

[4]) «А что пишетъ о Прусѣ, будто мы то не гораздо пишемъ, что онъ не былъ, и Стефанъ бы король то намъ указалъ, коли ужъ Пруса на семъ свѣтѣ не было, почему нынѣча называется Прусская земля; а мы то писали для своего государства, извѣщая откудова наше государство пошло, а подъ нимъ Прусскіе земли не подыскиваемъ», Пам. дипл. снош., X, 231.

Дипломатическія неудачи по вопросу о титулѣ не остановили московское правительство отъ дальнѣйшихъ попытокъ извлечь изъ теоріи о русскомъ царствѣ и другіе выводы, которые получили приложеніе въ сферѣ внѣшней и внутренней политики. Эти попытки, замѣчаемыя сначала въ отдѣльныхъ только случаяхъ, при Иванѣ Грозномъ сложились въ весьма своеобразную систему.

Единому во всей поднебесной православному царю предстояло оправдать преемство традицій втораго Рима. Подобно тому, какъ византійскіе императоры, считая себя едиными истинными представителями всемірной монархіи, всѣхъ прочихъ королей и князей считали стоящими ниже ихъ, и московскіе государи, начиная съ Ивана III, стремятся повысить свое международное положеніе. Потому-то они и придавали такое важное значеніе «повышенію» своего имени и въ особенности своему титулу, которымъ опредѣлялась въ международной политикѣ высота чести, принадлежащей представителю власти. Потому-же московское правительство такъ внимательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы въ возникающихъ международныхъ сношеніяхъ имя православнаго государя не потерпѣло униженія и безчестья. Но для того, чтобы не проиграть въ борьбѣ за свою честь, московскому правительству необходимо было имѣть въ рукахъ мѣрило для сравненія чести представителей власти.

И такое мѣрило было выработано. Въ основу его были положены двѣ идеи: идея о родословности государя и идея о высотѣ принадлежащей ему власти. Обѣ онѣ довольно рано проглядываютъ въ политической практикѣ московскихъ князей и обѣ тщательно разрабатываются публицистической литературой. Оцѣнка чести государя съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія и давала практическія указанія для установленія обрядности въ международныхъ сношеніяхъ. Государь съ обширнымъ родословіемъ вѣнценосныхъ предковъ и государь parvenu; государь, получающій свои полномочія отъ вышнія Божія десницы, ограниченный въ полнотѣ своей власти лишь предписаніями божественныхъ законовъ, и государь, избранный и ограниченный въ своихъ прерогативахъ самочиніемъ своихъ подданныхъ, — таковы теоретическія антитезы сравнительной чести представителей власти, полученныя въ результатѣ многолѣтней практики и наблюденій московскихъ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ сферъ.

Иванъ III былъ первымъ государемъ всея Руси, такъ много содѣйствовавшимъ къ повышенію своего имени съ указанныхъ точекъ зрѣнія; онъ первый явился горячимъ противникомъ ограниченія государственной власти и категорично выразилъ это новгородцамъ въ 1478 г., объявивъ имъ, что «мы великіе князи хотимъ государства своего, какъ есмя на Москвѣ, такъ хотимъ быти

на отчинѣ своей Великомъ Новѣгородѣ». Не понявъ истиннаго значенія этихъ словъ, новгородцы хотѣли выговорить въ свою пользу нѣкоторыя условія и просили объ этомъ великаго князя. Но послѣдній отвѣчалъ имъ: «язъ князь великій то вамъ сказалъ, что хотимъ государства на своей отчинѣ Великомъ Новѣгородѣ такова, какъ наше государство въ низовской землѣ на Москвѣ; и вы нынѣча сами указываете мнѣ, а чините урокъ нашему государству быти, ино то которое мое государство?» Новгородцы полюбопытствовали узнать о низовскихъ пошлинахъ, «какъ государи государство свое держатъ въ низовской землѣ», и имъ было объявлено, что государство это таково: «вѣчю колоколу не быти, посаднику не быти, а государство все намъ держати»[1]). Итакъ, урокъ государству, т. е. ограниченіе государственной власти, противорѣчитъ низовской пошлинѣ, по которой государь долженъ самъ держать все государство [2]).

Вскорѣ послѣ уничтоженія татарскаго ига выражена была мысль о томъ политическомъ положеніи, которое должно было занять московское государство въ ряду другихъ государствъ. Иванъ III въ 1488 г. далъ слѣдующій отвѣтъ цесарскому послу на предложеніе выхлопотать у цесаря королевскій титулъ: «Мы Божіею милостію государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей и поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, а просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и нашимъ дѣтямъ и до вѣка въ томъ быти, какъ есмя нынѣ государи на своей землѣ, а поставленія какъ

---

¹) П. С. Л., VI, 213 и слѣд.; Ник. Лѣт., VI, 99 и слѣд.; Степ. кн., ч. II, 126. Соотвѣтственно измѣнившемуся положенію Новгорода, Иванъ III въ 1492 г. вспоминалъ: «какъ мы держали свою вотчину Великій Новгородъ въ ихъ волѣ,... и какъ почали его держати въ своей волѣ». Пам. дипл. снош., I, 81.

²) Выраженіе «урокъ» для обозначенія ограниченій власти было въ то время употребительно. Примѣнительно къ московскому дипломатическому языку такъ была выражена въ 1492 г. просьба императору Максимиліану двухъ городовъ магистра прусскаго, желавшихъ перейти въ имперское подданство: «чтобы ихъ принялъ подъ цесарство и держалъ какъ и прочіе городы нѣметскіе, а имъ бы присягати къ нему урокомъ нѣкимъ». Пам. дипл. снош., I, 74. Въ сказаніи о чудѣ знаменія разсказывается о новгородской вольности такъ: «князья и новгородцы» данемъ и послушанію положиша урокъ, еже не преходити предѣлъ прежде уставленныхъ». *Буслаевъ*, Мѣстныя сказанія о началѣ Москвы въ Лѣт. русск. литер. Тихонравова, т. IV, стр. 19. Отсюда и выраженіе: «великаго князя вина безъ урока», т. е. наказаніе за вину назначается по усмотрѣнію государя безъ всякихъ ограниченій. П. С. Л., VI, 203. Василій III отвѣчаетъ крымскому хану: «урокомъ поминковъ мы ни къ кому не посылали». *Соловьевъ*, V, изд. 5, стр. 337. Поэтому понятіе «государь» рѣзко отличается отъ понятія «урядникъ» въ смыслѣ представителя власти. П. С. Л., VIII, 280; Ник. Лѣт., VI, 250.

есмя напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ» [1]). Въ выгодахъ, конечно, московскаго правительства было поскорѣе забыть не только ханскіе ярлыки о посаженіи на столъ, но и то близкое прошлое, когда изначальному государю Ивану Васильевичу приходилось въ сношеніяхъ съ крымскимъ ханомъ писать ему съ челобитьемъ о жалованьи [2]). Все это быстро забывалось, а претенціозность московскаго князя возрастала съ замѣчательной быстротой. Въ 1489 г. отказано было «Маркрабію Подноскому» Альбрехту въ сватовствѣ дочери великаго князя. Послу Юрію Траханіоту наказано было объяснить, что за того маркрабія государю отдать свою дочь непригоже, такъ какъ «во всѣхъ земляхъ вѣдомо, что государь нашъ великій государь уроженный изначала отъ своихъ прародителей; а и напередъ того отъ давнихъ лѣтъ прародители его по изначальству были въ пріятельствѣ и въ любви съ передними римскими цари, которые Римъ отдали папѣ, а сами царствовали въ Византіи, да и отецъ его государь нашъ и до конца былъ съ ними въ братствѣ и въ пріятельствѣ и въ любви, и до своего зятя Ивана Палеолога римскаго царя; ино такому великому государю какъ давати своя дочи за того Маркрабія?». Послу предписано было, если зайдетъ рѣчь о сватовствѣ цесарскаго сына Максимиліана, этого не отговаривать и указать на то, что государь московскій «того ищетъ, чтобы ему дати своя дочи по пригожу за кого, и цесарь и сынъ его Максимиліанъ государеве великіе, а нашъ государь великій жъ государь» [3]). Претенціозность такого сопоставленія получаетъ тѣмъ большее значеніе, что въ то время уже были извѣстны московскому правительству воззрѣнія современниковъ о главенствѣ цесаря между христіанскими государями [4]). Братство съ наипреднѣйшими византійскими и римскими царями до крайности изощрило политическое

---

[1]) Пам. дипл. снош., I, 12.

[2]) Въ 1474 г. Иванъ III бьетъ челомъ Менгли-Гирею, что, жалуючи его, учинилъ себѣ братомъ и другомъ. Самъ великій князь только съ 1486 г. сталъ именовать себя братомъ вольнаго человѣка—царя и пересталъ вспоминать о жалованьи. Сб. Р. И. Общ., т. XLI, №№ 1 и 15. Новая форма не понравилась великому князю литовскому, который въ 1500 г. писалъ Менгли-Гирею: «А хто предъ тымъ твоимъ предкамъ холопомъ ся писывалъ, тотъ нынѣ тобѣ вже братомъ ся называетъ». А. З. Р, I, № 183. Иногда только выраженіе «челомъ бью» стало замѣняться другимъ: «слово наше то». Сб. Р. И. Общ. т. XLI, стр. 161. Но первая форма при Иванѣ III была употребительнѣе.

[3]) Пам. дипл. снош., I, 17—18.

[4]) Въ 1488 г. цесарскій посолъ объяснялъ въ Москвѣ, что «крали и княжата и рицери удѣлати мочь имаетъ государь нашъ царь римскій»; а въ 1518 г. уже оффиціально заявлялось, что «священнѣйшее цесарское величество, государь нашъ, глава есть всѣмъ христіанскимъ государемъ». Тамъ-же, стр. 11, 353, 362 и 369.

честолюбіе московскихъ государей въ международныхъ отношеніяхъ, и они съ своей стороны были очень скупы въ надѣленіи титуломъ братства тѣхъ правителей, съ которыми имъ приходилось вступать въ сношенія. Московской дипломатіи приходилось производить подробнѣйшія изысканія о рангахъ всякихъ королей, князей и т. д. только для того, чтобъ въ сношеніяхъ съ ними не умалить международной чести своего государя. Въ Москву, напр., поступаетъ въ 1475 г. дипломатическое донесеніе объ порядкѣ избранія венецейскихъ князей и о родовитости вновь избраннаго князя [1]). Въ 1493 г. предписано посламъ провѣдать про Конрада Мазовецкаго, присылавшаго сватать дочь великаго князя, «чѣмъ былъ послушенъ тотъ князь королю Казимиру, служилъ-ли ему, давалъ-ли ему подать какову, и кому онъ равенъ инымъ княземъ, и что его княженье, велика-ли его земля, и сколь силенъ, и послушны-ли ему люди» и т. д. [2]). Всѣ эти справки нужны были, конечно, только для того, чтобъ опредѣлить, будетъ-ли соотвѣтствовать чести великаго князя навернувшійся кандидатъ въ зятья.

Когда нельзя было раздобыть нужныхъ свѣдѣній для опредѣленія международнаго достоинства кого-либо изъ владѣтельныхъ правителей, московскіе государи въ сношеніяхъ съ ними поступали съ крайнею осторожностью. Въ 1533 г. пришелъ изъ Индіи въ Москву гость отъ «Бабуръ падши, индѣйскіе земли государя» съ предложеніемъ быть съ нимъ въ дружбѣ и братствѣ и обсылаться людьми «на обѣ стороны ихъ здоровья видѣти». Великій князь Василій въ отвѣтной грамотѣ писалъ, «что того хочетъ, чтобы люди промежь ихъ ѣздили; а о братствѣ къ нему не приказалъ, невѣдомо, какъ онъ на Индѣйскомъ государствѣ: государь-ли или урядникъ, и великому бы государю въ томъ низости не было, будетъ онъ тоя земли урядникъ, и великій государь того ради о братствѣ къ нему не писалъ» [3]).

При Иванѣ Грозномъ уже возникаетъ совершенно опредѣленная система сравнительной оцѣнки международнаго значенія государей и государствъ. Только съ нѣкоторыми изъ государей московскій царь писался братствомъ: съ турецкимъ султаномъ, цесаремъ, королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ; совершенно не по рангу попалъ въ братья и крымскій ханъ. Къ болѣе мелкимъ

---

[1]) П. С. Л., VI, 199: «А того деи поставили не княжа роду, ни царьска; но избраша всѣми людьми умныхъ и храбрыхъ людей пять, или шесть, или десять, да велятъ зерна намѣтивъ вкинуть въ судно, аки въ ступку, а зерна деи бѣлы, да выняти деи малому дитяти: его-же деи до дващи выметъ зерно, того поставили».

[2]) Сб. Р. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 97.

[3]) П. С. Л., VIII, 280; Ник. Лѣт., VI, 250.

правителямъ о братствѣ не писалось. Наконецъ, были и такіе, непосредственныя сношенія съ которыми считались унизительными: съ ними сносились отъ имени государевыхъ намѣстниковъ: таковъ напр., король шведскій. Это было своеобразное мѣстничество между государями, очень сходное, впрочемъ, и по исходнымъ точкамъ зрѣнія и даже по выраженіямъ съ мѣстничествомъ московскихъ служилыхъ людей. Какъ послѣдніе мѣстничались по родословцу и по разрядамъ, такъ и московскіе цари считались честью съ другими государями по родословіямъ и по государствамъ. Въ публицистическихъ стремленіяхъ выдвинуть преимущества московскаго государя и особенно въ дипломатическихъ препирательствахъ о его титулѣ нерѣдко встрѣчаются ссылки на то, какъ «изводится и родословится» великій государь, и даже приводятся «случаи», по которымъ ему усвояется лучшая честь [1]). Во всѣхъ этихъ политическихъ счетахъ первенствующую роль всегда играетъ родословная точка зрѣнія. Не даромъ-же Иванъ Грозный произвелъ себя отъ Августа кесаря. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда это было выгодно и возможно, московскіе дипломаты ссылаются и на честь государствъ, такъ сказать на мѣста, которыя понижаютъ или повышаютъ политическую честь представителя власти.

Случайный историческій прецедентъ поставилъ очень низко въ мнѣніяхъ московскаго правительства политическое значеніе Швеціи: она вела постоянныя сношенія съ Новгородомъ до его покоренія. Сношенія эти продолжались и послѣ, но велись отъ лица намѣстниковъ московскаго государя. Когда-же шведское правительство потребовало непосредственныхъ сношеній между государями, то въ этомъ ему было отказано на томъ основаніи, что будто изначала, какъ предки московскихъ государей начали государить въ русской землѣ, всѣ свейскіе государи миры и перемирья заключали съ новгородскими намѣстниками [2]). Иванъ Грозный въ 1556 г. указывалъ даже на то, что будто при отцѣ его, когда Густавъ шведскій присылалъ къ новгородскимъ намѣстникамъ для заключенія съ ними братства и докончанья, новгородскіе намѣстники братства съ нимъ не учинили, такъ какъ онъ учинился на той землѣ «не прироженый свейскій государь, ни пакъ прироженецъ инишихъ государей».

---

[1]) Вивл., XVI, стр. 120 и 176: «и по тѣмъ по всѣмъ случаямъ государю вашему Степану съ нами въ равномъ братствѣ быти не пригоже».

[2]) Въ 1572 г. король Яганъ объяснялъ Грозному, что сношенія съ Новгородомъ существовали, пока онъ былъ независимъ. Но Грозный не понялъ такой ссылки: «ино тѣмъ-ли великій Новгородъ, писалъ онъ, отчина наша честна была, что отъ насъ откладна была, али тѣмъ нынѣ безчестна, что насъ познали своихъ государей, какъ ты пишешь неподобно». Лѣт. зан. Арх. Ком., вып. 5, матер., стр. 38.

И только благодаря «челобитью» короля, московскій государь его «пожаловалъ», велѣлъ новгородскимъ намѣстникамъ заключить съ нимъ перемирье и написать въ грамотѣ «королемъ избраннымъ» [1]). Въ 1557 г. шведскіе послы въ Москвѣ указываютъ на безчестье для ихъ короля сносится съ государевыми намѣстниками. Но бояре отвѣтили имъ, что намѣстники новгородскіе происходятъ или отъ корени государей русскихъ, или отъ королей литовскихъ, или царей казанскихъ, или, наконецъ, извѣчные государевы бояре родовъ за 30 и болѣе. Про государя-же шведскаго бояре сказали «въ разсудъ а не въ укоръ: которого онъ роду, и какъ животиною торговалъ и въ свейскую землю пришелъ: то недавно ся дѣлало и всѣмъ вѣдомо» [2]). Отсюда выводилось, что сношенія съ новгородскими намѣстниками для шведскаго короля отнюдь не безчестье, а честь. Въ 1563 г. Грозный сыну Густава Ерику писалъ, что его требованіе сноситься прямо съ царемъ такъ «отстоитъ отъ мѣры, какъ небо отъ земли» [3]). Въ грамотѣ брату Ерика, королю Ягану, отъ 1573 г. объяснены мотивы такой непомѣрной претенціозности или спѣсивства, какъ выразился король Яганъ. Значительная часть царской грамоты посвящена доказательствамъ низкой чести свейскихъ королей сравнительно съ «честью царскія степени» московскихъ государей. Грозный прежде всего указываетъ на то, что король написалъ свое имя выше царскаго не по пригожу, такъ какъ «намъ цесарь римскій братъ и иные великіе государи, а тебѣ тѣмъ братомъ назватись невозможно, потому что свейская земля тѣхъ государствъ честію ниже». Грозный укоряетъ шведскихъ королей происхожденіемъ [4]): Густава короля онъ называетъ: «изщма лотомъ», а Ягана «страдникомъ» и въ цѣломъ рядѣ фактовъ видитъ подтвержденіе ихъ низкаго происхожденія. Король Густавъ самъ, нарядясь въ рукавицы, сало и воску «за простаго человѣка опытомъ пыталъ», когда пріѣзжали съ этимъ

---

[1]) Лит. метр., I, стр. 127; Сб. Р. И. Общ., LIX, стр. 535—537.
[2]) *Карамзинъ*, VIII, прим. 459.
[3]) Р. И. Б., III, Александр.-Невск. лѣт., стр. 184.
[4]) Онъ пишетъ королю Ягану. «А то правда истинная, а не ложь, что ты мужичей родъ, а не государской. А пишешь къ намъ, что отецъ твой вѣнчанный король, а мати твоя также вѣнчанная королева; ино то отецъ твой и мати твоя и вѣнчанные, а дотолѣ не бывалъ никто, уже такъ сказываешься государской родъ. И ты скажи, отецъ твой Густавъ чей сынъ, и какъ дѣда твоего звали, и гдѣ на государствѣ сидѣлъ, и съ которыми государи былъ въ братствѣ, и котораго ты роду государскаго? Пришли родству своему письмо и мы потому разсудимъ». Ему-же въ другомъ мѣстѣ Грозный пишетъ: «А всего того подлиннѣе пришли государству своему письмо, какъ самъ еси писалъ за 400 лѣтъ, кто и которой государь послѣ котораго сидѣлъ на государствѣ, и съ которыми государи въ братствѣ былъ, и мы потому уразумѣемъ твоего государства величество».

товаромъ торговые люди,—и то государское-ли дѣло? Король Густавъ и потому мужицкаго рода, что писалъ себѣ въ товарищахъ архіепископа и всю землю. Родъ Густава безспорно «мужичей родъ; да родствомъ вътгосударился, а не по достоинству»; королей въ шведской землѣ до Густава Грозный не слыхалъ и не знаетъ, а если и были по городамъ и большимъ мѣстамъ какіе правители, то не изъ рода Густава, да и не короли. Если бы до Густава были короли, то онъ бы указалъ на это [1]); онъ, однако, этого не сдѣлалъ; и «вешто будетъ», прибавляетъ не безъ ироніи Грозный, обращаясь къ королю Ягану, «ты ново гдѣ нашелъ королей тѣхъ въ которой своей коморѣ». Про себя онъ пишетъ, что съ его стороны вспесивства никотораго нѣтъ, писался онъ по своему самодержству, какъ пригоже быть, что напрасно Яганъ его упрекаетъ римскаго царства печатью, что у него есть своя печать отъ его прародителей, но что и римская печать ему «не дико: мы отъ Августа кесаря родствомъ ведемся». По всему этому Грозный находилъ, что съ такимъ молодымъ, какъ Яганъ король, ему ссылаться не пригоже [2]). Защищая своею честь, король Іоаннъ повидимому прибѣгъ къ тому-же средству, какимъ пользовался и Грозный: онъ ссылался на то, что другіе государи ему пишутъ братствомъ. Хотя Грозный отвѣтилъ на это, что если кто «не бережетъ своего государства, а къ тобѣ пишетъ братомъ, тотъ самъ вѣдаетъ, а намъ на то не смотривать, мы смотримъ своего царствія степени чести»,—однако этотъ отвѣтъ былъ не искренній. Московское правительство было очень заинтересовано въ томъ, чтобы тѣ государи, къ которымъ русскіе цари писались братствомъ, не сносились братствомъ съ государями, въ мнѣніи московскаго правительства ниже стоящими по чести. Когда въ 1563 г. были перехвачены грамоты Сигизмунда-Августа къ Ерику шведскому, который въ нихъ названъ былъ братомъ, то Грозный велѣлъ сказать польскимъ посламъ: «что братъ нашъ не бережетъ своей чести, пишется шведскому братомъ равнымъ, то это его дѣло, хотя-бы водовозу своему назвался братомъ» [3]).

Въ иныхъ условіяхъ находилось московское правительство при сношеніяхъ съ польско-литовскимъ государствомъ. Государь московскій издавна писался братомъ королю польскому и великому князю литовскому. Но при Иванѣ Грозномъ это братство готово было разорваться изъ-за царскаго титула. Въ категорическомъ отказѣ

---

[1]) «Могъ-бы то и отецъ твой сыскати прежнихъ королей, да не писалъ королей, а написалъ князя Магнуша».

[2]) Лѣт. зан. Арх. Ком., вып. 5, матер., стр. 30—47.

[3]) *Соловьевъ*, VI, изд. 4, стр. 226.

польско-литовскаго правительства признать этотъ новый титулъ усмотрѣно было безчестье для государя, который «стоялъ о своемъ имени, не желая ни въ чемъ никакого повышенія», и добивался одного, чтобъ его «безо всякаго повышенія честно писали царемъ», такъ какъ онъ, «уповая на Бога, прародителей своихъ чести держится и убавити ее никакъ не хочетъ» [1]). Между тѣмъ, польско-литовское правительство продолжало обсылаться по-прежнему, «укоряя, какъ выражались бояре отъ лица Ивана IV, наше государство и безчествуя насъ, называя насъ княземъ, какъ бы нѣкотораго подданнаго себѣ и незнаемаго сусѣда, повышаяся надъ нашимъ именемъ свыше всѣхъ прежнихъ обычаевъ» [2]). Съ этихъ поръ и начались мѣстническіе счеты съ государями братьями. Самымъ серьезнымъ возраженіемъ противъ новаго титула являлась ссылка польско-литовскаго правительства на то, что отецъ и дѣдъ Ивана IV царями не писались. Благодаря справкамъ московской дипломатіи, найденъ былъ весьма важный «случай» въ пользу царя всея Руси и въ «отводъ» ссылки противной стороны: оказалось, что польско-литовской государь «не извѣчной на королевствѣ, прародители его были на великомъ княжествѣ и писалися великими князми»; что прежде Ягайла государямъ коронованья не было, и Ягайловъ отецъ Ольгердъ не писался королемъ. Но и сверхъ того, что государи литовскіе не извѣчные короли, было найдено и указано, что «королевское мѣсто досталось имъ по женѣ», почему они зовутся и пишутся королями [3]). При такихъ условіяхъ московское правительство сочло себя въ правѣ не титуловать литовскихъ государей королями до тѣхъ поръ, пока они не признаютъ царскаго титула за государемъ московскимъ.

Но разъ оказалась такая поруха въ родословіи польско-литовскихъ королей, они значительно упали въ мнѣніи московскаго правительства, которое и между государями братьями стало различать высоту чести. Въ 1563 г. указано было польскимъ посламъ, что имя царя пишутъ полнымъ именованьемъ «всѣ государи, которые и повыше будутъ вашего государя» [4]). Это было при Сигизмундѣ-Августѣ. Но когда за прекращеніемъ династіи Ягеллоновъ избранъ былъ на польскій престолъ Стефанъ Баторій, то счеты еще болѣе обострились. Въ 1576 г. московскіе бояре писали польско-литовской радѣ по поводу царскаго титула, что «государю нашему пишутъ съ полнымъ именованьемъ царскимъ цесарь Максиміанъ

[1]) Сб. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 392, 399, 538; Лит. метр., I, стр. 127.
[2]) Сб. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 393 и 423.
[3]) Тамъ-же, стр. 349, 313 и 452.
[4]) *Соловьевъ*, VI, изд. 4, стр. 228.

и султанъ турецкій, а тые господари во всѣхъ королевствахъ первшіе господари; а господарь вашъ учинился на королевствѣ польскомъ съ невеликаго мѣста, съ воеводства Седмиградскаго»[1]. Поэтому Грозный въ 1576 и 1578 гг. титулуетъ Баторія просто «королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ» или «сусѣдомъ по неизмѣрной милости Божіей и пакъ велкое великости людей короны польскіе... по избранью великій господарь», не называя его братомъ, на что очень обидѣлся Баторій; онъ поручилъ посламъ своимъ указать на то, что «ни братерства, а ни ласки Божое надъ панованьемъ его королевскіе милости не вспоминано»[2]. Когда въ 1576 г. Иванъ IV получилъ грамоту отъ Баторія, который називалъ его братомъ, то Грозный замѣтилъ: «называетъ мене собе братомъ, ино не вѣдаю коимъ чиномъ»[3]. Въ 1578 г. посламъ Баторія было сказано, что великому государю съ королемъ Стефаномъ быти въ братствѣ не пригоже, потому что его государство почало отъ Августа Кесаря Римскаго и отъ Пруса Августова брата; что польскіе короли Сигизмундъ и Сигизмундъ-Августъ были славные великіе государи, «наши братья», на всей вселенной вѣдомы, а что «Седмиградскаго государства нигдѣ есмя не слыхали, а буде государь вашъ Степанъ Янушъ по сродству имается... (очевидный пропускъ)... и по тѣмъ по всѣмъ случаямъ государю вашему Степану съ нами въ равномъ братствѣ быти не пригоже»[4]. Будучи побѣжденъ Баторіемъ, Грозный долженъ былъ уступить и въ счетахъ и въ 1580 г. назвалъ его братомъ. По этому поводу онъ писалъ: «мы великіе государи прирожденные изъ давнихъ лѣтъ; а на корунѣ польской и великомъ княжествѣ литовскомъ были изъ давныхъ-же лѣтъ прироженные-же государи. А ты учинился на тѣхъ государствахъ вновѣ, и мы тебѣ прежъ того не писывали, и намъ то показалося къ любви сходительно, что тебя велѣли есмя писати братомъ»[5]. Позднѣе Грозный объяснялъ, что такъ и не узналъ родства Баторія, «какова онъ роду человѣкъ и которыхъ государей племя», и что потому, «берегучи своего царства чести», онъ допрашивалъ его пословъ, «какова род-

---

[1]) Лит. метр., II, стр. 10.

[2]) Тамъ-же, стр. 22 и 29. Изъ донесеній папскаго нунція Лауреo отъ 15 апр. 1578 г. видно, что Баторій говорилъ ему о возможности завладѣть Москвой и «отомстить за жестокость и надменность царя, къ которому онъ чувствуетъ величайшую ненависть, такъ какъ этотъ царь никакъ не хочетъ назвать короля братомъ, а только сосѣдомъ, говоря, что король не происходитъ отъ княжеской крови». *Вержбовскій*, Отношенія Россіи и Польши въ 1574—1578 гг. въ Журн. М. Н. Пр. 1882 г., авг., стр. 235.

[3]) Сборн. Обол., № 6, стр. 6.

[4]) Вивл., XVI, стр. 173—176.

[5]) Лит. метр., II, стр. 119.

ства государь ихъ Стефанъ король, которыхъ государей великихъ прироженецъ, и съ которыми онъ государи съ нашею братьею въ братствѣ и ссылкѣ?» Онъ наводилъ эти справки для того, «чтобъ нашему царству въ томъ укоризны не было, что которой не нашъ братъ, да намъ братомъ учинится». Но послы Баторія не отвѣтили, какого онъ рода человѣкъ и какой чести; «однимъ тѣмъ щитятся, что онъ нынѣча король; а восебы и Яна Костку взяли себѣ за государя, и намъ было ему братомъ же ли быти?» По утвержденію Грознаго въ его время всѣ государи, не только христіанскіе, но и бесерменскіе, велись «родствомъ и честію прироженною государскою», и только въ давныя времена бывало такъ, что «отъ какова роду кто ни буди, ино то государь». А такъ какъ Грозный слышалъ про Баторія, «въ каковѣ онъ низости былъ до сего времени», то московскому государю «было короля, для его родственные низости, братомъ писати не пригоже». Наконецъ, ссылаясь на собственное признаніе короля, Грозный указывалъ, что «онъ не отъ государскаго прироженья, а отъ рыцарскаго чину», и потому изъ зависти, что онъ не государской прироженецъ, и по невозможности укорить чѣмъ-либо царя, онъ его «за посмѣхъ лаетъ»[1]). Во всѣхъ этихъ счетахъ съ Баторіемъ особенно рельефно выступаетъ родословная претенціозность московскаго царя, который и при самыхъ неблагопріятныхъ для себя обстоятельствахъ не упускаетъ случая укорить Стефана низостью происхожденія.

При спорахъ съ Баторіемъ изъ-за титула боярами было указано, что московскаго государя титулуютъ царемъ цесарь и султанъ, которые «во всѣхъ королевствахъ первіе господари». Съ ними московскій царь сносился братствомъ. Но и это братство было не вполнѣ равное. Вотъ какъ отозвался Грозный о цесарѣ въ 1572 г., когда зашла рѣчь объ избраніи его сына на польскій престолъ: «по на-

[1]) Пам. дипл. снош., X, стр. 135—136, 140, 196 и 218. Въ этихъ счетахъ съ Баторіемъ московское правительство видѣло нѣкоторое какъ бы сочувствіе со стороны папской и цесарской дипломатіи. Въ 1576 г. польскіе послы жаловались на цесаря, что онъ поноситъ Баторія избраннымъ не по волѣ Божіей, называя подданнымъ турецкому султану. *Бантышъ-Каменскій*, Переписка между Россіею и Польшею, ч. I, Чт. Общ. Ист. 1861 г., кн. IV, стр. 151. Поссевинъ, яко бы со словъ Баторія, разсказывалъ въ Москвѣ, что «король на то государство пришлецъ—ни ляхъ, ни литвинъ, родомъ угренинъ». Пам. дипл. снош., X, стр. 271. Въ 1585 г. московскій посланникъ доносилъ о тайномъ разговорѣ съ цесаревымъ ближнимъ человѣкомъ, который говорилъ, что «Стефанъ король не прироженый государь, а сидитъ на чужомъ государствѣ», что какъ отойдутъ перемирные годы, то цесарю-бы съ царемъ промышлять надъ польскою и литовскою землею, «чтобы та земля за ними была за прироженными государи». Тамъ-же, I, стр. 953 и 959. Свитою папскаго посла Александра Комулея пущенъ былъ въ Москвѣ слухъ, будто цесарь сносился съ Баторіемъ о томъ, «что король пишется царю братомъ, и то де титло король взялъ на себя велико». Тамъ-же, X, стр. 467.

шему то не годится, что послѣ смерти государя государство не принадлежитъ его потомкамъ, что корона польская и великое княжество литовское не будутъ въ соединеньи съ государствомъ московскимъ; такъ нельзя, такъ мы сына своего Өедора не дадимъ. Знаемъ, что цесарь и король французскій прислали къ вамъ: но намъ это не примѣръ, потому что кромѣ насъ да турецкаго султана ни въ одномъ государствѣ нѣтъ государя котораго бы родъ царствовалъ непрерывно черезъ двѣсти лѣтъ; потому они и выпрашиваютъ себѣ почести; а мы отъ государства государи, начавши отъ Августа кесаря изъ начала вѣковъ, и всѣмъ людямъ это вѣдомо» [1]). Здѣсь Грозный приравнялъ къ себѣ только турецкаго султана, поставивъ всѣхъ прочихъ ниже себя; а черезъ десять лѣтъ, испытывая униженія побѣжденнаго, онъ утверждалъ, что «Божіимъ милосердіемъ никоторое государство намъ высоко не бывало» [2]). Вскорѣ послѣ смерти Грознаго, при переговорахъ 1587 г. объ избраніи на польскій престолъ Өедора Ивановича, московскіе бояре говорили польско-литовскимъ панамъ, что московскій государь вовсе не таковъ, какъ другіе рядовые государи; что московское государство никакъ нельзя написать въ титулѣ ниже польскаго королевства, а, наоборотъ, корона польская должна быть подъ царскою шапкою Мономаховою, такъ какъ «хотя бы и Римъ старой и Римъ новой, царствующій градъ Византія, почали прикладываться къ государю нашему, и государю свое государство московское какъ мочно подъ которое государство поступитися» [3])?

Такъ считались московскіе государи «родствомъ и честію прироженною государскою». Будучи горячими сторонниками государей издавна царствующихъ въ порядкѣ наслѣдственнаго преемства, московскіе государи поэтому всегда относились съ презрѣніемъ къ государямъ избраннымъ, которые могли попасть на престолъ не изъ «государскихъ прироженцевъ». Отношенія Грознаго къ Густаву шведскому и Баторію съ очевидностью это подтверждаютъ. Но такъ какъ и Ягеллоны и даже римскіе цесари были избранными государями, то и этихъ «перевшихъ господарей» Грозный не ставилъ наравнѣ съ собой, а приравнялъ къ себѣ только бесерменскаго государя—султана турецкаго, злѣйшаго врага всему христіанству, такъ какъ родъ его царствовалъ непрерывно 200 лѣтъ. Это приравненіе было, однако, далеко не полное, потому что мос-

---

[1]) *Соловьевъ*, VI, изд. 4, стр. 284.
[2]) Пам. дипл. сн., X, стр. 208.
[3]) *Соловьевъ*, VII, изд. 4, стр. 260 и 265; *Карамзинъ*, X, прим. 161.

ковскіе государи «нѣ отъ колкихъ лѣтъ государили болши шестисотъ лѣтъ» [1]).

Но кромѣ счета по родословію московскіе государи считались и мѣстами. Высота мѣста, занимаемаго государемъ, опредѣлялась въ мнѣніяхъ московскаго правительства разнообразными причинами. Иногда эти причины представляются даже неясными. Въ 1557 г., когда шведскому королю доказывали, что сношенія съ новгородскими намѣстниками отнюдь не могутъ быть для него безчестны, было между прочимъ указано и на то, что Стокгольмъ не великое мѣсто по чести, многимъ ниже новгородскихъ пригородовъ [2]). Въ другихъ случаяхъ низость мѣста по чести опредѣляется совершенно очевидными причинами, напр., политической зависимостью отъ какого-либо другаго государства. Потому и честь Баторія цѣнили такъ низко въ Москвѣ, что онъ былъ взятъ съ Седмиградскаго воеводства или княжества. Въ 1576 г. бояре писали польско-литовской радѣ, что государь ихъ учинился на королевствѣ «съ невеликаго мѣста, съ воеводства Седмиградскаго, а воеводство Седмиградское подданное было Угорскому господарству» [3]). Но рядомъ съ этимъ въ Москвѣ циркулировало мнѣніе, что «Седмиградская земля за Турскимъ солтаномъ, и дань съ нее даютъ Турскому», и что Баторія избрали по присылкѣ султана турецкаго, что седмиградскій воевода учинился королемъ изъ рукъ того же султана, и значитъ онъ его «посаженникъ» [4]). Объ этомъ Грозный прямо и объявилъ посланнику Баторія: знаю, что Стефанъ осѣлъ столицу королевства «съ воли Божей и съ податья солтана Турецкаго» [5]). Нѣсколько разъ замѣчалъ Грозный, что онъ Баторія утягиваетъ, помимо родственной низости, тѣмъ, что онъ взятъ съ Седмиградскаго княжества, и что всѣмъ вѣдомо, «въ каковѣ онъ мѣрѣ съ государи и въ каковѣ низости былъ». На замѣчаніе Баторія, будто Грозный укоряетъ его маестатъ, послѣдній отвѣчалъ: «вѣдаемъ мы то, что изъ давныхъ предковъ коруна польская и

---

[1]) Наказъ царя Ивана Васильевича князю Елецкому съ товарищи, изд. *проф. Успенскимъ*, Од. 1885, стр. 26; Переговоры о мирѣ между Москвой и Польшей въ 1581—1582 г., изд. *проф. Успенскимъ*, Од. 1887 г., стр. 64.

[2]) «Самому будетъ тебѣ (Густаву) не вѣдомо, и ты купцовъ своихъ вспрося увѣдай: новгородскіе пригородки Псковъ и Устюгъ и Двинскую землю чаю знаютъ: сколькимъ многимъ одинъ изъ тѣхъ больши Стекольны». *Карамзинъ*, VIII, прим. 457. Грозный писалъ королю Ягану, «что ему братъ цесарь римскій и другіе великіе государи, къ которымъ Ягану нельзя писаться братомъ, такъ какъ «Свейская земля тѣхъ государствъ честію ниже». См. выше, стр. 151.

[3]) Лит. метр., II, стр. 10.

[4]) Пам. дипл. снош., I, стр. 894, 657 и 659.

[5]) Сб. Обол., № 6, стр. 6.

великое княжество литовское государство великое изъ давнихъ лѣтъ и намъ настоитъ въ братствѣ, а мы писали по его отечеству, какъ онъ былъ на Седмиградскомъ княжествѣ, и мы то его отечество выписывали, а наше государство съ Седмиградскимъ княжествомъ въ каковѣ мѣрѣ, всѣмъ вамъ то вѣдомо: а онъ свою низость щититъ коруною польскою и великимъ княжествомъ литовскимъ, а мы николи коруны польскіе и великаго княжества литовскаго не укоривали, а что и писано низко, и то писано для княжства Семиградскаго» [1]).

Но по воззрѣніямъ московскаго правительства сравнительная честь мѣста, занимаемаго государемъ, не имѣла той важности, какъ личная честь государя, такъ какъ государь считался важнѣе государства. Такая мысль совершенно категорично высказана Грознымъ по поводу упрека, брошеннаго ему Баторіемъ, будто онъ не понимаетъ, что такое маестатъ. Грозный сказалъ: «и мы то вѣдаемъ: маистатъ — государство, а на маистатѣ — государь на государствѣ, и государь государства болши: приведутъ къ государю, ино то къ его лицу, а приведутъ къ маистату, ино то къ повелѣнью къ государскому приведутъ, а не къ самому государю, ино то ужъ ниже да и хуже» [2]). При такомъ взглядѣ личной чести государя, а значитъ и его родословію, отдавалось преимущество, такъ что государь своею родословной честью могъ повысить честь своего государства, но не обратно: честь государства не повышала соотвѣтственно честь правящаго государя, какъ это видно изъ счетовъ съ Баторіемъ.

Но въ глазахъ московскаго правительства не одно родословіе государя опредѣляло его личную честь. Послѣдняя находилась еще въ зависимости отъ одного обстоятельства, характеризующаго собственно государственное устройство. Соотвѣтственно господствующимъ въ оффиціальныхъ сферахъ представленіямъ о власти государя, московское правительство считало истиннымъ государемъ только государя съ неограниченною самодержавною властью и уклоненія отъ этого типа государственнаго устройства считало такого рода несовершенствомъ, которымъ обусловливалась гораздо болѣе сравнительная высота государевой чести, чѣмъ качества государственной организаціи. При этомъ только государь наслѣдственный, получающій свои полномочія исключительно отъ Бога и по праву рожденія, могъ быть государемъ истинно самодержавнымъ. Государи же

---

[1]) Пам. дипл. снош., X, стр. 135 и 164; срав. еще стр. 196 и 207: «а что написали есмя жестоко и мы то писали княжеству Седмиградскому».

[2]) Тамъ-же, стр. 222—223.

избранные, уже въ силу своего «поставленья или посаженья», считались, по мнѣнію московскаго правительства, не полноправными, а стало быть и менѣе «честными», сравнительно съ государями наслѣдственными или вотчинными. Столь своеобразная оцѣнка чести государей имѣла и не менѣе своеобразную мотивировку.

Въ 1562 г. бояре замѣтили литовскому послу: «начиная отъ великаго государя Владиміра, просвѣтившаго русскую землю св. крещеніемъ, до нынѣшняго великаго государя нашего, наши государи самодержцы никѣмъ не посажены на своихъ государствахъ; а ваши государи — посаженные государи: такъ который крѣпче — вотчинный-ли государь или посаженный? — сами разсудите»[1]. «Крѣпость» государя государству безъ сомнѣнія весьма характерный признакъ для прочности государственнаго устройства. Но обобщеніе московскаго правительства, что вотчинный государь крѣпче посаженнаго, безспорно проникнуто извѣстной дозой субъективизма, которымъ проникнуто и другое обобщеніе московскихъ оффиціальныхъ сферъ, а именно, что посаженный государь не можетъ обладать достаточными полномочіями для добраго устроенія своей земли. Именно такая мысль очень подробно развита въ извѣстныхъ боярскихъ отвѣтахъ на подметныя письма Сигизмунда-Августа[2]. Въ этихъ боярскихъ отвѣтахъ указывается, что напрасно король жалѣетъ о христіанствѣ[3]), что «нашихъ великихъ государей вольное царское самодержство не какъ ваше убогое королевство», ибо «великимъ государемъ не указываетъ никто, а тебѣ твои панове какъ хотятъ, такъ укажутъ». Это различіе бояре объясняютъ тѣмъ, что, начиная отъ Августа кесаря и брата его Пруса до великаго государя Рюрика, и отъ Рюрика до нынѣшняго государя, великихъ государей «вольное царское самодержство николи непремѣнно, а на государствѣ никѣмъ не посажены и не обдержимы, но отъ всемогущія Божія десницы на своихъ государствахъ самодержствуютъ,... и никто же инъ имъ чѣмъ не можетъ указа учинити, и вольны добрыхъ жаловати, а лихихъ казнити». Совсѣмъ иначе рисуется положеніе королей: король потому и послушенъ своимъ панамъ, что «не коренной государь»; по мнѣнію бояръ, королямъ и «больше того подобаетъ пановъ своихъ послушивати, занже есте

---

[1]) *Соловьевъ*, VI, изд. 4, стр. 222—223.

[2]) Вопросъ о подлинности или поддѣлкѣ этихъ писемъ для даннаго случая не имѣетъ значенія.

[3]) Король писалъ, что «надъ князи и народомъ христіанскимъ нужа дѣется», «жестокосердье неразсудительное, гоненья безъ правды и гнѣвъ непощадный». Вивл., XV, стр. 44 и 56.

государи не коренные». Указавъ на то, что самодержавный московскій государь воленъ жаловать и казнить, бояре относительно короля замѣчаютъ: «а ты по дѣлу не воленъ еси, что еси посаженой государь, а не вотчинный, какъ тебя захотѣли паны твои, такъ тебѣ въ жалованье государство и дали; а пастырство твое которое? Не токмо что во ввѣренныхъ тебѣ людѣхъ не воленъ еси, но и въ себѣ неволенъ еси [1]),... и коли ты самъ въ себѣ не воленъ, какъ-же тебѣ вольну быти въ своемъ государствѣ?» [2]). Итакъ, эти два нераздѣльные признака — избраніе государя и ограниченіе его власти—представлялись московскому правительству столь существенными недостатками въ государственномъ устройствѣ, что при наличности ихъ польско-литовское королевство считалось «убогимъ». И это убожество королевства всецѣло отражалось, конечно, на чести короля.

Тѣ же основныя черты государственнаго устройства присущи были шведскому королевству. Вотъ что пишетъ Грозный королю Іоанну: «коли бы то ваше совершенное королевство было, ино бы отцу (твоему) арцыбискупъ и совѣтники и вся земля въ товарищахъ не были, и землю къ государемъ великимъ не приписываютъ... А совѣтники королевства свейскаго почему отцу твоему товарищи? А послы не отъ одного отца твоего, отъ всего кролевства свейскаго, а отецъ твой у нихъ въ головахъ, кабы староста въ волости... Ино видишь-ли, каково отцу твоему правити, таково и арцыбискупу, и тебѣ потому нельзя равнятись съ великими государи, въ великихъ государствахъ тѣхъ обычаевъ не ведется» [3]).

Ту-же идею развивалъ Грозный и въ письмѣ къ англійской королевѣ Елизаветѣ въ 1570 г.: «и мы чаяли того, сказано въ письмѣ, что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь и своей государской чести смотришь и своему государству прибытка... Ажно у тебя мимо тебя люди владѣютъ, и не токмо люди, а мужики торговые и о нашихъ государскихъ головахъ и о честехъ и о земляхъ прибытка не смотрятъ, а ищутъ своихъ торговыхъ прибытковъ. А ты пре-

---

[1]) Намекъ на королеву Варвару.

[2]) Вивл., XV, стр. 47—49. Гетману Хоткевичу кн. Воротынскій пишетъ: «Государь вашъ ничего не можетъ чрезъ вашу волю учинити; сами-жъ вы, отнявши волю у государя своего, и за то его святымъ зовете и милостивымъ. И что жъ его милость, коли онъ ни въ чемъ не воленъ? Тая милость оказуется права, яко властность имущи и милость содержить». Тамъ-же, стр. 63.

[3]) Лѣтоп. зан. Арх. Комм., вып. 5, матер., стр. 43—44.

бываешь въ своемъ дѣвическомъ чину, какъ есть пошлая дѣвица» [1]).

Не упускалъ случая Иванъ IV попрекнуть всѣми этими несовершенствами и убожествами особенно своего кровнаго врага Баторія. Въ 1577 г. обиженные указаніями Грознаго на низкое происхожденіе Баторія польскіе послы ссылались на примѣръ царя Давида, избраннаго изъ низкаго званія. На это Грозный велѣлъ имъ отвѣтить: «царя Давида Богъ избралъ, а не люди... Въ томъ же ваша воля: мятежемъ человѣческимъ хотя когобы и хуже выбрали — то вамъ государь» [2]). Въ 1581 г., соглашаясь на существенныя уступки Баторію, онъ наказываетъ посламъ между прочимъ замѣтить, что «наши государи не со вчерашняго дня государи, извѣчные государи». Если-бы въ Литвѣ спросили-кто-же со вчерашняго дня государь,—велѣно было отвѣтить очень яснымъ намекомъ, что кто со вчерашняго дня государь, тотъ самъ себя знаетъ [3]). Въ своемъ характерномъ письмѣ 1581 г. къ Баторію Грозный колетъ его тѣмъ, что будто его паны рада говорили про него государевымъ посламъ слѣдующее: «у насъ господарь повольный, обираемъ себѣ господаря, кого захотимъ; который господарь у насъ ни будетъ, и онъ безъ насъ ничего не дѣлаетъ, а что и захочетъ дѣлати, ино мы не дадимъ» [4]). Самое письмо онъ открываетъ многознаменательнымъ намекомъ, титулуя себя государемъ, царемъ и великимъ княземъ всея Руси, дѣдичемъ, отчичемъ и наслѣдникомъ прародительскихъ земель «Божіимъ изволеніемъ, а не многомятежнаго человѣчества хотѣніемъ» [5]).

Такимъ образомъ вся эта многотрудная борьба за честь московскаго государя привела московское правительство къ убѣжденію, что царю всея Руси можно быть въ братствѣ только съ «наиперв-

[1]) *Ю. Толстого*, Россія и Англія 1553—1593, стр. 109.

[2]) *Соловьевъ*, VI, изд. 4, стр. 314.

[3]) Тамъ-же, стр. 229—330.

[4]) Лит. метр., II, стр. 51. Ср. еще Пам. дипл. снош., I, стр. 894, 1318 и 1329.

[5]) Лит. метр., II, стр. 141. Вся колкость этого намека вскрывается изъ того, что Баторій еще въ 1576 г. претендовалъ на Грознаго за то, что въ грамотѣ къ нему «ласки Божое надъ панованьемъ его королевскіе милости не вспоминано». Въ 1578 г. Грозный удовлетворилъ его желаніе, назвавъ его «сусѣдомъ» и великимъ государемъ «по неизмѣрной милости Божей и пакъ великое великости людей короны польскіе и вел. княжества литовскаго по избранью»; но передъ этимъ говорилъ посламъ Баторія: «государь вашъ самъ себя укоряетъ, да и вы его укоряете, во всѣхъ грамотахъ пишете, что Богъ его безмѣрнымъ своимъ милосердіемъ помиловалъ, вы его на государство взяли, хвалитесь, что по великому Божію милосердію полюбили его: изъ этого ясно, что онъ такого великаго государства былъ недостоинъ, но Богъ его помиловалъ, да вы его полюбили не по достоинству». Тамъ-же, стр. 22 и 29; *Соловьевъ*, VI, изд. 4, стр. 314.

шими господарями», хотя и это братство было неравное, такъ какъ по родословію, по полнотѣ власти и по прочности положенія онъ могъ быть приравненъ развѣ только турецкому султану; вообще-же московскому государю по Божію изволенію никакое государство высоко не бывало. Таковъ былъ выводъ изъ всего царскаго мѣстничества.

Повидимому этотъ практическій выводъ вполнѣ соотвѣтствовалъ тѣмъ теоретическимъ требованіямъ, которыя были положены въ основу царскаго мѣстничества, и въ силу которыхъ, соотвѣтственно византійскимъ традиціямъ, единый представитель и глава православнаго міра долженъ занимать во всей вселенной первое мѣсто среди государей. Но это соотвѣтствіе было кажущееся, фиктивное, такъ какъ реальное соотношеніе междугосударственныхъ силъ не гармонировало съ субъективнымъ представленіемъ оффиціальныхъ сферъ царской Руси, особенно къ концу царствованія Ивана IV, когда правительство во внѣшней и внутренней политикѣ должно было перенести жестокія униженія, а царское честолюбіе—мучительныя испытанія.

Но наряду съ этимъ противорѣчіемъ наблюдается и другое несоотвѣтствіе практики царскаго мѣстничества идеѣ, положенной въ его основу. Иванъ Грозный какъ-то укололъ Іоанна шведскаго за то, что тотъ захотѣлъ у себя учинить титла и печати «нашего царствія величества», и замѣтилъ ему: «ты обезумѣвъ хотя и вселенной назовешься государемъ, да кто тебя послушаетъ» [1]). Грозный-же съ своими титлами и печатями хотя и претендовалъ на это званіе въ силу правъ цареградскаго наслѣдника, но въ сложныхъ мелочахъ мѣстническихъ споровъ нерѣдко забывалъ главную цѣль затѣянной борьбы. Когда создавался сложный ритуалъ дипломатическихъ обрядностей, когда выяснялась степень почетности каждаго мелочнаго обычая, то всему этому посвящено было такъ много вниманія, времени и силъ, что утомленное этой борьбой сознаніе московскаго правительства не въ силахъ было сохранить въ чистотѣ главную идею своей политической цѣли. Такъ какъ реальные факты жизни нерѣдко имѣли болѣе сильное вліяніе на настроеніе умовъ, чѣмъ мертвыя фикціи, затерянныя къ тому-же въ хаосѣ мелочей, то принципы царскаго мѣстничества претерпѣвали иногда весьма существенныя уклоненія отъ указанныхъ выше проявленій. Соображенія выгоды, политическій расчетъ московскаго правительства былъ тѣмъ Молохомъ, въ жертву которому принесены были и излюбленныя фикціи, какъ прежде

---

[1]) Лѣт. зан. Арх. Комм., вып. 5, матер., стр. 44.

приносились ему въ жертву не только пріобрѣтенныя права, но даже религіозныя правила.

Иванъ Васильевичъ Грозный, самодержецъ по Божію изволенію, а не по хотѣнію многомятежнаго человѣчества, не прочь былъ принять на себя или на сына своего польскую корону по избранію великаго множества народа. Серьезная идея умиротворенія двухъ враждующихъ державъ руководила имъ при этомъ. Но готовность быть избраннымъ королемъ совсѣмъ не гармонировала съ его взглядами на посаженныхъ государей Этого мало. Трудно было, кажется, найти въ то время человѣка болѣе нетерпимаго къ ограниченнымъ формамъ правленія, чѣмъ Иванъ Грозный. Но онъ-же, объявляя особливое свое хотѣнье быть государемъ въ одной Литвѣ, даетъ слѣдующее обѣщаніе радѣ: «у васъ пановъ радъ и всего рыцарства и всее земли литовскіе, справъ и повольностей во всякихъ вашихъ поведеньяхъ переставливати и убавливати ни въ чемъ не хотимъ: какъ у васъ прежъ сего велося по старымъ обычаемъ, также и прибавливати и наддавать вамъ всякихъ чиновъ и чести, со всѣхъ пановъ радъ приговору, по вашему майстату, по прежнимъ вашимъ обычаемъ; а инако слово наше не будетъ, и крестнымъ цѣлованіемъ по договору затвердимъ» [1]).

Серьезные политическіе интересы побудили Грознаго отступить отъ своихъ политическихъ догматовъ. Политическая необходимость заставила его поступиться этими догматами въ пользу Баторія, лишь-бы добиться отъ него заключенія перемирія. Грозный, передавая Антонію Поссевину слова Баторія, что не въ томъ достоинство королевское, кто королевской сынъ или государской, а въ томъ достоинство, кого люди изберутъ королемъ, и что многіе цесари и короли бывали изъ шляхтичей, замѣчаетъ: «и мы того по ся мѣста не слыхали, да и онъ тѣмъ хвалится, что онъ изъ рыцерскаго роду, ино то онъ вѣдаетъ; а мы тогды потому съ нимъ не хотѣли братарства, что онъ не отъ государскаго роду; и коли то по древнему обычаю добро, и мы нынѣча съ нимъ для покоя хрестьянскаго братства хотимъ» [2]). Въ 1581 г. при заключеніи перемирія съ Баторіемъ

[1]) *Соловьевъ*, VI, изд. 4, стр. 278—288; Пам. дипл. снош., I, стр. 581; *Бантышъ-Каменскій*, Переписка между Россіей и Польшей, ч. I, Чт. Общ. Ист. 1861 г., книга IV, стр. 140. Въ случаѣ избранія его сына Грозный требовалъ, чтобы Польша и Литва «мимо дѣтей сына его другаго государя не искали», а если у него дѣтей не будетъ, то не отрывались-бы отъ рода московскихъ государей. Но среди сыновей онъ допускалъ выборъ: «въ старости, говорилъ онъ, про себя, вольно намъ будетъ отойти въ монастырь, и тогда паны и вся земля выбираютъ себѣ въ государи изъ нашихъ сыновей, который имъ будетъ любъ; а самъ я неугоднаго имъ назначать не буду». *Соловьевъ*, тамъже, стр. 285 и 286.

[2]) Пам. дипл. снош., X, 230—231. «И въ братствѣ съ нимъ готовы есмя быти, только-бъ былъ покой хрестьянству.

Грозный для «покоя крестьянскаго не велѣлъ даже себя царемъ писати», мотивируя такую крайнюю уступку тѣмъ, что «котораго извѣчнаго государя какъ его не напиши, а его государя во всѣхъ землях вѣдаютъ, какой онъ государь» [1]). Такія признанія могли быть и не искренни вслѣдствіе вынужденности. Но брезгливый на братство царь Иванъ дѣлалъ въ этомъ отношеніи уступки совершенно свободно и изъ весьма мелочныхъ расчетовъ. Въ 1566 г. шведскій король Ерикъ просилъ учинить его въ братствѣ, обѣщая за то прислать жену своего брата, сестру польскаго короля Екатерину. И Грозный короля пожаловалъ, «въ братствѣ его на томъ учинилъ, что Ирику королю польскаго короля сестру прислати»; но при этомъ было выговорено, что если король обѣщанія не исполнитъ, то «докончальная грамота не въ грамоту и братство не братство» [2]). Не прочь былъ Грозный и отъ братства съ королемъ Іоанномъ, хотя считалъ его страдникомъ изъ мужичьяго рода и доказывалъ что по чести его личной и шведскаго государства ему слѣдуетъ сноситься только съ новгородскими намѣстниками. Грозный, однако, готовъ былъ отвести его отъ намѣстниковъ, но требовалъ, чтобы король прислалъ къ нему пословъ съ челобитьемъ и почтилъ его «напротиву того также великимъ дѣломъ»; «и мы тебя, писалъ Грозный, пожалуемъ, отъ намѣстниковъ отведемъ, а не выкупя тебѣ того у насъ не видати, а даромъ тебѣ съ нами ссылатись не пригожъ и по государству и по отечеству» [3]). Послѣ допущенія покупки отеческой и государской чести идти дальше въ противорѣчіяхъ самому себѣ было некуда.

Итакъ, самъ царь Иванъ Васильевичъ дѣлалъ отступленія отъ своихъ аристократическихъ тенденцій въ виду практическихъ соображеній. Онъ, которому никакое государство высоко не бывало, долженъ былъ сбавить свое «спѣсивство» и «смириться» передъ Баторіемъ [4]). Послѣдующія за его смертью событія въ значительной мѣрѣ смягчили и крайности его воззрѣній на власть самодержавнаго государя.

---

[1]) Наказъ князю Елецкому, стр. 26; Переговоры о мирѣ между Москвой и Польшей, стр. 68.

[2]) Александ.-Невск. Лѣт., Р. И. Б., т. III, стр. 291.

[3]) Лѣт. зан. Арх. Комм., вып. 5, матер., стр. 44 и 46. Грозный требовалъ дорогого выкупа: «ты намъ поддайся и покорись... и коли поддашься, ино... мы ссылаемся съ тобою какъ съ своимъ, а съ чюжимъ съ молодымъ, какъ ты, ссылатись намъ не пригоже». Если онъ думалъ поиронизировать надъ королемъ, то шутка вышла оскорбительной и для самыхъ дорогихъ догматовъ родовитой Москвы.

[4]) Въ 1580 г. Грозный писалъ ему: «предъ Богомъ и предъ тобою смиряяся». Лит. метр., II, стр. 78.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Московскіе государи и ихъ слуги.

Сѣверовосточная Русь унаслѣдовала отъ Руси Кіевской, между прочимъ, и форму свободныхъ отношеній членовъ дружины къ князю Но здѣсь, подъ вліяніемъ иныхъ экономическихъ и политическихъ условій, эти отношенія постепенно видоизмѣняются. Дружинникъ-богатырь, воинъ по преимуществу, думавшій съ княземъ о высокомъ столѣ и налезавшій славу себѣ и своему князю, постепенно мѣняетъ свою воинственную физіономію на скромный обликъ хозяина, помогающаго своему князю управлять его вотчиною и заботиться о примыслахъ къ ней. Вмѣстѣ съ княземъ дружинникъ перестаетъ быть тѣмъ подвижнымъ элементомъ, содѣйствовавшимъ столь сильно поддержанію идеи о единствѣ русской земли постояннымъ передвиженіемъ съ одного стола на другой. Въ сѣверовосточной Руси борьба за великое княженіе владимірское не сопровождается этимъ передвиженіемъ. Князья предпочитаютъ оставаться въ своихъ удѣльныхъ вотчинахъ и послѣ достиженія велико-княжескаго стола: стольный городъ Владиміръ не унаслѣдовалъ былой прелести матери городовъ русскихъ. Параллельно съ этимъ и въ связи съ развивающеюся системою удѣловъ возникаетъ цѣлый рядъ великихъ княженій на ряду съ владимірскимъ. Размѣстившіеся по этимъ многочисленнымъ великимъ и удѣльнымъ княженіямъ члены княжеской дружины постепенно осѣдаютъ, какъ и князья, въ своихъ вотчинахъ. Насколько видоизмѣнилось ихъ положеніе, указываетъ своеобразная «повѣсть о калмацкомъ побоищѣ», которая сохранила былинное преданіе о томъ, какъ русскіе богатыри—Александръ Поповичъ, Тимоня Золотой Поясъ и другіе—по смерти князя Константина Всеволодовича учинили рядъ, «яко служити имъ единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ», такъ какъ, думали

они, если начнутъ служить князьямъ по разнымъ княженіямъ, то и «нехотя имутъ перебитися, понеже княземъ въ Руси велико неустроеніе и части боеве» [1]). Любопытно, что русскіе богатыри не сочли возможнымъ служить одному князю въ одномъ изъ сѣверныхъ городовъ. Для нихъ не нашлось мѣста въ сѣверовосточной Руси; здѣсь не на чемъ было проявить имъ свою богатырскую силу: частые боеве отличались «больше варварствомъ, чѣмъ воинственностью». Для служилыхъ людей, оставшихся на сѣверѣ, необходимо было поступиться нѣкоторыми изъ своихъ типическихъ чертъ.

Но и въ этихъ новыхъ условіяхъ прежніе дружинники—теперь бояре и вольные слуги—успѣли сохранить за собой право свободнаго отъѣзда: междукняжескіе договоры обезпечивали за ними въ этомъ отношеніи полную волю. Но, какъ вѣрно замѣчено, это право являлось анахронизмомъ среди явленій удѣльнаго порядка сѣверной Руси и противорѣчило стремленію князей «соединить личную службу вольныхъ слугъ съ землевладѣніемъ въ удѣлѣ, закрѣпить первую послѣднимъ». Право свободнаго отъѣзда не согласовалось и съ другимъ условіемъ тѣхъ же междукняжескихъ договоровъ, на основаніи котораго «для князей и ихъ бояръ затруднялось пріобрѣтеніе земли въ другихъ удѣлахъ и запрещалось имъ держать тамъ закладней и оброчниковъ, т. е. запрещалось обывателямъ уѣзда входить въ личную или имущественную зависимость отъ чужого князя или боярина [2]).»

Въ современной русской письменности не прошло незамѣченнымъ такое несоотвѣтствующее общимъ условіямъ жизни явленіе, какъ свобода отъѣзда.

Древне-русскіе книжники-публицисты довольно рано обратили вниманіе на общій вопросъ объ отношеніяхъ дружины къ князю. Въ своихъ стремленіяхъ къ упорядоченію политическаго быта они встрѣтили сильное препятствіе въ лицѣ дружинниковъ, про которыхъ современникъ замѣтилъ: «князь не самъ впадаетъ во многія вещи въ злыя, но думцы вводятъ» [3]). Участіе этихъ думцевъ въ княжескихъ междуусобіяхъ, о прекращеніи которыхъ особенно горячо ратовали наши книжники, вызвало противъ думцевъ сильное неудовольствіе. Назидательный бытоописатель очень часто указываетъ на злыхъ совѣтчиковъ, какъ на причину княжескихъ распрей: «тако свадиша братью окаянніи тіи зліи человѣцы: сіи бо суть

---

[1]) П. С. Л., XV, 338.

[2]) *Проф. Ключевскій*, Боярская дума древней Руси, изд. 1, стр. 98—101; изд. 2, стр. 96—100.

[3]) *Калайдовичъ*, Памятники россійской словесности XII в., стр. 236—237.

оканнніиши бѣсовъ, бѣси бо сами не могуще что христіаномъ сотворити, то злыхъ человѣкъ на то поущаютъ [1].» Къ такому приравненію злого человѣка бѣсу очень любили прибѣгать наши книжники; по ихъ мнѣнію, и «бѣсъ того не замыслитъ, еже золъ человѣкъ замыслитъ» [2]. Они очень рано обратили также вниманіе на вѣроломства и клятвопреступленія этихъ княжихъ слугъ. Такъ еще поступокъ Блуда, лукавствовавшаго на князя своего лестью, вызвалъ поучительныя наставленія лѣтописца, который, припомнивъ слова царя Давида, что «мужъ въ крови льстивъ не приполовить дний своихъ», замѣчаетъ: «се есть совѣтъ золъ, иже свѣщеваютъ на кровопролитье; то суть неистовии, иже приемше отъ князя или отъ господина своего честь, ли дары, ти мыслять о главѣ князя своего на погубленье, горьше суть бѣсовъ таковии: яко же Блудъ преда князя своего и приимъ отъ него чти многи, се бо бысть повиненъ крови той» [3]. Съ негодованіемъ лѣтописецъ говоритъ и о Кучковичахъ, этихъ княжескихъ милостивникахъ, а потомъ окаянныхъ убійцахъ [4]. Такіе случаи вѣроломства вовсе не были рѣдкостью въ русской жизни; по крайней мѣрѣ составитель Переяславскаго лѣтописнаго свода, разсказывая эпизодъ о Блудѣ, вложилъ въ уста вѣрнаго слуги Варяжка такую общую сентенцію: «всякъ милостникъ подобенъ есть змии запазушнѣй [5].» Послѣдующее время представило не одинъ примѣръ въ подтвержденіе этой общей сентенціи.

При такихъ воззрѣніяхъ русскихъ книжниковъ на положеніе дѣлъ представлялось необходимымъ противодѣйствовать существующему злу. Отсюда и возникъ цѣлый рядъ поученій оригинальныхъ и заимствованныхъ о нормальныхъ отношеніяхъ къ князю, поученій, стоящихъ въ тѣсной связи съ пропагандой идеи о почитаніи властей.

Авторъ обширной статьи «На поученіе ко всѣмъ крестьяномъ» открываетъ свое «слово о князѣхъ» слѣдующимъ общимъ наставленіемъ: «князю земля вашея покоряйтеся, не рцѣте ему зла въ сердци своемъ, и пріяйте ему головою своею и мечемъ своимъ и всею мыслію своею и не возмогутъ противиться иніи князю ва-

---

[1]) П. С. Л., VII, 73; ср. Лѣт. по Ип. сп., 351.
[2]) Лѣт. по Ип. сп., 371; П. С. Л., VII, 83.
[3]) Лѣт. по Лавр. сп., 75; Новгор. лѣт. по Синод. сп., изд. 1888 г., стр. 27—28.
[4]) Новг. лѣт. по Синод. сп., изд. 1888 г., стр. 455: «Оканный же злоначялный діаволъ, не могый трьпѣти добродѣтели его (кн. Андрея), и вселися сотона въ Якима зловѣрнаго, якоже и въ Июду Скариотьскаго на Христа, убийствомъ: тако и сии оканніи Кучковичи съвѣщашя на святого князя оканною своею мыслию» и проч.
[5]) Лѣт. Переясл. Сузд., стр. 16.

шему» [1]). Другой анонимный авторъ предлагаетъ подобное же «Поученіе отъ святыхъ отецъ»: «Наипаче-же князю своему всѣмъ сердцемъ пріяй, то есть отецъ твой и мати твоя... Не мози помыслити зла, ни глаголати нань. Глаголетъ бо писаніе: аще речеши глаголъ хуленъ на своего князя, то и птица донесетъ на него. И не противляйся словесы; святый бо апостолъ Павелъ глаголетъ: владычества отъ Бога учинены суть» [2]).

Но духовно-публицистическая литература не ограничивалась разработкой только общей темы объ отношеніяхъ къ князю; она коснулась вопроса и о свободѣ отъѣзда вольныхъ слугъ. И это совершенно понятно: право отъѣзда шло въ разрѣзъ съ обязанностью быть преданнымъ и покорнымъ своему князю; оно въ значительной мѣрѣ поддерживало и питало усобицы. Вотъ что читается въ поученіи ко всѣмъ крестьянамъ: «князю землѣ вашея покоряйтеся, не рцѣте ему зла въ сердце своемъ, и пріяйте ему головою своею и мечемъ своимъ и всею мыслію своею». Въ случаѣ доброй пріязни своему князю авторъ обѣщаетъ богатство землѣ, а отъ земли и дружинѣ. Пріязнь же инымъ князьямъ отъ своего вызываетъ у автора два уподобленія: первое очень рельефное уподобленіе невѣрной женѣ и второе Іудѣ. «И се паки и еще вы глаголю, чада моя, продолжаетъ авторъ, аще кто отъ своего князя ко иному отъѣдетъ (иже кто о князѣ своемъ зло мыслитъ къ другому князю), а достойну честь пріемля отъ него, то подобенъ Июдѣ, иже любимъ Господомъ, ти умысли предати его ко княземъ жидовскимъ.» Указавъ на судьбу Іуды, авторъ такъ заключаетъ свое поученіе: «да и вы, сынове мои милые, не мозѣте пріяти иному князю, да не въ тоже зло впадете». Это поученіе очевидно встрѣтило сочувствіе среди книжниковъ того времени, такъ какъ получило широкое распространеніе: оно извѣстно въ двухъ редакціяхъ XIV и XV вв. и дошло до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ [3]).

---

[1]) Москвитянинъ, 1851 г. № 6, стр. 119; *Буслаевъ*, Ист. христ., 477; *Макарій* V, изд. 2, 416.

[2]) Сборн. Погод. древлехр., № 1287, л. 74. Неизвѣстный авторъ «Слова св. отецъ како жити крестьяномъ» почти дословно повторяетъ предыдущее поученіе: «Наипаче же князю своему пріязнь имѣй, а не мысли зла нань. Глаголетъ бо Павелъ апостолъ: отъ Бога власти всяки устроены суть. Рече бо: Бога ся бойте, а князя чтите. Аще бо властелямъ кто противится, то Божію суду повиненъ есть, повелѣнію бо противится Божію.» Ж. М. Н. Пр. 1854 г., № 12; Прав. Собесѣд. 1859 г. № 1, стр. 134.

[3]) Москвитянинъ 1857 г., кн. 2, № 6, стр. 119—134; *Буслаевъ*, Истор. христ., стр. 477—479. Варьянтъ взятъ изъ текста, напечатаннаго у *Макарія*, Ист. церк., V, стр. 416 и слѣд. Въ краткой редакціи XV в. поученіе приписано еп. сарайскому Матѳею, а въ пространной помѣщено въ Златой Цѣпи XIV в. До сихъ поръ извѣстны одинъ списокъ краткой редакціи и четыре списка пространной, *Макарій*, V, прил. VIII; Первое приб. къ Оп. ркп.

Итакъ назидательная литература сѣверовосточной Руси стремилась поставить отношенія вольныхъ слугъ къ князю на совершенно новыхъ началахъ. Возставая противъ свободы отъѣзда, она не только признала ненормальнымъ открытое противодѣйствіе князю со стороны вольныхъ слугъ, но объявила несогласными съ истинами религіи злой умыселъ на князя, хульный глаголъ и противленіе ему на словахъ. Сторонники новаго взгляда не ограничивались одними лишь теоретическими сентенціями въ видѣ поученій: они имѣли основаніе разсчитывать и на практическое проведеніе новыхъ началъ, такъ какъ нашли поддержку со стороны церкви. Въ древнихъ спискахъ кормчей (XIII в.) и отдѣльныхъ сборникахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Мѣрила Праведнаго (XIV в.), встрѣчается очень любопытная статья, усвоиваемая то Василію Великому (канонъ 66), то св. апостоламъ (правило 84), въ которой содержится слѣдующее любопытное постановленіе: «Иже укоритъ царя ли князя чрезъ праведное, казнь да пріиметъ; и аще есть причетникъ да извержется, и аще люжанинъ да отлученъ будетъ» [1]). Это постановленіе, какъ видно, должно было примѣняться ко всѣмъ классамъ населенія, не исключая и людей церковныхъ; значитъ, духовенство могло его примѣнять и къ княжескимъ слугамъ. Но важно и любопытно то, что церковь, объявивъ проступкомъ укоръ князю—дѣяніе совершенно свѣтскаго характера, — облагаетъ его наказаніемъ чисто церковнымъ—отлученіемъ отъ церкви. Въ сферѣ свѣтской администраціи не успѣли еще усвоить себѣ подобнаго взгляда, и церковь первое время не нашла себѣ поддержки со стороны княжескихъ правительствъ. Однако указанное постановленіе должно было оказать извѣстное вліяніе на измѣненіе взглядовъ и въ правительственной сферѣ.

Трудность затѣянной реформы подавала мало надежды на близкое ея осуществленіе. Но защитники ея не упускаютъ случая напомнить о своихъ взглядахъ, стараясь факты дѣйствительной жизни истолковать въ свою пользу. Укажемъ примѣры.

Хлудова, стр. 25—26. *Филаретъ* (*Гумилевскій*). Обзоръ русск. дух. литер.. § 49, считаетъ авторомъ поученія митр. Кирилла I; *Макарій*, Ист. церкви, т. V, стр. 166, называетъ авторомъ еп. Матѳея сарайскаго; *Срезневскій*, Памятн. русск. письма и языка, изд. 2, стр. 110, принимаетъ мнѣніе Филарета на томъ основаніи, что поученіе не упоминаетъ вовсе о татарахъ; *проф. Голубинскій*, Ист. церкви, т. I, ч. 1, стр. 679, примѣч., относитъ поученіе къ домонгольскому періоду, но не признаетъ митр. Кирилла его авторомъ и полагаетъ, что авторъ вообще лицо не духовное, а міррянинъ.

[1]) *Розенкампфъ*, О кормчей, изд. 2, стр. 93, п. 9 (Харатейная кормчая XIII или начала XIV в. изъ библ. Румянцева); *Калачовъ*, Мѣрило Праведное, Арх. ист.—юр. свѣд., т. I. отд. III, стр. 33 (Пергамин. ркп. XIV в. изъ библ. Троицко-Серг. Лавры).

Въ 1281 г. городецкій князь Андрей Александровичъ испросилъ себѣ въ Ордѣ великое княженіе подъ старшимъ братомъ Дмитріемъ Александровичемъ и для обезпеченія привелъ съ собой татарскую рать, во главѣ которой подступилъ къ Переяславлю, «а съ нимъ бояринъ его Семенъ Тонгліевичъ и иные коромольники». Татарскія полчища, конечно, опустошили страну. Лѣтописецъ по этому поводу замѣчаетъ: «Все же то зло сотвори кн. Андрей съ своимъ Семеномъ Тонгліевичемъ, добиваяся княженія великаго, а не по старѣйшинству». Черезъ два года князья-братья примирились, и вслѣдъ за симъ бояре вел. князя Дмитрія по его повелѣнію убили на Костромѣ Семена Тонгліевича, «коромольника льстиваго», какъ называетъ его лѣтописецъ [1]). Очевидно вся эта княжеская смута затѣяна при ближайшемъ содѣйствіи этого боярина. Взглянувъ на дѣло съ точки зрѣнія миролюбца и противника княжескихъ смутъ, лѣтописецъ отнесся въ данномъ случаѣ къ боярину городецкаго князя такъ же, какъ во многихъ другихъ аналогичныхъ случаяхъ: въ его глазахъ Семенъ Тонгліевичъ былъ злой совѣтникъ, совѣщавшій своему князю на кровопролитіе. Но лѣтописецъ совсѣмъ напрасно назвалъ его коромольникомъ льстивымъ; Семенъ Тонгліевичъ вѣрой и правдой служилъ своему князю, радѣлъ ему мыслію и мечемъ, добывая для него столъ княженія великаго, хотя это и было, можетъ быть, очень эгоистической затѣей. Въ крамолѣ противъ своего князя онъ повиненъ не былъ. Именно съ этой точки зрѣнія взглянулъ на все это дѣло составитель другаго лѣтописнаго свода. Семенъ Тониліевичъ здѣсь именуется «поспѣшникомъ и помошникомъ», «совѣтникомъ и помошникомъ» князя Андрея Александровича, а вовсе не коромольникомъ. Лѣтописецъ не скрываетъ, что все это дѣло было задумано не съ чистыми намѣреніями, что оно ведено было противъ старшаго брата и осуществлено только благодаря лести князя Андрея передъ ордынскимъ царемъ. Но вотъ какъ изложенъ эпилогъ этого дѣла. Когда братья помирились, то вел. князь Дмитрій Александровичъ посылаетъ своихъ двухъ бояръ «изымать тайно Семена Тонильевича и испытати его потонку о всемъ, и убити». Бояре исполнили повелѣніе своего князя, и вотъ что на допросѣ отвѣтилъ имъ бояринъ городецкаго князя: «всуе испытуете мя, азъ убо вѣрою и правдою и истинною служихъ своему господину князю Андрѣю Александровичю, а еже которыя межи ихъ з братомъ его быша брани, или о обидахъ или о вспорехъ, се вѣдятъ они межь собою, а язъ вѣмъ то, еже служити своему господину отъ всего сердца». Бояре допытывались, не онъ

[1]) П. С. Л., VII, 175—176.

ли поднималъ ордынскаго царя и приводилъ татаръ; но тотъ отвѣтилъ: «азъ сего дѣла не имамъ; аще хощете истинно увѣдѣти, спросите господина моего, и той вамъ о всемъ отвѣщаеть». Когда же бояре подъ угрозой смерти потребовали свѣдѣній о бывшихъ, настоящихъ и будущихъ намѣреніяхъ городецкаго князя, то Семенъ Тонильевичъ отвѣтилъ имъ слѣдующею замѣчательною рѣчью: «суетенъ есть вашъ совѣтъ, понеже господинъ вашъ взя съ нашимъ господиномъ миръ и любовь и укрѣпишася крестнымъ цѣлованіемъ въ мирѣ и въ любви быти. Да сей-ли есть миръ и любовь вашего господина и васъ, еже убивати бояръ нашего господина! во истинну суетно есть дѣло ваше» [1]). Смертью поплатился Семенъ Тонильевичъ за вѣрность своему господину. Свѣтлый образъ вѣрнаго слуги, умирающаго за своего господина, привлекаетъ всѣ симпатіи читателя; вмѣстѣ съ лѣтописцемъ онъ легко могъ представить, какъ «зѣло тужить» о такомъ бояринѣ долженъ былъ городецкій князь.

Любопытный аналогичный примѣръ занесенъ въ лѣтопись подъ 1392 г. Въ этотъ годъ умеръ Данило Ѳеофановичъ, внукъ Ѳедора Бяконта, выѣхавшаго въ Москву при Калитѣ. Про Данила Ѳеофановича замѣчено, что онъ былъ истинный бояринъ вел. князя и правый доброхотъ, служилъ государю безъ лести въ Ордѣ и на Руси паче всѣхъ и «голову свою складаше по чюжимъ странамъ, по незнаемымъ и по невѣдомымъ мѣстомъ, многы труды понесъ и многы истомы претерпѣ». Лѣтописецъ прибавляетъ, что великій князь изъ любви къ своему слугѣ прослезился на его похоронахъ и плакалъ на многъ часъ [2]).

Иныя мысли и чувства вызвалъ у лѣтописца предательскій поступокъ Василія Румянца, старѣйшаго боярина при нижегородскомъ князѣ Борисѣ Константиновичѣ. Объ этомъ поступкѣ лѣтописецъ отозвался такъ: «О злая лесть человѣческая! Якоже рече Давидъ: мужа кръвава и льстива гнушается Господь; и Лѣствичникъ рече: душа мятежна сѣдалище діаволе. И отъиде Румянецъ, Іюдинъ образъ вземъ, помрачися злобою и другъ діаволу нарекся» [3]). Даже отъѣхавшихъ въ 1486 г. въ Москву тверскихъ бояръ официальная московская лѣтопись называетъ коромольниками [4]).

Такіе примѣры несомнѣнно должны были имѣть серьезное воспитательное значеніе, служа подтвержденіемъ общихъ теоретическихъ поученій о службѣ князю.

---

[1]) П. С. Л. X, 159—161.
[2]) П. С. Л., VIII, 62—63; Никон., IV, 251.
[3]) П. С. Л., XV, 446.
[4]) Никон. Лѣт., VI, 120.

Можно думать, что эта проповѣдь не осталась безъ вліянія и на княжескія правительства: на нихъ главнымъ образомъ она, конечно, и была разсчитана. Но князья великіе и удѣльные не могли открыто стать на сторонѣ этого новаго ученія по соображеніямъ чисто политическимъ. Каждый изъ нихъ для сохраненія и пріумноженія прародительской отчины долженъ былъ озаботиться привлеченіемъ къ себѣ извѣстной военной силы, которая составлялась по преимуществу изъ бояръ и вольныхъ слугъ. Этому стремленію «ширитися и богатѣти» шло навстрѣчу движеніе по преимуществу съ запада и юга разнообразныхъ выходцевъ, искавшихъ случая повыгоднѣе пристроиться при одномъ изъ княжескихъ дворовъ. Дворъ болѣе богатый, отъ котораго можно было получить побольше льготъ, при которомъ жилось спокойнѣе и сытѣе, естественно привлекалъ къ себѣ большее количество этихъ свободныхъ силъ. Со 2-й четверти XIV в. дворъ московскихъ князей отличается наибольшею притягательною силою. Хотя около этого времени здѣсь пріютился и высшій представитель духовной іерархіи, чрезъ посредство котораго московскіе князья ближе и лучше могли ознакомиться съ новыми взглядами на отношенія между княземъ и его слугами, но интересы московскаго правительства сосредоточены были на борьбѣ за преобладаніе. Оно должно было особенно дорожить притокомъ служилыхъ силъ, а потому, чтобы не проиграть въ ихъ глазахъ, не только не могло относиться къ своимъ слугамъ болѣе строго, какъ того требовало новое ученіе, но даже должно было большими привилегіями и льготами сравнительно съ прочими княжествами повысить спросъ на свободныя служилыя силы. Поэтому московское правительство не только не вступаетъ въ борьбу съ сложившимися нормами свободныхъ отношеній бояръ и вольныхъ слугъ, но даже какъ бы содѣйствуетъ ихъ выясненію и развитію, [1]) проводя ихъ въ своихъ многочисленныхъ междукняжескихъ договорахъ. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ не оставалось мѣста проведенію новыхъ взглядовъ на службу князьямъ. Можно бы подумать, что основанная на договорѣ свободная служба вольныхъ слугъ вполнѣ соотвѣтствовала объединительной политикѣ московскаго правительства. И еще недавно было высказано мнѣніе, что даже такая привилегія бояръ и вольныхъ слугъ, какъ право при переходѣ отъ одного князя къ другому удерживать за собою свои села и деревни, но служить съ

[1]) Нѣтъ нужды входить въ разсмотрѣніе этихъ отношеній; вопросъ этотъ выясненъ въ прекрасныхъ статьяхъ *проф. В. И. Сергѣевича,* Вольные и невольные слуги въ Московскомъ государствѣ, Наблюдатель 1887 г. №№ 2 и 3.

нихъ не тому князю, въ волости котораго находились эти села и деревни, а тому, кого они свободно признали своимъ господиномъ, эта привилегія удерживается до окончательнаго уничтоженія удѣловъ— знакъ, что она не была вредна великимъ князьямъ: московское государство сложилось при содѣйствіи вольной службы [1]).

Дѣйствительно московское правительство должно было признать нормы свободныхъ отношеній между княземъ и вольными слугами въ виду привлеченія къ себѣ наличныхъ служебныхъ силъ. Съ одной стороны эти нормы были выгодны московскимъ князьямъ, поскольку онѣ содѣйствовали притоку служилаго элемента изъ другихъ княжествъ въ Москву. Но съ другой стороны для великихъ князей было совсѣмъ невыгодно не только терять наличныя служебныя силы, но еще продолжать питать ихъ въ виду возможности столкновенія съ ними при измѣнившихся условіяхъ. Такимъ образомъ эти нормы ставили княжескія правительства въ неловкое двойственное положеніе. При взаимномъ соперничествѣ должно было выйти побѣдителемъ то изъ княжескихъ правительствъ, которое съумѣло, воспользовавшись выгодами вольной службы, устранить ея невыгодныя стороны. Московское правительство безъ особаго труда вышло изъ этого неловкаго положенія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствующее право оказывалось невыгоднымъ для московскаго правительства, коррективомъ къ нему являлась политика, понимаемая довольно своеобразно. Въ ней насиліе, неправда и клятвопреступленіе являлись дѣятельными союзниками великихъ князей. Какъ вѣрно замѣчено, «въ жертву этой политикѣ Москва приноситъ не только право, но и животворящій крестъ» [2]). Къ ея содѣйствію прибѣгала Москва и для ограниченія вольной службы своихъ слугъ. Ея же мѣрами проводились въ жизнь и выводы изъ новыхъ взглядовъ, проповѣдуемыхъ книжниками и церковью, о службѣ князьямъ.

Лѣтопись и другіе памятники сохранили лишь немногіе отрывочные и не всегда ясные примѣры этой политической практики; но и эти малочисленные примѣры должны остановить вниманіе изслѣдователя, особенно въ виду того, что отъѣзды изъ великаго княжества московскаго и не могли случаться часто, по пословицѣ: отъ добра добра не ищутъ. По этимъ примѣрамъ можно судить, какъ мало обезпеченнымъ становилось положеніе вольныхъ слугъ: къ нимъ, вопреки нормамъ договорнаго права, начинаютъ примѣняться наказанія, о которыхъ, нѣтъ сомнѣнія, и рѣчи не было,

[1]) *Проф. В. И. Сергѣевичъ*, Лекціи по исторіи русскаго права, 1886—1887 г., стр. 246.
[2]) Тамъ-же, стр. 258 и 256.

когда бояре и слуги вольные приказывались въ службу; отъѣздъ изъ Москвы уже довольно рано заклейменъ прозваніемъ измѣны.

Въ самомъ началѣ политическаго возвышенія Москвы первый извѣстный случай отъѣзда оттуда боярина Акинфа въ началѣ XIV в. уже изображенъ въ памятникѣ XV—XVI в. какъ измѣна. Этотъ бояринъ Акинфъ Гавриловичъ не захотѣлъ быть меньше боярина Родіона Нестеровича и отъѣхалъ въ Тверь. Здѣсь онъ подбилъ тверскаго князя начать рать противъ Переяславля, но во время осады былъ убитъ. Родіонъ Нестеровичъ, передавая голову своего соперника Ивану Калитѣ, сказалъ: «се, господине, твоего измѣнника и моего мѣстника глава»[1]. При великомъ князѣ Семенѣ Ивановичѣ Гордомъ встрѣчается и указаніе, что относительно неугодныхъ вольныхъ слугъ принимаются весьма произвольныя дисциплинарныя мѣры. Въ договорѣ, заключенномъ великимъ княземъ Семеномъ съ братьями, стоитъ условіе, что братья не должны принимать къ себѣ на службу Алексѣя Петровича, боярина великаго князя, который «вшелъ къ нему въ коромолу», а также и дѣтей этого боярина. Братья признали, что «воленъ въ немъ князь великій и въ его женѣ и въ его дѣтяхъ». Далѣе изъ договора видно, что великій князь конфисковалъ имущество своего боярина и часть этого имущества отдалъ брату князю Ивану, который обязался не возвращать ничего крамольному боярину и его семьѣ, «ни инымъ ни чимъ не подмогати ихъ»[2]. Что это была за крамола—неизвѣстно. Значеніе этого термина было очень неопредѣленно и не выяснилось даже долгое время спустя[3]. Льстивымъ коромольникомъ называли, какъ показано выше, и Семена Тонгліевича, хотя онъ былъ виновенъ только въ томъ, что очень усердно служилъ своему князю противъ великаго князя. Изъ условій разсматриваемаго договора можно заключить, что Алексѣй Петровичъ съѣхалъ съ Москвы. Не въ этомъ-ли и состояла его коромола? Въ числѣ условій договора находится и обычное: «и боярамъ и слугамъ вольнымъ воля».

Князь Иванъ не сдержалъ своего обѣщанія. Послѣ смерти великаго князя Семена Ивановича онъ принялъ на службу Алексѣя Петровича и учинилъ его тысяцкимъ на Москвѣ. Зимой 1356 г. этотъ

---

[1]) *Карамзинъ*, IV, прим. 324; ср. *А. И. Маркевича*, О мѣстничествѣ, стр. 174 и слѣд.; *его-же*, Исторія мѣстничества, стр. 235—236. Хронологическая запутанность этого событія въ данномъ случаѣ не представляется имѣющей значеніе.

[2]) С. Г. и Д., I, № 23.

[3]) См. объ этомъ ст. *проф. В. И. Сергѣевича*, Опыты изслѣдованія обычнаго права, Наблюдатель, 1882 № 2, стр. 226—227.

тысяцкій былъ таинственно убитъ. Вслѣдствіе этого въ Москвѣ произошелъ «велій мятежъ», длившійся довольно долго—отъ полуторыхъ до двухъ мѣсяцевъ,—въ которомъ принимали участіе и московскіе бояре. Въ результатѣ «большіе бояре московстіи» отъѣхали на Рязань съ женами и дѣтьми [1]). Что было причиной ихъ отъѣзда и поплатились-ли они за это—мы не знаемъ. Извѣстно только, что черезъ два года великій князь перезвалъ обратно двоихъ отъѣздчиковъ [2]); но объ участи остальныхъ лѣтописи молчатъ. Можетъ быть, при слабомъ правительствѣ великаго князя Ивана Ивановича и въ виду значительнаго числа отъѣхавшихъ, это и сошло имъ съ рукъ безнаказанно.

Но политическіе опыты не замедлили возобновиться при болѣе сильномъ правительствѣ. Въ 1373 г. умеръ послѣдній московскій тысяцкій Василій Васильевичъ Вельяминовъ. Въ слѣдующемъ году побѣжалъ съ Москвы въ Тверь его сынъ Иванъ Васильевичъ и какой-то Некоматъ Сурожанинъ «со многою лжею и льстивыми словесы», какъ сказано въ лѣтописи. Тверской князь послалъ ихъ въ Орду, и въ іюлѣ того-же года Некоматъ вынесъ ему ярлыкъ на великое княженіе. Тогда тверской князь сложилъ къ московскому крестное цѣлованіе и началъ войну [3]). Отсюда ясно, что Иванъ Васильевичъ Вельяминовъ перешелъ въ Тверь въ мирные годы. Но изъ перемирной договорной грамоты, заключенной между Москвой и Тверью послѣ войны, мы узнаемъ, что великій князь московскій конфисковалъ села, принадлежавшія Ивану Васильевичу и Некомату. Московскій князь санкціонируетъ въ новомъ договорѣ обычную норму вольной службы: «а кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ или отъ тобе къ намъ, а села ихъ въ нашей отчинѣ... или въ твоей отчинѣ, въ ты села намъ и тобѣ не вступатися». Но вслѣдъ за этимъ онъ торопится обезпечить и свою произвольную мѣру: «а что Ивановы села Васильевича и Нѣкоматовы, а въ ты села тобѣ не вступатися, а имъ не надобѣ, тѣ села мнѣ [4])». Нѣтъ сомнѣнія, что и въ предшествующемъ договорѣ было установлено общее правило о сохраненіи селъ за отъѣхавшими. Московскій князь изъ злобы на отъѣхавшихъ нарушилъ эту норму, отнялъ у нихъ села и послѣ побѣды, пользуясь правомъ сильнаго, санкціонировалъ свой произволъ. Но этимъ онъ не ограничился. Въ 1379 г

---

[1]) П. С. Л., VIII, 10; X, 228—229. Убійство произошло 2 февраля, а бояре отъѣхали по послѣднему пути.
[2]) П. С. Л., X, 230.
[3]) Ник. Лѣт., IV, 39, 41 и 42; П. С. Л., V, 233; *Карамзинъ*. V, прим. 32.
[4]) С. Г. и Д., I, стр. 48.

Иванъ Васильевичъ Вельяминовъ возвращался изъ Орды; но на пути «обольстивше и преухитривше» его поймали, и 30 авг. сынъ тысяцкаго былъ «потятъ мечемъ на Кучковѣ полѣ повелѣніемъ великаго князя [1])». Въ 1383 г. былъ казненъ и Нѣкоматъ «за нѣкую крамолу бывшую и измѣну [2])». Значитъ и лѣтописецъ считалъ поступокъ отъѣхавшихъ измѣной [3]). По поводу казни Вельяминова лѣтописецъ предлагаетъ слѣдующее назидательное поученіе читателямъ: сатана изначала разставилъ для сыновъ человѣческихъ свои злодѣйственныя сѣти «и научи ихъ другъ на друга враждовати и завидѣти и властемъ не покорятися». Въ этихъ словахъ есть какъ-бы намекъ на то, что и Вельяминовъ въ чемъ-то не покорился великому князю. Весьма вѣроятно, что сынъ тысяцкаго разсчитывалъ занять положеніе своего отца, особенно въ виду того, что званіе тысяцкаго было почти наслѣдственнымъ въ фамиліи Вельяминовыхъ. Но великій князь московскій послѣ смерти Василія Васильевича Вельяминова никого не назначилъ на эту должность и тѣмъ самымъ упразднилъ ее. Это и могло возбудить неудовольствіе Ивана Васильевича, который все свое непокорство и выразилъ тѣмъ, что убѣжалъ въ Тверь, гдѣ началъ служить въ разрѣзъ съ интересами Москвы. Онъ былъ вольный слуга и могъ, казалось-бы, служить тамъ, гдѣ ему нравилось. Лѣтописецъ зналъ хорошо мотивы отъѣзда, а потому вслѣдъ за приведенными словами дѣлаетъ такую ссылку на св. писаніе: «никто-же о себѣ честь пріемлетъ, но званый отъ Бога, и въ неже кто званъ бысть, въ томъ да пребываетъ». Свое поученіе онъ заключаетъ такъ: «Бога бойтесь, царя чтите, раби повинуйтеся во всякомъ страсѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ [4])».

Аналогичный случай имѣлъ мѣсто въ 1433 г., когда съ Москвы съѣхалъ знаменитый московскій бояринъ Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій. Это былъ выдающійся слуга великаго князя; про него даже лѣтописецъ замѣтилъ, что онъ служилъ «со всѣмъ предложеніемъ истиннымъ сердцемъ въ Ордѣ и великое княженіе ему (великому князю) у Махмета царя взя», а современный историкъ называетъ его достойнымъ преемникомъ тѣхъ московскихъ бояръ, которые при отцѣ, дѣдѣ и прадѣдѣ Василія умѣли удержать за Москвою первенство и дать ей могущество [5]). Неудовольствіе на великаго князя возникло у Всеволожскаго вслѣдствіе того, что вели-

---

[1]) *Карамзинъ* V, пр. 37; П. С. Л., VIII, 33; Никон., IV, 84—85.
[2]) *Карамзинъ*, V, пр. 37; П. С. Л., VIII, 49.
[3]) Ср. П. С. Л., VII, 220.
[4]) Никон. Лѣт., IV, 85.
[5]) Никон. Лѣт., V, 111; *Соловьевъ*, IV, изд. 5-ое, 52.

кій князь не сдержалъ даннаго своему боярину обѣщанія жениться на его дочери. И вотъ обиженный отказомъ великаго князя Иванъ Дмитріевичъ покинулъ Москву. Онъ не сразу пристроился. Пробовалъ сначала устроиться у князя Константина Дмитріевича въ Угличѣ, но скоро перешелъ въ Тверь. Но и здѣсь прожилъ недолго и отъѣхалъ въ Галичъ къ Юрію Дмитріевичу и изъ мести къ великому князю началъ подговаривать князя Юрія на великое княженіе [1]). Счастье оказалось на сторонѣ галичскаго князя, который занялъ Москву, но продержался въ ней очень недолго и добровольно уступилъ ее племяннику. Изъ заключеннаго при этомъ договора узнаемъ, что великій князь захватилъ села Ивана Дмитріевича «въ своей винѣ» и по договору удерживаетъ ихъ за собой, хотя въ томъ-же договорѣ признано обычное правило о береженіи бояръ, живущихъ въ чужомъ княженіи и о вольномъ отъѣздѣ [2]). Отнятіемъ селъ не удовлетворилъ великій князь своего гнѣва: во время возникшей вскорѣ за этимъ распри съ галичскимъ княземъ онъ успѣлъ захватить въ плѣнъ своего бывшаго боярина и приказалъ его ослѣпить [3]). Въ этой крутой расправѣ одно формальное основаніе можно указать въ оправданіе московскаго правительства: у него не было, кажется, заключено мирнаго договора съ галичскимъ княземъ въ тотъ моментъ, когда съѣхалъ съ Москвы Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій [4]). Но не потому, конечно, оно такъ поступило, что чувствовало за собой это формальное основаніе, а потому, что къ этому побуждали его соображенія интереса и чувство мести.

Въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ не только формальныя основанія, но даже нравственные и религіозные мотивы уступали мѣсто соображеніямъ политики и проникающему сознанію о неправомѣрности такого поведенія вольныхъ слугъ. О томъ же великомъ князѣ въ житіи Мартиньяна Бѣлозерскаго сохранился слѣдующій любопытный разсказъ. Съ Москвы къ великому князю тверскому съѣхалъ нѣкій болярииъ. Великій князь Василій Темный, «зѣло сжаливъ» о немъ, не зналъ что сдѣлать или какъ возвратить его назадъ, такъ какъ отъѣхавшій былъ «отъ ближнихъ его совѣт-

[1]) П. С. Л., VIII, 97.
[2]) С. Г. и Д. I, стр. 100 и 103.
[3]) П. С. Л., XV, 290.
[4]) Договоръ 1428 г., заключенный еще при митрополитѣ Фотіи, былъ нарушенъ въ 1431 г., судя по помѣтѣ на этомъ договорѣ: «а сю грамоту князю великому прислалъ съкладною вмѣстѣ кн. Юрьи, къ Ордѣ ида», С. Г. и Д., I, стр. 90. Слѣдующій извѣстный намъ договоръ заключенъ въ 1433 г. послѣ перваго захвата Юріемъ Москвы,—тамъ же, №№ 49 и 50. Былъ-ли заключенъ еще договоръ въ этотъ короткій промежутокъ, именно послѣ суда въ Ордѣ, мы не знаемъ, хотя есть извѣстіе, что вел. князь возвратился изъ Орды вмѣстѣ съ княземъ Юріемъ Дмитріевичемъ, П. С. Л., V, 264.

никъ». И вотъ придумывается такой планъ: великій князь проситъ преподобнаго Мартиньяна помочь ему въ этомъ дѣлѣ, обѣщая того боярина «много паче перваго честна и богата сотворити». Преподобный, надѣясь на духовное сыновство, убѣдилъ боярина вернуться, поручившись за вѣрность княжескаго слова («во всемъ нятся ему», какъ сказано въ житіи). Но какъ только бояринъ вернулся, великій князь «не удержа ярости гнѣва на болярина того» и велѣлъ его заковать. Когда Мартиньянъ узналъ, что великій князь «измѣну сотвори надъ бояриномъ», то онъ очень оскорбился и пріѣхалъ въ Москву. Явившись къ великому князю, Мартиньянъ обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: «тако-ли, самодержавный князь великій, ты праведно судити научился еси? Почто еси душу мою грѣшную продалъ и послалъ еси во адъ? Почто еси болярина того, иже мною призваннаго душею моею, оковати повелѣ и слово еси свое преступилъ?» Вѣроятно великій князь не сразу поддался увѣщаніямъ преподобнаго, такъ что послѣдній рѣшился прибѣгнуть къ крайнему среду: «Не буди, сказалъ онъ, мое грѣшное благословеніе на тебѣ и на твоемъ великомъ княженіи», и съ гнѣвомъ удалился. Только послѣ этого великій князь созналъ свою неправоту и сложилъ съ своего боярина опалу [1]). Весьма сомнительно, однако, чтобы онъ повысилъ его въ чести и богатствѣ: къ отъѣздчикамъ относились въ Москвѣ очень недружелюбно и даже презрительно въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ оставляли живыми и цѣлыми. Въ началѣ смуты, затѣянной Димитріемъ Шемякой, когда онъ только-что успѣлъ захватить Москву, къ великому князю въ Троицкій монастырь прискакалъ предупредить о случившемся нѣкій Бунко. Великій князь ему не повѣрилъ, такъ какъ этотъ Бунко незадолго передъ тѣмъ отъѣзжалъ къ князю Димитрію. «Сіи смущаютъ насъ, сказалъ великій князь, а язъ съ своею братіею въ крестномъ цѣлованіи, то какъ можетъ то быти такъ»? И велѣлъ Бунка выбыть изъ монастыря и воротить назадъ [2]).

Въ княженіе Василія Васильевича Темнаго только въ двухъ особенныхъ случаяхъ московскіе служилые люди воспользовались правомъ отъѣзда въ широкихъ размѣрахъ. Это было въ 1433 и 1446 гг., когда московскій столъ захватили по очереди галичскій князь Юрій Дмитріевичъ и его сынъ Дмитрій Шемяка. Московскіе вольные слуги сначала цѣловали крестъ новымъ князьямъ, а послѣ, когда Василій Васильевичъ получилъ въ удѣлъ въ первый разъ Коломну, а во второй—Вологду, отъѣхали къ своему прежнему князю.

---

¹) Лѣт. зан. Арх. Ком., вып. 1, матер., стр. 6—7.
²) П. С. Л., VIII, 115; Ник. Лѣт., V, 203.

Этотъ отъѣздъ остался безнаказаннымъ только потому, что некому было ихъ наказать: Юрій галичскій и Шемяка должны были уступить московскій столъ своему сопернику. При другихъ условіяхъ тотъ же Шемяка, какъ увидимъ, наказывалъ за отъѣздъ.

Описанные случаи вовсе не были исключительными. Политика московскаго правительства въ этомъ отношеніи представляется столь послѣдовательною, что примѣру ея спѣшатъ подражать и мелкія княжескія правительства. Василій Юрьевичъ Косой послѣ смерти отца, пограбивъ казну и запасъ, удалился изъ Москвы въ Новгородъ. Онъ взялъ съ собой князя Романа Переяславскаго, который прожилъ у Косого недолго и побѣжалъ въ Москву. Но Василій Юрьевичъ поймалъ своего слугу и за отъѣздъ велѣлъ ему отсѣчь руку и ногу [1].

Послѣ того, какъ Димитрій Шемяка долженъ былъ оставить великое княженіе и удалиться изъ Москвы, онъ заключилъ въ 1447 г. съ великимъ княземъ московскимъ договоръ [2], на основаніи котораго предоставлялась боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и слугамъ вольнымъ — воля; кромѣ того Димитрій Шемяка обязался блюсти какъ своихъ тѣхъ слугъ, которые служатъ великому князю, но живутъ въ вотчинѣ Шемяки [3]. Этого условія послѣдній не выполнилъ. Въ грамотѣ духовенства угличскому князю сказано, что «опослѣ того вашего докончанія и крестнаго цѣлованья которыи бояре и дѣти боярьскіе отъ тебя били челомъ брату твоему старѣйшему великому князю служити; а села и домы ихъ въ твоей отчинѣ, и ты черезъ то докончанье и черезъ крестное цѣлованіе тѣхъ еси бояръ и дѣтей боярьскихъ пограбилъ, села ихъ и домы ихъ еси у нихъ поотъималъ, и животы и състаткы всѣ и животину еси у нихъ поималъ» [4]. Составители посланія ссылаются, между прочимъ, на то, что великій князь «являлъ» имъ перемирную грамоту; онъ же, вѣроятно, указалъ имъ и всѣ нарушенія ея.

Наказываетъ за отъѣздъ и свободолюбивый великій Новгородъ. Разсказывая о самыхъ послѣднихъ минутахъ новгородской самобыт-

---

[1]) П. С. Л., V, 28.

[2]) Договоръ этотъ не сохранился ни въ подлинникѣ, ни въ спискахъ. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, указавъ, что договоръ былъ заключенъ при посредствѣ князей верейскаго и боровскаго, ссылается на № 67 С. Г. и Д. въ т. I и приводитъ условія договора. Русск. Ист., I, 414—415, пр. 40. Но подъ указаннымъ № помѣщена лишь договорная запись между Димитріемъ Шемякой и Ив. Андр. можайскимъ съ одной стороны и князьями верейскимъ и боровскимъ съ другой о томъ, на какихъ условіяхъ двое первыхъ должны бить челомъ вел. князю о заключеніи мира. Договоръ Шемяки съ Темнымъ нигдѣ не напечатанъ, но отдѣльныя статьи его цѣликомъ выписаны въ посланіи духовенства къ Димитрію Шемякѣ. А. И., т. I, № 40.

[3]) А. И. т. I, стр. 78, столб. 2.

[4]) Тамъ же, стр. 81, столб. 1.

*

ности, лѣтопись отмѣчаетъ слѣдующій фактъ: 28 декабря 1478 г. князь Василій Васильевичъ Шуйскій сложилъ новгородцамъ крестное цѣлованіе «на великаго князя имя». Новгородцы же «блюдяся великаго князя, не смѣли ему ни слова молвити». Современникъ какъ бы съ изумленіемъ прибавляетъ къ этому, что Шуйскій «былъ у нихъ въ городѣ два дня послѣ склада» [1]). Такая мягкость новгородцевъ только и можетъ быть объяснена страхомъ передъ подавляющей силой московскаго ополченія. Иванъ III, зная, конечно, существующую новгородскую практику относительно отъѣхавшихъ, спѣшитъ выговорить безнаказанность приказавшимся къ нему на службу новгородцамъ: онъ велѣлъ переговорить съ новгородцами о новгородскихъ боярахъ, дѣтяхъ боярскихъ и боярыняхъ, которые служатъ великому князю, «чтобы имъ не мстили никоторою хитростью» [2]). И это послѣ того, когда великій князь уже добился въ Новгородѣ такого же государства, какое было на Москвѣ.

Итакъ, еще въ XV вѣкѣ удѣльные князья и самобытныя городскія общины наказываютъ отъѣхавшихъ вольныхъ слугъ; но то же самое дѣлало издавна московское правительство. Всѣ находятъ отъѣздъ своихъ слугъ невыгоднымъ для себя и караютъ за отъѣздъ. Но то, что невыгодно для одной стороны, составляетъ очевидную выгоду другой. Каждая прибылая сила, ослабляя противника, ровно на столько увеличиваетъ преимущества того правительства, которое успѣетъ ее завербовать. Въ интересахъ послѣдняго было обезпечить свободный приливъ этихъ новыхъ силъ. Унаслѣдованныя нормы договорнаго права представляли къ тому весьма удобное средство. Поэтому московскій великій князь строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы договоры въ точности исполнялись противной стороной.

При такихъ условіяхъ въ Москвѣ считали враждебной всякую свободную силу, которая приказывалась на службу куда-либо помимо Москвы, а виновнаго въ такомъ проступкѣ вольнаго слугу при удобномъ случаѣ наказывали. Во второй четверти XV в. сынъ моложскаго князя Льва Михайловича, Андрей Дуло, поступилъ на службу въ Тверь, а не въ Москву; его за это наказали впослѣдствіи отнятіемъ вотчины. Въ родословной книгѣ случайно сохранилась объ этомъ такая краткая замѣтка: кн. Андрей Дуло «служилъ великому князю Борису Александровичу тверскому, потому отчины отсталъ» [3]).

---

[1]) П. С. Л., VI, 215; VIII, 194.
[2]) П. С. Л., VI, 218; VIII, 198.
[3]) Временникъ, кн. 10-я, родословн. книга, стр. 61.

Итакъ, воля бояръ и вольныхъ слугъ на практикѣ начинаетъ ограничиваться уже съ XIV вѣка, когда «краеугольный камень боярскихъ вольностей—свобода отъѣзда» былъ пошатнутъ. Уже въ это время начинаетъ проникать въ сознаніе князей мысль, что отъѣздъ—измѣна. Эта мысль развивается безспорно подъ прямымъ вліяніемъ духовной проповѣди. Но московскіе великіе князья не отмѣняютъ и не ограничиваютъ, однако, нормъ, гарантирующихъ боярамъ и слугамъ свободный отъѣздъ. Этимъ они обезпечиваютъ свободный притокъ въ Москву служилыхъ силъ, но политическими мѣрами устраняютъ примѣненіе этихъ нормъ къ своимъ слугамъ, что достигается противодѣйствіемъ отъѣзду въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Результатомъ такой политики было возникновеніе, вопреки записаннымъ нормамъ договорнаго права, обычнаго правила, по которому нельзя было «отказаться» отъ службы въ Москвѣ; можно было только бѣжать оттуда подъ опасеніемъ тѣхъ послѣдствій, какія примѣнялись къ государемымъ лиходѣямъ. Но «приказаться» на службу московскаго правительства было возможно хотя-бы съ очевиднымъ нарушеніемъ установленныхъ нормъ [1]).

Великій князь Иванъ Васильевичъ не только соблюдалъ всецѣло унаслѣдованную практику въ отношеніи отъѣзда вольныхъ слугъ, но повидимому сдѣлалъ изъ нея и дальнѣйшіе выводы. Прибылыя служилыя силы принимались въ Москвѣ съ распростертыми объятіями. Было уже указано, какъ заботился Иванъ III о неприкосновенности правъ перешедшихъ къ нему на службу новгородцевъ. Эти поощрительныя мѣры, конечно, предпринимались въ видахъ привлеченія новыхъ служилыхъ силъ. Но когда ни подобныя мѣры, ни богатыя награды выѣзжихъ изъ другихъ княженій слугъ не приводили къ желаемымъ результатамъ, московское правительство прибѣгало и къ болѣе крутымъ средствамъ, лишь-бы достичь поставленной цѣли. Можно думать, что переѣздъ многихъ новгородцевъ былъ вынужденнымъ: отъѣздчики хотѣли хоть что-нибудь спасти отъ налегающей грозной московской силы. Этотъ мотивъ, вѣроятно, руководилъ отнюдь не одними новгородцами: многіе изъ приказывавшихся въ это время на службу въ Москвѣ дѣлали это, руководствуясь тѣми же соображеніями. Въ 1476 г. пріѣхали изъ Твери въ Москву служить великому князю Ивану Васильевичу многіе бояре и дѣти боярскіе [2]). Безъ сомнѣнія, въ Москвѣ ихъ приняли съ удовольствіемъ. Но московское правительство было недовольно

---

[1]) Иначе представляетъ дѣло В. И. Сергѣевичъ; онъ говоритъ: нѣтъ «отказа», нѣтъ и «приказа». Наблюдатель, 1887 г., № 3, стр. 32.

[2]) П. С. Л., VIII, 182.

тѣмъ, что въ Твери оставалось еще много бояръ и вольныхъ слугъ, оставшихся вѣрными тверскому князю. И противъ нихъ предпринимается цѣлый рядъ систематическихъ притѣсненій: въ пограничныхъ спорахъ о земляхъ правыми всегда остаются москвичи, а виноватыми тверскіе служилые люди [1]). И вотъ, «не терпяще обиды отъ великаго князя», всѣ тверскіе бояре поступаютъ на службу въ Москву. Такъ добивалось «приказа» къ себѣ на службу московское правительство.

Но совсѣмъ иначе оно относилось къ «отказу». Иванъ III стремится придать старой практикѣ юридическую санкцію и вводитъ записи о неотъѣздѣ, которыя брались съ заподозрѣнныхъ въ намѣреніи отъѣхать изъ Москвы Заподозрѣнные должны были цѣловать крестъ на томъ, что обязуются служить своему господарю и его дѣтямъ до своего живота и не отъѣхать ни къ кому другому. Въ обезпеченіе такой клятвы вводили поручителей [1]).

Не можетъ подлежать, однако, сомнѣнію, что при Иванѣ III наказывали отъѣздчиковъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда съ нихъ не было взято записей о неотъѣздѣ. Этотъ порядокъ для Ивана Васильевича былъ уже стариной. Въ 1479 г. великій князь судилъ князя Ивана Володимеровича Оболенскаго-Лыко, бывшаго намѣстникомъ въ Лукахъ Великихъ, по челобитью лучанъ о продажѣ и объ обидахъ. По нѣкоторымъ жалобамъ онъ былъ обвиненъ по суду, а по другимъ князь великій «безсудно» велѣлъ ему заплатить, потакая лучанамъ. Оболенскій-Лыко, обиженный такой несправедливостью, отъѣхалъ отъ великаго князя къ его брату Борису Васильевичу волоцкому. Великій князь послалъ за нимъ своего боярина и «велѣлъ его поимати середь двора у князя Бориса на Волоцѣ». Но удѣльный князь не допустилъ такого самоуправства у себя на дворѣ и «отнялъ сильно» отъѣхавшаго князя у великокняжескаго посла. Тогда Иванъ Васильевичъ отправилъ къ брату второго посла, требуя, чтобы Оболенскій былъ выданъ головою. Но Борисъ Васильевичъ его не выдалъ и сказалъ послу: «кому до него дѣло, ино на него судъ да исправа». Однако, напрасно удѣльный князь вздумалъ защищать удѣльную старину: великій князь поручилъ боровскому намѣстнику поймать бѣглеца тайно, когда и гдѣ его наѣдетъ. У отъѣхавшаго было на Боровцѣ село, и какъ только

---

[1]) П. С. Л., VI, 273: «гдѣ межи сошлися съ межами, гдѣ не изобидятъ московскіе дѣти боярскія, то пропало, а гдѣ тферичи изобидятъ, а то князь великій съ поношеньемъ посылаетъ и съ грозами къ тверскому, а отвѣтомъ его вѣры не иметъ, а суда не дасть».

[2]) Первая изъ дошедшихъ до насъ записей взята съ кн. Даніила Холмскаго. С. Г. и Д., I, №№ 103 и 104; ср. *Бѣляева*, Служилые люди московскаго государства, Временникъ, кн. 3, стр. 28.

онъ туда пріѣхалъ, то былъ схваченъ и въ оковахъ привезенъ въ Москву. Борисъ Васильевичъ обратился къ брату Андрею, жалуясь на великаго князя, «что какову силу чинитъ надъ ними, что невольно кому отъѣхати къ нимъ». Перечисливъ разныя неправды великаго князя, удѣльный князь заключаетъ свою жалобу такъ: «а нынѣча и здѣ силу чинитъ, кто отъѣдетъ отъ него къ намъ и тѣхъ безсудно емлетъ, уже ни за бояре почелъ братью свою; а духовные отца своего забылъ, какъ написалъ, почему имъ жити, ни докончанія, что на чемъ кончали послѣ отца своего» [1]). У Бориса Васильевича съ великимъ княземъ былъ дѣйствительно заключенъ въ 1473 г. договоръ, которымъ обезпечивалась свобода боярскаго перехода и обязанность блюсти, какъ своихъ бояръ, служащихъ одному изъ договорившихся князей, но проживающихъ въ вотчинѣ другаго [2]). Оба эти условія нарушилъ великій князь. Но онъ считалъ необходимымъ наказать отъѣздчика, чтобы впредь другимъ неповадно было такъ чинить.

Удѣльные князья на основаніи договоровъ продолжаютъ считать своимъ правомъ пріемъ на службу вольныхъ слугъ великаго князя. Въ трудныхъ обстоятельствахъ и вольные слуги вспоминаютъ о своихъ правахъ на отъѣздъ. А великіе князья методически и самымъ энергичнымъ образомъ преслѣдуютъ перебѣжчиковъ, не обращая вниманія на существующія нормы: право свободнаго отъѣзда вольныхъ слугъ признается договорными грамотами великихъ князей съ удѣльными еще въ 30-хъ годахъ XVI вѣка. На сторонѣ великихъ князей была сила, и передъ ней должно было смолкнуть всякое право.

При великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ двое князей Шуйскихъ, Иванъ и Андрей Михайловичи, отъѣхали къ его брату Юрію. Великій князь потребовалъ ихъ выдачи, и Юрій, испытавшій уже на себѣ его силу, безпрекословно исполнилъ это требованіе. А между тѣмъ онъ два раза заключалъ съ братомъ договоръ и въ обоихъ случаяхъ свобода боярскаго отъѣзда была обезпечена. Отъѣздчики, конечно, были наказаны: вел. князь «велѣлъ ихъ оковавши разослати по городамъ» [3]).

Въ концѣ XV или началѣ XVI в. возникаетъ и спеціальное наказаніе за отъѣздъ изъ Москвы Въ мѣстническомъ спорѣ Дмитрія Михайловича Пожарскаго съ Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ первый привелъ случай, въ которомъ указалъ, что дѣдъ Борисовъ, Юрій

---

[1]) П. С. Л., VI, 222.
[2]) С. Г. и Д., I, № 97.
[3]) *Карамзинъ*, VIII, прим. 7.

Васильевичъ Лыковъ, съ братомъ отъѣзжали въ удѣлъ къ князю Андрею Ивановичу Старицкому: «и по вашему государеву царскому уложенью, писалъ Пожарскій, кто отъ васъ государей отъѣзжалъ въ удѣлъ, ино имъ въ своемъ роду счету вы государи не давывали, кому они въ версту» [1]). Возникновеніе этого правила слѣдуетъ относить къ указанному времени не только потому, что на него сослался Пожарскій по поводу отъѣзда Лыковыхъ къ удѣльному князю Андрею Ивановичу, но еще и потому, что въ 1535 году московское правительство, ссылаясь на давнюю практику, указываетъ, что предки Ивана IV возстанавливали въ отечествѣ возвратившихся обратно отъѣздчиковъ [2]). Смыслъ этого указа, если только Пожарскій вѣрно его формулировалъ, заключается въ томъ, что отъѣздчикъ ограничивался въ правѣ считаться по родословцу, терялъ т. е. родословной чести, какъ измѣнникъ. Это была страшная кара для служилаго человѣка, потому что онъ почти терялъ право мѣстничаться. Но практика, вѣроятно, смягчила строгое правило, и отъѣздчики наказывались лишь пониженіемъ въ мѣстахъ. Такъ отъѣздчикъ Зюзинъ былъ наказанъ тѣмъ, что «проѣздилъ» мѣсто. Примѣнялось это правило къ отъѣздчикамъ, попавшимъ такъ или иначе въ руки московскаго правительства, т. е. или когда они сами возвращались, или по присоединеніи удѣла должны были поступить въ разряды московскихъ служилыхъ людей [3]).

Только въ 1534 и 1537 гг. впервые встрѣчаемъ попытку ограничить права удѣльныхъ князей касательно пріема отъѣхавшихъ изъ Москвы слугъ. Въ 1534 г. митр. Даніилъ привелъ къ крестному цѣлованію братьевъ умершаго великаго князя, Андрея и Юрія Ивановичей, между прочимъ, на томъ что «ни людей имъ отъ великаго князя Ивана не отзывати». А въ 1537 г. князь Андрей Старицкій обязался не принимать князей, бояръ, дьяковъ, дѣтей боярскихъ и вообще кого бы то ни было, отъѣхавшихъ отъ великаго князя на его лихо. Совершенно вѣрно замѣчено, что при всякомъ отъѣздѣ предполагается неудовольствіе отъѣхавшаго, такъ-какъ никія выгоды не могли заставить отъѣхать отъ великаго князя къ удѣль-

---

[1]) Русск. Ист. Сбор., т. II, стр. 286. Ниже это правило названо просто государевымъ уложеньемъ, тамъ-же, стр. 355; по другому-же списку этого дѣла просто «государевымъ указомъ», Сборн. Муханова, стр. 156.

[2]) *Соловьевъ*, VI, изд. 4, стр. 24—25.

[3]) *А. И. Маркевичъ* полагаетъ, что это наказаніе примѣнялось лишь въ послѣднемъ случаѣ, такъ какъ при добровольномъ возвращеніи наказывать отъѣздчиковъ было бы неудобно, на что есть прямыя указанія о сохраненіи чести за возвратившимися отъѣздчиками. Но далѣе авторъ справедливо исправляетъ это свое заключеніе. Исторія мѣстничества, стр. 256 и 259—260.

ному [1]). Но эта ограничительная норма не имѣли практическаго значенія. Князь Юрій нарушилъ ее въ 1534 году, перезывая къ себѣ на службу боярина Шуйскаго; а князь Андрей въ 1537 г. уже перезываетъ къ себѣ дѣтей боярскихъ новгородскихъ [2]). Вспомнивъ старину, такимъ предложеніемъ удѣльнаго князя воспользовались на свою бѣду нѣкоторые изъ новгородскихъ помѣщиковъ: правительство распорядилось «бити ихъ кнутьемъ на Москвѣ да казнити смертною казнію, вѣшати по Наугородской дорозѣ не вмѣстѣ и до Новагорода» [3]). Но также жестоко казнилъ своихъ отъѣздчиковъ и князь Андрей. Во время его похода подъ Новгородъ, съ третьяго стана на Цнѣ побѣжали отъ него четверо дѣтей боярскихъ. Одинъ изъ нихъ Валуевъ былъ схваченъ, и князь Андрей велѣлъ его «блюсти крѣпко» своему ближнему дворянину Кашѣ. Каша велѣлъ связать отъѣздчика, погрузить его въ одной сорочкѣ въ озеро, выставивъ только голову, «дабы онъ не залился», и такъ пытать, сколько ихъ было въ думѣ. Валуевъ сказалъ на многихъ. Князь Андрей, «то слышавъ, и повелѣ закрыти, понеже не всѣхъ тѣхъ перевѣшати» [4]). Только значительное число виновныхъ спасло ихъ отъ примѣненія къ нимъ обычнаго наказанія.

Въ половинѣ XVI вѣка, когда московскому государству грозила новая опасность остаться при малолѣтнемъ государѣ, послѣдовало новое ограниченіе удѣльныхъ князей принимать отъѣздчиковъ изъ Москвы: съ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича взята была въ пользу царевича Дмитрія крестоцѣловальная запись, по которой онъ обязывался: «А князей ми служебныхъ съ отчинами и бояръ вашихъ не пріимати; также ми и всякихъ вашихъ служебныхъ людей, безъ вашего велѣнья, не пріимати никого» [5]). Царь Иванъ Васильевичъ, пародируя удѣльную старину, призраковъ которой такъ боялся, весьма опредѣленно выразилъ взгляды московскаго правительства на нормальный порядокъ въ переходѣ служилыхъ людей изъ великаго княжества въ удѣльныя. Въ поданной великому князю Симіону Бекбулатовичу челобитной 1575 г. онъ, князь московскій Иванецъ, бьетъ челомъ о разрѣшеніи ему «лю-

---

[1]) П. С. Л., VI, 275; С. Г. и Д., I, № 163; *Соловьевъ*, VII, изд. 4, стр. 9.

[2]) П. С. Л., VIII. 286, и Никон. Лѣт., VII, 1: «Того-же мѣсяца декабря 11 прислалъ князь Юрій Ивановичъ діака своего Третьяка Тишкова къ кн. Андрею Шуйскому, а говорилъ ему Третіакъ отъ князя, чтобы поѣхалъ къ князю Юрію служити». П. С. Л., VIII, 294: князь Андрей писалъ въ грамотахъ новгородскимъ помѣщикамъ: «князь велики малъ, а держатъ государство бояре, и вамъ у кого служити? и вы ѣдте ко мнѣ служити, а язъ васъ радъ жаловати».

[3]) П. С. Л., VIII, 295; ср. еще Царств. кн., стр. 69 и 72; Никон. Лѣт., VII, 18.

[4]) *Карамзинъ*, VIII, прим. 16.

[5]) С. Г. и Д., I, № 167.

дишекъ перебрать»—бояръ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людей: «иныхъ бы еси освободилъ отослать, а иныхъ бы пожаловалъ ослободилъ принять», выбирая изо всякихъ людей. Послѣ этого прибора московскій князь обязуется представить списки служилыхъ людей и отъ того времени безъ «государева вѣдома» не принимать ни единаго человѣка. Далѣе челобитчикъ проситъ: «а которыхъ людишокъ примемъ, и ты-бъ, государь, милость показалъ, вотчинишокъ у нихъ отнимать не велѣлъ, какъ прежъ сего велось у удѣльныхъ князей... и которые похотятъ къ намъ, и ты-бъ, государь, милость показалъ, освободилъ ихъ быти у насъ безопально и отъ насъ ихъ имати не велѣлъ; а которые отъ насъ поѣдутъ и учнутъ тебѣ государю бити челомъ, и ты-бъ, государь, пожаловалъ... тѣхъ нашихъ людишокъ не принималъ» [1]). По этой нормѣ переходъ служилыхъ людей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависѣлъ отъ усмотрѣнія государя, безъ вѣдома или велѣнья котораго и удѣльные князья не должны принимать отъѣздчиковъ. При такихъ условіяхъ вольные слуги превращались въ настоящихъ «дворовыхъ людишокъ», а ихъ право отъѣзда—въ «перевозъ» служилыхъ людей, аналогично крестьянскому перевозу.

Но указанная нормировка была уже запоздалой: къ половинѣ XVI в. не оставалось ни одного достаточно сильнаго и богатаго удѣльнаго княжества, которое могло бы перетягивать къ себѣ служилыя силы изъ Москвы. Даже къ началу XVI в. такой опасности не существовало. Тѣмъ большее значеніе пріобрѣтала сосѣдняя Литва, куда могли укрыться всѣ недовольные и обдѣленные московскими порядками, и откуда достать такихъ бѣглецовъ было не такъ легко.

Въ сохранившихся договорахъ Литвы съ Москвой нѣтъ никакихъ упоминаній о свободѣ перехода вольныхъ слугъ. Лишь въ одномъ договорѣ тверского князя Бориса Александровича съ Казимиромъ 1449 г. стоитъ условіе: «а боярамъ и слугамъ нашымъ волнымъ воля межи насъ» [2]). Во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы за отъѣздчиками сохранялись права ихъ на вотчины. Это повлекло бы для договарившихся сторонъ неисчислимыя политическія затрудненія.

По сохранившимся договорамъ съ начала XV в. ограничиваются

---

[1]) *Соловьевъ*, VII, прим. 94.

[2]) А. З. Р., I, № 51; Сборн. Муханова, № 8. Это условіе не повторено ни въ болѣе раннемъ договорѣ Твери съ Литвой 1427 г., ни въ болѣе позднемъ, около 1483 г. А. З. Р., I, №№ 33 и 79; Сборн. Муханова, №№ 1 и 10; *Срезневскій*, Свѣд. и замѣтки, № LIV.

права отъѣзда служебныхъ князей. По договору великаго князя Василья Васильевича съ Литвой 1449 г. стороны взаимно обязуются блюсти и не обидѣти служебныхъ князей противной стороны. Московскій князь перечисляетъ поименно своихъ служилыхъ князей, называя ихъ отчины—земли и воды—своими, и заключаетъ свой перечень такъ: «тако жъ и у вотчыну мою въ Мещеру не вступатися, ни прыймати ихъ» [1]). Стороны обязуются не принимать отъѣхавшихъ служебныхъ князей, разумѣя преимущественно отъѣздъ ихъ съ вотчинами [2]).

О допущеніи отъѣзда ихъ безъ отчинъ и объ отъѣздѣ на тѣхъ-же условіяхъ бояръ договоръ ничего не говоритъ. Но отсюда едва-ли можно дѣлать заключеніе, что указаннымъ договоромъ предоставляется свобода отъѣзда русскимъ служилымъ людямъ въ Литву, а литовскимъ въ Москву, но безъ сохраненія права на вотчины. Скорѣе можно думать, что во второй половинѣ XV в. и литовское правительство не допускало отказа отъ службы и наказывало за отъѣздъ, считая такой поступокъ зрадой, т. е. государственной измѣной.

Въ 1482 г. литовскіе вотчичи: Ольшанской, Оленковичь и князь Ѳедоръ Бѣльскій задумали «отсѣсти» литовской земли по р. Березину на великаго князя московскаго. Но королю объ этомъ донесли, и онъ «Ольшанскаго стялъ да и Оленковича»; князь-же Ѳедоръ Бѣльскій убѣжалъ къ великому князю [3]). Значитъ, за одно намѣреніе перейти на службу въ Москву съ вотчинами назначалась смертная казнь. И это не случайный фактъ. Въ 1496 г. литовскій князь высказалъ московскому государю такую общую сентенцію о наказаніи отъѣздчиковъ: «князи Вяземскіе и Мезецкіе наши были слуги, а зрадивши насъ присяги свои, и втекли до твоее земли, какъ-то лихіе люди; а ко мнѣ бы не втекли, отъ насъ не

---

[1]) А. З. Р., I, № 50; Сборн. Муханова, № 7. Въ договорѣ есть еще статья о переходѣ, въ которой сказано: «а которыи люди съ которыхъ мѣстъ вышли добровольно: ино тѣмъ людямъ волнымъ воля, гдѣ похотятъ тутъ живутъ». Но здѣсь рѣчь идетъ не о служилыхъ людяхъ.

[2]) По договору Твери съ Литвой 1427 г. условлено, что если кто изъ князей захочетъ перейти къ Витовту съ отчиною, то Витовту того съ отчиною не принимать; а который пойдетъ, тотъ отчины своей лишенъ. То-же условіе повторено въ договорахъ Твери 1449 и 1483 гг. А. З. Р., I, №№ 33, 51 и 79. Въ 1490 г. Казимиръ указывалъ Ивану III: «мы отъ тебѣ слугъ твоихъ не принимаемъ зъ ихъ отчинами, какъ жо и въ докончаньи то стоитъ которое жъ есмо докончали съ отцомъ твоимъ, зъ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ и на васъ». Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 48. Здѣсь шла рѣчь о служебныхъ князьяхъ Воротынскомъ и Бѣльскомъ, и Казимиръ ссылается очевидно на договоръ 1419 г.

[3]) П. С. Л., VI, 233.

того были заслужили, какъ тои зрадцы, оль шіи свои стратили» [1]). Въ 1509 г. король Сигизмундъ проситъ московскаго государя, чтобы онъ по правдѣ зрадцу Михаила Глинскаго «за шію выдалъ со всею братьею, а помочники его, або его тамъ предъ нашими послы сказнилъ» [2]). Но литовское правительство не ограничивалось лишь подобными угрозами и требованіями: оно мстило отъѣздчикамъ, поскольку имѣло къ тому средствъ. Въ 1495 г. великій князь литовскій съ паной радой, разбирая дѣло объ отчинѣ бѣжавшаго князя Ѳедора Бѣльскаго, установили такое общее правило касательно отъѣздчиковъ: «который коли зрадца утечетъ отъ господаря, челомъ не ударивши, ни на кого его имѣнья по близости не спадутъ, только па господаря» [3]). Отъѣздъ Михаила Глинскаго, надѣлавшій такъ много шума въ Литвѣ и доставившій немало хлопотъ литовскому правительству, вызвалъ болѣе обстоятельную регламентацію вопроса «о имѣнья зрадецкія, что ся дотычетъ зрадецъ»: въ 1509 г. февр. 9 было постановлено, что если отецъ учинитъ зраду, то имѣнья его поступаютъ на господаря. Припустить или не припустить къ имѣнью дѣтей,—было «въ ласцѣ господарьской». Если же зраду учинитъ кто-либо изъ братьевъ, тотъ теряетъ свою дѣльницу, прочіе-же братья за это не отвѣчаютъ [4]). Но этого мало. Литовское правительство всѣми мѣрами старается добиться выдачи отъѣздчиковъ изъ Москвы и даже устранить вполнѣ столь ненормальное и для того времени явленіе политическаго быта [5]). Но такъ какъ всѣ его представленія и ходатайства о выдачѣ отъѣздчиковъ не привели ни къ какимъ результатамъ, то оно стремится ввести въ договоры съ Москвой условіе о выдачѣ отъѣздчиковъ. Въ наказѣ посламъ 1505 г. для заключенія перемирія или вѣчнаго мира было указано: «естли будутъ перемирья покою, и тежъ будетъ вѣчный покой, въ обоихъ записохъ то не маетъ быти опущено, абы вжо отъ тыхъ часовъ,

[1]) Сборн. Р. Истор. Общ., т. XXXV, стр. 216.

[2]) А. З. Р., II, № 49.

[3]) А. З. Р., I, № 126. На основаніи этого правила былъ конфискованъ дворецъ зрадцы Бориса Гробокурова, бѣжавшаго въ Москву вмѣстѣ съ Шемякой, и потомъ пожалованъ дворянину Ошушкину. Тамъ-же, № 208; ср. еще А. З. Р., II, №№ 34 и 40.

[4]) А. З. Р., II, № 50.

[5]) По договорамъ польскихъ королей съ молдавскими господарями съ конца XV в. выработано было слѣдующее правило касательно отъѣздчиковъ: если бояринъ или слуга перебѣжитъ, то онъ долженъ послать своему государю прошеніе о мирѣ; если государь отпуститъ гнѣвъ, то ему добровольно вернуться; если-же прощенія не получитъ, то его не держать и не позволять нигдѣ жить въ предѣлахъ договорившейся стороны. Чтенія Общ. Ист. 1887 г. кн. III-я, матер. истор., стр. 172—173; Литов. метр., I, стр. 58 и 106.

на обѣ сторонѣ, бѣглыхъ не пріймали, съ имѣньи и безъ имѣ-ней» [1]). Но такъ какъ провести этого правила не удалось, то литовское правительство пытается въ желательномъ ему смыслѣ истолковать перемирную грамоту 1503 г. Когда въ 1504 г. перебѣжалъ въ Москву Остафей Дашковичъ съ иными дворянами, то князь Александръ требовалъ выдачи своего зрадца, ссылаясь на перемирную грамоту, въ которой будто-бы условлено «на обѣ стороны не пріимати зрадци, бѣглеца, лихихъ людей». Но въ Москвѣ на это справедливо возразили, что въ перемирной грамотѣ написано: «татя, бѣглеца, холопа, робу, должника по исправѣ выдати», что, по объясненію московскаго правительства, обозначаетъ слѣдующее: если тать, или разбойникъ или душегубецъ, или учинившій какое-либо лихое дѣло убѣжитъ въ предѣлы договорившейся стороны, то таковыхъ условлено выдавать. «Остафей-же Дашковичъ у короля былъ мѣтной человѣкъ и воевода бывалъ, а лихова имени про него не слыхали никакова и держанья имѣлъ отъ него великіе городы, а къ намъ пріѣхалъ служити добровольно, не учинивъ никакой шкоты» [2]). По этимъ соображеніямъ московское правительство отказалось его выдать.

Потерпѣвъ неудачу и съ этой стороны, въ Литвѣ хлопочутъ о томъ, чтобы отъѣздчики наказывались хотя бы московскимъ правительствомъ. Добиваясь казни Глинскаго и его сообщниковъ передъ литовскими послами въ Москвѣ, литовское правительство обѣщаетъ также поступать и съ отъѣздчиками изъ Москвы: «а коли тое ты, братъ нашъ, вчинишь,—тогды мы вжо отъ сего часу тымъ всимъ, которыи бы тобѣ згрубивши, хто ни буди, утекли ся къ намъ, тымъ же обычаемъ хочемъ вчинити» [3]). Но не удалось добиться и этого.

Такое упорное стараніе литовскаго правительства провести возможно строгія мѣры относительно отъѣздчиковъ находитъ свое объясненіе въ томъ, что ему приходилось нести въ концѣ XV и началѣ XVI вв. значительные ущербы отъ перехода въ Москву служилыхъ князей и вообще слугъ съ отчинами или безъ отчинъ: рядомъ съ территоріальными утратами Литва лишилась значительнаго количества служебныхъ силъ, которыя сосредоточивались въ рукахъ враждебнаго и безпокойнаго сосѣда.

А слуги перебѣжчики, такой широкой волной мѣнявшіе одно

---

[1]) А. З. Р., I, № 200, стр. 349. Кромѣ того посламъ было поручено условиться и о княжатахъ «которыи втекли отъ короля: естли бы ся хотѣли вернути до короля, тогды тыи подъ вѣчнымъ покоемъ, або подъ перемирьемъ маютъ приняты быти».

[2]) Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 467 и 470.

[3]) А. З. Р., II, № 49.

отечество на другое, повидимому не находили ничего предосудительнаго въ своемъ поведеніи. Они по прежнему считаютъ своимъ правомъ искать такого господина, которому выгоднѣе служить. Но и въ ихъ среду начинаютъ проникать идеи о ненормальности такого порядка. Въ 1514 г. послѣ смоленскаго взятья князь Михайло Мстиславскій перешелъ на службу съ отчиною и цѣловалъ крестъ великому князю Василью Ивановичу. Но вслѣдъ за этимъ, какъ только онъ узналъ о приближеніи войска стараго своего государя, опять перешелъ къ нему на службу, объявляя свою вѣрность. Чувствуя, однако, неправоту своего поведенія, онъ бьетъ челомъ литовскому князю, чтобы «на него никоторое мерзячки за то не мѣли, ажъ бы напотомъ чьти его и дѣтей его въ томъ не тыкало». Такую охранную для своей чести грамоту онъ и получилъ [1]).

Московское правительство охотно принимало всѣхъ выѣзжихъ изъ Литвы князей—Бѣльскихъ, Воротынскихъ, Перемышльскихъ, Одоевскихъ, Мезецкихъ, Новосильскихъ, Глинскихъ и проч.—съ ихъ отчинами и обильно награждало ихъ кормленіями и вотчинами за выѣздъ. Тамъ-же находили пріютъ и не успѣвшіе «отсѣсть» своихъ отчинъ на имя великаго князя. Московское правительство принимало ихъ вопреки нормамъ договорнаго права, по которому стороны обязывались не принимать служилыхъ князей съ отчинами. Почему оно такъ поступало? Въ этомъ заключалась его прямая выгода, и оно обладало достаточной силой, чтобы защищать свои правонарушенія. Московская-же дипломатія никогда не затруднялась подыскать оправдательные мотивы для каждаго отдѣльнаго правонарушенія.

Въ 1493 г., когда въ Москву перешли съ отчинами князья Воротынскіе, Бѣльскіе, Одоевскіе и Мезецкіе, московское правительство оправдывало пріемъ ихъ тѣмъ, что всѣ они старые московскіе слуги, дѣды и отцы ихъ служили предкамъ великихъ князей; что только «не въ згоду» отца великаго князя «тѣ князи были у отца его у короля, а изъ старины тѣ князи наши слуги; а и къ отцу его ещо къ королю приказывали есмя, что тѣ князи наши слуги старые» [2]). Нѣсколько позднѣе явился новый благовидный предлогъ: въ Москвѣ принимали служилыхъ людей съ отчинами вслѣдствіе притѣсненій исповѣдниковъ православной вѣры въ Литвѣ. Въ 1500 г. Александръ литовскій требуетъ выдачи, согласно договору, своихъ зрадцевъ-князей Семена Бѣльскаго и Хотетовскаго и мценскихъ бояръ—съ землями и водами. Московское

---

[1]) А. З. Р., II, № 92.
[2]) Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 106.

правительство на это возражало, что Семенъ Бѣльскій «не хотя быти отступникомъ греческаго закона и не хотя своея головы потеряти, къ намъ поѣхалъ служити и съ своею отчиною: ино которая его въ томъ зрада?» Очевидное нарушеніе договора оно также не затруднялось объяснить: «а что въ нашемъ докончаньи межи насъ записано: и князей служебныхъ съ отчинами не пріимати, и мы къ великому князю приказали, что есьмо князя Семена тое для нужи греческаго закона приняли къ себѣ въ службу и съ отчиною» [1]). Уже послѣ этого московское правительство сочло болѣе удобнымъ послать въ Литву предупрежденіе, что если не будутъ прекращены притѣсненія, «а отъ той нужи пойдутъ къ намъ, и намъ ихъ пріимати и съ вотчинами и стояти, сколько намъ Богъ поможетъ» [2]).

Въ 1504 г. перебѣжалъ въ Москву Остафей Дашковичъ съ иными дворянами. Литовское правительство потребовало ихъ выдачи, ссылаясь на перемирную грамоту 1503 г. Эта ссылка оказалась неправильной и, какъ показано выше, въ Москвѣ ее справедливо отвергли. Но этимъ не удовольствовался Иванъ Васильевичъ и привелъ въ оправданіе своихъ дѣйствій слѣдующій анахронизмъ: «и напередъ того при насъ и при нашихъ предкѣхъ и при его (великаго князя литовскаго) предкѣхъ межъ насъ на обѣ стороны люди ѣздили безъ отказа» [3]). Было-бы совершенно неправильно заключать изъ этихъ словъ о какой-либо свободѣ перехода служилыхъ людей изъ Москвы въ Литву и обратно, особенно при Иванѣ III. Объ этомъ нѣтъ никакихъ упоминаній и въ сохранившихся договорахъ. Зачѣмъ-же Иванъ Васильевичъ провозгласилъ такое опасное и для него правило? Ему нужно было объяснить свой образъ дѣйствій, и онъ, не отказываясь нисколько отъ исконной политики своихъ предковъ, хочетъ и на Литву распространить выгодный для Москвы порядокъ свободы выѣзда чужихъ слугъ. Такой порядокъ, конечно, долженъ быть одностороннимъ.

И дѣйствительно, при великихъ князьяхъ Иванѣ Васильевичѣ и Васильѣ Ивановичѣ наблюдается гораздо больше случаевъ приказа на службу выходцевъ изъ Литвы, чѣмъ побѣговъ въ Литву. Но и въ рѣдкихъ случаяхъ ухода изъ Москвы перебѣжчиковъ ожидала строгая кара. Послѣ взятія Твери великій князь Иванъ Васильевичъ поймалъ и посадилъ въ тюрьму тверского боярина Аѳонасья Шетнева за то, что его родные племянники Зюзины отъ-

---

1) Сборн. Муханова, стр. 105.
2) П. С. Л., VI, 45; VIII, 239; Никон. лѣт., VI, 161.
3) Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 470.

ѣхали въ Литву съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Борисовичемъ [1]). Въ 1493 г. князь Иванъ Лукомскій сказалъ на князя Θедора Бѣльскаго, что онъ хотѣлъ бѣжать отъ великаго князя въ Литву, и Иванъ III «велѣлъ за то князя Θедора изымати, да послалъ его въ заточеніе въ Галичь» [2]).

Въ 1514 г. литовскій перебѣжчикъ Михаилъ Глинскій, преступивъ крестное цѣлованіе, измѣнилъ великому государю, сталъ ссылаться съ королемъ, а самъ хотѣлъ бѣжать въ Литву. Умыселъ Глинскаго былъ предупрежденъ: онъ былъ схваченъ и отосланъ къ великому князю, который, «оковавъ Глинскаго, послалъ на Москву и велѣлъ заточити». Лишь въ 1527 году Глинскій былъ выпущенъ изъ нятства только потому, конечно, что великій князь женился передъ тѣмъ на его племянницѣ [3]). Такъ наказывались умыселъ и покушеніе на побѣгъ въ Литву. Не оставалась безнаказанной измѣна и въ томъ случаѣ, когда отъѣздчикамъ удавалось перейти границу. Въ 1534 г. «наученіемъ вражіимъ и разгордѣвся своимъ безуміемъ» отъѣхали въ Литву князь Семенъ Бѣльскій и Иванъ Ляцкой съ сыномъ. Ихъ «совѣтниковъ» князей Ивана Бѣльскаго и Ивана Воротынскаго съ дѣтьми великій князь и его мать велѣли поймать и, оковавъ, посадить за приставовъ [4]). А такъ какъ у Ивана Ляцкого были въ Новгородѣ имѣнья, то «тыи дей имѣнья на великаго князя взяты и люди его разграблены, и матку дей и дочку его до Москвы повели и осадили» [5]). За измѣну главы семьи привлекаются къ отвѣтственности и ея члены.

Итакъ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣковъ литовское правительство всѣми мѣрами добивается установить въ договорахъ съ Москвой самыя строгія мѣры относительно отъѣздчиковъ, а московское правительство не только не соглашается на такія мѣры, но даже провозглашаетъ начало полной свободы отъѣзда служилыхъ людей, хотя и наказываетъ отъѣздчиковъ. Это различіе правительственныхъ мнѣній имѣло лишь одно основаніе: въ указанное время Литва гораздо больше потеряла своихъ слугъ, чѣмъ пріобрѣла, тогда какъ Москва, наоборотъ, значительно увеличила свои служебныя силы на счетъ выходцевъ изъ Литвы.

Но со времени боярскаго правленія и жестокостей Ивана Гроз-

---

[1]) Русск. Ист. Сборн., т. II, стр. 3.

[2]) П. С. Л., IV, 162; VIII, 225.

[3]) П. С. Л., VIII, 257 и 272; VI, 256.

[4]) П. С. Л., VI, 293; VIII, 287; Никон. лѣт., VII, 2—3. По другому источнику этихъ князей, «по торгу водячи, пугами били»; сверхъ того здѣсь сообщается о заключеніи Богдана Трубецкаго; «а имали ихъ для того; ижъ ихъ обмолвлено, ижбы были до Литвы ѣхати». А. З. Р., II, № 179, III.

[5]) А. З. Р., II, № 179, стр. 333.

наго обстоятельства круто измѣнились: почти непрерывной вереницей отъѣздчики тянутся изъ Москвы въ Литву. Соотвѣтственно этому видоизмѣнились и взгляды московскихъ и литовскихъ правительственныхъ сферъ.

Въ 1549 г. московскимъ посламъ, Михаилу Яковлевичу Морозову съ товарищи, отправленнымъ для подкрѣпленія заключеннаго перемирія, велѣно было сказать Сигизмунду-Августу, что въ перемирныхъ грамотахъ написано о выдачѣ на обѣ стороны бѣглецовъ, и это утверждается крестнымъ цѣлованіемъ; между тѣмъ бѣглецы не отдаются «и то есть на нашихъ душахъ». Посламъ наказано: «любо бы тѣ слова изъ грамоты выставити, или бѣглецы всякіе отдавати по перемирнымъ грамотамъ» [1]). Между тѣмъ въ перемирной грамотѣ 1549 г., какъ и въ перемирной грамотѣ 1503 г., стоитъ совершенно тождественное условіе: «а татя, бѣглеца, холопа, робу, должника по исправѣ выдати» [2]).

Въ 1504 г. московское правительство комментировало это условіе въ томъ смыслѣ что здѣсь рѣчь идетъ о татяхъ, разбойникахъ и душегубцахъ, перебѣжавшихъ въ предѣлы одной изъ договорившихся сторонъ; въ 1549 г. подъ бѣглецами уже подразумѣваются отъѣздчики. Въ подробной инструкціи посламъ было разъяснено, что если приговорятъ не писать о бѣглецахъ, «ино велми добро»; если-же въ Литвѣ будутъ говорить, что тѣ строки писать по старинѣ, то настаивать на выдачѣ бѣглецовъ. Если на это согласятся, то требовать накрѣпко выдачи и тѣхъ бѣглецовъ, которые бѣжали «прежъ сего отъ государя нашего и отъ короля за перемирными грамотами». И если сойдутся и на этомъ, то говорить «о Иванѣ о Лятцкомъ, да о Нохтевѣ сынѣ, да о Горенсковѣ сынѣ, да о Шамахеѣ о княжъ Петровѣ сынѣ великаго», чтобъ ихъ выдать, взамѣнъ чего будутъ выданы всѣ перебѣжавшіе отъ короля къ царю и великому князю. На все это съ удовольствіемъ готово было согласиться московское правительство. Но въ вопросѣ о выдачѣ прежнихъ бѣглецовъ оно вступало на скользкую почву: въ Литвѣ могли потребовать и выдачи тѣхъ, которые пріѣзжали къ великому князю Василью. Посламъ было предписано «о тѣхъ отговаривати, что пріѣзжали къ великому князю Василью, а отъ него къ королю пріѣзжали», такъ какъ «тѣхъ ужъ отъѣздъ минулся, занже къ которымъ государемъ пріѣхали, и тѣхъ ужъ Богъ взялъ и тѣхъ отдачѣ статись нелзѣ; нынѣ бы все время межъ государей нашихъ правда была, а тѣ ужъ старые дѣла минулися». Всѣ эти пов-

[1]) Сборн. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 311.
[2]) Тамъ-же, стр. 306; ср. т. XXXV, стр. 467.

щества должны быть введены въ перемирную грамоту, писанную отъ имени короля, тогда какъ въ перемирной грамотѣ отъ имени московскаго государя статья о бѣглецахъ была сохранена въ прежнемъ видѣ. Такимъ образомъ проектируемыя измѣненія могли оказаться односторонними для польско-литовскаго правительства, и тогда въ рукахъ Москвы оказалось-бы серьезное преимущество. Но этотъ дипломатическій маневръ не удался: Сигизмундъ-Августъ велѣлъ отвѣтить посламъ, что такъ какъ тотъ артикулъ уже внесенъ въ перемирную грамоту московскаго государя, то «тогды уже на тотъ часъ и въ нашемъ листѣ перемирномъ муситъ то стояти, а нелзѣ того выстановляти, а вѣдь жо нами ничто противко перемирные грамоты не дѣется» [1]).

Въ 1567 г. московскимъ посламъ поручено было потребовать выдачи измѣнниковъ, Курбскаго съ товарищами. Измѣна Курбскаго причинила царю Ивану столько же, если не больше огорченій и заботъ, какъ раньше измѣна Глинскаго литовскому правительству. Московская дипломатія хорошо помнила представленія послѣдняго о выдачѣ Глинскаго, и потому, при ходатайствѣ о выдачѣ Курбскаго, наказано было посламъ: если паны рада спросятъ, почему государь московскій проситъ о выдачѣ Курбскаго, тогда какъ прежде ни при которыхъ государяхъ не бывало, чтобъ такихъ людей отдавали,— отвѣчать, что государь объ измѣнникахъ приказалъ для того, что они между государями ссоры дѣлаютъ и на большее кровопролитіе христіанское поднимаютъ. Сигизмунду-Августу послы должны были указать, что Курбскаго слѣдуетъ выдать, чтобы «промежъ государей отъ тыхъ зрадецъ непріязни не было» [2]). Теперь московскому правительству пришлось почти дословно повторить тѣ-же соображенія о необходимости выдавать отъѣздчиковъ, какія въ началѣ XVI в. указывались изъ Литвы [3]). Вмѣсто ссылки на старо-

[1]) Сборн. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 314—315 и 332; Литовск. метр, I, стр. 56.

[2]) *Соловьевъ*, VI, изд. 4, стр. 234; Литов. метр, I, стр. 261. Въ 1569 г. Грозный пишетъ Сигизмунду-Августу: «А какъ еси, братъ нашъ, нашу измѣнную раду отступниковъ истиннаго православія учинилъ у себѣ въ радѣ, и отъ тыхъ мѣстъ и по ся мѣсто хрестіанская кровь не престалася лити». Тамъ-же, стр. 279.

[3]) Въ 1503 г. дочь Ивана III, великая княгиня литовская Елена, писала своему отцу по поводу отъѣздчиковъ Можайскаго и Шемячича, чтобы онъ не принималъ ихъ согласно докончанью,—«а измѣнники-бы зрадцы ваши не радовались»; Елена указываетъ, что эти измѣнники «противъ васъ государей замутили и другій Семенъ Бѣльскій Іюда съ ними»: что они «вторые Каинове по шію въ крови ходятъ, а межи васъ государей мутятъ». Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 370—371. Въ 1504 г. великій князь литовскій пишетъ про тѣхъ-же Можайскаго и Шемячича: «самъ на нихъ поразумѣешь, штожъ тыи князи,—которыхъ же отцы и они сами николи государемъ своимъ вѣрни не бывали, завжды присяги свои змѣняли, хотятъ и межи насъ своими зачѣпками перемирье до врочныхъ лѣтъ варушити». Тамъ-же, стр. 458.

давній обычай свободы отъѣзда служилыхъ людей, теперь московское правительство провозглашаетъ совершенно противоположное правило, по которому «во всей вселенней хто бѣглеца пріимаетъ, тотъ съ нимъ вмѣстѣ не правъ живетъ». Съ накипѣвшей злобой оно ухватывается за слова польско-литовскаго правительства, будто «король израды не любитъ, и поляки и литва израды не любятъже», и колко замѣчаетъ на это: «почему-жъ израдцовъ щодробливе пріимаютъ и хлѣбомъ осмотряютъ?» [1]) Такіе порядки очень не нравятся царю Ивану, и онъ добивается ихъ отмѣны.

Но польско-литовское правительство также измѣнило свои прежніе взгляды. Оно уже не стоитъ ни за отмѣну свободы отъѣзда, ни за выдачу отъѣздчиковъ, не настаиваетъ на необходимости ихъ казни. На требованіе выдать Курбскаго съ товарищами Сигизмундъ-Августъ не безъ ядовитости отвѣтилъ Грозному: «ты братъ нашъ,— вспоменувши то, что на тотъ часъ держишь многіе отчизны, замки наши... и слугъ нашихъ съ ихъ городы, и которымъ обычаемъ они къ отцу твоему на службу пріѣхали,—таковыхъ людей, которые, отчизны оставивши, отъ зневоленья и кровопролитья горла свои уносятъ, домовятися у насъ не будешь». Король не удовольствовался этой непріятной для Москвы исторической справкой. Въ свое оправданіе онъ предложилъ Грозному назидательное поученіе въ духѣ христіанской любви: христіанскимъ государямъ, писалъ онъ, которымъ въ оборону христіанство вручено отъ Бога, не достоитъ таковые «княжатскіе народы» и никого изъ христіанъ «въ зневоленье приводити, и кого Богъ отъ смерти внесетъ—выдавати, яко невольниковъ чрезъ мечь взятыхъ» [2]). Почти тѣми-же мотивами нѣкогда оправдывало московское правительство отъѣздъ изъ Литвы Семена Бѣльскаго.

Едва-ли необходимо останавливаться здѣсь на отдѣльныхъ случаяхъ наказанія отъѣздчиковъ при Иванѣ Грозномъ. Ужасныя казни лицъ, заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ и въ частности въ намѣреніи отъѣхать изъ Москвы, достаточно извѣстны. Но помимо усиленныхъ общихъ наказаній царь Иванъ Васильевичъ усилилъ квалификацію и спеціальнаго наказанія за отъѣздъ. Князь Куракинъ, мѣстничаясь въ 1640 г. съ кн. Алексѣемъ Трубецкимъ, по поводу измѣны кн. Юрія Трубецкаго сослался на слѣдующій указъ Грознаго, данный послѣ отъѣзда Курбскаго: «котораго роду хоть и кто меньшой отъѣдетъ, и того роду и у большихъ отнять 12 мѣстъ; кому они были въ версту и тѣхъ указалъ го-

[1]) Пам. дипл., снош. X, стр. 162 и 227.
[2]) Литов. метр., I, стр. 266.

*

сударь быть 12 мѣсты меньше» [1]). Такое наказаніе всѣхъ родственниковъ за отъѣздъ отдѣльнаго родича являлось какъ-бы порукой всего рода за вѣрность каждаго изъ его членовъ [2]).

Московское и литовское правительства въ одинаковой мѣрѣ борются противъ отъѣзда служилыхъ людей, если дѣло идетъ объ ихъ собственныхъ слугахъ, и готовы защищать свободу выѣзда, когда представится случай принять къ себѣ слугъ противной стороны. Они не допускаютъ отказа отъ службы и наказываютъ за побѣгъ, но рады всякому новому приказу въ службу. Эта двойственность политики объясняетъ одно изъ своеобразныхъ явленій государственнаго быта того времени: оба соперничающія правительства принимаютъ на службу завѣдомыхъ зрадцевъ-измѣнниковъ.

Каждый отъѣхавшій считался измѣнникомъ. Но нерѣдко случалось, что отъѣздчикъ черезъ нѣкоторое время готовъ былъ вернуться на службу къ прежнему государю. Московское и литовское правительства никогда не отказывались принять обратно этихъ покаявшихся измѣнниковъ, такъ какъ они были, конечно, менѣе опасны для государства на службѣ старому государю, чѣмъ новому иногда враждебному правительству. Подобрать къ рукамъ этихъ подозрительныхъ слугъ было прямой выгодой и для Москвы, и для Литвы.

Такого рода политика московскаго правительства не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Еще Василій Темный старался переманить обратно отъѣхавшаго въ Тверь боярина и сулилъ ему повышеніе чести; когда-же бояринъ вернулся, то сначала наложилъ на него опалу, а затѣмъ хотя и долженъ былъ ее снять, но вѣроятно зорко слѣдилъ за своимъ вольнымъ слугой [3]). Удѣльные князья Шемячичъ и Можайскій спаслись отъ московскаго нятства въ Литвѣ. Въ 1471 г. великій князь ихъ считаетъ своими лиходѣями и сыновей ихъ называетъ «нашихъ зрадецъ дѣтьми», а въ 1494 г. по договору съ Литвой выговариваетъ обязательство

---

[1]) *А. И. Маркевичъ,* О мѣстничествѣ, стр. 472. Вѣроятно на этотъ-же указъ сослался и бояринъ В. Морозовъ въ 1619 г.: «кн. Юрій Трубецкой и нынѣ въ измѣнѣ служитъ литовскому королю, и прежнее ваше, государь, уложенье, которое и въ удѣлъ отъѣзжали и тѣ у себя и у своего роду за потеряли многія мѣста». Тамъ-же, стр. 435 и 477; Дворц. разр., I, стр. 412.

[2]) Вопросъ о подлинности этого приговора и о примѣненіи его разобранъ *А. И. Маркевичемъ* въ навв. соч., стр. 480—484, и въ Исторіи мѣстничества, стр. 438—441; ср. *Н. П. Лихачева,* Разрядные дьяки, стр. 95, прим. 2, гдѣ указано, что въ Разрядной книгѣ Е. Барсова подъ 7060 находится извѣстіе о выдачѣ головою кн. И. Буйносова князю И. Елецкому: «а выдавалъ головою Ивана Буйносова на дворѣ осадной воевода.., а выдавка головная по царьскому уложенью за двѣнатцать мѣстъ». Впрочемъ авторъ заподозриваетъ (?) сообщаемое имъ извѣстіе.

[3]) См. выше, стр. 177—178.

не отпускать ихъ никуда на его великаго князя лихо; если-же они пойдутъ прочь изъ земли, то литовскій князь обязуется не принимать ихъ обратно и быть съ московскимъ «на нихъ вездѣ за одинъ». Въ 1495 г. было наказано княжнѣ Еленѣ не допускать къ себѣ этихъ князей и ихъ женъ и требовать отъ литовскаго князя, чтобы «къ ней тѣмъ княземъ и княжнамъ не велѣли ходити» [1]). Но въ 1500 г. князья Можайскій и Шемячичъ приняты на службу въ Москву и съ отчинами, вопреки докончанью [2]). Напрасно великая княгиня Елена указывала отцу, что такимъ зрадцамъ вѣрить не слѣдуетъ, которыхъ «отцы предкамъ московскихъ государей измѣнили тамъ на Москвѣ, а дѣти ихъ тутъ въ Литвѣ», и этимъ только мутятъ среди государей; напрасно и великій князь Александръ писалъ про этихъ-же князей, что ихъ отцы и они сами никогда не бывали вѣрны своимъ государямъ, всегда измѣняли своимъ присягамъ [3]). Все это было очень хорошо извѣстно московскому правительству, которое тѣмъ не менѣе приняло этихъ зрадцевъ и надѣлило ихъ вотчинами. Судьба «запазушнаго врага» государя указываетъ, на сколько политично оно поступило.

Въ 1558 г. принятъ былъ на службу Дмитрій Вишневецкій и на пріѣздѣ пожалованъ значительной суммой денегъ, городомъ Бѣлевымъ и селами близъ Москвы. Московское правительство знало, что Вишневецкій «неодного израдилъ»; но оно велѣло объяснить въ Литвѣ, если бы тамъ указали на это, что «государь нашъ вѣритъ в с я к а г о ч е л о в ѣ к а душѣ». Вишневецкій израдилъ и московскому государю. О немъ велѣно было сказать въ Литвѣ, что «притекъ онъ къ государю какъ собака и потекъ отъ государя какъ собака-же». Но въ то-же время велѣно было провѣдать, чѣмъ пожалованъ онъ въ Литвѣ, а также другіе отъѣздчики, Черкасскіе, и если одинъ изъ послѣднихъ объявитъ, что хочетъ опять ѣхать къ государю, то обѣщать ему, что челобитье его до государя донесутъ [4]).

Въ 1586 и 1587 гг. московская дипломатія старается возвратить отъѣздчиковъ Тетерина, Дав. Бѣльскаго, Мурзу Купкѣева и другихъ, обѣщая, что государь отдастъ имъ ихъ вину, такъ какъ они преступили передъ государемъ, дерзость сдѣлали, въ Литву отъѣхали [5]).

---

[1]) С. Г. и Д., I, № 20; Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 127 и 168.
[2]) П. С. Л., VI, 45; VIII, 239; Ник. Лѣт., VI, 161.
[3]) Сборн. Р. И. Общ. т. XXXV, стр. 370—371 и 458.
[4]) Сбор. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 543 и 585; *Карамзинъ*, IX, прим. 104; *Соловьевъ*, VI, изд. 4, стр. 225.
[5]) *Соловьевъ*, VII, изд. 4, стр. 247 и 257.

Итакъ, московское правительство охотно принимаетъ опять на службу измѣнившихъ ему слугъ; оно въ этомъ отношеніи на столько неразборчиво, что готово вѣрить душѣ всякаго человѣка. Трудно, однако, допустить, что такіе слуги-переметчики ничего не теряли въ своемъ прежнемъ положеніи. Худая слава измѣнника оставалась за ними и отражалась на ихъ отеческой чести, передаваясь по наслѣдству. Московское правительство съумѣло воспользоваться этими обстоятельствами и, быть можетъ, впервые къ этимъ вернувшимся отъѣздчикамъ стало примѣнять правило объ ограниченіи отеческой чести въ мѣстническихъ спорахъ, которое получило затѣмъ такое широкое распространеніе въ видѣ наказанія за отъѣздъ.

Изъ мѣстническаго дѣла Василья Зюзина съ Нагимъ извѣстно, что родичъ Зюзина, Бахтеяръ Зюзинъ, около половины XVI в. «отъѣзжалъ въ Литву и мѣсто свое проѣздилъ». Его родичи поэтому отказались за него тягаться [1]). Значитъ правило о пониженіи мѣстами за отъѣздъ не теряло своей силы и по возвращеніи отъѣздчика. Правда, заботясь о возвращеніи назадъ своихъ зрадцевъ, московское правительство давало обѣщанія не только не понижать ихъ чести, но сулило даже прибавку въ ней. Такъ въ 1535 г. была послана Семену Бѣльскому грамота, которой обѣщано вины его не памятовать, а пожаловать больше прежняго; при этомъ указывалось, что «и прежде нѣкоторые слуги ѣздили отъ насъ къ нашимъ непріятелямъ, опять назадъ пріѣзжали, и этимъ отечества своего не теряли, предки наши ихъ жаловали и опять ихъ въ отечествѣ возстанавливали» [2]). Также въ 1594 г. отъѣздчика Михаила Головина государь обѣщаетъ пожаловать вотчиной и помѣстьемъ и «учинить его въ отечествѣ въ большой чести, въ чемъ отецъ его и дядя были» [3]). Но извѣстно, какъ скупо исполнялись подобнаго рода обѣщанія. Къ тому-же при мѣстническихъ спорахъ заинтересованные никогда не упускали случая сослаться на «измѣнную славу» и пожалованнаго отъѣздчика; само правительство не въ силахъ было снять съ своихъ слугъ такой «мерзячки», которая долго помнилась въ средѣ служилыхъ людей. Въ 1640 г. мѣстничавшійся съ Трубецкимъ князь Куракинъ проситъ государя не нарушать уложенія царя Ивана Васильевича о пониженіи въ отечествѣ за отъѣздъ и ими Куракиными его почать, чтобъ впредь неповадно было измѣнять [4]). Такъ постепенно упрочивалась и среди служилаго класса мысль, что

---

[1]) Русск. Истор. Сборн., т. V, 1842 г., стр. 5 и 35—36.
[2]) *Соловьевъ*, VI, изд. 4, стр. 24—25.
[3]) *Карамзинъ*, X, прим. 274.
[4]) *А. И. Маркевичъ*, О мѣстничествѣ, стр. 472; *его-же*, Исторія мѣстничества, стр. 441.

отъѣздъ на службу въ другое государство составляетъ не право, а преступленіе.

Путемъ политическихъ мѣръ московское правительство сокращало волю своихъ вольныхъ слугъ задолго до уничтоженія юридическихъ нормъ, обезпечивавшихъ эту волю. Посредствомъ той-же политики оно устранило и суверенитетъ владѣтельныхъ князей значительно раньше, чѣмъ были выработаны нормы, низводящія владѣтельныхъ князей въ положеніе невольныхъ слугъ московскихъ государей [1].

На пути къ объединенію сѣверо-восточной Руси московскіе князья встрѣтили серьезное препятствіе не только со стороны другихъ великихъ княженій, но и со стороны удѣльныхъ князей, созданныхъ самими-же московскими объединителями. Обычай надѣлять удѣлами всѣхъ своихъ сыновей они унаслѣдовали изъ старины. Это былъ общій порядокъ Руси до-московской, которому подчинялись и московскіе князья. Они довольно рано сознали неудобства этого порядка для цѣлей объединенія, но не въ силахъ были отступить отъ укоренившагося обычая: то, что созидали они одной рукой, разрушали другой. Съ Димитрія Донскаго открываются попытки какъ-нибудь сгладить эти два противоположныя теченія. Но еще при Иванѣ III Васильевичѣ, который на примѣрѣ отца во очію убѣдился, насколько могутъ быть опасны удѣльные князья для великаго князя московскаго, противорѣчія эти не сглажены окончательно. Въ 1496 г., узнавъ о намѣреніи литовскаго князя дать Сигизмунду въ литовскомъ великомъ княжествѣ Кіевъ и иные города, онъ приказываетъ сказать своей дочери: «Ино, дочи, слыхалъ язъ, каково было нестроенье въ литовской землѣ, коли было государей много; а и въ нашей земли слыхала же, каково было нестроенье при моемъ отцѣ; а опослѣ отца моего, каковы были дѣла и мнѣ съ братьею, надѣюся, слыхала еси, а иное и сама помнишь. И только Жидимонтъ будетъ въ литовской землѣ, ино вашему которому добру быти?» [1]).

Еще раньше, въ 1489 г., Иванъ Васильевичъ предостерегаетъ крымскаго хана Менгли-Гирея отъ опасностей междоусобія съ братомъ: «Ино тобѣ вѣдомо изъ старины отъ дѣдъ и отъ отцовъ нашихъ: на одномъ юртѣ два осподаря бывали-ли? А гдѣ и бывали... ино которое добро межъ ихъ было»? [3]). Кажется, московскій князь

---

[1]) Вопросъ объ отношеніяхъ между владѣтельными князьями разсмотрѣнъ *Проф. В. И. Сергѣевичемъ* въ Лекціяхъ по ист. русск. права, 1886—87 гг., стр. 243—268.

[2]) А. З. Р., І. № 136; Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 224—225.

[3]) Сборн. Р. И. Общ., т. XLI, стр. 76.

отчетливо созналь невыгоды удѣльнаго порядка и долженъ-бы былъ его уничтожить. Но и онъ назначаетъ удѣлы дѣтямъ. Такова сила переживанія.

Однако, положеніе удѣльныхъ князей существенно измѣнилось. Изъ сравненія договоровъ между родными братьями, сыновьями Калиты, и между сыновьями Ивана III можно видѣть, какихъ успѣховъ достигла великокняжеская власть Но даже договоръ 1531 г. между родными братьями, вел. княземъ Василіемъ Ивановичемъ и удѣльнымъ княземъ Юріемъ Ивановичемъ, признаетъ за удѣльнымъ очень широкія права. Вотъ какъ они могутъ быть формулированы:

«Взаимныя отношенія князей опредѣляются соглашеніемъ ихъ, а не указомъ великаго князя. Великій князь, также какъ и удѣльный, скрѣпляетъ пункты соглашенія клятвой. Великій князь признаетъ неприкосновенность владѣній удѣльнаго, ихъ наслѣдственность, право производить въ ихъ предѣлахъ судъ и управленіе; великій князь признаетъ удѣльнаго въ братствѣ съ собой, обѣщаетъ держать его въ любви и въ чести, печаловаться его удѣломъ и жаловать его. Удѣльный, съ своей стороны, обязывается признавать вел. князя своимъ братомъ старѣйшимъ, держать подъ нимъ великое княженіе честно и грозно, быть съ нимъ заодинъ на всякаго недруга, не входить ни въ какія сношенія съ другими князьями и выступать во главѣ своего войска, куда великій князь прикажетъ» [1]). На случай неисполненія договора не устанавливается никакой отвѣтственности; отсюда можно было-бы заключить, что владѣтельнаго князя судитъ Богъ, и что земной власти надъ нимъ не существуетъ даже и въ началѣ XVI вѣка.

Таковы были нормы права. Но живыя-ли это нормы? Ими-ли только регулируется жизненная практика, или, наоборотъ, не внесла-ли она и сюда какихъ-либо существенныхъ поправокъ, которыя еще не успѣли оформиться? Выше было указано, какъ велико было воздѣйствіе практики на нормы права. То-же наблюдается и здѣсь.

Было уже замѣчено, что подтвержденія и нарушенія старыхъ правъ и обязанностей въ междукняжескихъ договорахъ наполняютъ немало страницъ въ исторіи княжескихъ отношеній. Силы у великихъ князей уже много, но господствующія понятія о суверенитетѣ владѣтельныхъ князей чрезвычайно затрудняютъ созданіе новаго порядка. При этихъ условіяхъ дѣятельными союзниками московскаго правительства являются насиліе, неправда и клятвопреступленіе [2]).

---

[1]) *Проф. В. И. Сергѣевичъ*, Лекціи по ист. русск. права, стр. 266.
[2]) Тамъ-же, стр. 253.

Примѣненіе этой обычной политики въ междукняжескихъ отношеніяхъ было тѣмъ удобнѣе, что нормы договорнаго права представляются очень неопредѣленными. Даже при добросовѣстномъ ихъ толкованіи могли возникнуть разногласія. Вотъ примѣръ. Дмитрій Донской обязалъ Владиміра Андреевича Серпуховскаго, «служити безъ ослушанья», а самъ обязался «кормити его по его службѣ». Говорятъ, что это нововведеніе не нашло послѣдователей, потому что носило въ себѣ признаки, присущіе служебнымъ князьямъ, и не могло быть примирено съ суверенитетомъ владѣтельнаго князя [1]) Но слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что въ договорѣ стоитъ серьезное ограниченіе этого обязательства. Тамъ сказано: «тебѣ брату моему молодшему мнѣ служити безъ ослушанья по згадцѣ, како будетъ мнѣ слично и тобѣ [2]). Представляется совершенно невозможнымъ примирить эти два условія: служить безъ ослушанія и служить по згадцѣ, т. е. по соглашенію. Если-бы между договорившимися возникъ споръ о толкованіи этого условія, то никакой судъ, кромѣ «Божьяго суда», не разрѣшилъ бы этого спора: на войнѣ-же тотъ правъ, кто сильнѣе [3]). Въ позднѣйшихъ договорахъ это условіе вовсе не исключено, оно только иначе выражено и, притомъ, къ прямой выгодѣ великаго князя и въ ущербъ удѣльнымъ, выражено опредѣленнѣе. Въ выраженіи служити без ослушанья разумѣется исключительно ратная служба. Но объ этой ратной службѣ и также «безъ ослушанья» говорятъ очень многіе позднѣйшіе договоры. Напр., въ договорѣ Василія Дмитріевича съ родными братьями условіе это выражено такъ: «А гдѣ ти, господине, всѣсти будетъ на конь, или ти будетъ куды насъ послати, и намъ пойти безъ ослушанья» [4]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ о службѣ по згадцѣ нѣтъ и рѣчи. Въ позднѣйшихъ договорахъ иначе выражено и условіе «кормити по службѣ»; оно замѣнено соотвѣтственнымъ обязательствомъ «жаловати и печаловатися».

Къ числу совершенно неуловимыхъ условій относится и обязательство удѣльныхъ князей держать великаго князя и великое княженіе «честно и грозно», т. е. относиться къ нимъ съ почетомъ и страхомъ. Но самое безграничное съ точки зрѣнія удѣльныхъ

---

[1]) Тамъ-же, стр., 261—262; почти то-же у *Соловьева*, IV, изд. 5, 156—157.

[2]) С. Г. и Д., I, стр. 45.

[3]) Въ договорѣ, заключенномъ между тѣми-же князьями въ 1389 г., стоитъ категоричное условіе служити безъ ослушанья. С. Г. и Д., I. стр. 55. Это условіе, очевидно, перенесено изъ предшествовавшаго договора, но слова: «по згадцѣ, како будетъ мнѣ слично и тобѣ» опущены или по недосмотру, или потому, что существо дѣла и безъ нихъ представлялось совершенно яснымъ.

[4]) Тамъ-же, стр. 69; см. еще стр. 93, 96, 101, 108, 131, 134, 141, 148 156, 159 и проч.

князей подобострастіе могло не удовлетворить щепетильнаго самолюбія московскихъ князей, особенно при желаніи найти поводъ къ столкновеніямъ. Таково-же обязательство «добра хотѣти великому князю во всемъ, вездѣ, безъ хитрости».

Въ виду цѣлей объединенія интересы удѣльныхъ князей были совершенно противоположны интересамъ великаго князя. При такихъ условіяхъ безхитростное желаніе добра было равносильно наложенію рукъ на свою свободу. Но кто-же врагъ самому собѣ? И самые преданные Москвѣ удѣльные князья могли погрѣшить противъ этого обязательства.

Великіе князья русскіе и литовскіе очень рано задумываются надъ подчиненіемъ своей волѣ удѣльныхъ князей. Въ 1345 г. Ольгердъ литовскій заключаетъ съ братомъ Кейстутомъ договоръ, «што братіи всеи послушну быти князя великаго Ольгирда». Въ 1427 г. великій князь тверской Борисъ Александровичъ по договору съ Витовтомъ обезпечиваетъ за собою такое право: «А людямъ моимъ, и братьи моей, и племени моему, княземъ, быти въ моемъ послусѣ; я князь великій Борисъ Александровичъ воленъ, кого жалую, кого казню, а моему господину дѣду, великому князю Витовту не вступатися» [1]. Это не значитъ, что право казнить и жаловать своихъ удѣльныхъ князей принадлежало тверскому князю на основаніи договоровъ. Князь хочетъ только практиковать это право сильнаго и торопится обезпечить себя отъ вмѣшательства Витовта. Московскіе князья не отстаютъ отъ своихъ сосѣдей: они не упускаютъ случая привести подъ свою волю того или другого князя, пользуясь первымъ удобнымъ случаемъ. Наибольшіе результаты въ этомъ отношеніи достигнуты были при Семенѣ Гордомъ, Дмитріѣ Донскомъ и его сынѣ. Про Дмитрія Донскаго современникъ разсказываетъ, что, «взявъ волю свою» надъ Дмитріемъ суздальскимъ, онъ также взялъ свою волю и надъ Константиномъ ростовскимъ и смирилъ его, а затѣмъ согналъ съ Галицкаго княженія Дмитрія галицкаго и съ Стародубскаго княженія князя Ивана Ѳедоровича стародубскаго. Всѣ эти князья отъѣхали въ Нижній-Новгородъ, «скорбяще о княженіяхъ своихъ, но ничтоже можаху учинити». Подъ 1366 г. стоитъ уже общее извѣстіе, что Дмитрій Ивановичъ «в с ѣ х ъ к н я з е й р у с с к и х ъ приводжаше подъ свою волю, а которые не повиновахуся волѣ его, и на тѣхъ нача посягати» [2]. Великій князь Василій Дмитріевичъ, присоединивъ къ Москвѣ Нижегородское княженіе, распорядился

---

[1]) А. З. Р., I, № 33; Сборн. Мухан., № 1; *Срезневскій*, Свѣд. и замѣтки, № LIV.
[2]) Никон. Лѣт., IV, 5 и 15; *Татищевъ*, IV, 198 и 208.

князя Бориса Константиновича, его жену и дѣтей и всѣхъ доброхотовъ разослать по городамъ и оковать желѣзными веригами. Мало-по-малу онъ привелъ подъ свою волю и князей суздальскихъ [1]).

Неудачная борьба великаго князя Василія Васильевича съ дядею и двоюродными братьями остановила на время объединительные успѣхи Москвы. Но сейчасъ-же вслѣдъ за изгнаніемъ Шемяки съ велико-княжескаго престола традиціонная политика возобновляется. Хотя Шемяка добилъ челомъ великому князю и заключилъ съ нимъ договоръ на обычныхъ началахъ для удѣльныхъ князей того времени, но отношенія были столь острыми, что на соблюденіе условій нечего было надѣяться. Шемяка ни въ чемъ не исправилъ великому князю по докончальнымъ грамотамъ и крестному цѣлованію, воздвигъ рать на великаго князя и побѣжденный бѣжалъ въ Новгородъ. Туда духовенство шлетъ къ нему увѣщательное посланіе, напоминаетъ ему договорныя обязательства и затѣмъ перечисляетъ всѣ его неправды. Оказывается, что Шемяка не выполнилъ ни одного изъ нихъ. Казалось-бы, достаточно было упомянуть, что Шемяка всюду посылаетъ на лихо великаго князя и всячески добивается великаго княженія, чтобъ считать договоръ ничтожнымъ. Но духовенство не безъ сарказма задаетъ вопросъ Шемякѣ: «по крестному цѣлованію въ которомъ еси мѣстѣ похотѣлъ добра; или что еси ему повѣдалъ о добрѣ-ли его, о лисѣ-ли; и гдѣ его честь и гдѣ его гроза?» [2]). При наличности вышеуказанныхъ нарушеній, когда Шемяка вскладывалъ на себя высокомысльство и гордость начальства, нечего и говорить, что не были соблюдены обязательства хотѣть во всемъ добра и держать великаго князя честно и грозно. Въ 1452—53 г. митр. Іона пишетъ архіепископу новгородскому опять о разныхъ винахъ князя Дмитрія и между прочимъ указываетъ, что Шемяка «и грамоты посылаетъ тайно, а съ великою высостью». Можно было-бы подумать, что рѣчь идетъ о какихъ-нибудь несообразныхъ требованіяхъ, предъявленныхъ великому князю [3]). Но оказывается, что Шемяка погрѣшилъ только въ томъ, что недостаточно честно и грозно отнесся къ великому князю. Въ Москвѣ усмотрѣли великую высость въ томъ, что лишенный уже своего удѣла князь «о своемъ преступленьи и о своей винѣ ни единаго слова пригоднаго не приказалъ» [4]).

---

[1]) Никон. Лѣт., IV, 239; *Карамзинъ*, т. V, прим. 146; *Соловьевъ*, IV, изд. 5, стр. 5—9.

[2]) А. И., т. I, стр. 80.

[3]) Раньше митрополитъ уже указалъ, что Шемяка посылаетъ посла «ни съ чѣмъ, чему ся не мощно никоторыми дѣлы свести».

[4]) А. И., т. I, № 53.

Послѣ Дмитрія Шемяки наступилъ чередъ и для князя Ивана Андреевича можайскаго. Онъ много погрѣшилъ противъ великаго князя во время смуты 1446 г. Но великій князь и съ нимъ заключилъ договоръ по прежнимъ докончальнымъ грамотамъ на обычныхъ условіяхъ. Однако, князь Иванъ Андреевичъ, боясь мести великаго князя, обезопасилъ себя обязательствомъ съ его стороны не помнить, не мстить, ни на сердцѣ не держать того, что сталось надъ нимъ по грѣхамъ можайскаго князя. Сверхъ того ненарушимость договора гарантировалась поручительствомъ трехъ князей—тверскаго, верейскаго и серпуховскаго, которые обязались быть съ правымъ на виноватаго. Но, не смотря на троекратное подтвержденіе этого договора [1]), какъ только въ Москвѣ было получено извѣстіе о смерти Шемяки, великій князь пошелъ къ Можайску на князя Ивана Андреевича «за его неисправленье», какъ сказано въ лѣтописи. Можайскій князь съ женой, дѣтьми и съ нѣкоторыми изъ своихъ бояръ бѣжалъ въ Литву, а его удѣлъ присоединенъ къ Москвѣ [2]). Въ чемъ-же заключалось его неисправленье? Митр. Іона истолковалъ его такъ: Великій князь, не помня своего зла, пожаловалъ можайскаго князя, принялъ его въ братство, любовь и докончанье, «и вотчиною его пожаловалъ. да еще отъ своей отчины пожаловалъ ему много». «А ему было своему брату старѣйшему послушну быти во всемъ и за православное христіанство стояти. Онъ-же пакъ чрезъ все то училъ великому князю непослушенъ быти, а за православное христіанство нигдѣ не постоялъ». Назвавъ великаго князя братомъ старѣйшимъ можайскому согласно договорамъ, митр. Іона спѣшитъ оговориться: «а не рку надъ братомъ, но надъ его господаремъ великимъ княземъ» [3]). Итакъ, столь старательно обставленные договоры въ Москвѣ толковали совсѣмъ не по буквальному ихъ смыслу. Ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ рѣчи о полномъ послушаніи удѣльнаго князя великому; ни въ одномъ изъ нихъ не намекается о пожалованіи можайскаго князя его-же вотчиною. Такой порядокъ примѣнялся только къ служилымъ князьямъ, которые и не пользовались никакимъ суверенитетомъ. Но и суверенитетъ можайскаго князя былъ отвергнутъ представителемъ духовенства; по его мнѣнію, великій князь былъ такой-же государь удѣльнаго князя, какимъ онъ былъ и въ отношеніи прочихъ своихъ слугъ. А за митрополитомъ стояла значительная партія. Понятіе о суверенитетѣ вла-

---

[1]) С. Г. и Д. I, №№ 63, 66, 68, 69.
[2]) П. С. Л., VIII, 144; Никон., V, 278.
[3]) А. И., т. I, № 56.

дѣтельныхъ князей было отнюдь не господствующимъ уже въ половинѣ XV в.

Въ 1456 г. великій князь «поймалъ» князя Василія Ярославича серпуховскаго и заточилъ его въ Угличъ [1]). Современники не знали поводовъ велико-княжескаго гнѣва и не объяснили причинъ такого насилія. Серпуховскій князь былъ вѣрный слуга московскому: онъ остался вѣренъ ему въ смуту 1446 г. За что-же постигла его такая немилость? Позднѣйшій бытоописатель говоритъ, что все это приключилось серпуховскому князю «за нѣкую крамолу». Великій князь, вѣроятно, нашелъ, что Василій Ярославичъ недостаточно искренно хотѣлъ ему добра, недостаточно честно и грозно держалъ его княженіе. По тогдашнимъ понятіямъ и это могло быть крамолой.

Великій князь Василій Васильевичъ мыслитъ и дѣйствуетъ точь въ точь, какъ и великій князь Борисъ Александровичъ тверской. Несмотря на то, что послѣдній былъ поручителемъ въ договорѣ великаго князя съ можайскимъ, былъ женатъ на его сестрѣ, онъ послѣ его бѣгства заключилъ съ московскимъ княземъ договоръ, по которому принялъ на себя слѣдующее обязательство: «А што отъ тебе отступилъ князь Иванъ Можайской, да княжъ Дмитріевъ сынъ Шемякинъ князь Иванъ, или который ти иный братъ згрубитъ: и мнѣ ко собѣ ихъ не принимати». Тверской князь обязуется быть за одинъ съ московскимъ на такихъ непочтительныхъ братьевъ. Соотвѣтственное обязательство принялъ на себя и московскій князь [2]). Что-же значитъ сгрубить? И подъ это неуловимое понятіе можно подвести всякій непріятный поступокъ. Въ данномъ случаѣ грубостью названо отступленіе отъ союза съ Москвою двухъ удѣльныхъ князей. Тверской и московскій князья на «отступленіе» удѣльныхъ князей смотрятъ, значитъ, какъ на отъѣздъ своихъ слугъ. Оба они по-прежнему цѣлуютъ крестъ при заключеніи договоровъ съ удѣльными князьями, но не признаютъ за ними права на расторженіе договора, называя это грубостью.

Великій князь Василій Васильевичъ съ успѣхомъ устранилъ неудобныхъ соперниковъ. По поводу его подвиговъ позднѣйшій бытоописатель замѣтилъ: «И тогда въ державныхъ, иже въ рустѣй земли, упразнися вcovered крамола и враждованіе и оттолѣ юнніи князи къ старѣйшимъ быша послушливы, а

---

[1]) П. С. Л., VI, 181; VIII, 147; Ник., V, 284; Татищ., IV, 589.
[2]) С. Г. и Д., I, стр. 172 и 174.

вящшіи Богомъ укрѣпляеми, славою и честію вѣнчающеся, державствующе, а рогъ царствія ихъ возвышашеся [1]).

Но если таковы были успѣхи Василія Темнаго, если и при немъ суверенитетъ владѣтельныхъ князей былъ совершенно подорванъ, то, конечно, его преемники не только сохранили добытые въ этомъ направленіи результаты, но еще болѣе рѣзко проводили ихъ въ жизнь.

Великій князь Иванъ Васильевичъ съ грустью вспоминалъ въ 1496 г. о неустроеніяхъ, какія были при его отцѣ и у него съ братьями. Въ этихъ неустроеніяхъ онъ, конечно, винилъ своихъ братьевъ. А братья жалуются на великаго князя, что онъ чинитъ надъ ними силу, обращается съ ними хуже чѣмъ съ боярами и все это дѣлаетъ вопреки завѣщанію отца и заключеннымъ договорамъ. Въ 1479 г. Андрей Васильевичъ князь углицкій и Борисъ Васильевичъ волоцкій указали, какія именно обиды причинилъ имъ великій князь: онъ не подѣлился съ ними удѣломъ умершаго брата Юрія, не выдалъ имъ жеребья изъ новгородскихъ владѣній, хотя вмѣстѣ съ ними взялъ Новгородъ, и, наконецъ, не позволяетъ никому изъ своихъ слугъ отъѣзжать въ удѣлы. Князья Андрей и Борисъ, не желая сносить дальнѣйшихъ обидъ, покинули свои удѣлы и пошли къ литовскому рубежу. Они вступили, однако, въ переговоры съ великимъ княземъ, который посылалъ за братьями архіепископа Вассіана Рыло, и въ то-же время завели сношенія съ королемъ: они били челомъ королю, чтобы «ихъ управилъ въ ихъ обидахъ съ великимъ княземъ и помогалъ», на что король и согласился. Великій-же князь снова посылалъ къ братьямъ пословъ, приглашая ихъ вернуться въ отчины и обѣщая во всемъ жаловать, причемъ сулилъ князю Андрею Калугу и Алексинъ. Братья, однако, на это не согласились, требуя, очевидно, большихъ территоріальныхъ уступокъ. Современникъ, описывая эти событія, поступокъ братьевъ великаго князя называетъ отступленіемъ, а ихъ упорство—высокомысліемъ [2]); про Ивана-же Васильевича онъ замѣчаетъ, что великій князь «оправдався передъ ними и положи на Бога упованіе». Такая мягкость со стороны покорителя Новгорода можетъ показаться съ перваго взгляда очень странной. Дѣло объясняется, однако, очень просто: великій князь не принялъ противъ братьевъ никакихъ энергическихъ мѣръ потому, что въ то время шелъ слухъ о нахожденіи на Русь безбожнаго царя [3]). Этимъ обстоятельствомъ и спѣшили воспользоваться братья. Когда вели-

---

[1]) Степен. кн., II, 24.

[2]) Братья «отступиша» и «высокомыслиша». П. С. Л., VI, 20; Ник. Лѣт., VI, 110.

[3]) П. С. Л., VI, 222—223; VIII, 204.

кій князь находился въ самомъ критическомъ положеніи, не рѣшаясь вступить въ борьбу съ Ахматомъ, и испытывалъ горькія укоризны духовенства и ропотъ населенія, и даже боялся со стороны гражданъ «злыя мысли пойманія», князья Андрей и Борисъ послали къ брату съ слѣдующимъ предложеніемъ: «аще-ли исправишися къ намъ, а силы надъ нами не начнешь чинити и держати насъ какъ братью свою, и мы ти пріидемъ на помощь». Князь великій согласился на всѣ эти предложенія и дался во всю волю братьевъ [1]). Но они, кажется, опоздали съ своей помощью противъ татаръ: они пришли, когда уже царь Ахматъ удалялся отъ московскихъ предѣловъ [2]). Князь великій, однако, пожаловалъ своихъ братьевъ, принялъ ихъ въ докончанье и далъ князю Андрею Можайскъ, а князю Борису отступился его селъ [3]). Но, какъ видно, великій князь оказался скупъ на пожалованія: теперь ему не грозила никакая опасность. Братья-же не осмѣлились возражать. Такъ кончилось непріятная размолвка. Въ 1486 г. князю Андрею Большому «скоромолилъ» его бояринъ на великаго князя, будто онъ хочетъ поймать князя Андрея. Князь Андрей хотѣлъ тайно убѣжать изъ Москвы, «едва мысль его отвратися». Онъ объяснился съ великимъ княземъ, который «клялся ему небомъ и землею и Богомъ сильнымъ, Творцомъ всей твари, что и въ мысли у него того не бывало, даже велѣлъ разслѣдовать дѣло и наказалъ смутчиковъ [4]). Кажется, князь Андрей могъ успокоиться послѣ такой страшной клятвы. Но въ 1491 г. великій князь сложилъ крестное цѣлованіе брату Андрею за его измѣну, какъ сказано въ лѣтописи. Какую-же измѣну затѣялъ удѣльный князь? Иванъ Васильевичъ подробно это объяснилъ. Князь Андрей измѣнилъ крестное цѣлованіе, думалъ на великаго князя съ братьями Юріемъ, Борисомъ и Андреемъ и заключилъ съ ними договоръ, чтобъ стоять заодно на старѣйшаго брата; посылалъ грамоты къ королю Казимиру, одиначася съ нимъ на великаго князя, да и самъ съ братомъ Борисомъ отъѣзжалъ отъ великаго князя; сносился съ царемъ Ахматомъ, приводя его на русскую землю ратію, и, наконецъ, не прислалъ на помощь великому князю противъ ордынскаго царя ни воеводы своего, ни своей силы. За всѣ эти измѣны Иванъ Васильевичъ велѣлъ поймать князя Андрея и посадить

---

[1]) Тамъ-же, VI, 231.

[2]) Ср. П. С. Л., IV, 253, и VI, 231.

[3]) Тамъ-же, IV, 134 и 154; VIII, 213; С. Г. и Д., I; №№ 106 и 110; ср. VI, 232: «И пріѣхаша къ нему братья его, онъ же смирися съ ними; и дасть князю Ондрею Можаескъ, а князю Борису села Ярославичевы всѣ дѣлярные».

[4]) П. С. Л., VI, 238; VIII., 217—218.

скованнаго на казенномъ дворѣ въ Москвѣ, а за дѣтьми его послалъ въ тотъ-же день въ Угличъ и приказалъ заключить ихъ въ Переяславлѣ» [1]). Изъ этого перечня видно, что всѣ эти дѣйствительныя или мнимыя измѣны, кромѣ послѣдней, очень давнія [2]). Послѣ того Иванъ III два раза заключалъ мирные договоры съ княземъ Андреемъ, въ 1481 и 1486 гг., а кромѣ того въ томъ-же 1486 г. принесъ ему такую страшную клятву. Теперь-же великій не извинилъ удѣльнаго за то, что тотъ ослушался велѣнія великаго князя, не послалъ своего воеводы противъ ордынскихъ царей. Избавившись отъ болѣе опасныхъ враговъ, великій князь поступаетъ энергичнѣе и съ удѣльными князьями, которые недостаточно честно и грозно держали великое княженіе. Такое обращеніе его съ братьями вызвало понятное негодованіе со стороны литовскаго князя, который, сообщая крымскому хану про Ивана III, «каковоѣ онъ высокоѣ мысли есть», въ подтвержденіе этого привелъ его обращеніе съ братьями: «а онъ что и братьи своей рожоной подѣлалъ, таможъ черезъ присягу свою, какою ихъ смертью уморилъ» [3]).

Слѣдующій фактъ указываетъ, какіе взгляды на отношеніе удѣльныхъ князей къ великому князю успѣли проникнуть въ среду правящихъ классовъ въ самомъ началѣ XVI в. Сынъ волоцкаго князя Бориса Васильевича Иванъ, тяжко заболѣвъ, велѣлъ отвезти себя въ монастырь къ Іосифу, который былъ его крестнымъ отцомъ. Его бояре, узнавъ объ этомъ, рѣшили между собой, «дабы князю не дати воли». Въ этомъ столкновеніи боярскаго совѣта съ княземъ бояре сочли необходимымъ обратиться къ великому князю и «возвѣстиша сія державному». «И державный повелѣ волѣ его быти», но только приказалъ не постригать князя Ивана въ монахи вслѣдствіе его юности [4]). Въ затруднительномъ случаѣ боярская дума удѣльнаго князя обращается къ великому князю, который отдаетъ распоряженія, идущія притомъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ думы.

Великій князь Василій Ивановичъ не менѣе сурово обращался съ своими братьями и племянникомъ. Послѣдняго, явившагося невольнымъ его соперникомъ, онъ окованнаго заключилъ въ тѣсную палату, гдѣ тотъ и умеръ [5]). Съ братьями хотя онъ заключалъ

---

[1]) П. С. Л., IV, 160; Никон. Лѣт. VI, 129—130; ср. Архангел. Лѣт., стр. 200.

[2]) П. С. Л., VI, 38. Князь Юрій умеръ въ 1472 г., Андрей Меньшой въ 1481 г.

[3]) А. З. Р., I, № 183; ср. Сборн. Р. И. Общ., т. XLI, стр. 331.

[4]) Житіе препод. Іосифа Волоколамскаго, составл. Саввою Чернымъ, еписк. Крутицкимъ. Изд. Невоструева, стр. 31.

[5]) Арханг. Лѣт., стр. 211; *Карамзинъ*, VII, прим. 2 и 3.

договоры, скрѣпленные взаимнымъ крестнымъ цѣлованіемъ, обѣщая признать за ними полную самостоятельность въ управленіи удѣлами, но въ дѣйствительности эта самостоятельность удѣльныхъ князей была весьма призрачной. Въ виду отсутствія дѣтей у великаго князя особенно опаснымъ представлялся старшій братъ Василія Юрій, на котораго разсчитывали и враги Москвы [1]). Поэтому за нимъ особенно зорко наблюдали изъ Москвы. Къ нему былъ приставленъ особый соглядатай, Ивашка Ягановъ, который служилъ великому князю и что слышалъ о лихѣ и о добрѣ, о томъ сказывалъ государю; а которые дѣти боярскіе князя Юрія Ивановича приказывали съ нимъ къ великому князю великія страшныя смертоносныя дѣла, и Ивашка о тѣхъ дѣлахъ доносилъ государю, а государь за то его ялся жаловать. [2]) Однажды «смущеніемъ злыхъ человѣкъ» великій князь захотѣлъ поймать князя Юрія. Хотя князь Юрій и считалъ себя правымъ [3]), но во избѣжаніе кровопролитія думалъ послѣдовать совѣту своихъ людей, «еже отступити далѣ». По совѣту Іосифа волоцкаго, къ которому за содѣйствіемъ обратился удѣльный князь, онъ, однако, отложилъ свое намѣреніе и сказалъ: «не буду противу государя, но предамся волѣ его: воленъ Богъ да государь! Готовъ есми отъ него вся терпѣти, аще и смерти предастъ мя» [4]). Заступничество Іосифа спасло на этотъ разъ князя Юрія.

Въ 1510 г. вздумалъ бѣжать въ Литву отъ своего брата князь Семенъ Ивановичъ, но былъ предупрежденъ: великій князь, узнавъ объ этомъ, велѣлъ князю Семену явиться въ Москву и хотѣлъ на него положить свою опалу. Князь Семенъ сталъ бить челомъ

---

[1]) Въ 1507 г. король Сигизмундъ тайно наказывалъ князю Юрію Ивановичу: «поразумѣли есмо по тобѣ, братѣ нашемъ, отъ многихъ нашихъ и вашихъ людей, штожъ милостію Божою въ дѣлѣ своемъ (какъ же и слушно есть на тебе на великаго господаря сына) гораздо ся справуешъ и дѣло свое великимъ разумомъ ведешь; и немалые слухи насъ дошли, штожъ многіе князи и бояре, опустивши брата твоего, великаго князя Василія Ивановича, къ тобѣ пристали; и всякую славу добрую о тобѣ, братѣ нашемъ, чуемъ, штожъ намъ вельми вдячно есть.... Ино хочемъ съ тобою, братомъ нашимъ, быти въ любви и крестномъ цѣлованіи, пріятелю твоему быти пріятелемъ, а непріятелю непріятелемъ, и ко всякому твоему дѣлу хочемъ тобѣ помочью нашою готовы быти и къ господарству». А. З. Р., II, № 19.

[2]) А. И., т. I, № 136. Ивашка Ягановъ въ своей челобитной отмѣчаетъ любопытную черту московскаго полицейскаго сыска: великій князь Василій, «какову рѣчь кто ему скажетъ, будетъ сойдетца, и онъ ее ставилъ въ дѣло, а будетъ не сойдется на дѣло, и онъ пущалъ мимо уши; а кто скажетъ, тому пени не чинилъ и суда ему не давалъ въ своемъ дѣлѣ».

[3]) Онъ говорилъ: «мочно ми противу великаго князя правду держати, на чомъ у насъ докончаніе и благословеніе отца нашего».

[4]) Житіе преп. Іосифа волоцкаго, написанное Саввою Крутицкимъ, изд. Невоструева, стр. 53 и слѣд.

государю за свою вину, и государь по печалованію митрополита и владыкъ вины ему отдалъ; однако, бояръ его и дѣтей боярскихъ всѣхъ перемѣнилъ [1].

Около 1520 г. произошло какое-то недоразумѣніе у великаго князя съ братомъ Дмитріемъ: этотъ не исполнилъ какихъ-то требованій государя, не учинилъ управы въ какихъ-то дѣлахъ. Великій князь шлетъ брату назидательное предостереженіе, вычитывая ему, что онъ не только не учинилъ требуемой управы, но прислалъ отвѣтъ не потому, какъ «было пригоже» ему отвѣтъ учинить; а сверхъ того и такого паробка прислалъ, какого не пригоже было посылать къ великому князю. Василій Ивановичъ напоминаетъ брату завѣщаніе отца, какъ тотъ велѣлъ имъ жить, и замѣчаетъ, что онъ съ своей стороны исполняетъ этотъ завѣтъ, никакой нечести и обиды брату своему не учинилъ; князь-же Дмитрій не оказываетъ ему подобающей чести: «ты ко мнѣ такъ отвѣчивалъ и въ грамотѣ еси въ своей къ намъ писалъ: ино, брате, такъ-ли отцу отвѣчиваютъ и въ грамотахъ пишутъ» [2]?

Въ 1523 г., когда у великаго князя осталось въ живыхъ только два брата, Юрій и Андрей, Василій Ивановичъ, горько сѣтуя на неплодство жены, сокрушался при мысли, кто будетъ послѣ него царствовать въ русской землѣ. «Братіи-ли дамъ? говорилъ онъ. Ино братья своихъ удѣловъ не умѣютъ устроивати.» Такого невысокаго мнѣнія былъ онъ о правительственныхъ способностяхъ братьевъ. Однако, можно думать, что не одна неспособность братьевъ играла тутъ роль. Великому князю очень хотѣлось «отъ плода чрева своего посадити на престолѣ своемъ въ наслѣдіе роду своему». Поэтому онъ разрѣшилъ жениться брату Андрею только тогда, когда у него родились двое сыновей отъ второй жены. Раньше онъ не позволялъ братьямъ вступить въ бракъ [3].

Итакъ, великій князь Василій Ивановичъ поступаетъ съ своими братьями, нисколько не стѣсняясь существующими договорами и руководствуясь лишь собственнымъ усмотрѣніемъ, согласно цѣлямъ объединительной политики. Обезпеченная крестнымъ цѣлованіемъ независимость владѣтельнаго князя на практикѣ не имѣетъ никакого значенія. Великій князь требуетъ отъ удѣльныхъ такого уваженія и послушанія къ себѣ, какое приличествуетъ отцу; при малѣйшемъ подозрѣніи мѣняетъ у нихъ слугъ и даже вмѣшивается

---

[1]) П. С. Л., VI, 251; VIII, 252; Никон. Лѣт., VI, 189.
[2]) А. И., т. I, № 291.
[3]) *Карамзинъ*, VII, стр. 96—97; *Соловьевъ*, V, изд. 5, стр. 377—378; *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*, II, стр. 174.

въ ихъ семейныя дѣла, запрещая и давая разрѣшенія на вступленіе въ бракъ.

Такая политика московскихъ объединителей въ отношеніи владѣтельныхъ князей находитъ полную поддержку со стороны публицистовъ того времени. Политическіе взгляды митр. Іоны на отношенія удѣльныхъ князей къ великимъ нашли очень ревностныхъ послѣдователей и имѣли очень широкое распространеніе. Авторитетъ суроваго волоцкаго игумена Іосифа служитъ достаточной порукой въ томъ, что его мнѣнія раздѣлялись значительнѣйшею частью образованнаго общества того времени; къ нимъ прислушивалось и ими руководилось и московское правительство.

Въ 1507 г. Іосифъ съ братіею били челомъ великому князю о принятіи ихъ монастыря въ его державу, такъ какъ монастырь терпѣлъ большія насилія отъ удѣльнаго волоцкаго князя Θедора Борисовича. Василій Ивановичъ исполнилъ просьбу старцевъ [1]). Тогда на Іосифа поднялъ вражду волоцкій князь, а по его подстрекательству и новгородскій архіепископъ Серапіонъ, который отлучилъ Іосифа за самовольный переходъ, вопреки церковнымъ правиламъ, изъ новгородской архіепископіи. Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ Іосифу, что если онъ отдалъ свой монастырь въ великое государство, «ино де отступилъ отъ небеснаго, а пришелъ земному». Но Іосифъ успѣлъ сообщить въ Москву, что Серапіонъ «учинилъ Волокъ небомъ, а Москву землею, а князя Θедора волоцкаго небеснымъ, а великаго князя московскаго земнымъ» [2]). Серапіона вызвали на судъ въ Москву, и здѣсь самъ великій князь спрашивалъ обвиняемаго: «ино то еси нарекъ князя Θедора небеснымъ, а меня земнымъ; ино язъ земной, то и есть; то намъ скажи, почему ты князя Θедора назвалъ небеснымъ, да о томъ намъ положи свидѣтельство отъ божественныхъ правилъ» [3]). По словамъ Іосифа, архіепископъ будто-бы не могъ ничего на это отвѣтить. Вѣроятнѣе, что онъ сказалъ что-нибудь непріятное великому князю и членамъ собора, такъ какъ придерживался правила «не боятися въ правдѣ великаго князя ни множества народа», основываясь на словахъ писанія: «правдою предъ цари не стыдяхся и глаголахъ» [4]). Онъ былъ осужденъ на соборѣ и сосланъ въ Андрониковъ монастырь. Вся эта исторія надѣлала много шума. Даже сторонники Іосифа совѣтовали ему извиниться передъ архіепископомъ, замять дѣло. Но Іосифъ остался непреклоненъ. Въ длинныхъ посланіяхъ

[1]) П. С. Л., VI, 249.
[2]) Вивліоѳ., XIV, стр. 192.
[3]) Тамъ-же, 195.
[4]) Памятн. стар. русск. литер. вып., IV, стр. 210—212.

къ своимъ благожелателямъ, Ивану Ивановичу Третьякову и Борису Васильевичу Кутузову [1]), онъ оправдываетъ свои дѣйствія какъ съ точки зрѣнія исторической, такъ и на основаніи церковныхъ правилъ. По утвержденію Іосифа, ни въ лѣтописцахъ, ни въ обычаяхъ земскихъ не считается безчиніемъ бить челомъ «государю большому» объ охранѣ монастыря [2]). Согласно божественному писанію пастыри церкви даже до смерти подвизались о церковныхъ обидахъ, «кому мощно бѣ», и приходили отъ меньшихъ царей и князей къ большимъ царямъ и князьямъ, «а большіе вступалися въ вотчину меньшихъ князей, а монастыри и церкви боронили» [3]). Примѣру такихъ пастырей и послѣдовалъ Іосифъ. «И язъ, говоритъ онъ, билъ челомъ тому государю, который не точію князю Θеодору Борисовичу, да архіеп. Серапіону, да всѣмъ намъ общій государь, — ино всеа рускіа земля государемъ государь, котораго Господь Богъ устроилъ въ свое мѣсто и посадилъ на царскомъ престолѣ, и судъ и милость предасть ему и церковное и монастырское и всего православнаго христіанства всея русскія земля власть и попеченіе вручилъ ему. И чтобы язъ иному государю билъ челомъ, ино-бы то язъ не гораздо учинилъ. И язъ того ради такого государя нашелъ, котораго судъ не посужается [4]).

Итакъ великій государь всея Руси, по мнѣнію Іосифа, былъ не только государемъ надъ своими подданными (общій намъ государь), но и надъ удѣльными и надъ всѣми государями русской земли. Можно бы подумать, что въ данномъ случаѣ Іосифъ проповѣдывалъ такія идеи въ личныхъ интересахъ, въ увлеченіи полемикой. Но вотъ его другое посланіе къ «благовѣрному имркъ», написанное при самыхъ спокойныхъ условіяхъ: этотъ благовѣрный [5]) просилъ прислать ему «полезная поученія». Хотя все посланіе составлено въ подобострастномъ тонѣ, хотя авторъ говоритъ о государяхъ великихъ самодержцахъ земскихъ, поддерживаетъ «царское остроуміе» благовѣрнаго князя, но все же преподаетъ ему такой совѣтъ: «отъ сердца воздавать любовь богодарованному царю нашему, воздающе ему должная покоренія и послушанія и благодареніе, и работающе ему по всей воли его и

---

[1]) Первое находится въ Сборн. Публ. Библ., Q. I, № 214. л. 525 об., и Q. XVII, № 64, л. 221 об.; второе напечатано въ Вивліоѳ., XIV, стр. 177.

[2]) Пам. стар. русск. литер., вып. IV, 208—209.

[3]) Вивл., XIV, 177; Сборн., Q. XVII, № 64, л. 230 об.

[4]) Сб. Q. XVII, № 64, л. 231 об.

[5]) *П. Хрущовъ*, Сочиненія Іосифа Санина, стр. 94—96, дѣлаетъ вѣроятную догадку, что это посланіе писано къ князю Юрію.

повелѣнію его, яко Господеви работающе, а не человѣкомъ»[1]). Іосифъ не ограничился только такими чисто теоретическими совѣтами. Въ указанномъ столкновеніи великаго князя Василія Ивановича съ княземъ Юріемъ Ивановичемъ онъ далъ удѣльному князю слѣдующій совѣтъ: «азъ ти не велю державному брату своему противиться, ни паки мало совѣтъ даю, еже отступити далѣ: аще рече, отступиши, той-же крови лтися, а на тебѣ будетъ слава въ вѣки измѣнная». Въ заключеніе онъ указалъ такой исходъ изъ затруднительнаго положенія: «преклони съ извѣщеніемъ главу свою предъ помазанникомъ Божіимъ и покорися ему: вѣрую Господу Богу, яко извѣститъ сердцу его правду твою» [2]).

Отсюда видно, насколько опредѣленно сложились идеи о политическомъ объединеніи въ средѣ партіи іосифлянъ. Удѣльный князь долженъ, не смотря ни на какіе договоры, воздавать великому князю покореніе и послушаніе, работать на него по его приказу. Если-бы при этомъ возникло какое-либо недоразумѣніе между ними, то удѣльный князь, не смотря на свою правоту, долженъ бить челомъ о помилованіи, отдаваясь во всемъ на волю и милость своего государя. Великій князь единственный ничѣмъ неограниченный, кромѣ божескихъ правилъ, судья поступковъ и дѣлъ удѣльнаго князя. Только его судъ не посужается никѣмъ, кромѣ Бога; судъ удѣльнаго князя, значитъ, можетъ быть посуженъ, т. е. отмѣненъ. При всей своей правотѣ удѣльный князь не можетъ отступить отъ великаго князя; онъ вѣчный подданный своего государя и за отступленіе клеймится позоромъ измѣнника. Насколько популярны были въ XVI в. указанныя идеи Іосифа волоцкаго, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что именемъ «преподобнаго отца нашего Іосифа Волока Ламскаго новаго чудотворца Осипова монастыря» воспользовался неизвѣстный авторъ извѣта московскимъ великимъ князьямъ «како имъ одолѣти удѣлнихъ великихъ русскихъ князей и попрати враговъ своихъ, и соединити во благоденство подъ себя вся русская земля и распространити всюду и всюду» [3]). Авторитетное имя Іосифа представлялось автору наиболѣе пригоднымъ для приданія цѣнности своему памфлету объ искорененіи удѣльныхъ князей.

Эти идеи не только были хорошо знакомы великому князю

[1]) Памятн. стар. русск. литер., IV, 192. Подобныя наставленія давались и воеводамъ; см. посланіе Сильвестра къ князю Александру Борисовичу Горбатому-Шуйскому, гдѣ дословно повторяются цитированныя слова Іосифа. Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія, стр. 96.

[2]) Житіе Іосифа, написанное Саввою Крутицкимъ, изд. Невоструева, 53—56.

[3]) Опис. ркп. Синод. Библ., отд. II, № 171, стр. 464.

всея Руси, но несомнѣнно и раздѣлялись имъ: Василій Ивановичъ очень уважалъ волоцкаго игумена и послѣ его смерти сохранилъ почтеніе къ его памяти и любовь къ его монастырю. Его политика съ удѣльными князьями указываетъ, какія воззрѣнія на нихъ онъ воспиталъ въ себѣ. Зачѣмъ-же онъ заключалъ съ ними договоры о взаимныхъ отношеніяхъ, зачѣмъ цѣловалъ къ нимъ крестъ? Здѣсь наблюдается одно изъ тѣхъ противорѣчій, на которыя уже указано выше. Какъ Иванъ III не рѣшился уничтожить удѣльный порядокъ, хотя хорошо созналъ весь его вредъ, такъ и сынъ его продолжаетъ опредѣлять свои отношенія къ удѣльнымъ князьямъ по договору, хотя въ дѣйствительности руководствуется исключительно собственнымъ усмотрѣніемъ. Нормы договорнаго права намного лѣтъ пережили тѣ отношенія, которыя должны были нормировать.

Высказано мнѣніе, что первая попытка поставить отношенія удѣльныхъ князей къ великому на новыхъ началахъ, недоговорныхъ, принадлежитъ боярамъ, которые, будучи злѣйшими врагами правъ владѣтельныхъ князей, въ 1534 и 1537 гг. взяли односторонния записи съ удѣльныхъ князей Юрія и Андрея Ивановичей, а сами къ нимъ за великаго князя креста не цѣловали [1]). Обстоятельства, при которыхъ произошли указанныя событія, были въ значительной степени исключительными. Въ нихъ выдающуюся роль играютъ отнюдь не одни бояре. Умирающій великій князь Василій Ивановичъ приказалъ сыновей и жену прежде всего митр. Даніилу, а затѣмъ уже боярамъ [2]); потомъ онъ убѣждалъ братьевъ помнить свое слово, «на чемъ мы крестъ цѣловали», а бояръ просилъ поберечь подъ сыномъ Иваномъ его государства отъ бесерменства и отъ латынства и «отъ своихъ сильныхъ людей». Кто-же взялъ одностороннюю запись съ князей Юрія и Андрея? Въ наиболѣе подробномъ описаніи послѣднихъ минутъ жизни великаго князя инициатива въ этомъ дѣлѣ приписывается митр. Даніилу. Сейчасъ-же послѣ смерти великаго князя онъ отвелъ его братьевъ въ переднюю избу и привелъ ихъ ко кресту, а потомъ бояръ и дѣтей боярскихъ [3]). По другому извѣстію, бояре межъ себя крестъ цѣловали

---

[1]) *Проф. В. И. Сергѣевичъ*, Лекціи, стр. 266—267.

[2]) П. С. Л., VI, 270, и Царств. кн., стр. 15; П. С. Л., VIII, 285, и Никон. Лѣт., VI, 260.

[3]) П. С. Л., IV, 275: «Тогда же Даніилъ митр. в з е м ъ б р а т і ю в е л и к а г о к н я з я, князя Юрія и князя Андрея Ивановичевъ, в ъ п е р е д н ю ю и з б у, и п р и в е д е и х ъ ко крестному цѣлованію на томъ, что имъ служити великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери великой княгинѣ Еленѣ; а жити имъ на своихъ удѣлѣхъ, а стояти имъ въ правдѣ, на чемъ цѣловали крестъ великому князю Василью Ивановичу и

о прямой службѣ великому князю Ивану, «да и братію его князя Юрія и князя Андрея часа того привели къ цѣлованью предъ отцомъ ихъ Даниломъ митрополитомъ» [1]). Изъ этихъ двухъ извѣстій первое представляется болѣе вѣроятнымъ не только по обстоятельности разсказа, но еще и потому, что митр. Даніилъ, какъ главный душеприкащикъ, долженъ былъ прежде другихъ озаботиться о принесеніи присяги на вѣрность юному великому князю. Онъ, конечно, приводилъ къ присягѣ удѣльныхъ князей въ присутствіи бояръ. Отсюда и возникла вторая версія разсказа, что ко кресту приводили бояре [2]). Митр. Даніилъ, оказавшій такъ много политическихъ услугъ великому князю Василію, достойный ученикъ и горячій послѣдователь Іосифа волоцкаго. Безспорно, онъ раздѣлялъ его мнѣнія и объ отношеніяхъ удѣльныхъ князей къ великому. Въ 1537 г., когда князя Андрея усиленно приглашали въ Москву, митрополитъ отправилъ къ нему своего посла и велѣлъ уговаривать князя, чтобы тотъ оставилъ лихія мысли, остался бы во всемъ благопокоренъ и послушенъ великому государю, какъ обѣщался и крестъ цѣловалъ, припомнилъ-бы писаніе, повелѣвающее началамъ и властямъ повиноваться и покоряться; въ заключеніе митрополитъ обѣщалъ взять его на свою отвѣтственность, а въ случаѣ упорства велѣлъ его, какъ непослушнаго и непокорнаго, предать отлученію и проклятію [3]). Эта инструкція почти цѣликомъ воспроизводитъ наставленія, преподанныя Іосифомъ волоцкимъ князю Юрію Ивановичу.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что одностороннія записи удѣльныхъ князей Юрія и Андрея вовсе не означаютъ радикальнаго поворота въ исторіи отношеній удѣльныхъ князей къ великимъ. Если даже и предположить, что при взятіи записей имѣлось въ виду поставить удѣльныхъ князей въ новыя недоговорныя отношенія къ московскому правительству, то это послѣднее скоро само отступило отъ новыхъ началъ. Когда вызываемый въ Москву князь Андрей хлопоталъ о томъ, чтобы учинить утверженье, то великій князь и его мать «дали крѣпкое свое слово», что у нихъ на него «лиха на сердце нѣтъ», и приказали «крестъ цѣловати бояриму

крѣпости промежу ими съ великимъ княземъ Васильемъ, а государства имъ подъ великимъ княземъ Иваномъ не хотѣти» и проч. Тоже Царств. кн., стр. 31.

[1]) П. С. Л., VIII, 285—286; Никон. Лѣт., VI, 260—261; VII, 1. И дьякъ князя Юрія указываетъ на то, что бояре князя Юрія приводили заперши къ цѣлованья. Тамъ-же.

[2]) Однако, и въ ней указывается, что присяга приносилась предъ митр. Даніиломъ.

[3]) С. Г. и Д., II, № 32; А. И., т. I, № 139.

своему И. В. Шуйскому, да дворецкому своему тверскому И. Ю. Поджегину, да дьяку своему Меншому Путятину на томъ, что у насъ на него мнѣнья никотораго нѣтъ». Князь Андрей еще во второй разъ выпросилъ такое утверженье послѣ своего бѣгства у князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенскаго, посланнаго преслѣдовать бѣжавшаго князя. Не имѣя никакихъ полномочій, князь Овчина согласился дать правду князю Андрею, и они межъ себя крестъ цѣловали на томъ, что князю Андрею служити государю великому князю вѣрою и правдою, а государь его жалуетъ, какъ ему Богъ положитъ на сердцѣ [1]). Итакъ, князь Андрей успѣлъ получить двукратное подтвержденіе подъ крестнымъ цѣлованіемъ правъ на личную безопасность. Это была, правда, боярская присяга за государя: самъ государь креста не цѣловалъ. Но братья Юрій и Андрей еще въ 1534 г. добивались лишь боярской правды за великаго князя [2]).

Въ односторонней записи князя Андрея Ивановича сказано, что если онъ не учнетъ правити по сей записи, то «сбудется по тому, какъ отецъ нашъ... писалъ въ своей духовной грамотѣ». А въ этой духовной грамотѣ написано: «который мой сынъ не учнетъ сына моего Василья слушати во всемъ... ино не буди на немъ милости Божіей» [3]). Основываясь исключительно на этой формулѣ, можно бы подумать, что удѣльный князь и при уничтоженіи договорныхъ отношеній къ великому князю не допускаетъ надъ собой никакого инаго суда, кромѣ Божія. Но и здѣсь также, какъ и въ послѣднихъ договорахъ [4]), это лишь обычная формула, не имѣющая никакого реальнаго значенія. По договору съ великимъ княземъ князь Юрій Ивановичъ не признаетъ надъ собой никакого земнаго суда; а на практикѣ онъ готовъ былъ подчиниться, хотя и невольно, суду великаго князя. «Не буду противу государя, говорилъ князь Юрій, но предамся волѣ его: воленъ Богъ да Государь! готовъ есми отъ него вся терпѣти, аще и смерти предастъ мя [5]).» Также поступаетъ и князь Андрей. Не рѣшаясь явиться по вызову въ Москву, не смотря на данную ему правду и обезпеченіе со стороны митрополита, и ссылаясь на то, что прежде

---

[1]) С. Г. и Д., II, №№ 30 и 31; П. С. Л., VI, 302; VIII, 294.

[2]) П. С. Л., VIII, 286: «князя Юрья бояре привели заперши къ цѣлованью, а сами ему за великаго князя правды не дали; ино то какое цѣлованье? то невольное цѣлованье».

[3]) С. Г. и Д., I, №№ 163 и 144.

[4]) См. С. Г. и Д., I, № 160.

[5]) Житіе Іосифа волоцкаго, написанное Саввою Крутицкимъ, стр. 53 и слѣд.

того не бывало, чтобы ихъ къ государю на носилкахъ волочили, князь Андрей называетъ себя холопомъ великаго государя и проситъ великаго князя «огрѣть сердце и животъ холопу своему своимъ жалованьемъ», какъ Богъ на сердце государю положитъ [1]).

Отдаваясь вполнѣ на волю государя, готовясь претерпѣть отъ него все и надѣясь лишь на его жалованье, назвавъ, наконецъ, себя холопами великаго князя, удѣльные князья сами признали указанное имъ мѣсто въ ряду слугъ московскаго государя.

[1]) С. Г. и Д., I, № 30.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ВАЖНѢЙШІЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
6	13 сверху	тотъ	то тъ
—	1 снизу	4) см. ниже, глава VI	*Подлежитъ исключенію*
9	4 снизу	сомпѣнія	сомнѣнія
—	3 »	эта-же	эти-же
—	1 »	см. ниже, гл. VI	*Подлежитъ исключенію*
12	11 сверху	вѣки	вѣка
15	7 »	Полеогу	Полеологу
16	13 »	Слятославичъ	Святославичъ
21	10 »	нетолько	не только
22	2 »	великаго князя	великаго царя
26	3 снизу	Павла	Петра
27	— »	Побрав. Сесѣд.	Прав. Собесѣдн.
30	13 »	нхъ	изъ
32	20 сверху	иихъ	нихъ
35	8 »	распреленія	распредѣленія
44	13 »	поставляеть	поставляеть
48	8 снизу	Розекампфъ	Розенкампфъ
—	2 »	Калачевъ	Калачовъ
52	1 »	главахъ VII и VIII	главахъ V и VI
59	6 »	пако	како
68	13 сверху	вышеприведенномъ	извѣстномъ
83	21 »	Казиміръ	Казимиръ
89	9 снизу	подчиненіямъ	подчиненіемъ
—	6 »	къ Византій	къ Византіи
95	17 сверху	прешитъ	претитъ
98	1 »	поселенія	посланія
—	7 снизу	л. 202 об.—20 гол.	л. 202 об.—203
99	4 сверху	человѣкамъ	человѣкомъ
103	1 »	обсолютизма	абсолютизма
111	4 снизу	3) Объ этомъ см. ниже, гл. VII	*Подлежитъ исключенію*
117	19 сверху	въ проведеніе	въ проведеніи
119	14 »	великій	великій князь
120	2 »	Евфиміемъ	Евѳиміемъ

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
120	15 снизу	митропопитъ	митрополитъ
128	11 »	пана	папа
131	16 »	объяснятъ	объясняетъ
134	22 сверху	въ умахъ	во взглядахъ
137	23 »	пепоколебимомъ	непоколебимомъ
138	16 »	обязаняостяхъ	обязанностяхъ
145	— »	Батарій	Баторій
146	10 снизу	прераготивахъ	прерогативахъ
151	5 сверху	сносится	сноситься
—	17 снизу	воску	воскъ
152	18 сверху	своею	свою
153	17 »	стороона	сторона
156	4 снизу	прировненіе	приравненіе
164	2 сверху	мативируя	мотивируя
—	4 »	могло	могли
169	10 снизу	называетъ	называетъ
176	19 »	въ неже	въ немъ же
178	17 сверху	къ крайнему среду	къ крайнему средству
183	8 снизу	по городамъ	по городомъ
184	14 сверху	терялъ т. е.	т. е. терялъ въ
—	17 снизу	Апдрея	Андрея
—	11 »	неудовольсчвіе	неудовольствіе
185	1 сверху	не имѣли	не имѣла
186	8 снизу	договарившихся	договорившихся
187	5 »	докончали	докончали
207	6 сверху	не начнешь	не почнешь